

ДЕМИС

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DEMIS. DEMOGRAPHIC RESEARCH

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

2026. ТОМ 6. № 3

ДЕМИС. Демографические исследования.

2026. Том 6. № 3

DEMIS. Demographic Research.

2026. Vol. 6. No. 3

Научный рецензируемый журнал

Издается с 2021 г.

Периодичность: 4 раза в год

Журнал открытого доступа

DOI 10.19181/demis.2026.6.3

EDN FHIULP

Peer-reviewed scientific journal

Founded in 2021

Publication frequency: quarterly

Open access

DOI 10.19181/demis.2026.6.3

EDN FHIULP

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

Издатель: Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Founder: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Publisher: Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС77-83138 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 апреля 2022 г.

Media registration certificate

El No. FS77-83138 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on April 26, 2022

Главный редактор: С. В. Рязанцев

Editor-in-Chief: S. V. Ryazantsev

Доступ к контенту журнала бесплатный

Плата за публикацию с авторов не взимается

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Free access

Authors are not charged for publication

Content licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации:
<https://www.demis-journal.ru>

All issues of the journal are posted in the public domain on the official website of the journal from the moment of publication:
<https://www.demis-journal.ru>

ISSN печатной версии: 2782-2303

ISSN электронной версии: 2782-229X

ISSN print: 2782-2303

ISSN online: 2782-229X

Редакционная коллегия научного журнала

Рязанцев Сергей Васильевич, главный редактор, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Моисеева Евгения Михайловна, заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аббаси-Шавазы Мохаммад Джалал, доктор PhD, профессор, Университет Тегерана, Тегеран, Иран

Андропова Инна Витальевна, доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Безвербный Вадим Александрович, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Воробьева Ольга Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Гаврилова Наталья Сергеевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Центр по проблемам старения населения, Университет Чикаго, Чикаго, США

Гейгер Мартин, доктор PhD, доцент, Карлтонский Университет, Оттава, Канада

Гусаков Николай Павлович, доктор экономических наук, действительный член РАЕН, профессор, кафедра международных экономических отношений, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

До Кармо Роберто Луиз, доктор PhD, профессор, заместитель директора, Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия

Жуков Василий Иванович, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт государства и права РАН, Москва, Россия

Иванова Алла Ефимовна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Инглис Кристине Бренда, доктор PhD, профессор, Университет Сиднея, Сидней, Австралия

Карачай Айсем Бириз, доктор PhD, доцент, Стамбульский университет коммерции, Стамбул, Турция

Ким Сейонджин, доктор PhD, профессор, Женский университет Дуксун, Сеул, Республика Корея

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, Кыргызско-Российский славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызстан

Леденева Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Лукьянец Артем Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Мартин Филип, доктор PhD, профессор, Калифорнийский университет в Дейвисе, Дейвис, США

Марушиакова-Попова Елена Андреевна, доктор PhD, доцент, Институт этнологии и фолклора Болгарской академии наук, София, Болгария

Молодикова Ирина Николаевна, кандидат географических наук, исследователь, Международная сеть исследований в области миграции, Льежский университет, Льеж, Бельгия

Охаси Кэнити, магистр социологии, профессор, университет Рикке, Токио, Япония

Пизарро Синтия Александра, доктор PhD, профессор, Университет Буэнос-Айреса, Буэнос-Айрес, Аргентина

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, директор, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Рубинская Этери Девисовна, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

Хорие Норико, доктор PhD, профессор, директор Центра дальневосточных исследований, Университет Токая, Токая, Япония

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент, кафедра экономико-математического моделирования, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Шенк Каресс, доктор PhD, доцент, Назарбаев Университет, Нур-Султан, Казахстан

Editorial Board

- Sergey V. Ryazantsev**, Editor-in-Chief, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Evgeniya M. Moiseeva**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Mohammad Jalal Abbasi-Shawazi**, PhD, Professor, University of Tehran, Tehran, Iran
- Inna V. Andronova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Dean, Faculty of Economics, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
- Vadim A. Bezverbny**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Olga D. Vorobyova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Natalia S. Gavrilova**, PhD, Senior Research Associate, Center on the Demography and Economics of Aging, University of Chicago, Chicago, USA
- Martin Geiger**, PhD, Associate Professor, Carleton University, Ottawa, Canada
- Nikolay P. Gusakov**, Doctor of Economics, Full Member, Russian Academy of Natural Sciences, Professor, Department of International Economic Relations, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
- Roberto Luiz Do Carmo**, PhD, Professor, Deputy Director, University of Campinas, Campinas, Brazil
- Vasilii I. Zhukov**, Member of the RAS, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of State and Law of the RAS, Moscow, Russia
- Alla E. Ivanova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Kristine Brenda Inglis**, PhD, Professor, University of Sydney, Sydney, Australia
- Aisem Biriz Karachay**, PhD, Assistant Professor, Istanbul University of Commerce, Istanbul, Turkey
- Seongjin Kim**, PhD, Professor, Women's University Duxun, Seoul, Republic of Korea
- Ainura A. Kocherbaeva**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan
- Victoria Y. Ledeneva**, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Artem S. Lukyanets**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Deputy Director, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Philip Martin**, PhD, Professor, University of California, Davis, USA
- Elena A. Marushiakova-Popova**, PhD, Associate Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
- Irina N. Molodikova**, PhD, Researcher, International Migration Research Network (IMISCOE), University of Liege, Liege, Belgium
- Kenichi Ohashi**, MA in Sociology, Professor, Rikkyo University, Tokyo, Japan
- Cynthia Alexandra Pizarro**, PhD, Professor, University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina
- Elena E. Pismennaya**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
- Tamara K. Rostovskaya**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Eteri D. Rubinskaya**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia
- Norio Horie**, PhD, Professor, Director, Center for Far Eastern Studies, Toyama University, Toyama, Japan
- Marina N. Khramova**, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Department of Economic and Mathematical Modeling, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
- Caress Schenk**, PhD, Assistant Professor, Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИОЛОГИИ

Кашепов А. В. КЛАССИФИКАЦИЯ СТРАН МИРА: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	6
Щитова Н. А., Зольникова Ю. Ф. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «МИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ» С ПОЗИЦИЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ	25
Рязанцев С. В., Вартанова М. Л., Смирнов А. В., Рязанцев Н. С. КОНЦЕПЦИЯ И СТРУКТУРА ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО АТЛАСА РОССИИ	42

СЕМЬЯ И РОЖДАЕМОСТЬ

Реутов Е. В. ПРОБЛЕМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ РОЖДАЕМОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	59
Фадеева Т. А. РОЖДАЕМОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В 2018–2024 ГГ.: СТРУКТУРА, ДИНАМИКА И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ	75
Гурьянова М. П., Храмцов П. И. ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩАЯ ФУНКЦИЯ РОДИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ФАКТОРОВ РИСКА ЗДОРОВЬЮ ДЕТЕЙ	91
Рожкова Л. В., Васильева Е. Н., Дубина А. Ш. БРАЧНЫЕ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СТУДЕНЧЕСКИХ СЕМЕЙ (КЕЙС ПЕНЗЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)	109

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Рязанцев С. В., Письменная Е. Е., Вазиров З. К., Гарибова Ф. М. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА РУССКИХ В РОССИИ	126
Суций С. Я. ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА: ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА	143
Мирязов Т. Р. ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ТОФАЛАРОВ И ЭВЕНКОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ (2002–2021 ГГ.): ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ	162
Павлов Н. М. АГЕНТ-ОРИЕНТИРОВАННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ В ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	178

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

Воробьева О. Д., Сун Сюянь. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И СЕМЕЙНАЯ ПОДДЕРЖКА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ МЕХАНИЗМОВ В КИТАЕ	198
Яник А. А., Попова С. М., Карпова С. Ф. ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ УПРАВЛЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ В РОССИИ В 2000–2025 ГГ.	212
Анге, Смирнов А. В., Лукашенко Е. А. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР	237
Моисеева Е. М. ТРАНСФОРМАЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ (2012–2026 ГГ.)	255

CONTENT

DEMOGRAPHIC AND MIGRATION THEORY

<i>Alexey V. Kashepov.</i> CLASSIFYING COUNTRIES WORLDWIDE: A DEMOGRAPHIC PERSPECTIVE	6
<i>Natalia A. Shchitova, Julia F. Zolnikova.</i> CONCEPTUALISING “MIGRATION POTENTIAL” FROM THE PERSPECTIVE OF GEOGRAPHICAL SCIENCE	25
<i>Sergey V. Ryazantsev, Marina L. Vartanova, Alexey V. Smirnov, Nikita S. Ryazantsev.</i> THE CONCEPT AND STRUCTURE OF THE ETHNODEMOGRAPHIC ATLAS OF RUSSIA	42

FAMILY AND FERTILITY

<i>Evgeniy V. Reutov.</i> PROBLEMS OF FERTILITY INCENTIVES IN CONTEMPORARY RUSSIA	59
<i>Tamara A. Fadeeva.</i> FERTILITY IN RUSSIA'S REGIONS IN 2018–2024: STRUCTURE, DYNAMICS, AND DIFFERENTIATION	75
<i>Marina P. Guryanova, Peter I. Khramtsov.</i> THE HEALTH-PRESERVING FUNCTION OF PARENTS IN THE CONTEXT OF NEW RISK FACTORS FOR CHILDREN'S HEALTH	91
<i>Liliya V. Rozhkova, Ekaterina N. Vasileva, Albina Sh. Dubina.</i> MARITAL AND REPRODUCTIVE ATTITUDES OF YOUNG PEOPLE AS A BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF STUDENT FAMILIES (THE CASE OF PENZA STATE UNIVERSITY)	109

ETHNODEMOGRAPHIC, RELIGIOUS, AND INTEGRATION PROCESSES

<i>Sergey V. Ryazantsev, Elena E. Pismennaya, Zafar K. Vazirov, Farzona M. Garibova.</i> DEMOGRAPHIC DYNAMICS OF RUSSIANS IN RUSSIA	126
<i>Sergey Ya. Suschiy.</i> ETHNODEMOGRAPHIC DYNAMICS OF THE DONBAS POPULATION: MAJOR TRENDS OF THE POST-SOVIET PERIOD	143
<i>Timur R. Miryazov.</i> THE DYNAMICS OF THE NUMBER OF TOFALARS AND EVENKS IN THE IRKUTSK REGION (2002–2021): SPATIAL ANALYSIS	162
<i>Nikita M. Pavlov.</i> AGENT-BASED MODELING OF RELIGIOUS COMMUNITIES: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS OF APPLICATION IN DEMOGRAPHIC RESEARCH	178

DEMOGRAPHIC AND MIGRATION POLICY

<i>Olga D. Vorobyeva, Song Xiuyan.</i> INSTITUTIONAL THEORY AND FAMILY SUPPORT: THE INTERACTION OF STATE POLICY AND INTRA-FAMILY MECHANISMS IN CHINA	198
<i>Andrey A. Yanik, Svetlana M. Popova, Svetlana F. Karpova.</i> FEATURES OF THE FORMATION OF INSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS FOR GOVERNING DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN RUSSIA IN 2000–2025	212
<i>Ange, Alexey V. Smirnov, Elena A. Lukashenko.</i> DEMOGRAPHIC SITUATION AND DEMOGRAPHIC POLICY IN THE PRC	237
<i>Evgeniya M. Moiseeva.</i> TRANSFORMATION OF RUSSIA'S MIGRATION POLICY IN THE CONTEXT OF INTEGRATION PROCESSES AND GEOPOLITICAL TURBULENCE (2012–2025)	255

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИОЛОГИИ

DOI [10.19181/demis.2026.6.3.1](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.1)

EDN [FAJBEG](https://edn.fajbeg.ru)

Научная статья

КЛАССИФИКАЦИЯ СТРАН МИРА: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кашепов А. В.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: avkash@list.ru

Для цитирования: Кашепов, А. В. Классификация стран мира: демографический аспект // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 3. С. 6–24. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.1](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.1). EDN [FAJBEG](https://edn.fajbeg.ru).

Аннотация. Классификация социально-экономических объектов, в том числе стран мира и регионов страны, является традиционным методом пространственного экономического и социологического анализа. В данной статье представлена авторская типология 197 стран мира, которая разработана путем анализа 60 экономических, демографических, социальных показателей, отражающих профиль и уровень развития хозяйственных комплексов стран, образ и качество жизни их населения. Классификация осуществлялась методом кластерного анализа. Основной акцент в научной работе сделан на методологии подбора и анализа статистических показателей демографического развития. Обоснованные в исследовании методические подходы и непосредственный результат – автоматическое разделение стран на 9 групп – могут быть полезны для понимания дифференциации демографических и социально-экономических явлений по территории мира, представления отчетных данных мировой статистики и прогнозов в разбивке по типам стран, для выработки концептуальных суждений и решений в политологии, экономике, страноведении и других областях знаний.

Ключевые слова: страноведение, автоматическая классификация, типология стран мира, глобальные демографические тренды

Введение

Особое место среди методов пространственного анализа в социально-гуманитарных науках занимают типология и классификация, которые позволяют конкретизировать сходства и различия между условиями жизни населения, экономическими ресурсами, демографическими характеристиками, направлениями и перспективами экономического и социального развития стран мира, регионов страны, городов и иных объектов. На базе типологии, классификации, группировки можно решать вопросы прогнозирования и планирования развития объектов, определения или изменения их институционального статуса, принадлежности к крупным территориальным подразделениям внутри страны, блокам и союзам международного уровня. Автор данной статьи исходит из того, что объективная классификация стран или регионов должна разрабатываться на основе, во-первых, максимальной формализации и автоматизации процесса, когда разработчик не отягощен априорными, в том числе идеологизированными представлениями, а вычислительная

система сама решает, к какой группе следует отнести объект. Во-вторых, для объективной классификации требуется комплексный многокритериальный подход, с использованием большого количества статистических показателей – экономических, демографических, социальных.

Обзор литературы и источников

В действующей на момент написания данной работы методологии статистического департамента ООН (UNSD) сформулировано, что в настоящее время «В системе ООН нет определения развивающихся и развитых стран (или районов)»¹. То есть в документах ООН деления стран на «развитые» и «развивающиеся» формально уже нет, но в научной и политической практике оно есть. Параллельно этому ООН выделяет 44 государства в категорию «наименее развитые страны». «Перечень наименее развитых стран определяется экономическим и социальным Советом Организации Объединенных Наций и в конечном счете Генеральной Ассамблеей на основе рекомендаций Комитета по политике в области развития» [1]. ООН также выделяет «развивающиеся страны без выхода к морю», имея в виду, что морской транспорт является основным способом доставки зерна, энергоносителей и других ресурсов для этих стран. К данной категории отнесены 32 страны. В отдельную категорию выделены 53 «малых островных развивающихся государства»². Сходные типологии стран используются МВФ и Всемирным банком.

Классик российской экономической географии В. В. Вольский в 1968 г. дал следующее определение: «Тип страны – объективно сложившийся относительно устойчивый комплекс присущих ей условий и особенностей развития, характеризующий ее роль и место в мировом сообществе на данном этапе всемирной истории» [2]. В 1982 г. Л. В. Смирнягин, В. С. Тикунов, А. С. Фетисов произвели ранжирование 80 развивающихся стран по 30 социально-экономическим показателям. Авторы разрабатывали по каждой из них интегрированный индекс, отражавший соотношение всех этих стран с США по каждому из 30 измерителей, потом делили полученный рейтинг на части (классы) [3, с. 3–15]. Л. В. Смирнягин подчеркивал, что «задача типологии стран мира не только в их ранжировании и районировании (нахождении сходства в группах стран, расположенных рядом друг с другом), но и в поисках сходства у не граничащих стран – вроде Канады и Австралии» [4, с. 68].

Методы исследования

Автором настоящей научной статьи применялись методы сравнительного анализа, рейтингов, статистических группировок, табличного и графического представления информации. При этом понятия «типологии», «классификации» и «группировки» территориальных социально-экономических объектов использовались как синонимы. Современные работы по типологии социально-экономических объектов – предприятий, проектов, регионов и стран – основываются на кластерном анализе [5; 6]. В нашем исследовании классификация стран также выполнена

¹ Methodology // UNSD : [site]. URL: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/> (accessed on 01.12.2025).

² Ibid.

посредством кластерного анализа. Расчеты производились в Excel, GRETL [7] и Stadia [8]. Классификация разработана на основе 60 статистических показателей и рейтингов по 197 странам мира за 2023 г. Результаты данного исследования частично были опубликованы в работах автора [9; 10]. Показатели для составления классификации были заимствованы с официальных сайтов ООН, МВФ, МОТ, ВОЗ, иных держателей и агрегаторов информации.

Исследование состояло из предварительного анализа абсолютных и относительных показателей табличными и графическими методами по принципу «больше-меньше», процедур корреляционного, факторного и кластерного анализа. Для всех формальных процедур показатели трансформировались в ранговую форму. Основной целью настоящей статьи являлось описание той части показателей, вовлеченных в исследование, которые отражают демографическую ситуацию в мире. Полный список всех 60 показателей и их источников приведен в таблице 2.

Результаты

Классификация стран мира

Выработанная посредством кластерного анализа типология 197 стран представлена в табл. 1. Статистическая программа STADIA по каждому кластеру указала его наиболее типичный объект (эталон), эти страны выделены отдельно. Исходя из методологии автоматической классификации, автор воздержался от присвоения полученным группировкам стран качественных (идеологически окрашенных) названий, исходящих из их истории, политики и других особенностей, которые не оцифрованы и не представлены в статистической базе. Поэтому типы (группы) стран здесь и далее обозначены номерами либо названиями стран-эталонов, указанных статистической программой.

Таблица 1

Типология 197 стран мира по 60 статистическим показателям в 2023 г.

Table 1

Typology of 197 countries of the world according to 60 statistical indicators in 2023

1 тип «Гвинея»	2 тип «Австрия»	3 тип «Фиджи»	4 тип «Филиппины»	5 тип «Албания»	6 тип «Кения»	7 тип «Катар»	8 тип «Чили»	9 тип «Замбия»
Афганистан, Гвинея, Гвинея-Бисау, Гаити, Демократическая Республика Конго, Камерун, Коморские Острова, Либерия, Мавритания, Мали, Нигер, Папуа – Новая Гвинея, Сьерра-Леоне, Сомали, Того, Центрально-	Австрия , Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Гонконг, Дания, Израиль, Исландия, Италия, Испания, Канада, Кипр, Папуа – Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды,	Антигуа и Барбуда, Аруба, Багамы, Барбадос, Белиз, Бутан, Боливия Вануату, Гренада, Джибути, Доминика, Кабо-Верде, Кирибати, Киргизия, Лесото, Ливия, Мальдивы, Маршалловы Острова,	Алжир, Бангладеш, Вьетнам, Доминиканская Республика, Индия, Индонезия, Иран, Ирак, Камбоджа, Китай, Малайзия, Мексика, Марокко, Мьянма, Непал, Парагвай, Перу, Сенегал, Тайвань,	Албания , Андорра, Армения, Азербайджан, Беларусь, Босния и Герцеговина, Иордания, Гайана, Греция, Грузия, Коста-Рика, Куба, Косово, Ливан, Маврикий, Молдова, Македония, Северная, Сан-Марино,	Бенин, Буркина-Фасо, Бурунди, Венесуэла, Гамбия, Гана, Гватемала, Египет, Зимбабве, Йемен, Кения , Кот-д'Ивуар, Лаос, Мадагаскар, Малави, Мозамбик, Нигерия, Пакистан,	Бахрейн, Бруней-Даруссалам, Кувейт, Катар , Макао, Оман, Объединенные Арабские Эмираты, Пуэрто-Рико, Сингапур	Аргентина, Австралия, Бразилия, Ирландия, Казахстан, Колумбия, Панама, Россия, Саудовская Аравия, США, Турция, Уругвай, Чили , Южная Африка	Ангола, Ботсвана, Габон, Гондурас, Замбия , Монголия, Намибия, Никарагуа, Республика Конго, Руанда, Южный Судан

Продолжение таблицы 1

1 тип «Гвинея»	2 тип «Австрия»	3 тип «Фиджи»	4 тип «Филиппины»	5 тип «Албания»	6 тип «Кения»	7 тип «Катар»	8 тип «Чили»	9 тип «Замбия»
Африканская Республика, Чад, Экваториальная Гвинея, Эсватини	Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Словацкая Республика, Словения, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия Швеция, Швейцария, Эстония, Япония	Микронезия, Науру Палау, Самоа, Сан-Томе и Принсипи, Сейшельские Острова, Соломоновы Острова, Сент-Китс и Невис, Сент-Люция, Сент-Винсент и Гренадины, Суринам, Тимор-Лесте, Тонга, Туркменистан, Тувалу, Фиджи , Ямайка	Таиланд, Узбекистан, Филиппины , Эквадор	Сальвадор, Сербия, Тринидад и Тобаго, Тунис, Украина, Черногория	Палестина, Судан, Сирия, Таджикистан, Танзания, Уганда, Шри-Ланка, Эфиопия, Эритрея			

Источник: составлено по расчетам автора

Статистические показатели и рейтинги

Количество и набор показателей, используемых для классификации, – ключевые параметры и основа автоматической классификации социально-экономических объектов.

Из 60 показателей, использованных в данной разработке, 13 имели прямое отношение к воспроизводству населения, миграции, урбанизации и другим демографическим процессам, еще 15–20 индикаторов представляли человеческое развитие, количество и качество трудовых ресурсов, рынок труда, здравоохранение и социальное поведение (в том числе распространение вредных привычек), качество и уровень жизни. Таким образом, около половины из 60 критериев типологии имели отношение к демографическому развитию стран мира. Остальные отражали экономические, информационно-технологические, политические особенности современного общества (табл. 2).

Таблица 2

Набор статистических показателей и рейтингов для классификации стран мира

Table 2

A set of statistical indicators and ratings for classifying countries of the world

Индекс	Наименование показателя	Единицы измерения	Источник	Год	Покрывтие (охват стран)
X1	ВВП по текущему курсу (номинальный ВВП)	Млрд долл.	IMF	2023	196
X2	Годовой прирост номинального ВВП	Процентов	IMF	2023	196
X3	Прирост номинального ВВП за 5 лет	Процентов	Расчет	2019–2023	196

Продолжение таблицы 2

Индекс	Наименование показателя	Единицы измерения	Источник	Год	Покрытие (охват стран)
X4	ВВП по паритету покупательной способности (ВВП ППС),	Млрд долл.	IMF	2023	196
X5	Номинальный ВВП на душу населения	Долл.	IMF	2023	196
X6	ВВП ППС на душу населения	Долл.	IMF	2023	196
X7	Индекс-дефлятор ВВП	Процентов	IMF	2023	196
X8	Инфляция, по отношению к предыдущему году	Процентов	IMF	2023	196
X9	ВВП ППС страны, доля от мирового ВВП	Процентов	IMF	2023	196
X10	Общий объем инвестиций, доля от ВВП	Процентов	IMF	2023	196
X11	Валовые национальные сбережения, доля от ВВП	Процентов	IMF	2023	196
X12	Государственные доходы, доля от ВВП	Процентов	IMF	2023	196
X13	Государственные расходы, доля от ВВП	Процентов	IMF	2023	196
X14	Государственный долг, доля от ВВП	Процентов	IMF	2023	196
X15	Относительная сила валюты	Долей единицы	Расчет	2023	196
X16	Структура экономики: сельское хозяйство, доля от ВВП	Процентов	CIA World Factbook	2023	191
X17	Структура экономики: промышленность, доля от ВВП	Процентов	CIA World Factbook	2023	191
X18	Структура экономики: услуги, доля от ВВП	Процентов	CIA World Factbook	2023	191
X19	Численность населения на начало года	Тыс. чел.	UNPD	2023	197
X20	Прирост населения за 5 лет	Процентов	Расчет	2019–2023	197
X21	Плотность населения	Человек на 1 кв. км	UNPD	2023	197
X22	Средний возраст населения (медиана)	Лет	UNPD	2023	197
X23	Темп прироста населения	Процентов	UNPD	2023	197
X24	Естественный прирост	‰ (человек на 1 000 населения)	UNPD	2023	197
X25	Общий коэффициент рождаемости	‰ (человек на 1 000 населения)	UNPD	2023	197
X26	Суммарный коэффициент рождаемости	Единиц	UNPD	2023	197
X27	Общий коэффициент смертности	‰ (человек на 1 000 населения)	UNPD	2023	197
X28	Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни	Лет	UNPD	2023	197
X29	Коэффициент младенческой смертности	‰ (человек на 1 000 населения)	UNPD	2023 г	197
X30	Уровень урбанизации (доля городского населения)	Процентов	CIA World Factbook	2023	197
X31	Коэффициент миграционного прироста населения	‰ (человек на 1 000 населения)	UNPD	2023	197
X32	Индекс человеческого развития ИЧР	Долей единицы	UNDP	2023	197
X33	Среднее время обучения (в составе ИЧР)	Лет	UNDP	2023	197
X34	Численность населения трудоспособного возраста	Тыс. человек	ILO	2023	195
X35	Численность занятого населения	Тыс. человек	ILO	2023	195

Продолжение таблицы 2

Индекс	Наименование показателя	Единицы измерения	Источник	Год	Покрытие (охват стран)
X36	Уровень занятости в промышленности	Процентов	ILO	2023	190
X37	Уровень безработицы	Процентов	ILO	2023	195
X38	Средняя заработная плата в месяц в долларах ППС	Долл.	ILO	2023	166
X39	Площадь стран	Тыс. кв. км	CIA World Factbook	2023	197
X40	Среднегодовая температура по странам	Градусов	World Bank	2023	197
X41	Уровень автомобилизации	Единиц на 1 000 человек населения	World population review	2024	182
X42	Расходы на здравоохранение	Процентов от ВВП	WHO	2023	187
X43	Обеспеченность врачами	Человек на 1 000 населения	WHO	2023	194
X44	Обеспеченность больничными койками	Единиц на 1 000 человек населения	WHO	2023	164
X45	Потребление алкоголя на душу населения в год	Литров	WHO	2023	184
X46	Распространение ожирения среди взрослого населения	Процентов	WHO	2023	189
X47	Употребление табака, доля от численности населения	Процентов	WHO	2023	163
X48	Расходы на образование в ВВП	Процентов	UNESCO	2023	186
X49	Население ниже национального уровня бедности	Процентов	CIA World Factbook	2023	150
X50	Индекс Джини	Долей единицы	CIA World Factbook	2023	150
X51	Потребление энергии на душу населения	Млн ВТУ на душу населения	CIA World Factbook	2023	187
X52	Мобильные телефоны	Единиц на 100 человек населения	World population review	2023	195
X53	Пользователи интернета	Подписок на 100 человек населения	World population review	2023	196
X54	Военные расходы, доля от ВВП	Процентов	SIPRI	2023	167
X55	Индекс политической стабильности Мирового банка	Единиц	World population review	2023	196
X56	Энергетическая обеспеченность рациона питания	Ккал/суточная норма на душу	FAO	2023	170
X57	Потребление мяса (кг/ чел./год)	Кг на человека в год	FAO	2023	177
X58	Индекс научного цитирования Nature	Число цитирований авторов данной страны	Nature	2023	182
X59	Индекс демократии The Economist, единиц	Единиц	The Economist	2024	163
X60	Индекс счастья Oxford – Gallup	Единиц	Oxford – Gallup	2024	136

Источник: составлено автором

Численность населения является одним из основных показателей, которые дифференцируют страны мира, определяя их общую значимость, экономический, военный и социальный потенциал. В табл. 3 представлена численность населения крупнейших стран мира, а на рис. 1 – годовые приросты численности населения

по этим странам. Крупнейшей в демографическом смысле страной мира с 2022 г. является Индия.

Таблица 3

Численность населения некоторых стран мира в 2023 г. (млн человек)

Table 3

Population of some countries in the world in 2023 (million people)

№	Страна	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
1	Индия	696,8	870,5	1059,6	1240,6	1396,4	1407,6	1417,2	1428,6
2	Китай	987,1	1143,3	1267,4	1340,9	1412,1	1412,6	1411,8	1409,7
3	США	227,6	250,0	282,3	309,7	331,3	332,3	333,5	335,1
4	Индонезия	147,5	179,4	206,3	237,6	270,2	272,7	275,7	278,7
5	Пакистан	80,6	106,0	135,6	172,9	218,2	222,6	227,0	231,5
6	Нигерия	73,4	95,2	122,3	158,5	206,1	211,4	216,7	222,2
7	Бразилия	118,6	146,6	174,7	194,7	209,2	210,1	210,9	211,7
8	Бангладеш	79,6	103,2	127,7	147,6	164,7	166,7	168,5	170,3
9	Россия	-	148,0	146,6	142,8	147,7	147,2	146,7	146,3
10	Мексика	68,1	84,5	99,4	114,8	128,2	129,0	130,0	131,1
11	Япония	116,8	123,4	126,8	127,6	125,8	125,5	125,1	124,5
12	Филиппины	47,9	60,9	77,0	93,1	109,2	110,1	110,9	111,9
13	Эфиопия	32,4	44,2	60,0	78,8	99,7	101,9	104,1	105,7
14	Египет	40,6	51,4	64,0	78,7	100,6	102,1	103,6	105,2
15	Вьетнам	54,2	67,5	79,4	88,0	97,6	98,5	99,5	100,3
	МИР	4447,6	5327,8	6171,7	7021,7	7887,0	7954,5	8021,4	8091,7

Источник: составлено автором по данным Отдела народонаселения ООН³

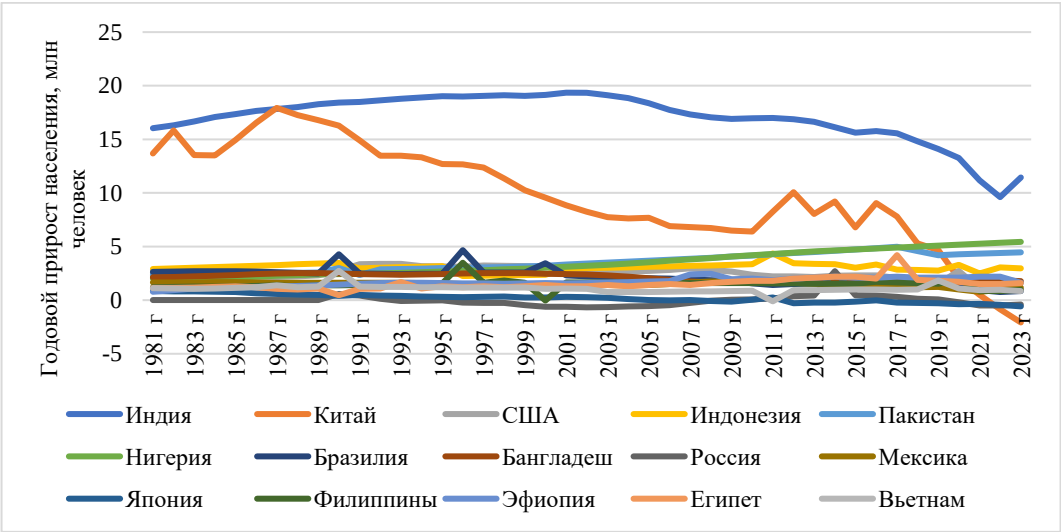

Рис. 1. Прирост численности населения по некоторым странам мира в 1980–2023 гг. (млн человек)

Fig. 1. Population growth in some countries of the world in 1980–2023 (million people)

Источник: составлено автором по данным Отдела народонаселения ООН⁴

³ UN Population Division Data Portal : [site]. URL: <https://population.un.org/dataportal> (accessed on 01.01. 2025).

⁴ Ibid.

Как видно на рис. 1, Китай за последние годы не только утратил второе место по годовым приростам населения, но и по их абсолютной величине провалился в отрицательную зону. В 2022 г. сокращение населения в КНР составило 0,85 млн человек, в 2023 г. – 2,1 млн человек. На второе место среди крупнейших стран по годовым приростам численности населения вышла Нигерия, на третье место – Пакистан. Вероятно, именно эти страны, а также Индонезия при лидерстве Индии сформируют первую четверку наиболее населенных государств мира в долгосрочной перспективе.

На рис. 2 показано распределение стран по общим коэффициентам рождаемости (ОКР) и смертности (ОКС). Страны мира на рис. 2 выборочно подписаны. Демографический кризис, начавшийся еще в 1990-е гг. и углубившийся после 2022 г., имеет место на Украине. Здесь, по данным ООН, в 2023 г. наблюдалась самая низкая в мире рождаемость – 6‰ и самая высокая смертность – 18,6‰. Кроме того, неблагоприятное положение и в Японии, которая является рекордсменом по доле пожилого населения среди крупных стран. Здесь рождаемость равна 6,9‰, а смертность – 11,9‰. Благополучное соотношение рождаемости и смертности (16,2‰ и 9,1‰) имеет Индия. Самые высокие показатели рождаемости наблюдаются в странах Африки, например, в Нигере 46,6‰ ОКР и 9,5‰ ОКС. На рис. 2 можно увидеть, что из общей картины выпадает несколько стран Ближнего Востока. Это малые государства, которые добывают и экспортируют энергоносители силами «гостевого населения» – трудовых мигрантов. Доля иностранцев в населении ОАЭ равна примерно 90%, в Катаре – 80%. Соотношение общих коэффициентов рождаемости и смертности в Катаре составляет 9,2‰ к 1,4‰, в ОАЭ – 10,7‰ к 1,7‰.

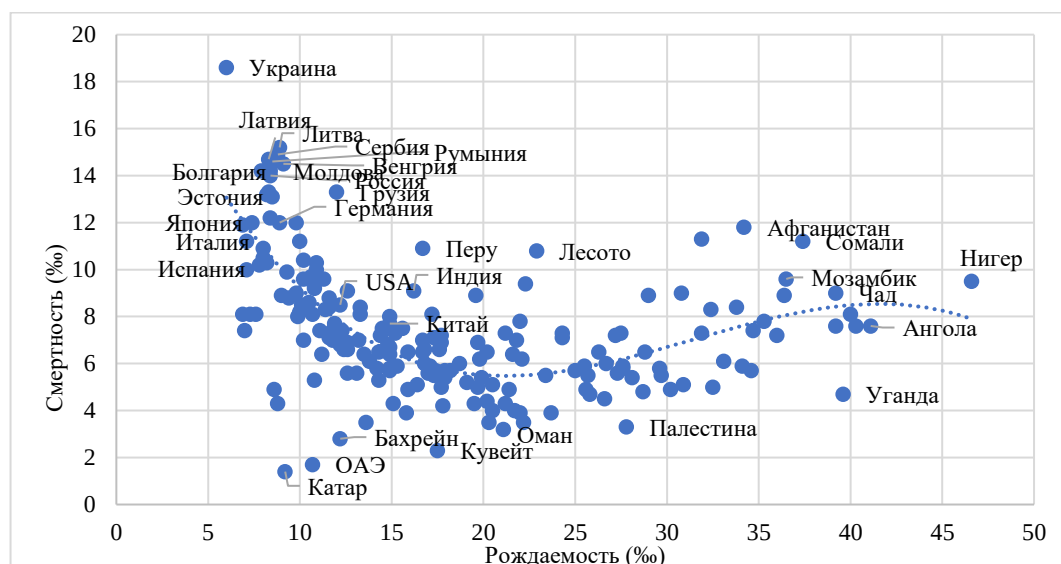

Рис. 2. Рождаемость и смертность в странах мира в 2023 г. (‰)

Fig. 2. Birth and death rates in countries around the world in 2023 (‰)

Источник: составлено автором по данным Отдела народонаселения ООН⁵

⁵ UN Population Division Data Portal : [site]. URL: <https://population.un.org/dataportal> (accessed on 01.01. 2025).

Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) существенно дифференцирован по странам мира. В настоящее время по мировому населению в целом он составляет 2,42 и имеет тенденцию к снижению. Самый высокий СКР в 2023 г. наблюдался в Нигере (6,64), Анголе (5,7) и Демократической Республике Конго (5,49), а самый низкий – на Тайване (1,11) в Корее (1,12), в Сингапуре (1,17), на Украине (1,22). В РФ этот показатель в 2023 г., согласно данным ООН, составлял 1,52, по данным Росстата – 1,410⁶ и при этом снижался, в Китае 1,55, также налицо тенденция к снижению.

Коэффициент младенческой смертности отражает культурные различия между странами, на которые обращал внимание А. Г. Вишневский, полагая что некоторые нации «пассивны перед лицом смерти» [11]. Но главным образом дифференциация младенческой смертности по странам зависит не от сравнительной оценки ценности детей и отношения к смерти, а от уровня и качества жизни населения и от качества медицинского обслуживания. По состоянию на 2023 г. самые низкие уровни младенческой смертности на 1000 человек населения были в Исландии (1,0), Сан-Марино (1,1), Гонконге (1,3), Эстонии (1,4). В России младенческая смертность в последние десятилетия снижалась, составив 3,5‰ в 2023 г. Максимальные показатели наблюдались в африканских странах с высокой рождаемостью, низким качеством жизни и недостаточным уровнем развития медицины: в Сомали (66,3 ‰), Центрально-Африканской Республике (68,5), Нигерии (69,5), Сьерра-Леоне (71,6).

Следующий по значению демографический показатель – коэффициент миграционного прироста на 1000 человек населения. Миграционные потоки, наблюдаемые в среднем за большие периоды времени, обычно направлены из неблагоприятных стран в политически стабильные страны с более высокой, чем на родине, средней заработной платой [12].

В том или ином конкретном году они могут быть не связаны с этими долгосрочными факторами. В 2023 г. отдавали население другим странам 117 государств. Наиболее интенсивно это делали Микронезия (-21‰), Тонга (-18,1‰), Мальдивы (-12,8‰), Иордания (-10,9‰). В России миграционный прирост в 2023 г. составлял +0,8‰. Внушительный миграционный прирост наблюдался в Люксембурге (+10,8‰), Монголии (+11,7‰), Экваториальной Гвинее (+12,1‰), Венесуэле (+13,2‰), Южном Судане (+19,1‰). В некоторых странах, принимавших мигрантов в 2023 г., миграционный прирост происходил вследствие перемещения беженцев из зон близлежащих к ним конфликтов. В 2020-е гг. в ряде регионов мира, отягощенных военными конфликтами, отток и приток мигрантов носили циклический характер – мигранты выбывали из соответствующих стран, потом возвращались обратно, потом, в случае эскалации конфликта, снова стремились выехать в третьи страны.

Весьма важен для исследователей средний возраст населения (медиана) как идентификатор различий между странами по качеству населения. Самое молодое население проживает в Нигере (15,2 года), Уганде (16,2 года) и Анголе (16,3 года), самое – старое в Гонконге (47,2 года), Италии (48,4 года) и Японии (49,9 года). В РФ медианный средний возраст населения в 2023 г. составлял 41,9 года.

⁶ Российский статистический ежегодник // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 01.01. 2025).

Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни (ОППЖ) также характеризует возрастную структуру населения стран мира. Самый низкий прогноз ОППЖ в 2023 г. был характерен для Афганистана (54,4 года), Центрально-Африканской Республики (56,4 года) и Сомали (56,6 года). А самый высокий рассчитан для Японии (85,2 года), Макао (85,3 года) и Сингапура (86,7 года). В РФ этот показатель составляет 72,3 года.

Общая численность населения в возрасте старше 15 лет по 197 странам, вовлеченным в наше исследование, в 2023 г. составила 5,47 млрд человек, из них были заняты в экономике 3,27 млрд человек⁷ (табл. 3).

Согласно табл. 3, абсолютно доминирует по численности населения трудоспособного возраста Китай: 1 141,1 млн человек или 20,8% от мировой численности. Это означает, что при удержании страной мирового уровня производительности труда и эффективности экспорта в перспективе КНР неопределенно долго может оставаться глобальным экономическим лидером.

Таблица 3

15 стран – лидеров по численности населения трудоспособного возраста в 2023 г.

Table 3

15 leading countries in terms of working-age population in 2023

№	Страна	Население трудоспособного возраста (тыс. человек)	Занятое население (тыс. человек)	Доля занятых в промышленности (%)	Уровень безработицы (%)	Средняя заработная плата по ППС (долларов)
1	Китай	114 1071,6	740 410,0	29,1	5,1	1 435
2	Индия	902 866,9	482 793,2	11,9	4,2	1 046
3	США	268 571,4	161 345,5	9,7	4,0	5 985
4	Индонезия	212 088,2	139 242,4	13,7	3,3	540
5	Бразилия	173 338,9	102 111,5	11,5	6,8	1 250
6	Пакистан	124 832,8	61 652,5	14,9	6,3	566
7	Россия	121 157,2	73 636,2	14,0	3,1	2 222
8	Бангладеш	120 625,6	70 982,0	11,6	3,4	449
9	Мехико	101 404,8	59 334,1	16,4	2,7	856
10	Нигерия	88 872,6	71 116,6	12,9	3,1	344
11	Вьетнам	77 383,6	54 956,1	21,7	1,6	1 104
12	Филиппины	76 596,5	45 837,5	7,9	2,6	811
13	Германия	72 485,9	43 262,5	18,3	3,4	5 819
14	Египет	7 1751	29 886,1	12,5	6,8	697
15	Турция	6 5925	32 588,8	19,2	8,8	1 877
	МИР	5 467 349,5	3 271 562,4	-	-	1 900

Источник: составлено автором по данным Международной организации труда⁸

Результаты кластерного анализа

Классификация стран, представленная в табл.1, включает девять групп, которые в нашем исследовании были названы «типами».

Девятнадцать государств составляют **1 тип**: они в основном находятся в Африке, Южной Азии и Океании. Эталонным представителем данной группы выступает Гвинея. Здесь сосредоточено 4,2% населения планеты, при этом рождается

⁷ ILOSTAT : [site]. URL: <https://ilostat.ilo.org> (accessed on 01.02. 2025).

⁸ Ibid.

практически каждый десятый ребенок в мире (9,7%), а демографические показатели устойчиво растут. Страны группы имеют подушевой ВВП значительно ниже среднемирового уровня. Бедность и нищета переплетаются в этом регионе с активным приростом жителей, что делает его одним из наиболее уязвимых сегментов современной глобальной системы.

Европейские государства демонстрируют наилучшие результаты по большинству социально-экономических критериев и формируют основную часть объектов **2 типа**, эталоном для которых служит Австрия. За пределами Европы в эту группу входят Канада, Гонконг, Израиль, Япония, Южная Корея и Новая Зеландия. Население «австрийской» группы достигает 755,5 млн человек, что соответствует 9,4% мирового показателя. Демографическая ситуация в странах 2 типа остается неблагоприятной: на них приходится лишь 4,6% мировых рождений при 12,8% смертей. Миграционное сальдо здесь положительное и превышает аналогичный показатель всех остальных типов – 2,6 млн человек в 2023 г. Европа принимает беженцев и трудовых мигрантов из различных регионов мира. Общая характеристика большинства стран данной группы сводится к сочетанию экономического процветания, демографического спада и значительного миграционного притока.

Группировка **3 типа** с эталоном Фиджи охватывает 35 государств и на фоне прочих развивающихся стран выглядит относительно благополучной. Преимущественно это небольшие по территории государства. Почти все широко известные «райские» острова, притягивающие туристические потоки, сосредоточены именно в данной группе. Отметим, что среди географических идентификаторов в табл. 2 нет параметров «остров» или «приток туристов», то есть объединение таких стран в один кластер не предопределяется вышеназванными обстоятельствами. К данному кластеру относятся еще и несколько «сухопутных» континентальных стран с небольшой численностью населения: Боливия, Туркменистан, Ливия, Киргизия. Доля мирового населения, проживающего в этой группировке, составляет 0,6%.

4 тип, эталоном которого служат Филиппины, объединяет 23 страны и лидирует по численности населения. Здесь сосредоточено 52,6% жителей планеты. Среди типичных представителей кластера – государства с высокими темпами экономического роста: Китай, Индия, Иран, Вьетнам, Малайзия, Таиланд, Тайвань и собственно Филиппины. Сюда же входит Узбекистан, в последние годы занимающий второе место по населению среди постсоветских республик. На долю этой группы в 2023 г. пришлось 54,9 млн новорожденных (41,7% мировой рождаемости). Параллельно в Китае и ряде других стран усиливается демографическое старение, что влечет за собой рост смертности: почти каждый второй умерший в мире в том же году (48,9%) относился именно к данному кластеру. Трудовые ресурсы на ближайшую и среднесрочную перспективу остаются достаточными: 55,6% мирового населения трудоспособного возраста (от 15 лет) и 55,2% занятых (около 1,8 млрд работников) приходятся на страны четвертого типа.

5 тип охватывает государства, которые принято относить к среднеразвитым; его эталоном служит Албания. Сюда входят страны Латинской Америки, Южной и Восточной Европы, а из постсоветского пространства – Армения, Азербайджан, Беларусь и Украина. На долю кластера приходится 1,9% мирового населения, причем он остается единственным в исследовании, где численность жителей убывает.

Естественный прирост в 2023 г. оставался положительным: родившихся насчитывалось 1,438 млн против 1,373 млн умерших. Миграционный отток, однако, составил 0,6 млн человек и перекрыл небольшой естественный прирост.

К 6 типу относятся 27 государств, расположенных преимущественно в экваториальных и тропических климатических поясах; эталоном для группы служит Кения. Сюда входят демографически крупные страны: Нигерия, Пакистан, Египет. Из постсоветских республик здесь присутствует Таджикистан. Кластер концентрирует 16,3% мирового населения, что делает его одним из наиболее многочисленных. Демографический рост идет высокими темпами, а доля рождений достигает 29,6% от общемирового показателя.

Высокий уровень ВВП на душу населения и доходов домохозяйств объединяет 9 государств **7 типа**, эталоном которого служит Катар. В эту группу входят торгово-финансовые центры Восточной Азии (Сингапур, Макао), а также небольшие нефтедобывающие государства Ближнего Востока. Ранее эти страны причисляли к «развивающимся», однако сейчас по экономическим показателям они опережают многие развитые государства.

8 тип стран (эталон – Чили) состоит из развитых и среднеразвитых стран, включая Бразилию, Россию, Казахстан, нефтедобывающую Саудовскую Аравию и ряд других. Парадоксальным образом отнесенный программой STADIA к этой группе мировой лидер США по многим показателям уровня экономического и социального развития превосходит Чили, РФ и прочие страны кластера. Очевидно, статистическая программа пришла к выводу о том, что по структурным показателям, географическим идентификаторам и т. д. США ближе к этим странам, чем к своим традиционным партнерам из 2 кластера.

9 тип охватывает 11 государств с типичным представителем в лице Замбии. Географически группа включает ряд континентальных стран Восточной Азии, государства Центральной Америки и девять африканских территорий. На их долю приходится 1,4% мирового населения. Именно здесь фиксируется максимальный текущий темп демографического прироста: по оценкам ООН, к 2029 г. население кластера способно увеличиться на 21,4%.

Автоматическая классификация стран мира как инструмент представления мониторинговой и прогностической информации

Одним из практических приложений разработанной в настоящем исследовании классификации стран мира является возможность дифференцированного представления различных статистических показателей по группам стран. На наш взгляд, это позволяет сделать обобщающие выводы о некоторых экономических, демографических и социальных процессах в данных странах (табл. 4–6). Целесообразно также представление через призму альтернативной классификации официальных экономических и демографических прогнозов МВФ и ООН (табл. 7–9).

Таблица 4

Численность населения по типам стран мира в 2023 г.

Table 4

Population size by country type in 2023

Типы стран	1 тип	2 тип	3 тип	4 тип	5 тип	6 тип	7 тип	8 тип	9 тип	Мир
Численность населения в 2023 г. (млн человек)	334,0	755,5	486,9	4221,9	148,8	1305,9	34,8	1058,3	116,3	8024,1
Ожидаемая численность населения в 2029 г. (млн человек)	344,6	759,7	505,6	4344,5	130,5	1331,4	38,6	1085,7	141,1	8226,7
Численность населения в % от мировой в 2023 г.	4,2	9,4	0,6	52,6	1,9	16,3	0,4	13,2	1,4	100,0

Источник: составлено автором на основе данных ООН и МОТ⁹

Таблица 5

Плотность населения, рождаемость и смертность по типам стран мира в 2023 г.

Table 5

Population density, fertility, and mortality by country type in 2023

Типы стран	1 тип	2 тип	3 тип	4 тип	5 тип	6 тип	7 тип	8 тип	9 тип	Мир
Плотность населения (человек на 1 кв. км)	31,5	48,9	9,8	156,2	76,7	103,2	29,7	19,2	17,9	59,3
Число рождений (тыс. человек)	12 756,4	6 071,4	965,4	54 851,4	1 438,6	38 918,0	364,6	12 618,2	3618	131 601,8
Число рождений в % от мирового	9,7	4,6	0,7	41,7	1,1	29,6	0,3	9,6	2,7	100,0
Число смертей (тыс. человек)	2 773,3	7 811,9	336,6	29 926,8	1 372,7	9 536,9	102,4	8 647,7	741,8	61 250,2
Число смертей в % от мирового	4,5	12,8	0,5	48,9	2,2	15,6	0,2	14,1	1,2	100,0

Источник: составлено автором на основе данных ООН и МОТ¹⁰

Таблица 6

**Сальдо миграции, население трудоспособного возраста и занятое население
по типам стран мира в 2023 г.**

Table 6

**Migration balance, working-age population and employed population by country type
in 2023**

Типы стран	1 тип	2 тип	3 тип	4 тип	5 тип	6 тип	7 тип	8 тип	9 тип	Мир
Сальдо миграции (тыс. человек)	368,1	2693,34	-18,4	-2660	-625,8	-2549,2	621,9	1752,6	446,7	29,3
Население трудоспособного возраста (тыс. человек)	161 880,1	543 441,1	31 504,0	3 038 994,0	116 660,0	662 025,5	39 858,8	809 759,0	63 227,0	5 467 350,0
Население трудоспособного возраста, в % от мирового	3,0	9,9	0,6	55,6	2,1	12,1	0,7	14,8	1,2	100,0
Занятое население (тыс. человек)	93 754,8	370 121,4	17934,8	1 806 124,0	60 695,8	392 538,0	27 076,2	467 145,1	36 172,7	3 271 562,0

⁹ UN Population Division Data Portal : [site]. URL: <https://population.un.org/dataportal> (accessed on 01.01. 2025); ILOSTAT : [site]. URL: <https://ilostat.ilo.org> (accessed on 01.02.2025).

¹⁰ Ibid.

Продолжение таблицы 6

Типы стран	1 тип	2 тип	3 тип	4 тип	5 тип	6 тип	7 тип	8 тип	9 тип	Мир
Занятое население в % от мирового	2,9	11,3	0,5	55,2	1,9	12,0	0,8	14,3	1,1	100,0

Источник: составлено автором на основе данных ООН и МОТ¹¹

Таблица 7

Численность населения по типам стран мира на период до 2100 г., согласно среднему варианту прогноза ООН

Table 7

Population size by country type for the period up to 2100 according to the medium version of the UN forecast WPP-2024

Тип	2025 г.		2050 г.		Рост в 2025–2050 гг., раз	2075 г.		Рост в 2050–2075 гг., раз	2100 г.		Рост в 2075–2100 гг., раз	Рост в 2025–2100 гг., раз
	тыс. человек	%	тыс. человек	%		тыс. человек	%		тыс. человек	%		
Тип 1	359 528	4,4	640 853	6,6	1,78	927 251	9,0	1,45	1 126 403	11,1	1,21	3,13
Тип 2	755 348	9,2	718 180	7,4	0,95	6 50 224	6,3	0,91	605 458	5,9	0,93	0,80
Тип 3	50 616	0,6	62 753	0,6	1,24	67 661	0,7	1,08	66 848	0,7	0,99	1,32
Тип 4	4 277 419	52,0	4 556 863	47,2	1,07	4 241 882	41,4	0,93	3 665 139	36,0	0,86	0,86
Тип 5	150 697	1,8	143 384	1,5	0,95	125 398	1,2	0,87	106 573	1,0	0,85	0,71
Тип 6	1 374 812	16,7	2 106 799	21,8	1,53	2 715 333	26,5	1,29	3 050 843	30,0	1,12	2,22
Тип 7	36 920	0,4	45 640	0,5	1,24	54 601	0,5	1,20	64 148	0,6	1,17	1,74
Тип 8	1 071 303	13,0	1 154 519	11,9	1,08	1 157 513	11,3	1,00	1 130 709	11,1	0,98	1,06
Тип 9	123 975	1,5	204 574	2,1	1,65	282 554	2,8	1,38	338 964	3,3	1,20	2,73
Мир	8 231 613	100,0	9 664 379	100,0	1,17	10 250 496	100,0	1,06	10 180 161	100,0	0,99	1,24

Источник: составлено автором по данным прогноза ООН¹²

Таблица 8

Компоненты естественного прироста населения по типам стран в 2025–2100 гг.

Table 8

Components of natural population growth by country type in 2025–2100

Тип	Число родившихся (тыс. человек)				Число умерших (тыс. человек)				Естественный прирост (тыс. человек)			
	2025 г.	2050 г.	2075 г.	2100 г.	2025 г.	2050 г.	2075 г.	2100 г.	2025 г.	2050 г.	2075 г.	2100 г.
Тип 1	13 247	16 799	17 756	16 898	2882	4 401	7 151	10 901	10 366	12 398	10 605	5 998
Тип 2	6 012	5 857	5 388	4 913	7 958	9 382	8 726	7 576	-1 946	-3 525	-3 338	-2 662
Тип 3	961	920	816	698	341	535	722	801	619	385	95	-103
Тип 4	54 159	46 237	37 707	30 492	30 508	46 732	56 118	53 731	23 651	-496	-18 411	-23 239
Тип 5	1 503	1 315	1 061	850	1 523	1 794	1 795	1 567	-20	-479	-734	-717
Тип 6	39 551	44 167	43 584	40 091	9 795	14 892	22 755	31 146	29 756	29 275	20 829	8 946
Тип 7	382	470	589	724	108	174	241	326	274	296	348	398
Тип 8	12 456	11 831	11 031	10 324	8 949	12 251	13 693	13 511	3 507	-420	-2 662	-3 187
Тип 9	3 733	4 632	4 941	4 809	776	1 309	2 126	3 111	2 957	3 323	2 815	1 698
Мир	132 399	132 555	123 140	110 028	63 136	91 877	113 707	122 922	69 263	40 679	9 433	-12 894

Источник: составлено автором по данным прогноза ООН¹³

¹¹ UN Population Division Data Portal : [site]. URL: <https://population.un.org/dataportal> (accessed on 01.01. 2025); ILOSTAT : [site]. URL: <https://ilostat ilo.org> (accessed on 01.02.2025).

¹² World Population Prospects 2024 // United Nations Population Division : [site]. URL: <https://population.un.org/wpp/downloads> (accessed on 10.01.2026).

¹³ Ibid.

Таблица 9

Миграционный прирост населения по типам стран в 2025–2100 гг.

Table 9

Migration population growth by country type in 2025–2100

Тип	Миграционный прирост (тыс. человек)			
	2025 г.	2050 г.	2075 г.	2100 г.
Тип 1	-394	-478	-544	-512
Тип 2	670	1 210	1 088	926
Тип 3	-25	-27	-21	-13
Тип 4	-1 814	-1 257	-1 233	-1 044
Тип 5	1 210	-61	-31	-17
Тип 6	-1 154	-1 250	-1 232	-1 173
Тип 7	392	33	26	21
Тип 8	1 122	1 880	1 989	1 861
Тип 9	-3	-45	-40	-41
Мир	0	0	0	0

Источник: составлено автором по данным прогноза ООН¹⁴

Прогноз World population prospects (WPP) ООН 2024 г. по 237 странам и территориям представляет собой 28-е издание с момента первого сценария 1951 г.¹⁵ Наиболее правдоподобный средний (medium) вариант прогноза показывает, что население мира, вероятно, достигнет своей наибольшей численности в середине 2080-х гг. (10,3 млрд человек), после чего начнет сокращаться. По такому сценарию Индия пройдет свой демографический максимум в 2060-е гг., и к концу века ее население сократится до 1,5 млрд человек. Китай продолжит нынешнее сокращение, и его население в 2100 г. составит 0,6 млрд человек. Пакистан к концу века выйдет на третье место с численностью населения в 0,5 млрд человек. По данному (medium) варианту прогноза население США к 2100 г. достигнет уровня в 0,4 млрд человек. «Лояльность» прогнозистов ООН к демографическим перспективам Соединенных Штатов, на фоне негативных оценок динамики народонаселения государств Европы, Японии, Китая и ряда других, несколько удивляет. Вполне вероятно, что ООН исходит из того, что иммиграция в США в течение предстоящих десятилетий сохранится на высоком уровне. Население Нигерии к 2100 г. вырастет до 0,48 млрд человек. Численность населения РФ продолжит свое текущее сокращение и, предположительно, в 2100 г. будет равно 0,13 млрд человек. Разница между числами родившихся и умерших в целом по миру, которая сейчас составляет 70 млн в год, после 2084 г. станет отрицательной и в 2100 г. будет равна минус 13 млн.

По сценарию ООН, демографическое положение девяти типов стран, выделенных в нашем исследовании, в перспективе до 2100 г. будет различным. В табл. 7 показано, что в период 2025–2050 примерно одинаковыми темпами будет сокращаться население среднеразвитых стран 5 типа и благополучных в социально-экономическом отношении стран 2 типа. Те самые СМИ, которые когда-то окрестили страны 2 типа «золотым миллиардом», смогут наблюдать, как несмотря на миграционный приток, к середине столетия «миллиард» уменьшится до 0,7 млрд человек, а к его концу и вовсе сократится до 0,6 млрд человек. Именно в этих странах

¹⁴ World Population Prospects 2024 // United Nations Population Division : [site]. URL: <https://population.un.org/wpp/downloads> (accessed on 10.01.2026).

¹⁵ Ibid.

до конца столетия будет происходить мощная естественная убыль населения (табл. 8), которую не сможет компенсировать ожидаемый миграционный приток (табл. 9).

Что касается «золотого миллиарда», то укажем, что если к нему отнести и страны 8 типа (включая США и РФ), то получится, что их совокупная численность населения, в 2025 г. составлявшая 1,8 млрд человек, к 2100 г. уменьшится до 1,7 млрд человек, все равно останется весьма значительной. Большинство стран 2 и 8 типов на протяжении нынешнего столетия будут получать миграционную «подпитку». Сохраняя численность населения этих стран, миграция будет менять его расовый, этнический, культурный и религиозный состав и облик.

Население стран 5 типа будет сокращаться теми же темпами, что и стран 2 типа, но здесь к естественной убыли прибавится миграционный отток. Уже сейчас этот отток принял катастрофические масштабы на Украине, однако и некоторые другие страны данной группы не могут удерживать свою молодежь от эмиграции в развитые страны ЕС, США и Канаду.

Доминирующий в демографическом смысле 4 тип стран, включая Китай и Индию, который концентрирует с 2025 г. 52% мирового населения, будет увеличивать свое население, но медленно, а после 2050 г. перейдет к сокращению. Основная демографическая драма разыграется в Китае, который с 2025 по 2100 г. может сократить численность своего населения в 2,2 раза. Но и большинство иных стран этого типа в ближайшие десятилетия будет сталкиваться с превращением естественного прироста в естественную убыль, т. к. здесь продолжится миграционная убыль населения (табл. 9).

Наибольший темп роста численности населения в 2025–2050 гг. будет наблюдаться в слаборазвитых в экономическом смысле странах 1 типа (рост в 1,8 раза), 6 типа (в 1,5 раза) и 9 типа (в 1,7 раза). По оценкам WPP-2024, в 2025 г. в относительно менее развитых странах 1, 6 и 9 типов должно было родиться 56,5 млн детей, что составило бы 42,7% от общемирового числа родившихся. В 2050 г. доля стран этих трех типов в мировой рождаемости составила бы 49,5%, в 2075 г. – 53,8% и в 2100 г. – 56,2%. А поскольку значительная часть умерших к концу века будет приходиться на Китай и государства 2,5,8 типов, то только страны 1,6,9 типов и примкнувшего к ним 7 «катарского» типа сохранят в 2100 г. естественный прирост населения. В остальных будет наблюдаться естественная убыль, причем около 80% этой убыли придется на 4 тип стран, включая Китай.

Достаточно благополучно в перспективе видится демографическое положение развитых и среднеразвитых стран 8 типа (в т. ч. США и РФ), которые хотя и сократят свою долю в глобальном населении, но не очень значительно – с 13,0% до 11,1%. Причем основным экономическим и демографическим субъектом в этой группе останутся США. Допущение прогнозистов о том, что численность населения Соединенных Штатов во второй половине XXI столетия будет расти, у нас вызывает сомнения. Тем не менее, согласно нынешней версии прогноза ООН, благодаря США 8 группа стран в целом в 2025–2100 гг. увеличит общую численность населения в 1,06 раза. Миграционный приток в эту группу стран из остального мира в 2100 г. будет вдвое больше, чем приток в страны 2 типа. Большинство типов стран будут терять население в миграционном обмене со 2 и 8 типами.

Выводы

Автоматическая классификация (кластеризация) стран по шестидесяти статистическим показателям, примененная в нашем исследовании, позволила оценить ключевые компоненты сходства и различия между государствами с резко несовпадающими уровнями экономического и демографического благополучия, а кроме того, дифференцировать их по широкому спектру социально-экономических характеристик. Автоматическая количественная классификация стала альтернативой качественной (априорной) типологии стран. В то же время ее можно рассматривать не как опровержение, а как инструментальную основу для уточнения ранее существовавших или будущих качественных типологий.

Среди предполагаемых возможностей перспективного использования подобного метода классификации – распределение статистических показателей по группам стран с различной траекторией развития, а также прогнозирование переходов стран между кластерами в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Прогностические возможности типологии не следует переоценивать: если страна попала в один кластер с Индией, это не обязательно свидетельствует о том, что она будет так же увеличивать численность своего населения, а попадание в один кластер с США не дает гарантий мощного экономического роста и технологического доминирования. Однако сходство траекторий будущего развития стран, которые были системой автоматически объединены в тот или иной тип может оказаться более вероятным, чем различия между ними.

Примененную в данном исследовании методологию можно использовать в страноведении, изучении мировой экономики и преподавании соответствующих дисциплин в высших учебных заведениях. Предлагаемая классификация может быть принята во внимание и при разработке новых международных проектов по экономической, демографической и социальной политике, как элементов устойчивого развития стран. Типология может быть использована при усовершенствовании соответствующих политик не только по странам, но и по их группам и регионам мира.

Список литературы

1. Дробот, Е. В. Обзор ключевых подходов к классификации стран мира и сравнительный анализ основных макроэкономических показателей ведущих мировых экономик / Е. В. Дробот, В. А. Лосинкова, А. Л. Поспелова [и др.] // Экономические отношения. 2018. Т. 8, № 2. С. 105–138. DOI [10.18334/eo.8.2.39014](https://doi.org/10.18334/eo.8.2.39014). EDN [XTFCWL](#).
2. Вольский, В. В. О типах стран капиталистического мира // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 1968. № 6. С. 44–54.
3. Смирнягин, Л. В. Опыт классификации развивающихся стран по уровню социально-экономического развития / Л. В. Смирнягин, В. С. Тикунов, А. С. Фетисов // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Выпуск 4. Москва : Институт Латинской Америки АН СССР, 1982. С. 3–15. EDN [ZBPAAN](#).
4. Типология зарубежных стран : учебно-методическое пособие с текстами В. В. Вольского и лекциями Л. В. Смирнягина / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Географический факультет. Москва : Пеликан, 2019. 336 с. ISBN 978-5-89575-249-4. EDN [MCNMBH](#).
5. Боженко, С. В. Кластерный анализ в экономических исследованиях: направления и опыт использования / С. В. Боженко, А. А. Брут-Бруляко // Вестник Костромского государственного технологического университета. 2008. № 18. С. 35–38. EDN [KVSITN](#).

6. Гичиев, Н. С. Кластерный анализ в экономике: теоретический аспект / Н. С. Гичиев // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 8(118). С. 176–186. DOI [10.26726/1812-7096-2020-8-176-186](https://doi.org/10.26726/1812-7096-2020-8-176-186). EDN [BKPxQG](https://www.edn.ru/BKPxQG).

7. Малова, А. С. Основы эконометрики в среде GRET. Москва: ООО «Проспект», 2016. 112 с. ISBN 978-5-392-20334-5. EDN [VMWdQF](https://www.edn.ru/VMWdQF).

8. Кулаищев, А. П. Методы и средства анализа данных в среде Windows. STADIA 6.0. 2-е изд. Москва: НПО «Информатика и компьютеры», 1998. 269 с. ISBN 5-89573-021-3.

9. Кашепов, А. В. Поисковая типология стран мира. Часть 4. Кластерный анализ и результаты типологии // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 10–2. С. 223–232. DOI [10.17513/vaael.4371](https://doi.org/10.17513/vaael.4371). EDN [BNFCSX](https://www.edn.ru/BNFCSX).

10. Кашепов, А. В. Поисковая типология стран мира. Москва: ООО «Макс Пресс», 2026. 280 с. ISBN 978-5-317-07592-7. DOI [10.29003/m5320.978-5-317-07592-7](https://doi.org/10.29003/m5320.978-5-317-07592-7). EDN [VGNKUD](https://www.edn.ru/VGNKUD).

11. Демографическая модернизация России, 1900–2000: монография. Москва: Новое издательство, 2006. 601 с. ISBN 5-98379-042-0. EDN [SUQARX](https://www.edn.ru/SUQARX).

12. Кашепов, А. В. Некоторые вопросы анализа миграционных связей России с зарубежными странами // Финансовая экономика. 2020. № 8. С. 53–59. EDN [TMIJAS](https://www.edn.ru/TMIJAS).

Сведения об авторе

Кашепов Алексей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: avkash@list.ru; ORCID ID: [0000-0003-1348-0093](https://orcid.org/0000-0003-1348-0093); РИНЦ SPIN-код: [9522-8321](https://www.elibrary.ru/9522-8321).

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; принята в печать 06.07.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

CLASSIFYING COUNTRIES WORLDWIDE: A DEMOGRAPHIC PERSPECTIVE

Alexey V. Kashepov

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: avkash@list.ru

For citation: Kashepov, A. V. Classifying Countries Worldwide: A Demographic Perspective. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 3. Pp. 6–24. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.1](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.1). (In Russ.)

Abstract. Classification of socio-economic objects, including countries and their internal regions, is a conventional method in spatial economic and sociological analysis. This paper presents an original typology of 197 countries, developed by examining 60 economic, demographic and social indicators that reflect the profile and level of development of national economic systems, as well as the living standards and quality of life of their populations. The classification was performed using cluster analysis. The primary focus is placed on the methodology for selecting and analysing statistical indicators of demographic development. The methodological approaches substantiated in the study, along with its direct outcome — the automatic partitioning of countries into nine clusters — can be useful for understanding the spatial differentiation of demographic and socio-economic phenomena across the world, for presenting statistical data and forecasts disaggregated by country type, and for informing conceptual judgments and policy-relevant decisions in political science, economics, area studies and other related fields.

Keywords: area studies, automatic classification, typology of world countries, global demographic trends

References

1. Drobot, E. V., Losinkova, V. A., Pospelova, A. L., et al. Review of Key Approaches to the Classification of the Countries of the World and a Comparative Analysis of the Main Macroeconomic Indicators of the

World's Leading Economies. *Journal of International Economic Affairs*. 2018. Vol. 8, No. 2. Pp. 105–138. DOI [10.18334/eo.8.2.39014](https://doi.org/10.18334/eo.8.2.39014). (In Russ.).

2. Volskiy, V. V. O tipakh stran kapitalisticheskogo mira [On the Types of Countries in the Capitalist World]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5: Geography]. 1968. No. 6. Pp. 44–54. (In Russ.).

3. Smirnyagin, L. V., Tikunov, V. S., Fetisov, A. S. The Experience of Classification of Developing Countries in Terms of Socio-Economic Development. *Voprosy ekonomicheskoy i politicheskoy geografii zarubezhnykh stran* [Issues of Economic and Political Geography of Foreign Countries]. Issue 4. Moscow: Institute of Latin America of the USSR Academy of Sciences, 1982. C. 3–15. (In Russ.).

4. Typology of Foreign Countries: teaching manual with texts by V. V. Volsky and lectures by L. V. Smirnyagin. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography. Moscow: Pelican Publishing House, 2019. 336 p. ISBN 978-5-89575-249-4. (In Russ.).

5. Bozhenko, S. V., Brut-Brulyako, A. A. Klasternyy analiz v ekonomicheskikh issledovaniyakh: napravleniya i opyt ispol'zovaniya [Cluster Analysis in Economic Research: Directions and Experience of Use]. *Vestnik of Kostroma State University*. 2008. No. 18. Pp. 35–38. (In Russ.).

6. Gichiev, N. S. Luster Analysis in Economics: Theoretical Aspect. *Regional Problems of Economic Transformation*. 2020. No. 8(118). Pp. 176–186. DOI [10.26726/1812-7096-2020-8-176-186](https://doi.org/10.26726/1812-7096-2020-8-176-186). (In Russ.).

7. Malova, A. S. *Osnovy ekonometriki v srede GRETL* [Fundamentals of Econometrics in the GRETL Environment]. Moscow: Prospect Publishing House, 2016. 112 p. ISBN 978-5-392-20334-5. (In Russ.).

8. Kulaichev, A. P. *Metody i sredstva analiza dannykh v srede Windows. STADIA 6.0* [Methods and Tools for Data Analysis in the Windows Environment. STADIA 6.0]. 2nd ed. Moscow: Informatics and Computers Publishing House, 1998. 269 p. ISBN 5-89573-021-3. (In Russ.).

9. Kashepov, A. V. The Search Typology of the Countries of the World. Part 4. Cluster Analysis and Typology Results. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2025. No. 10–2. Pp. 223–232. DOI [10.17513/vaael.4371](https://doi.org/10.17513/vaael.4371). (In Russ.).

10. Kashepov, A. V. *Search Typology of the Countries of the World*. Moscow: Max Press Publishing House, 2026. 280 p. ISBN 978-5-317-07592-7. DOI [10.29003/m5320.978-5-317-07592-7](https://doi.org/10.29003/m5320.978-5-317-07592-7). (In Russ.).

11. *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000* [Demographic Modernization of Russia, 1900–2000]: monograph. Moscow: Novoye izdatel'stvo Publishing House, 2006. 601 p. ISBN 5-98379-042-0. (In Russ.).

12. Kashepov, A. V. Some Issues of Analysis of Migration Relations Between Russia and Foreign Countries. *Financial Economy*. 2020. No. 8. Pp. 53–59. (In Russ.).

Bio note

Alexey V. Kashepov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: avkash@list.ru; ORCID ID: [0000-0003-1348-0093](https://orcid.org/0000-0003-1348-0093); RSCI SPIN-code: [9522-8321](https://www.elibrary.ru/9522-8321).

Received on 30.04.2026; accepted for publication 06.07.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.3.2](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.2)EDN [CEBADO](https://www.edn.ru/CEBADO)

Научная статья

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «МИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ» С ПОЗИЦИЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Щитова Н. А.*Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия**E-mail: stavgeo@mail.ru***Зольникова Ю. Ф.***Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия**E-mail: zolnst@mail.ru*

Для цитирования: *Щитова, Н. А. Концептуализация понятия «миграционный потенциал» с позиций географической науки / Н. А. Щитова, Ю. Ф. Зольникова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 3. С. 25–41. DOI 10.19181/demis.2026.6.3.2. EDN CEBADO.*

Аннотация. Статья посвящена осмыслению понятия «миграционный потенциал» в контексте географического подхода. Актуальность исследования обусловлена нарастанием демографического кризиса в России, исчерпанием естественного прироста населения и необходимостью использования миграции как ключевого компенсаторного механизма. Цель работы – теоретическое упорядочение содержания данной категории, преодоление методологической разрозненности и обоснование важности территориально-институционального подхода к ее определению. Методологическая база включает логико-семантический анализ, историко-генетический метод, интент-анализ и метод интеллект-карт. Информационной основой послужили публикации российских миграциологов за постсоветский период. В результате исследования систематизированы три основные группы определений миграционного потенциала: объективные (ресурсные, опирающиеся на численность потенциальных мигрантов), субъективные (поведенческие, основанные на миграционных намерениях и установках) и комплексные (интегративные, учитывающие различные субпотенциалы). Обоснована целесообразность разграничения двух видов родового понятия: миграционный потенциал населения (численность людей, готовых и способных к смене места жительства, с учетом их качественных характеристик) и миграционный потенциал территории (способность территории принимать или отдавать население). В рамках последнего выделяются миграционная привлекательность (совокупность благоприятных условий для приема переселенцев) и миграционная емкость территории (предельное число мигрантов, которое может быть интегрировано без снижения качества жизни принимающего сообщества). Подчеркивается полимасштабность понятия «миграционный потенциал» и необходимость уточнения его содержания на страновом, региональном и локальном уровнях. Выводы статьи создают теоретическую основу для разработки методик качественно-количественной оценки миграционного потенциала, выявления пространственных диспропорций между спросом населения на переезд и возможностями территорий по его приему, что имеет важное значение для демографической и миграционной политики.

Ключевые слова: миграционный потенциал, миграционный потенциал территории, миграционный потенциал населения, миграционная привлекательность территории, миграционная емкость территории

Введение

Термин «миграционный потенциал» вошел в рабочий понятийно-категориальный аппарат российской науки в конце XX в. и достаточно активно используется в современных миграционных исследованиях. В ряде работ [1; 2; 3; 4; 5] представлен обзор осмысления этой категории в российском миграционном дискурсе. Одновременно авторы предлагают собственные трактовки и определения. Достаточно четко просматриваются два основных подхода к определению миграционного

потенциала: ресурсный (совокупность потенциальных мигрантов) и поведенческий (латентная готовность населения к миграции). В последние десятилетия исследователи (особенно географы) развивают территориально-институциональный подход (способность территории привлекать и интегрировать мигрантов). Данная классификация демонстрирует историческую смену исследовательских приоритетов: в 1990-е гг. акцент делался на оценке численности потенциальных мигрантов, в 2000-е – на изучении миграционных установок, в 2010–2020-е – на анализ адаптационно-интеграционных практик.

Однако до сих пор термин остается дискуссионным, отсутствует единство мнений относительно его содержания, что обусловлено в первую очередь междисциплинарностью категории и контекстными различиями между экономическими, социологическими, демографическими, географическими и другими научными направлениями.

Методологическая разрозненность в понимании содержания категории не только осложняет ведение междисциплинарного диалога, но и снижает возможности операционализации и измерения миграционного потенциала, что особенно актуально для современной демографической ситуации в стране. Нарастание демографического кризиса и исчерпание естественного прироста населения делает миграцию ключевым компенсаторным механизмом. Очевидно, что валовое увеличение миграционных потоков без учета их внутренней структуры и качественных параметров далеко не всегда приводит к решению проблем дефицита демографических ресурсов для успешного социально-экономического территориального развития. Многие вопросы, связанные с проблематикой миграционного потенциала, имеют ярко выраженную пространственную специфику, что обуславливает необходимость их рассмотрения через призму географической науки. До сих пор не вполне ясны механизмы формирования направленности миграционных потоков, не определена роль территориального фактора в реализации потенциала, не установлены причины существенной межрегиональной дифференциации миграционной привлекательности и т. п. Решение перечисленных проблем невозможно без системного теоретического осмысления. В связи с этим в настоящей работе предпринята попытка логического анализа и категориального оформления понятия «миграционный потенциал» с акцентуацией его пространственной составляющей, что необходимо для последующей разработки надежного методического инструментария оценки.

Методология и методы исследования, источники информации

Информационная база формировалась на основе публикаций в научных электронных библиотеках (eLibrary, РГБ) и специализированных журналах («Социологические исследования», «Региональные исследования», «Известия РАН. Серия географическая» и др.). Выбор данных ресурсов детерминирован их репрезентативностью, широким охватом рецензируемой литературы, доступностью полных текстов и удобной навигацией.

Хронологические рамки выборки охватывают период с 1990-х гг. по настоящее время. Выбор нижней границы связан с радикальной трансформацией миграционных процессов на постсоветском пространстве, которая обусловила необходимость

пересмотра теоретических подходов и уточнения категориально-понятийного аппарата. В соответствии с целью работы приоритетное внимание уделялось публикациям отечественных авторов. В то же время для сопоставительного анализа использовалась зарубежная литература, отобранная по принципу наибольшей цитируемости (топ-10) в международных мультидисциплинарных базах Scopus и Web of Science. Для формирования поисковых запросов были выделены ключевые понятия, по каждому из которых составлен перечень синонимов и смежных терминов.

Исследование базируется на комплексе общенаучных логико-теоретических методов. В ходе логико-семантического анализа проведена систематизация существующих трактовок понятия «миграционный потенциал». На основе сформированной информационной базы отобраны 26 наиболее содержательных и развернутых дефиниций, которые впоследствии были дифференцированы на три группы: объективные, субъективные и комплексные определения.

Историко-генетический анализ позволил проследить эволюцию содержания понятия «миграционный потенциал» во времени, связав изменения с социально-экономическим и политическим контекстом. Исследуемый постсоветский период условно разделен на три этапа: 1990-е гг. (становление термина, преобладание ресурсного подхода); 2000-е гг. (внимание к поведенческим практикам, использование социологических методик); 2010–2020-е гг. (активное исследование миграционной привлекательности и емкости территорий). Выявлены корреляции между содержанием определений и геополитическими, а также социально-экономическими трансформациями, что позволило понять логику изменения подходов к трактовке миграционного потенциала.

С помощью интент-анализа оценивалось влияние социального заказа на формирование и уточнение понятия «миграционный потенциал». Для этого были отобраны и подробно изучены публикации, в которых авторы обращались к целевым установкам использования данного понятия, его практической значимости и применимости в политической сфере (всего 12 работ). В результате выделены четыре группы целей: теоретико-методические, оценочные, управленческие и территориально-планировочные. Сопоставление выявленных целевых установок с историческими этапами показало их полную детерминированность внешними условиями. В 1990-е гг. доминировали политико-управленческие задачи, вызванные масштабными переселенческими потоками; впоследствии на первый план вышли оценочные подходы, а на современном этапе магистральным вектором становится территориально-планировочная парадигма.

Для систематизации материала и наглядного отображения смысловых связей между понятиями был использован метод интеллект-карт. Построение осуществлялось на основе данных, полученных в ходе логико-семантического анализа. В качестве ядра карты выступило центральное понятие «миграционный потенциал», от которого отходят две ветви – «Население» и «Территория». Для каждой из них были детализированы ключевые подпонятия и логические линии их взаимодействия.

Результаты исследования и их обсуждение

В соответствии с законом обратного отношения в логике объем родового понятия «потенциал» велик и охватывает множество явлений, но его содержание достаточно бедно и абстрактно. В русском языке понятие «потенциал» (от лат. *potentia* – сила, возможность) максимально широко и означает совокупность всех возможных наличных или пока не задействованных ресурсов, которые могут быть мобилизованы и превращены в реальный результат, использованы для решения какой-либо задачи, достижения определенной цели^{1,2}.

Единого общепринятого определения понятия «миграционный потенциал» до сих пор не выработано. В настоящее время в русскоязычной литературе можно обнаружить не менее 20 вариантов различных трактовок данной категории, предлагаемых разными авторами. Однако, если учитывать ведущие признаки и критерии, все их многообразие можно систематизировать в рамках трех логико-семантических групп.

1. *Определения, учитывающие объективные параметры.* Родоначальником этого направления по праву является Л. Л. Рыбаковский. Именно ему принадлежат первые определения и наиболее обстоятельные размышления о содержании данной категории³ [6; 7]. С этой позиции миграционный потенциал понимается как максимально возможная численность потенциальных мигрантов в конкретный момент при сохранении текущих условий. В широком понимании рассматривается все население, которое может участвовать в миграции, а в узком – его наиболее активная часть, т. е. люди, уже принявшие решение о смене места жительства, но еще не реализовавшие его.

2. *Определения, опирающиеся на субъективные установки.* В этом случае миграционный потенциал определяется через миграционные намерения и установки населения, выявляемые с помощью социологических опросов (см., например, работы В. И. Мукомеля) [8; 9]. По его мнению, «миграционный потенциал как некая возможность миграционной активности населения и его реализация в миграционном поведении населения могут разительно отличаться: между стремлением выехать из страны и возможностью его реализации огромная дистанция...» [9, с. 134]. А. Г. Гришанова и Н. А. Кожевникова дают следующее определение: «миграционный потенциал характеризуется как настоящее состояние готовности к переезду (готовности практического осуществления акта миграции в существующих условиях) в целях более эффективного применения и использования собственных способностей и возможностей» [4, с. 49]. Л. Л. Рыбаковский предлагает рассматривать готовность к переезду в рамках таких понятий, как «миграционная подвижность», «потенциальная миграция», что органично вписывается в разработанную им концепцию трех стадий миграционного процесса [10]. Попытки операционализировать

¹ Потенциал // Большой энциклопедический словарь : [сайт]. URL: <https://www.vedu.ru/bi-gencdic/49861/> (дата обращения: 25.03.2026).

² Потенциал // Большой толковый словарь русского языка : [сайт]. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=Потенциал&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=Потенциал&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 25.03.2026).

³ Демографический понятийный словарь / М-во труда и соц. развития Рос. Федерации. Рос. акад. наук. Ин-т соц.-полит. исслед. [Архангельский В. Н. и др.]; Под ред. Рыбаковского Л. Л. Москва : Центр соц. прогнозирования, 2003. 349 с. ISBN 5-98201-007-3.

понятие содержат предложения использовать социологически измеряемые понятия «миграционные установки и ориентиры», «миграционная мотивация», «миграционный опыт» [11].

3. *Комплексные (интегративные) определения.* К примеру, В. Ю. Леденева и А. Х. Рахмонов трактуют миграционный потенциал как интегративную систему, включающую экономический, демографический, образовательный и другие компоненты, или субпотенциалы [5].

Следует обратить внимание на то, что все определения тесно связаны с хронологическими подходами, упомянутыми ранее. Выделенные ресурсный и поведенческий подходы соответствуют объективной и субъективной группам определений. В этих же рамках остается и комплексный подход.

Одновременно необходимо отметить контекстуальность исследуемого понятия и изменение подходов к его определению в разных геополитических, социокультурных и социально-экономических условиях. Так, например, А. Г. Гришанова и Н. А. Кожевникова подчеркивают, что определение понятия «миграционный потенциал» – не только методическая, но и политическая задача, зависящая от выбора стратегии развития России [4].

За рубежом, впрочем, как и в России, понятие «migration potential» (миграционный потенциал) входит в научный оборот в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Изначально его дефиниция строилась на двух основных, подчас конкурирующих, подходах – экспонетрическом (оценка фактических потоков) и социологическом (измерение миграционных намерений) [12; 13; 14].

На современном этапе эта категория трансформировалась в многокомпонентный термин «миграционные стремления» (migration aspirations), аккумулирующий индивидуально-психологические особенности, а также социокультурные, экономические и институциональные условия и связанные с ними ограничения [15; 16].

По мере исчерпания потоков вынужденных переселенцев из стран ближнего зарубежья (бывших союзных республик) и нарастания в стране демографического кризиса, внимание российских миграциологов все чаще обращается на проблемы интеграции иноязычных мигрантов, особенности внутренней миграции, различия в миграционной притягательности российских регионов. Прослеживается процесс деления понятия «миграционный потенциал» на все более узкие и частные виды с привязкой к конкретной территории, а категория все больше «географизируется»: «Миграционный потенциал российских регионов...» [17]; «Миграционный трудовой потенциал региона...» [18]; «Миграционный потенциал Калининградской области» [19] и т. д. Большая группа исследователей рассматривает процессы формирования миграционных потоков через призму миграционной привлекательности территорий вселения [20; 21; 22; 23; 24]. Имеются примеры непосредственного использования терминов «миграционная привлекательность территории» [25; 26] и «миграционная емкость территории» [27] в контексте анализа миграционного потенциала. По сути, развиваемый территориально-институциональный подход детерминирует смену исследовательской оптики: принципиально новым объектом анализа становится территория, рассматриваемая в качестве активного субъекта миграционной системы, а не пассивного вместилища; ее ключевой характеристикой выступает мера привлекательности (или непривлекательности) для мигрантов. Данная логика

обуславливает необходимость дифференциации родового понятия «миграционный потенциал» на два самостоятельных типа – потенциал населения и потенциал территории. Такое разграничение и составляет содержательную суть данного подхода (рис. 1).

Миграционный потенциал населения (МПН) – совокупность людей, обладающих готовностью и способностью к смене места жительства, оцениваемая в единстве количественных и качественных параметров. Количественная сторона фиксирует объем потенциальных мигрантов, качественная – их структуру и миграционные установки, что в совокупности определяет ресурсную базу миграции.

Особо подчеркивается влияние геополитических, экономических и социокультурных обстоятельств, влияющих на реализацию миграционных установок. Наиболее четко этот аспект выражен в определении О. Д. Воробьевой: «миграционный потенциал – возможная в данный момент численность населения, которая может в качестве эмигрантов выехать из страны проживания, при условии сохранения значимости и структуры выталкивающих и притягивающих факторов» [28]. Важно подчеркнуть, что в данной интерпретации миграционный потенциал соответствует подготовительной стадии миграционного процесса (по Л. Л. Рыбаковскому), характеризующейся формированием установки на перемещение. В связи с этим его оценка предполагает интеграцию двух подходов: анализа объективных социально-демографических характеристик (численности и структуры населения) и измерения субъективных миграционных настроений с помощью социологического инструментария.

Традиционно при оценке МПН используют количественные параметры. В своих работах Л. Л. Рыбаковский утверждал: «миграционный потенциал – это наличие миграционных ресурсов, находящихся в странах – возможных донорах для страны-реципиента», в то же время он указывал на два ключевых критерия: «страновой, устанавливающий количественные границы миграционного потенциала, и этнический, определяющий его структурные предпочтения» [1; 29, с. 24].

Одновременно, особенно в работах последних лет, обосновывается необходимость качественных оценок, более детального учета и анализа структуры миграционного потенциала. Миграционный потенциал оценивается как совокупность частных потенциалов (трудового, образовательного, культурного, адаптационного, инновационного и т. п.) [5]. Необходимой составляющей качественной или качественно-количественной оценки миграционного потенциала является учет функциональных особенностей миграции: временные (трудовые и образовательные) мигранты и мигранты, нацеленные на постоянное место жительства. Особый интерес при этом вызывает миграционный потенциал соотечественников [30].

Миграционный потенциал территории (МПТ) – способность территории (страны, региона, района, населенного пункта) принимать/отдавать население. МПТ определяется совокупностью социально-экономических условий, формирующих эффект «выталкивания» или «притяжения» (силу места – *power of place* [31]). Следовательно, МПТ имплицитно включает в себя обе компоненты миграционного процесса (прибытие и выбытие), определяя статус территории как донора или реципиента. В данной связи необходимо разграничивать понятия потенциала прибытия и потенциала выбытия. Потенциал выбытия детерминирован выталкивающими

факторами, которые практически идентичны факторам привлекательности, однако имеют противоположную (отрицательную) направленность. Потенциал прибытия определяется не только показателями качества жизни, которые привлекают население, но и способностью самой территории и ее сообществ принять и интегрировать миграционный поток. В этом контексте МПТ выступает как зонтичное понятие по отношению к таким дефинициям, как «миграционная привлекательность территории» и «миграционная емкость территории» (рис. 1).

Для понимания и измерения миграционной привлекательности обычно используется два основных подхода – объективный и субъективный.

Объективный подход подразумевает анализ статистических показателей условий жизни, делающих территорию притягательной для мигрантов [32; 33].

Субъективный подход (с опорой на социологический инструментарий) фокусируется на восприятии и оценке мигрантами планируемого места переселения [25]. На наш взгляд, перспективен третий, интегративный, подход, трактующий миграционную привлекательность через совокупность сводных индексов.

Содержание этого понятия можно описать с помощью следующих компонентов:

- экономические параметры (уровень жизни, в т. ч. величина заработной платы, цены на продукты питания, промышленные товары для населения, стоимость жилья и т. п.);
- природно-экологические условия (климат, уровень загрязнения, состояние экосистем, экологические катастрофы и др.);
- развитость социальной инфраструктуры (доступные и качественные образовательные и медицинские услуги, транспорт, благоустроенность и т. п.);
- институциональные факторы (миграционная политика, уровень ксенофобии и мигрантофобии, наличие диаспор и пр.).

Аналогично понятие «territorial attractiveness» (территориальная привлекательность), широко используемое в зарубежных исследованиях в качестве инструмента измерения территориального капитала и трактуемое как интегральная характеристика экономических, социальных и экологических параметров, вместе с тем различают «revealed / real attractiveness». Территориальная привлекательность оценивается для разных категорий населения – мигрантов, туристов, образовательных мигрантов, инвесторов [34; 35; 36].

Миграционная емкость территории рассматривается российскими исследователями как максимальное количество мигрантов, которое способна принять конкретная территория. К примеру, С. Е. Вершинин дает полное и развернутое определение: «максимальное количество переселенцев, которое способна принять данная территория (район, поселение) при условии создания вселяющимся примерно таких же жизненных условий, как и постоянному населению, с одновременным сохранением уровня и качества жизни постоянного населения на прежнем уровне» [27, с. 142]. Т. е. миграционная емкость – это предел, за которым начинается снижение качества жизни коренного населения вкупе с невозможностью создания благоприятных условий жизни для самих мигрантов. Миграционная емкость территории достаточно широкое понятие. Возможно выделение в ее содержании нескольких наиболее значимых составляющих.

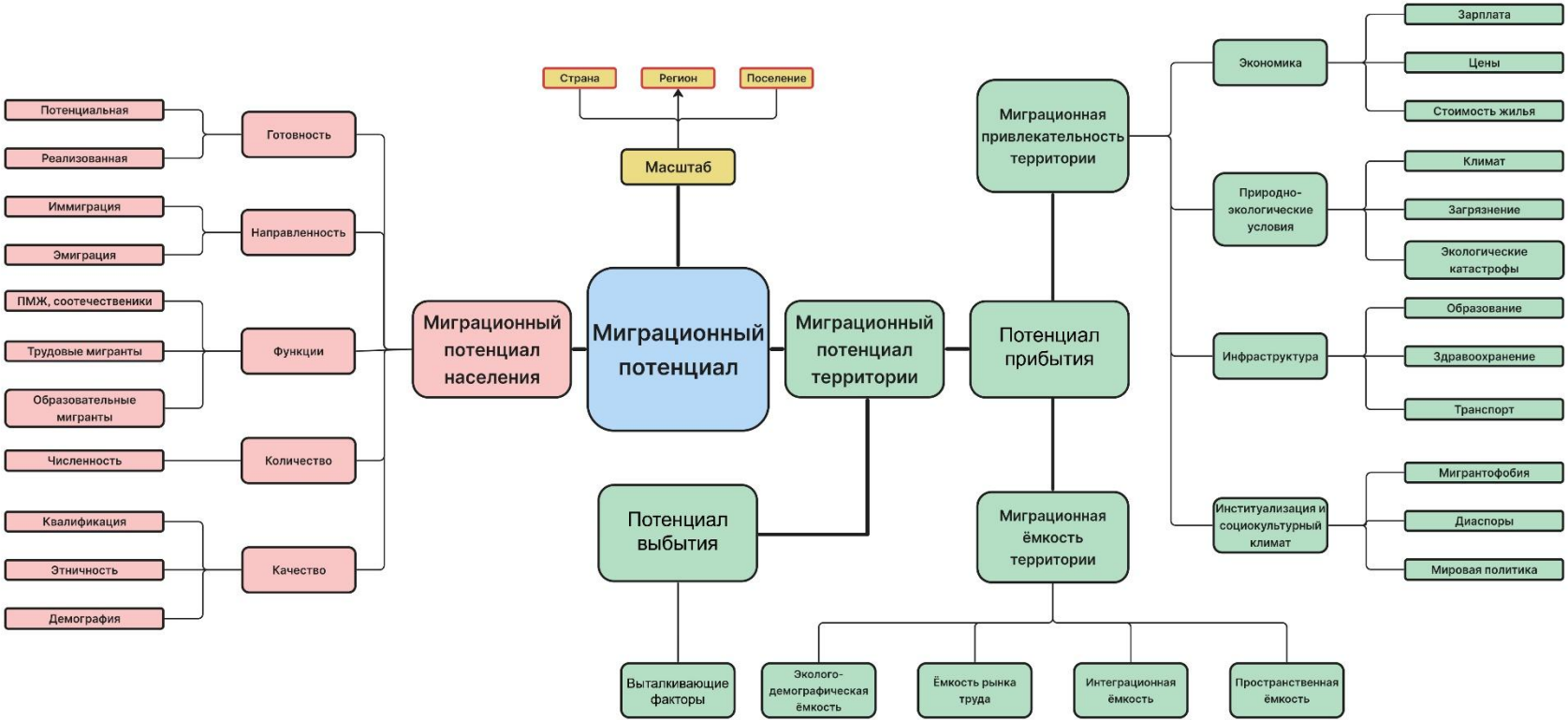

Рис. 1. Структурно-логическая схема понятийно-категориального аппарата миграционного потенциала
Fig. 1. Structural and logical scheme of the conceptual and categorical apparatus of migration potential

Источник: составлено авторами

1. Эколого-демографическая емкость – предельное число людей, которое может быть обеспечено на данной территории природными ресурсами без угрозы разрушения экосистем.

2. Емкость рынка труда – общее количество рабочих мест (реальных и потенциальных вакансий), которое может предложить данная территория.

3. Интеграционная емкость – способность принимающего сообщества разместить и интегрировать миграционный поток без риска утраты собственной этнокультурной идентичности и развития социальной напряженности в обществе.

4. Пространственная емкость – возможность системы расселения перераспределять мигрантов между различными поселениями в целях сохранения ее устойчивости.

В англоязычной литературе понятию «миграционная емкость территории» в большей степени соответствует термин “Absorption capacity”. В документах по территориальной политике чаще применяется термин “Destination Zone Absorption Capacity”. Отмечается, что темп и объем притока мигрантов не должны превышать возможностей государства по их интеграции, определяемых величиной бюджетных средств, чтобы не допустить существенного роста неравенства, а состав мигрантов должен быть сбалансирован. К ключевым компонентам емкости относят доступность жилья и рынок труда⁴ [37; 38]. Особое внимание уделяется адаптационно-интеграционным возможностям территорий, которые демонстрируют существенную вариативность на локальном уровне (в соответствии с концепцией “Local turn”) [39; 40].

В сущности, МПН – это спрос на переезд со стороны людей, а МПТ – предложение возможностей для переезда со стороны места. Понятия разные, однако тесно взаимосвязанные и часто не совпадающие. Даже при высоком МПН миграции могут не возникать, если отсутствуют места с высоким МПТ или качественные параметры территории не соответствуют требованиям потенциальных мигрантов. Один и тот же регион может иметь высокий потенциал населения (как донор) и низкий потенциал территории (как реципиент). Например, регионы Северного Кавказа, обладающие избыточной численностью населения и неблагоприятными социально-экономическими условиями.

Важной особенностью интерпретации категории миграционного потенциала является учет его полимасштабности. На разных пространственных уровнях содержание понятия может уточняться или даже видоизменяться. На страновом уровне внимание сосредотачивается на анализе потоков из разных стран. Региональный уровень актуален при планировании территориального перераспределения трудовых мигрантов или соотечественников. Локальный, поселенческий уровень позволяет решать проблемы конкретных поселений.

Разработанная конструктивная схема представляет собой попытку преодолеть методологическую разрозненность посредством введения бинарной оппозиции (МПН – спрос, МПТ – предложение), которая не получила явного оформления

⁴ International Monetary Fund. International Migration: Recent Trends, Economic Impacts, and Policy Implications. Staff Background Paper for G20 Surveillance Note. Washington, DC: International Monetary Fund, 2015. URL: <https://www.imf.org/external/np/g20/pdf/2015/111515background.pdf> (accessed on 20.04.2026).

в предшествующих исследованиях. Данный подход уравнивает в правах два полюса миграционной системы: население как субъект миграции и принимающую территорию. В отличие от классических российских дефиниций, такая постановка позволяет сместить фокус с простого учета «резерва мигрантов» на анализ пространственного дисбаланса между миграционными намерениями и реальной вмещающей способностью мест вселения. Территория трактуется как активная сторона, обладающая не только притягательностью, но и барьерностью. Благодаря принципу полимасштабности схема универсальна: она применима на всех пространственных уровнях – от макрорегиональных стратегий до муниципального планирования, – чем выгодно отличается от большинства аналогов.

Использование таких конкретных измерителей, как миграционная привлекательность и миграционная емкость территории, создает основу для разработки количественных методик. Это позволяет перейти от общих рассуждений к формированию практического инструментария оценки и управления миграционными процессами, что особенно востребовано в свете современных демографических вызовов, стоящих перед Россией.

Заключение

Представленная концептуализация означает стремление объяснить пространственную дифференциацию миграционных процессов. Она позволяет перейти от простой фиксации фактов перемещения к анализу пространственных дисбалансов между «спросом» на миграцию и «предложением» территориальных ресурсов, что становится важной задачей географического изучения миграций. Перспективным направлением, вытекающим из географического подхода, является интеграция разработанных теоретических конструкций с методами пространственного анализа (например, гравитационными моделями) и геоинформационным картографированием для визуализации и количественной оценки пространственных диспропорций миграционного потенциала.

Проведенный анализ показал, что понятие «миграционный потенциал» является междисциплинарным, методологически неоднородным и контекстно-зависимым. В российской традиции сложились три основные группы определений: объективная (ресурсная), субъективная (поведенческая) и комплексная (интегративная). Каждая из них имеет свою область применения и ограничения. Миграционный потенциал не может быть сведен только к численности потенциальных мигрантов или только к миграционным намерениям; его операционализация требует учета как объективных статистических, так и субъективных (установки, мотивы, оценки) параметров.

Предлагаемое разделение родового понятия «миграционный потенциал» на два вида – миграционный потенциал населения и миграционный потенциал территории – создает основу для измерения миграционного потенциала на разных территориальных уровнях (страна, регион, муниципалитет, поселение), выявления дисбаланса между спросом на переезд и предложением возможностей для переезда.

Миграционный потенциал населения (МПН), понимается как совокупность индивидов, готовых к смене места жительства под влиянием внешних факторов.

Для его изучения необходимы качественные и количественные оценки, которые принимают во внимание пространственно-временные и функциональные параметры миграционных потоков.

Миграционный потенциал территории (МПТ) – это интегральная характеристика способности территории (страны, региона, муниципального образования) одновременно или попеременно выступать в качестве реципиента (потенциал прибытия) и донора (потенциал выбытия). Потенциал прибытия определяется аттрактивностью, социокультурной и социально-экономической емкостью территории, а выбытия – совокупностью выталкивающих факторов, инициирующих отток населения. Вместе данные параметры обуславливают позицию территории в пространственной системе миграционных взаимодействий.

Несовпадение МПН и МПТ в пространстве объясняет многие диспропорции миграционных потоков: высокая готовность населения к выезду из одних регионов сочетается с низкой миграционной привлекательностью этих же территорий.

Субъективный подход к трактовке миграционного потенциала получает теоретическое обоснование в рамках подготовительной стадии трехстадийной модели Л. Л. Рыбаковского, а вводимое нами различие МПН и МПТ позволяет учесть как подготовительную стадию (спрос на переезд), так и последующие стадии реализации и адаптации, но уже через призму свойств принимающей территории.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку методик качественно-количественной оценки МПН и МПТ, интегрирующей субъективные и объективные критерии, а также на анализ их динамики под влиянием изменяющихся геополитических, социально-экономических и институциональных условий.

Список литературы

1. Кожевникова, Н. И. Глава 8. Миграционный потенциал для России в странах нового зарубежья / Н. И. Кожевникова // Миграционные процессы в России / Под редакцией В. В. Локосова, Л. Л. Рыбаковского. Москва : Издательство «Экон-Информ», 2014. С. 163–187. EDN [YTKYRP](#).
2. Зубков, В. В. Миграционный потенциал как объект социологического измерения // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2014. № 2 (33). С. 287–290. EDN [SGMELX](#).
3. Бедрина, Е. Б. Формирование миграционного потенциала стран-экспортеров трудовых ресурсов в Российскую Федерацию // Российские регионы в фокусе перемен : Сборник докладов XI Международной конференции. В 2-х томах, Екатеринбург, 17–19 ноября 2016 года. Том 1. Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2016. С. 313–321. EDN [ZFMUHF](#).
4. Гришанова, А. Г. Миграционный потенциал: теоретические аспекты / А. Г. Гришанова, Н. И. Кожевникова // Народонаселение. 2016. № 1-1 (71-1). С. 42–51. EDN [VWEUGB](#).
5. Леденева, В. Ю. Влияние «миграционного потенциала» на экономическое и демографическое развитие стран-доноров и стран-реципиентов / В. Ю. Леденева, А. Х. Рахмонов // Вестник МГИМО-Университета. 2023. Т. 16, № 6. С. 250–269. DOI [10.24833/2071-8160-2023-6-93-250-269](#). EDN [PUEKNQ](#).
6. Рыбаковский, Л. Л. Миграционный потенциал русского населения в странах русского зарубежья // Социологические исследования. 1996. № 11. С. 31–41.
7. Рыбаковский, Л. Л. Миграционный потенциал. Понятие и критерии оценки / Л. Л. Рыбаковский // Социологические исследования. 2009. № 2 (298). С. 29–36. EDN [JVTZBJ](#).
8. Мукомель, В. И. Миграционный потенциал и перспективы иммиграции соотечественников из государств СНГ и Балтии // Этнопанорама. 2001. № 3. С. 47–56. EDN [VLUSSL](#).
9. Мукомель, В. И. Кто придет в Россию из «нового зарубежья»? // Мир России. Социология. Этнология. 2003. Т. 12, № 3. С. 130–146. EDN [BIIZVD](#).

10. Рыбаковский, Л. Л. История и теория миграции населения : монография / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки, Ин-т социально-полит. исслед. Российской акад. наук. Москва : ИСПИ РАН, 2016-. Кн. 3: Теория трех стадий миграционного процесса. 2019. 218 с. ISBN 978-5-907057-90-6.
11. Юдина, Т. Н. Миграция: словарь основных терминов : учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Москва : Изд-во РГСУ, 2007. 472 с. ISBN 978-5-7139-0526-2. EDN [OXNSCX](#).
12. Layard, R. East West Migration: The Alternatives / R. Layard, O. Blanchard, R. Dornbusch, P. Krugman. Cambridge, MA ; London : MIT Press, 1992. 94 p. ISBN 0-262-12168-9.
13. Fassmann, H. Migrationspotential Ostmitteleuropa // Struktur und Motivation potentieller Migranten aus Polen, der Slowakei, Tschechien und Ungarn (ISR Forschungsberichte, Nr. 15) / H. Fassmann, C. Hintermann. Wien : Institut für Stadt- und Regionalforschung, 1997. 72 S. ISBN 3-7001-2652-2.
14. Fertig, M. The Economic Impact of EU Enlargement: Assessing the Migration Potential // Empirical Economics. 2002. Vol. 26, № 4. Pp. 707–720. DOI [10.1007/s001810100078](#).
15. De Haas, H. A Theory of Migration: The Aspirations Capabilities Framework // Comparative Migration Studies. 2021. Vol. 9, № 1. Art. 8. DOI [10.1186/s40878-020-00210-4](#).
16. Czaika, M. Migration Drivers: Why Do People Migrate? / M. Czaika, C. Reinprecht // Introduction to Migration Studies / ed. by P. Scholten. IMISCOE Research Series. Cham : Springer, 2022. Pp. 47–73. ISBN 978-3-030-92377-8. DOI [10.1007/978-3-030-92377-8_3](#).
17. Галас, М. Л. Миграционный потенциал российских регионов и перспективы единого Евразийского рынка труда / М. Л. Галас, Т. А. Горошникова, И. Ю. Федорова. Москва : Научно-издательский центр «Инфра-М», 2023. 225 с. ISBN 978-5-16-017896-7. DOI [10.12737/1895949](#). EDN [EREXZO](#).
18. Ермаков, С. В. Миграционный трудовой потенциал региона в системе структурных диспропорций рынка труда / С. В. Ермаков, А. М. Шкуркин // Власть и управление на Востоке России. 2007. № 2 (39). С. 47–51. EDN [IACSTR](#).
19. Лялина, А. В. Миграционный потенциал Калининградской области: миграционные настроения и намерения жителей эксклава / А. В. Лялина, К. Ю. Волошенко // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11, № 4. С. 168–188. DOI [10.17323/demreview.v11i4.24295](#). EDN [ROZKMP](#).
20. Карачурина, Л. Б. Роль миграционных процессов в демографическом развитии региональных центров России / Л. Б. Карачурина, Н. В. Мкртчян // Вопросы географии. 2016. № 141. С. 209–233.
21. Карачурина, Л. Б. В город или в пригород: что выбирают россияне на разных этапах жизненного пути / Л. Б. Карачурина, Н. В. Мкртчян // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2024. Т. 88, № 5. С. 694–711. DOI [10.31857/S2587556624050062](#). EDN [AOWHQV](#).
22. Карачурина, Л. Б. Привлекательность центров и вторых городов регионов для внутренних мигрантов в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2020. № 4. С. 506–516. DOI [10.31857/S258755662004007X](#). EDN [PPGHZR](#).
23. Мкртчян, Н. В. Пространственная картина центрo-периферийных миграционных взаимодействий в России // Региональные исследования. 2024. № 1(83). С. 19–33. DOI [10.5922/1994-5280-2024-1-2](#). EDN [DZYXND](#).
24. Смирнов, С. Н. Миграционная привлекательность регионов России // Социальные новации и социальные науки. 2023. № 1(10). С. 55–71. DOI [10.31249/snsn/2023.01.04](#). EDN [WNTYQD](#).
25. Кузнецова, О. В. Сглаживание пространственной поляризации регионов посредством повышения их миграционной привлекательности (на примере Приволжского федерального округа) : специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Санкт-Петербург, 2015. 159 с. EDN [UJRCGF](#).
26. Шмидт, Ю. Д. Оценка миграционной привлекательности территории для молодежи / Ю. Д. Шмидт, Н. В. Ивашина // Экономический анализ: теория и практика. 2021. Т. 20, № 1(508). С. 58–80. DOI [10.24891/ea.20.1.58](#). EDN [QMWZEY](#).
27. Вершинин, С. Е. О качественных критериях определения миграционной емкости муниципального образования // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2009. № 4(70). С. 142–151. EDN [KXYTIT](#).
28. Миграция населения: теория и политика : учебное пособие / О. Д. Воробьева, А. В. Топилин, В. И. Мукомель [и др.]. Москва : Издательство «Экономическое образование», 2012. 364 с. ISBN 978-5-7425-0160-2. EDN [UXNSRN](#).

29. Рыбаковский, Л. Л. Миграционный потенциал: критерии оценки и современные масштабы // Социологические исследования. 2011. № 4(324). С. 24–34. EDN [NQXUFH](#).
30. Рязанцев, С. В. Формирование миграционного потенциала соотечественников в странах Центральной Азии / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, М. Н. Храмова // Народонаселение. 2015. № 4(70). С. 58–67. EDN [VKQTDF](#).
31. De Blij, H. The Power of Place: Geography, Destiny, and Globalization's Rough Landscape. Oxford : Oxford University Press, 2008. 280 p. ISBN 978-0-19-536770-6.
32. Голубченко, С. И. Управление миграционной привлекательностью региона: проблемы классификации // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17, № 1. С. 201–229. DOI [10.22394/2071-2367-2022-17-1-201-229](#). EDN [VJITPE](#).
33. Казакбаев, Р. Х. Миграционная привлекательность российских регионов как один из факторов социального воспроизводства человеческого капитала / Р. Х. Казакбаев, Э. Р. Зубова // Российское предпринимательство. 2011. № 6-1. С. 44–48. EDN [NUQESD](#).
34. Servillo, L. Territorial Attractiveness in EU Urban and Spatial Policy: A Critical Review and Future Research Agenda / L. Servillo, R. Atkinson, A. P. Russo // European Urban and Regional Studies. 2012. Vol. 19, № 4. Pp. 349–365. DOI [10.1177/0969776411430289](#).
35. Lee, K. H. The Conceptualization of Country Attractiveness: A Review of Research / K. H. Lee // International Review of Administrative Sciences. 2016. Vol. 82, № 4. Pp. 807–826. DOI [10.1177/0020852314566002](#).
36. Musolino, D. A New Territorial Attractiveness Index at the International Scale: Design, Application and Patterns in Italy / D. Musolino, B. Kotosz // The Annals of Regional Science. 2024. Vol. 72, № 4. Pp. 1159–1187. DOI [10.1007/s00168-023-01239-w](#).
37. Brochmann, G. Absorption Capacity as Means for Assessing Sustainable Immigration / G. Brochmann, A. S. Grødem // EMN Norway Occasional Paper. Oslo : Norwegian Directorate of Immigration (UDI), 2019. 31 p. URL: https://www.udi.no/globalassets/global/european-migration-network_i/emn-norway-papers/absorption-capacity.pdf.
38. Du, C. Absorptive Capacity in Canada, Australia, and New Zealand: A Comparative Analysis of Immigration, Housing, and Labour Market Trends // SSRN Working Paper. 2025. 41 p. DOI [10.2139/ssrn.5290013](#).
39. De Coninck, D. Integration Policies and Migrants' Labour Market Outcomes: A Local Perspective Based on Different Regional Configurations in the EU / D. De Coninck, G. Solano // Comparative Migration Studies. 2023. Vol. 11. Art. 23. DOI [10.1186/s40878-023-00347-y](#).
40. Tjaden, J. How Much Do “Local Policies” Matter for Refugee Integration? An Analytical Model and Evidence from a Highly Decentralized Country / J. Tjaden, C. Spörlein // International Migration Review. 2023. Vol. 59, № 3. Pp. 1194–1218. DOI [10.1177/01979183231205561](#).

Сведения об авторах

Щитова Наталия Александровна, доктор географических наук, профессор, профессор департамента географии и геоинформатики, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия.

Контактная информация: e-mail: stavgeo@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-3709-953X](#); РИНЦ SPIN-код: [3472-5392](#); Web of Science Researcher ID: [ABA-1080-2021](#); Scopus Author ID: [6602786751](#).

Зольникова Юлия Федоровна, кандидат географических наук, доцент, доцент департамента географии и геоинформатики, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия.

Контактная информация: e-mail: zolnst@mail.ru; ORCID ID: [0009-0009-8216-225X](#); РИНЦ SPIN-код: [1265-6405](#); Scopus Author ID: [57219554702](#).

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № [25-27-00057](#) «Геоинформационный мониторинг миграционных процессов в городах России».

Статья поступила в редакцию 05.04.2026; принята в печать 01.06.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

CONCEPTUALISING “MIGRATION POTENTIAL” FROM THE PERSPECTIVE OF GEOGRAPHICAL SCIENCE

Natalia A. Shchitova

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

E-mail: stavgeo@mail.ru

Julia F. Zolnikova

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

E-mail: zolnst@mail.ru

For citation: Shchitova, N. A., Zolnikova, J. F. Conceptualising “Migration Potential” from the Perspective of Geographical Science. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 3. Pp. 25–41. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.2](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.2). (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to conceptualising the notion of “migration potential” within the framework of the geographical approach. The relevance of the study is determined by the deepening demographic crisis in Russia, the exhaustion of natural population growth, and the need to use migration as a key compensatory mechanism. The aim of the work is to provide a theoretical ordering of the content of this category, to overcome methodological fragmentation, and to substantiate the importance of a territorial-institutional approach to its definition. The methodological basis includes logical-semantic analysis, the historical-genetic method, intent analysis, and the method of mind mapping. The information base comprises publications by Russian migration scholars of the post-Soviet period. As a result of the study, three main groups of definitions of migration potential have been systematised: objective (resource-based, relying on the number of potential migrants), subjective (behavioural, based on migration intentions and attitudes), and comprehensive (integrative, taking into account various sub-potentials). The expediency of distinguishing two types of the generic concept is substantiated: the migration potential of the population (the number of people who are ready and able to change their place of residence, taking into account their qualitative characteristics) and the migration potential of a territory (the capacity of a territory to receive or send population). Within the latter, migration attractiveness (a set of favourable conditions for receiving migrants) and the migration capacity of a territory (the maximum number of migrants that can be integrated without reducing the quality of life of the receiving community) are distinguished. The multi-scale nature of the concept of “migration potential” and the need to clarify its content at the country, regional, and local levels are emphasised. The conclusions of the article create a theoretical basis for developing methods of qualitative and quantitative assessment of migration potential, identifying spatial disproportions between the population’s demand for relocation and the reception capacities of territories, which is of considerable importance for demographic and migration policy.

Keywords: migration potential, migration potential of a territory, migration potential of the population, migration attractiveness of a territory, migration capacity of a territory

References

1. Kozhevnikova, N. I. Glava 8. Migratsionnyy potentsial dlya Rossii v stranakh novogo zarubezh'ya [Chapter 8. Migration Potential for Russia in the Countries of the New Abroad]. *Migratsionnye protsessy v Rossii [Migration Processes in Russia]*. Ed. by V. V. Lokosov, L. L. Rybakovsky. Moscow: Ekon-Inform Publishing House, 2014. Pp. 163–187. (In Russ.).
2. Zubkov, V. V. Migratory Potential as Object of Sociological Measurement. *Bulletin of Pacific National University* 2014. No. 2 (33). Pp. 287–290. (In Russ.).
3. Bedrina, E. B. Formating Magration Potential of Workforce Exporting Countries to Russian Federation. *Rossiyskie regiony v fokuse peremen [Russian Regions in the Focus of Change]: Collection of Reports of the XI International Conference*. In 2 vols., Ekaterinburg, 17–19 November 2016. Vol. 1. Ekaterinburg: UMTs UPI Publishing House, 2016. Pp. 313–321. (In Russ.).
4. Grishanova, A. G., Kozhevnikova, N. I. Migration Potential: Theoretical Aspects. *Population*. 2016. No. 1-1 (71-1). Pp. 42–51. (In Russ.).
5. Ledeneva, V. Yu., Rakhmonov, A. Kh. The Impact of ‘Migration Potential’ on the Economic and Demographic Development of donor And Recipient Countries. *MGIMO Review of International Relations*. 2023. Vol. 16, No. 6. Pp. 250–269. DOI [10.24833/2071-8160-2023-6-93-250-269](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-6-93-250-269). (In Russ.).

6. Rybakovsky, L. L. Migration Potential of the Russian Population in the Countries of the Russian Abroad. *Sociological Studies*. 1996. No. 11. Pp. 31–41. (In Russ.).
7. Rybakovsky, L. L. Migration Potential. The Term and Evaluative Criteria. *Sociological Studies*. 2009. No. 2 (298). Pp. 29–36. (In Russ.).
8. Mukomel, V. I. Migratsionnyy potentsial i perspektivy immigratsii sootchestvennikov iz gosudarstv SNG i Baltii [Migration Potential and Prospects of Immigration of Compatriots from the CIS and Baltic States]. *Etnopanorama* [Ethnopanorama]. 2001. No. 3. Pp. 47–56. (In Russ.).
9. Mukomel, V. I. Who will Come to Russia from “Near Foreign Countries”? *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2003. Vol. 12, No. 3. Pp. 130–146. (In Russ.).
10. Rybakovsky, L. L. *Istoriya i teoriya migratsii naseleniya* [History and Theory of Population Migration]: monograph. Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences. Moscow: ISPI RAS, 2016-. Book 3: *Teoriya trekh stadiy migratsionnogo protsessa* [Theory of Three Stages of the Migration Process]. 2019. 218 p. ISBN 978-5-907057-90-6. (In Russ.).
11. Yudina, T. N. *Migratsiya: slovar' osnovnykh terminov* [Migration: Dictionary of Basic Terms]: textbook for university students. Moscow: RSSU Publishing House, 2007. 472 p. ISBN 978-5-7139-0526-2. (In Russ.).
12. Layard, R., Blanchard, O., Dornbusch, R., Krugman, P. *East West Migration: The Alternatives*. Cambridge, MA; London: MIT Press, 1992. 94 p. ISBN 0-262-12168-9.
13. Fassmann, H., Hintermann, C. Migrationspotential Ostmitteleuropa [Migration potential of East Central Europe]. *Struktur und Motivation potentieller Migranten aus Polen, der Slowakei, Tschechien und Ungarn* [Structure and motivation of potential migrants from Poland, Slovakia, the Czech Republic and Hungary] (ISR Forschungsberichte, Nr. 15 [ISR Research Reports, No. 15]). Vienna: Institute for Urban and Regional Research, 1997. 72 p. ISBN 3-7001-2652-2. (In German).
14. Fertig, M. The Economic Impact of EU Enlargement: Assessing the Migration Potential. *Empirical Economics*. 2002. Vol. 26, No. 4. Pp. 707–720. DOI [10.1007/s001810100078](https://doi.org/10.1007/s001810100078).
15. De Haas, H. A Theory of Migration: The Aspirations Capabilities Framework. *Comparative Migration Studies*. 2021. Vol. 9, No. 1. Art. 8. DOI [10.1186/s40878-020-00210-4](https://doi.org/10.1186/s40878-020-00210-4).
16. Czaika, M., Reinprecht, C. Migration Drivers: Why Do People Migrate? *Introduction to Migration Studies*. Ed. by P. Scholten. IMISCOE Research Series. Cham: Springer, 2022. Pp. 47–73. ISBN 978-3-030-92377-8. DOI [10.1007/978-3-030-92377-8_3](https://doi.org/10.1007/978-3-030-92377-8_3).
17. Galas, M. L., Goroshnikova, T. A., Fedorova, I. Yu. *Migration Potential of Russian Regions and Prospects of the Single Eurasian Labor Market*. Moscow: Infra-M Scientific Publishing Centre, 2023. 225 p. ISBN 978-5-16-017896-7. DOI [10.12737/1895949](https://doi.org/10.12737/1895949). (In Russ.).
18. Ermakov, S. V., Shkurkin, A. M. Migratsionnyy trudovoy potentsial regiona v sisteme strukturnykh disproportsiy rynka truda [Migration Labour Potential of a Region in the System of Structural Disproportions of the Labour Market]. *Power and Administration in the East of Russia*. 2007. No. 2 (39). Pp. 47–51. (In Russ.).
19. Lyalina, A. V., Voloshenko, K. Yu. Migration Potential of the Kaliningrad Region: Migration Sentiments and Intentions of Residents of the Exclave. *Demographic Review*. 2024. Vol. 11, No. 4. Pp. 168–188. DOI [10.17323/demreview.v11i4.24295](https://doi.org/10.17323/demreview.v11i4.24295). (In Russ.).
20. Karachurina, L. B., Mkrtchyan, N. V. Rol' migratsionnykh protsessov v demograficheskom razvitii regional'nykh tsentrov Rossii [The Role of Migration Processes in the Demographic Development of Regional Centres of Russia]. *Problems of Geography*. 2016. No. 141. Pp. 209–233. (In Russ.).
21. Karachurina, L. B., Mkrtchyan, N. V. To the City or to the Suburbs: What Russians Choose at Different Stages of Life Course? *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. 2024. Vol. 88, No. 5. Pp. 694–711. DOI [10.31857/S2587556624050062](https://doi.org/10.31857/S2587556624050062). (In Russ.).
22. Karachurina, L. B. The Attractiveness of the Centers and Secondary Cities of the Regions for Internal Migrants in Russia. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. 2020. No. 4. Pp. 506–516. DOI [10.31857/S258755662004007X](https://doi.org/10.31857/S258755662004007X). (In Russ.).
23. Mkrtchyan, N. V. Spatial Overview of Center-Periphery Migration Interactions in Russia. *Regional Studies*. 2024. No. 1 (83). Pp. 19–33. DOI [10.5922/1994-5280-2024-1-2](https://doi.org/10.5922/1994-5280-2024-1-2). (In Russ.).
24. Smirnov, S. N. Migration Attractiveness of Russian Regions. *Social Novelties and Social sciences*. 2023. No. 1 (10). Pp. 55–71. DOI [10.31249/snsn/2023.01.04](https://doi.org/10.31249/snsn/2023.01.04). (In Russ.).

25. Kuznetsova, O. V. *Sglazhivanie prostranstvennoy polyarizatsii regionov posredstvom povysheniya ikh migratsionnoy privlekatel'nosti (na primere Privolzhskogo federal'nogo okruga) [Smoothing the Spatial Polarisation of Regions by Enhancing Their Migration Attractiveness (the Case of the Volga Federal District)]*: dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences. Saint Petersburg, 2015. 159 p. (In Russ.).

26. Shmidt, Yu. D., Ivashina, N. V. Assessment of the Migration Attractiveness of a Territory for Young People. *Economic Analysis: Theory and Practice*. 2021. Vol. 20, No. 1 (508). Pp. 58–80. DOI [10.24891/ea.20.1.58](https://doi.org/10.24891/ea.20.1.58). (In Russ.).

27. Vershinin, S. E. On the Criteria of Migratory Quota in the Municipality. *Ural Federal University Journal. Series 3. Social Sciences*. 2009. No. 4 (70). Pp. 142–151. (In Russ.).

28. Vorob'eva, O. D., Topilin, A. V., Mukomel, V. I., et al. *Migratsiya naseleniya: teoriya i politika [Population Migration: Theory and Policy]*: textbook. Moscow: Ekonomicheskoe obrazovanie Publishing House, 2012. 364 p. ISBN 978-5-7425-0160-2. (In Russ.).

29. Rybakovsky, L. L. Migration Potential: Criteria of Assessment and Present-Day Size. *Sociological Studies*. 2011. No. 4 (324). Pp. 24–34. (In Russ.).

30. Ryazantsev, S. V., Pismennaya, E. E., Khramova, M. N. Formation of the Migration Potential of Compatriots in the Countries of Central Asia. *Population*. 2015. No. 4 (70). Pp. 58–67. (In Russ.).

31. De Blij, H. *The Power of Place: Geography, Destiny, and Globalization's Rough Landscape*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 280 p. ISBN 978-0-19-536770-6.

32. Golubchenko, S. I. Managing the Migration Attractiveness of the Region: Classification Problems. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2022. Vol. 17, No. 1. Pp. 201–229. DOI [10.22394/2071-2367-2022-17-1-201-229](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2022-17-1-201-229). (In Russ.).

33. Kazakbaev, R. Kh., Zubova, E. R. Migration Attractiveness of Russian Regions as a Factor in the Social Reproduction of Human Capital. *Russian Journal of Entrepreneurship*. 2011. No. 6-1. Pp. 44–48. (In Russ.).

34. Servillo, L., Atkinson, R., Russo, A. P. Territorial Attractiveness in EU Urban and Spatial Policy: A Critical Review and Future Research Agenda. *European Urban and Regional Studies*. 2012. Vol. 19, No. 4. Pp. 349–365. DOI [10.1177/0969776411430289](https://doi.org/10.1177/0969776411430289).

35. Lee, K. H. The Conceptualization of Country Attractiveness: A Review of Research. *International Review of Administrative Sciences*. 2016. Vol. 82, No. 4. Pp. 807–826. DOI [10.1177/0020852314566002](https://doi.org/10.1177/0020852314566002).

36. Musolino, D., Kotosz, B. A New Territorial Attractiveness Index at the International Scale: Design, Application and Patterns in Italy. *The Annals of Regional Science*. 2024. Vol. 72, No. 4. Pp. 1159–1187. DOI [10.1007/s00168-023-01239-w](https://doi.org/10.1007/s00168-023-01239-w).

37. Brochmann, G., Grødem, A. S. *Absorption Capacity as Means for Assessing Sustainable Immigration*. EMN Norway Occasional Paper. Oslo: Norwegian Directorate of Immigration (UDI), 2019. 31 p. URL: https://www.udi.no/globalassets/global/european-migration-network_i/emn-norway-papers/absorption-capacity.pdf

38. Du, C. Absorptive Capacity in Canada, Australia, and New Zealand: A Comparative Analysis of Immigration, Housing, and Labour Market Trends. *SSRN Working Paper*. 2025. 41 p. DOI [10.2139/ssrn.5290013](https://doi.org/10.2139/ssrn.5290013).

39. De Coninck, D., Solano, G. Integration Policies and Migrants' Labour Market Outcomes: A Local Perspective Based on Different Regional Configurations in the EU. *Comparative Migration Studies*. 2023. Vol. 11. Art. 23. DOI [10.1186/s40878-023-00347-y](https://doi.org/10.1186/s40878-023-00347-y).

40. Tjaden, J., Spörlein, C. How Much Do “Local Policies” Matter for Refugee Integration? An Analytical Model and Evidence from a Highly Decentralized Country. *International Migration Review*. 2023. Vol. 59, No. 3. Pp. 1194–1218. DOI [10.1177/01979183231205561](https://doi.org/10.1177/01979183231205561).

Acknowledgements and financing

The research was carried out with financial support from the Russian Science Foundation (RSF) within the framework of scientific project No. [25-27-00057](https://doi.org/10.25-27-00057) “Geoinformation Monitoring of Migration Processes in Russian Cities”.

Bio notes

Natalia A. Shchitova, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Professor, Department of Geography and Geoinformatics, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Contact information: e-mail: stavgeo@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-3709-953X](https://orcid.org/0000-0002-3709-953X); RSCI SPIN-code: [3472-5392](https://elibrary.ru/3472-5392); Web of Science Researcher ID: [ABA-1080-2021](https://orcid.org/ABA-1080-2021); Scopus Author ID: [6602786751](https://orcid.org/6602786751).

Julia F. Zolnikova, Candidate of Geographical Sciences, Docent, Associate Professor, Department of Geography and Geoinformatics, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Contact information: e-mail: zolnst@mail.ru; ORCID ID: [0009-0009-8216-225X](https://orcid.org/0009-0009-8216-225X); RSCI SPIN-code: [1265-6405](https://elibrary.ru/1265-6405); Scopus Author ID: [57219554702](https://orcid.org/57219554702).

Received on 05.04.2026; accepted for publication 01.06.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.3.3](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.3)

EDN [ARHQXW](https://www.edn.ru/ARHQXW)

Научная статья

КОНЦЕПЦИЯ И СТРУКТУРА ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО АТЛАСА РОССИИ

Рязанцев С. В.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: riazan@mail.ru

Вартанова М. Л.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: m.l.vartanova@mail.ru

Смирнов А. В.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: sofetel@mail.ru

Рязанцев Н. С.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: nikipaulistano@gmail.com

Для цитирования: Рязанцев, С. В. Концепция и структура этнодемографического атласа России / С. В. Рязанцев, М. Л. Вартанова, А. В. Смирнов, Н. С. Рязанцев // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 3. С. 42–58. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.3](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.3). EDN [ARHQXW](https://www.edn.ru/ARHQXW).

Аннотация. Этнокультурное многообразие регионов Российской Федерации выступает не только значимым элементом исторического наследия, но и стратегическим ресурсом обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития государства. Актуальность исследования обусловлена выраженной вариативностью масштабов и характера расселения народов России, трансформацией этнодемографической ситуации под влиянием миграционных процессов, урбанизации и межрегиональных диспропорций. В статье представлена концептуальная модель атласа, включающая систему тематических разделов, ключевые индикаторы, уровни генерализации данных и приоритетные картографические сюжеты. Авторами анализируются методологические подходы к картографическому отображению этнодемографических процессов на территории России, а также обосновывается необходимость разработки атласа народов России как инструмента пространственного анализа расселения и демографической динамики населения. Указывается, что данные процессы характеризуются выраженной территориальной неоднородностью, временной изменчивостью и тесной корреляцией с миграционными потоками, урбанизацией, межрегиональными диспропорциями и этническим составом жителей. Авторы подчеркивают необходимость интеграции обзорных и детализированных карт для отражения как общей структуры расселения народов России, так и специфики региональной этнической локализации. Особое внимание уделяется интеграции статистических, картографических и геоинформационных методов в единую исследовательскую платформу. Предложенная концепция предусматривает использование центрографического метода, методов плотности точек и статистических поверхностей для идентификации стабильных ареалов проживания, зон концентрации населения, векторов миграционных сдвигов и динамики численности этнических групп. Атлас ориентирован на создание научных, образовательных и прикладных ресурсов для мониторинга этнодемографических процессов на федеральном, региональном и локальном уровнях, способствуя гармонизации этнокультурной политики и укреплению территориальной целостности страны.

Ключевые слова: атлас, картографирование, народы России, концепция, миграционный атлас Российской Федерации, миграционные процессы, наука, национальная безопасность, перепись населения, регионы

Введение

Актуальность исследования обусловлена высокой степенью этнодемографической неоднородности регионов Российской Федерации, характеризующихся многообразием этнических ареалов, вариативностью демографических траекторий и спецификой миграционного опыта населения.

Научная проблема работы заключается в отсутствии комплексной системы пространственной интерпретации фрагментарных данных административных источников и необходимости создания единого аналитического инструмента для мониторинга трансформаций этнического состава страны под влиянием интенсификации межрегиональной мобильности. Предлагаемый этнодемографический атлас направлен на устранение существующих научных пробелов в области интеграции статистических показателей с геоинформационными технологиями, обеспечивая переход от дискретных данных к многоуровневым картографическим системам.

Целью работы является разработка концептуальной основы и структуры этнодемографического атласа России как инструмента консолидации пространственных и демографических данных для обеспечения научно-исследовательской деятельности, образовательных целей и поддержки региональной государственной политики. Для достижения поставленной цели решаются задачи по теоретическому анализу существующих демографических атласов, проектированию модульной архитектуры атласа, разработке алгоритмов идентификации «этнодемографических очагов» и созданию пилотной ГИС-базы на основе данных всероссийских переписей 2002, 2010 и 2020 гг.

Научная новизна исследования заключается в предложении модульной архитектуры атласа, объединяющей традиционную картографию с динамическими хронологическими слоями и аналитическими панелями, а кроме того, в разработке методологии формирования динамических профилей этносов. В рамках работы предлагается типология динамики этнодемографических процессов (устойчиво растущие, устойчиво сокращающиеся, флуктуирующие и стабилизированные группы), позволяющая систематизировать изменения численности и территориальной концентрации населения.

Типология динамики этнодемографических процессов позволяет выделить четыре категории: устойчиво растущие, устойчиво сокращающиеся, флуктуирующие и стабилизированные. Группы с устойчивым ростом характеризуются увеличением численности и расширением территории. Группы с устойчивым сокращением демонстрируют уменьшение численности, сужение ареала и ослабление локальной концентрации. Флуктуирующие группы претерпевают изменения в пространственном распределении под влиянием миграционных потоков, урбанизации и пересмотра этнической самоидентификации. Стабилизированные группы обладают постоянством численности и ареала обитания при условии допустимых локальных колебаний в пределах регионов.

Интерпретация картографических материалов должна осуществляться в контексте демографических и социально-экономических условий соответствующей

территории. Рекомендуется для каждого этноса формировать динамический профиль, который должен включать карту, таблицу ключевых показателей и краткое аналитическое описание наблюдаемых процессов. Данная методология преобразует атлас из чисто справочного ресурса в полноценный аналитический инструмент для изучения пространственной эволюции этнического состава России.

Методологическая база исследования включает анализ данных всероссийских переписей населения, проведенных в 2002, 2010, 2020 гг., административно-территориального деления Российской Федерации, миграционной статистики и этнографических словарей с применением методов стандартизации наименований народов, привязки к системам ОКАТО/ОКТМО и интерполяции пропущенных значений. Визуализация динамики реализуется посредством серийных карт, карт разности и анимированных веб-слоев.

Академический потенциал этнодемографического атласа России и его прикладное значение

1. *Наука.* Систематизация и синтез пространственно-временных данных, касающихся этнического состава населения, миграционных потоков, рождаемости, смертности и внутренних демографических тенденций, значительно расширяют возможности для проведения междисциплинарных изысканий в области этнологии, демографии, социологии и географии.

2. *Образование.* Атлас выступает в качестве визуально насыщенного учебно-методического пособия для вузов и образовательных учреждений, что способствует более глубокому освоению региональной этнокультурной географии.

3. *Государственная политика.* Атлас представляет собой ключевой инструмент для разработки комплексных мер регионального развития, адаптации социальных программ, формирования языковой и культурной политики, а также реализации превентивных мероприятий по предотвращению конфликтов.

4. *Региональное сообщество.* Атлас функционирует как платформа, позволяющая местным и коренным общинам представить свою уникальную демографическую историю и обозначить актуальные потребности.

Теоретико-методические основы картографирования этнодемографических процессов в регионах Российской Федерации

В отличие от традиционного статистического обзора, этнодемографический атлас позволяет выявить не только количественные параметры, но и комплексные пространственные закономерности, включая ареалы компактного проживания, зоны смешанной застройки, миграционные потоки, центры концентрации и периферийные районы. Методологически подобный атлас базируется на интеграции статистических, картографических и геоинформационных методов. Для отображения этнодемографических процессов применимо разнообразие картографических подходов, включая картограммы, картодиаграммы, точечные и ареальные карты, карты плотности, центрографический метод и пространственно-временное моделирование. Оптимальный выбор методики обусловлен природой анализируемого показателя. Критически важным аспектом является многомасштабность анализа.

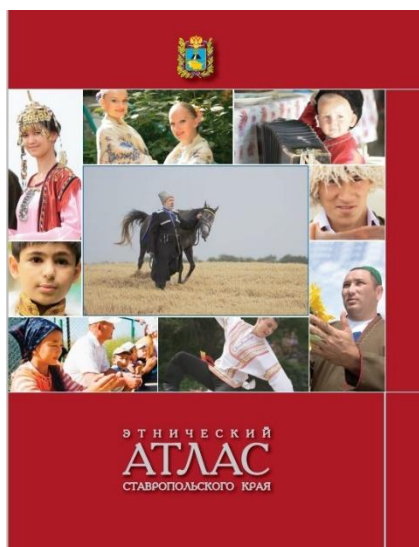

**Рис. 1. Этнический атлас
Ставропольского края**
**Fig. 1. Ethnic Atlas of Stavropol
Krai**

Источник: [1]

«Этнический атлас Ставропольского края» 2014 г. (рис. 1) состоит из девяти разделов, которые представляют собой карты и анализ, сформированные на основе данных переписей с 1970 г., и охватывает как географические характеристики, так и демографические тенденции, а также этнический состав различных районов. Однако этот атлас фиксирует этническую структуру на определенный момент времени и не содержит сценарных моделей или прогнозов, что снижает возможность для стратегического планирования [1].

«Этнодемографический атлас прибалтийско-финских народов Республики Карелия» 1998 г. (рис. 2) стал важным этапом в изучении этнической динамики карельского, вепсского и сетуского населения с особым вниманием к влиянию государственных границ на процессы ассимиляции и миграции [2]. В атласе представлены три прибалтийско-финских этноса, населяющих северо-западные территории России и ныне разделенные границами различного уровня: карелы (Финляндия, Республика Карелия, Ленинградская и Тверская области), вепсы

На федеральном уровне приоритетными считаются обобщенные карты, тогда как для регионального уровня требуется разработка детальных схем расселения, учитывающих местную специфику. Данное требование особенно актуально, поскольку этнический состав регионов России демонстрирует значительные различия, а пространственные закономерности расселения народов зачастую носят локальный характер. Этнодемографический атлас представляет собой специализированное картографическое издание, агрегирующее этнографические и демографические данные для комплексного анализа расселения населения, миграционных процессов и демографических трансформаций в различных регионах. Современные атласы выступают в качестве комплексных произведений, одновременно справочного, аналитического и прикладного характера. Для примера можно привести следующие работы.

**Рис. 2. Этнодемографический
атлас прибалтийско-финских
народов Республики Карелия**
**Fig. 2. Ethnodemographic Atlas
of the Baltic-Finnic Peoples of the
Republic of Karelia**

Источник: [3]

Рис. 3. Миграционный атлас Российской Федерации
Fig. 3. Migration Atlas of the Russian Federation

Источник: [5]

Издание содержит анализ данных за период с 1991 по 2022 г. и всесторонний обзор масштабов, направлений и социально-демографической структуры миграции [5]. В работе рассматриваются как внутренние, так и внешние потоки, а кроме этого, специфические виды перемещения населения (трудовая, образовательная, вынужденная, этническая), вопросы расселения диаспор и эмиграции. При этом атлас фокусируется на миграционных потоках без учета этнической структуры мигрантов, что не позволяет анализировать этнодемографические последствия таких перемещений.

«Атлас социально-демографического развития России и Ирана» (рис. 4) представляет собой уникальный пример сравнительного анализа, но его методология имеет ограничения для использования в качестве основы общероссийского этнодемографического атласа. Для целей нашего исследования он полезен, поскольку демонстрирует потенциал атласного формата для сопоставления различных территорий по схожим социально-демографическим параметрам

(Республика Карелия, Ленинградская и Вологодская области) и сету (Эстония и Псковская область) [3]. По результатам исследования сформулирован комплекс рекомендаций, направленных на сохранение языка и культуры коренного населения Северо-Западной России. Однако атлас создавался в доцифровую эпоху, что ограничивало возможности его интеграции с современными ГИС-платформами и базами данных. Кроме того, исследование сосредоточено исключительно на прибалтийско-финских народах, что не позволяет рассматривать их в контексте межэтнического взаимодействия с другими группами населения.

«Миграционный атлас Российской Федерации», подготовленный авторским коллективом под руководством члена-корреспондента РАН С. В. Рязанцева при участии ученых Северо-Кавказского федерального университета (рис. 3), представляет собой значимый источник информации о миграционных процессах.

Издание со-

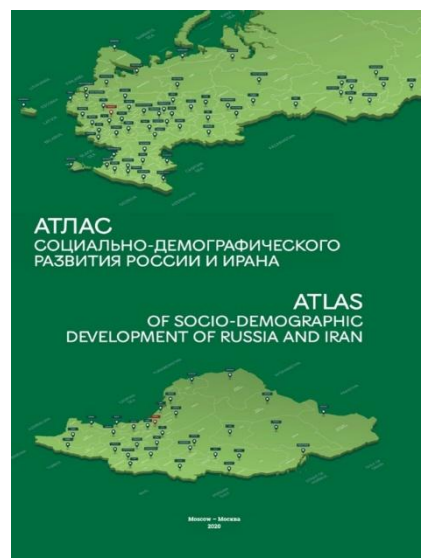

Рис. 4. Атлас социально-демографического развития России и Ирана
Fig. 4. Atlas of Socio-Demographic Development of Russia and Iran

Источник: [6]

и выявления структурных различий в развитии населения. Данное издание может служить образцовой моделью построения аналитических разделов для будущего этнодемографического атласа народов России, где карты дополняются пояснительным текстом, диаграммами и сравнительными таблицами. Вместе с тем атлас ориентирован на сопоставление двух стран, что не позволяет детально анализировать внутрироссийскую региональную специфику. Основное внимание уделено социально-демографическим показателям без учета этнической структуры населения, а картографические решения не содержат детальных карт этнического расселения, что чрезвычайно важно для этнодемографического анализа. Таким образом, концептуальная основа нового «Этнодемографического атласа России» направлена на преодоление выявленных недостатков, а именно: локальную или тематическую ограниченность, устаревание данных, отсутствие динамического и сценарного анализа, технологическую архаичность, фрагментарность статистической базы, отсутствие этнического измерения в миграционных и социально-демографических исследованиях.

В рамках работы над атласом возникает потребность в разработке структуры издания по аналогии с завершенными ранее проектами, что требует предусмотреть тематическое сегментирование, использовать несколько групп данных и обеспечить сопоставимость картографического материала как во временном, так и в пространственном измерении.

Этнодемографический атлас России: разработка концепции и структуры

Создание этнодемографического атласа России представляет собой ценный образец многоуровневой структуры, объединяющей статистические сведения, картографические материалы и экспертные комментарии, что наглядно демонстрирует потенциал представления миграции не как обособленного феномена, а как ключевого фактора трансформации этнодемографического облика территорий.

Главная цель атласа заключается в создании научно обоснованной геоинформационной платформы для мониторинга этнодемографических процессов в России. Ключевые задачи сконцентрированы на выявлении закономерностей расселения отдельных этносов, анализе этнической структуры регионов, оценке динамики численности между периодами переписей, визуализации миграционных и ассимиляционных изменений.

Концепция атласа народов Российской Федерации основывается на принципе многоуровневого представления этнодемографической ситуации. На начальном уровне рекомендуется предоставить всеобъемлющую характеристику народов России, включающую их численность, долю в общенаселении, территориальное распределение и административно-территориальную принадлежность. Второй уровень должен быть посвящен картографическому изображению расселения отдельных этносов и групп народов по регионам. Третий уровень предполагает применение динамических карт, наглядно демонстрирующих изменения численности, плотности населения и этнического состава, основанных на данных переписей и промежуточных периодов.

Принципиально важным аспектом концепции является интеграция тематических блоков, освещающих не только демографические аспекты, но и смежные

факторы: миграционные процессы, урбанизацию, языковую обстановку, трансформацию как сельского, так и городского расселения, а также пространственную неоднородность этнического состава.

Структура атласа может быть сформирована из организационного, информационного, картографического и аналитического модулей и концептуально построена следующим образом:

- организационный модуль отвечает за программную платформу, базу данных, процесс обновления и хранения информации;
- информационный модуль содержит справочники по этносам, регионам, данные переписей населения, миграционные показатели и метаданные;
- картографический модуль включает карты, визуализирующие расселение, плотность, концентрацию, динамику, миграционные потоки и этнокультурную локализацию.

Такая структура обеспечивает интеграцию обзорных и детализированных карт, позволяя достичь как всестороннего представления о демографической ситуации в стране [7], так и возможности глубокого анализа отдельных этносов, что расширяет исследовательский потенциал материала. Атлас должен интегрировать не только картографические материалы, но и соответствующие таблицы, служащие для углубления визуальной информации. Особое значение приобретают карты ареалов проживания, картограммы доли этноса в регионе, карты плотности населения, миграционных потоков и динамики численности.

Динамическое картографирование позволяет выявить: центры роста и сокращения численности; смещение ареалов расселения; усиление урбанистической концентрации; перераспределение между историческими и новыми зонами проживания; различия между естественным приростом и миграционно обусловленным ростом. Данная комбинация особенно актуальна для народов, обладающих высокой мобильностью или повышенной чувствительностью к миграционным и ассимиляционным процессам.

С точки зрения технологической реализации, атлас оптимально спроектировать на базе ГИС-платформы с возможностью экспорта в веб-формат и обеспечения регулярного обновления информации [8]. База данных должна поддерживать взаимосвязь между этносами, территориями и временными срезами. Рекомендуется хранить картографические слои отдельно от атрибутивных таблиц для упрощения обновления числовых показателей без необходимости полной переработки визуальных элементов. Перспективным подходом является сочетание статического PDF-формата с интерактивной онлайн-версией, позволяющей пользователю фильтровать данные по этносу, региону и году наблюдения.

Результаты исследования

Этнодемографический атлас России – это картографическое издание, которое обобщает сведения о численности, расселении и динамике этнических групп, используя результаты всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020 гг. и применяя кластерный анализ для выявления региональных закономерностей. В соответствии с ВПН-2020, население Российской Федерации составило 147,18 млн человек, при этом 130,59 млн человек (88,7%) указали свою национальность, что

охватывает более 190 этносов. Наиболее многочисленную группу составляют русские с населением 105,58 млн человек (что составляет 71,7% от общего числа и 80,9% от указавших национальность), за ними следуют татары – 4,71 млн человек (3,2%) и чеченцы – 1,67 млн человек (1,1%). Основные демографические показатели включают: долю женщин – 54%, долю городского населения – 75%, долю русского населения – 80,8% и средний возраст – 41 год.

Данные для формирования таблиц 1–3 были систематизированы на основе совокупности материалов всероссийских переписей населения 2010 г. и 2020 г., содержащих сведения о численности этнических групп по субъектам Российской Федерации, и специализированных демографических и этнографических атласов с публикациями по миграционным процессам, расселению народов и структуре населения [9].

Для анализа региональной концентрации этносов дополнительно использовались научные публикации по геоинформационному мониторингу этнической структуры, исследования в области историко-этнографического картографирования и материалы по распределению населения России. Важно отметить, что представленная информация носит обобщенный характер и является результатом синтеза данных из различных статистических и картографических источников, а не сведениями из единого первичного документа.

Влияние изменений административно-территориального деления необходимо рассматривать как территориальный параметр, искажающий сопоставимость данных переписи населения. Для обеспечения корректности межпереписного анализа показатели должны быть приведены к единой территориальной основе.

Рекомендуется применять два параллельных ряда показателей:

1. Данные в границах административно-территориального деления на момент проведения соответствующей переписи – для отражения фактической структуры расселения на конкретную дату.

2. Сопоставимые показатели в фиксированных границах – для объективной оценки динамики численности и доли этнических групп за исследуемый период.

В качестве базовой территории целесообразно использовать границы административных единиц последней переписи либо установленные для всего периода исследования контуры территорий. Поскольку результаты ВПН-2020 представлены по субъектам РФ, муниципальным образованиям и населенным пунктам, это позволяет осуществлять территориальную гармонизацию данных на различных уровнях анализа.

Таблица 1 иллюстрирует абсолютное распределение основных этносов Российской Федерации по результатам переписи 2020 г. Представленные показатели характеризуют пропорциональное соотношение каждой этнической группы (национальности) в структуре общего населения страны, формируя основу для картографической визуализации их территориального распределения и плотности заселения.

Настоящая таблица выступает в роли практической основы для выявления этнодемографических центров. Представленные сведения могут служить промежуточным аналитическим инструментом между численной статистикой и визуальным картографическим отображением, позволяя отфильтровать наиболее

значимые этносы и регионы, определить оптимальный тип карты и классифицировать территории по признакам ядра, периферии или диаспоры.

Таблица 1

Топ-10 этносов России по численности на 2021 г.

Table 1

Top 10 ethnic groups in Russia by population in 2021

№	Этническая группа	Численность (человек)	Доля от населения России (%)
1	Русские	105 579 179	71,73
2	Татары	4 713 669	3,20
3	Чеченцы	1 674 854	1,14
4	Башкиры	1 571 879	1,07
5	Чуваши	1 067 139	0,73
6	Аварцы	1 012 074	0,69
7	Армяне	946 172	0,64
8	Украинцы	884 007	0,60
9	Даргинцы	626 601	0,43
10	Казахи	591 970	0,40

Источник: составлено авторами по данным Всероссийской переписи населения 2020 г.¹

Анализ динамики и миграционных процессов, представленный в таблице 2, показывает, что демографические изменения обусловлены совокупным влиянием рождаемости, миграции и трансформации самоидентификации. В связи с чем атлас, оснащенный хронологическими слоями, должен обеспечивать возможность сопоставления регионов-источников и регионов-получателей мигрантов, а также отслеживания роста отдельных этнических групп.

Таблица 2

Динамика численности некоторых этносов России с 2010 по 2021 гг.

Table 2

Population dynamics of some ethnic groups in Russia from 2010 to 2021

Этническая группа	Численность, 2010 г. (человек)	Численность, 2021 г. (человек)	Абсолютный прирост, 2021–2010 гг. (человек)	Изменение численности (%)
Русские	111 016 897	105 579 179	-5 437 718	-4,90
Татары	5 310 649	4 713 669	-596 980	-11,24
Чеченцы	1 431 360	1 674 854	+243 494	+17,01
Таджики	200 303	350 236	+149 933	+74,85
Украинцы	1 927 988	884 007	-1 043 981	-54,15

Источник: рассчитано авторами по данным всероссийских переписей населения 2010 г.² и 2020 г.³

¹ Всероссийская перепись населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 02.02.2026).

² Всероссийская перепись населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 02.02.2026).

³ Всероссийская перепись населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 02.02.2026).

Таблица 3 содержит информацию о территориальной принадлежности народов, которые служат основой для разработки карт локализации и определения «этнодемографических очагов». Последние определяются как устойчивые территории проживания определенных этнических групп с высокой концентрацией их представителей. В свою очередь, зона этнической концентрации представляет собой территорию, где доля соответствующего этноса превышает средний показатель по более крупному административно-территориальному образованию (региону, федеральному округу или Российской Федерации в целом), но не достигает уровня, характерного для очага расселения.

Особого внимания заслуживают народы с очаговым или очагово-дисперсным типом расселения, к которым относятся татары, башкиры, чувашы, удмурты, марийцы и мордва. Их пространственная структура отражает сочетание исторических центров обитания и современных миграционных потоков. Такие группы чрезвычайно важны для этнодемографического картографирования, поскольку способствуют выявлению стабильных центров концентрации и направлений территориального расширения населения. Следует уделить внимание и группам, характеризующимся высококонцентрированным или ограниченным типом расселения, в частности саха, тувинцам, калмыкам и некоторым группам коренных малочисленных народов Севера. В случае этих этносов этнодемографический очаг обладает четко очерченными границами, а их пространственная локализация зачастую совпадает с административными или природно-географическими границами. Данное обстоятельство делает эти этносы особенно подходящими для картографирования на уровне региональных и субрегиональных схем.

Таблица 3

Этнические группы России: территории расселения, характер пространственной концентрации и картографо-аналитическое значение

Table 3

Ethnic groups of Russia: settlement territories, the nature of spatial concentration, and cartographic and analytical significance

Этническая группа	Основные территории расселения	Характер расселения	Значение для картографического анализа
Русские	Все субъекты РФ, особенно Центр, Поволжье, Сибирь, Юг России	Повсеместное, преобладающее	Базовый фон расселения, сравнительный этнокомпозиционный слой
Татары	Республика Татарстан, Башкортостан, Поволжье, крупные города России	Смешанное, очагово-дисперсное	Выделение крупных ареалов концентрации и городской диаспоры
Башкиры	Республика Башкортостан, соседние регионы Урала и Поволжья	Очаговое с расширением в соседние территории	Картирование этнического ядра и периферии расселения
Чуваши	Чувашская Республика, соседние регионы Поволжья	Очагово-региональное	Фиксация компактного ядра расселения и миграционного размывания
Удмурты	Удмуртская Республика, Пермский край, Татарстан, Башкортостан	Очаговое	Выявление устойчивого этнического ядра и зон расселения вне республики
Марийцы	Республика Марий Эл, Кировская область, Татарстан, Башкортостан	Очагово-дисперсное	Обозначение главного ареала и вторичных локализаций

Продолжение таблицы 3

Этническая группа	Основные территории расселения	Характер расселения	Значение для картографического анализа
Мордва	Республика Мордовия, Пензенская, Нижегородская, Самарская области	Рассеянное с ядром	Анализ компактного центра и региональной диаспоры
Саха (якуты)	Республика Саха (Якутия)	Высококонцентрированное	Ярко выраженный этнодемографический очаг с большой территориальной протяженностью
Буряты	Республика Бурятия, Иркутская область, Забайкальский край	Очагово-региональное	Фиксация ядра расселения и приграничных ареалов
Тувинцы	Республика Тыва	Компактное, очаговое	Четко локализованный очаг, удобный для карт ядра расселения
Калмыки	Республика Калмыкия, Астраханская и Ростовская области	Очагово-дисперсное	Отображение основного очага и периферийных территорий проживания
Осетины	Республика Северная Осетия – Алания, крупные города России	Очагово-урбанизированное	Сопоставление регионального ядра и городской миграционной сети
Коми	Республика Коми, Ненецкий АО, Кировская и Архангельская области	Очагово-северное	Анализ северного ареала и зон расселения за его пределами
Карелы	Республика Карелия, Ленинградская и Тверская области	Рассеянное	Выделение ослабленных ареалов и диаспорального расселения
Селькупы, ханты, манси, ненцы и др.	Север Западной Сибири, ЯНАО, ХМАО, Красноярский край, Таймыр	Малочисленное, локализованное	Основа для выделения локальных «очагов» и зон уязвимости расселения

Примечание: состав этнических групп представлен с учетом целей картографического анализа и уровня территориальной концентрации населения

Источник: составлено авторами по данным [10]

Таблица 3 показывает, что этнодемографическое картографирование должно опираться не только на численный состав народов, но и на характер их пространственной организации. Это особенно важно для выявления центров проживания и зон этнической устойчивости. Полагаем, что данная таблица может стать основой для создания этнодемографического атласа народов России, поскольку она задает структуру последующего картографического наложения и позволяет выбрать адекватные методы визуализации для каждой этнической общности. Для народов с компактным проживанием рекомендуется использовать карты ареалов и картограммы концентрации, а для групп с дисперсным расселением – комбинированные схемы, отражающие как ядро, так и периферию их расселения.

Представленные данные свидетельствуют о неоднородности этнического ландшафта России, который включает и широко распространенные, и строго локализованные этнические группы. Сопоставление основных ареалов проживания с типом расселения позволяет идентифицировать ядра этнической концентрации, периферийные зоны расселения, диаспорные участки и территории миграционного расширения. Установлено, что историческое расселение коренных народов носит ярко выраженный географический характер, с концентрацией в определенных регионах (Север, Поволжье, Кавказ, Сибирь), что подтверждается данными переписей

и картами распределения. Для надлежащей интерпретации локализации этнических групп в атласе требуется представление как абсолютных, так и относительных (долевых) показателей.

Структура и содержательное описание Этнодемографического атласа России

Раздел 1. Этнодемографические процессы в Российской Федерации.

1.1. Динамика численности этносов в России.

Этот пункт предполагает количественный анализ изменения численности различных этнических групп за определенный исторический период. Описание включает изучение темпов роста или сокращения популяций, выявление факторов демографического перехода и оценку влияния естественного прироста на общую структуру населения страны.

1.2. Этническая структура населения регионов и федеральных округов.

В данном подразделе проводится картографирование этнического состава населения по территориальному признаку. Анализируется концентрация различных этносов в субъектах РФ, выявляются зоны этнической однородности и многообразия, исследуется распределение демографических показателей внутри федеральных округов.

1.3. Рождаемость этносов в России.

Раздел посвящен сравнительному анализу суммарных коэффициентов рождаемости среди различных этнических групп. Описываются социокультурные и экономические факторы, влияющие на репродуктивное поведение населения, выявляются различия в демографическом поведении между различными этносами.

1.4. Продолжительность жизни этносов в Российской Федерации.

В этом пункте исследуется средняя ожидаемая продолжительность жизни различных этнических групп. Анализируются показатели смертности, доступность медицинской помощи и качество жизни в зависимости от принадлежности к той или иной этнической группе, а также факторы социального неравенства.

1.5. Миграция этносов в России.

Данный раздел посвящен изучению внутренних и внешних миграционных потоков с учетом этнического фактора. Описываются причины перемещения населения (экономические, экологические, социально-культурные), направления основных маршрутов и влияние миграции на изменение демографической структуры регионов заселения.

1.6. Расселение ключевых этносов в регионах Российской Федерации.

Здесь приводится детальное описание территориального распределения крупнейших этнических групп страны. Анализируются исторические предпосылки формирования современных ареалов проживания, плотность населения и характер взаимодействия различных сообществ в пределах единого государственного пространства.

1.7. Расселение малочисленных коренных этносов в регионах России.

Специальный блок посвящен изучению положения малых народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Описываются особенности их традиционного природопользования, текущее состояние территорий проживания, проблемы сохранения

самобытности и демографические вызовы, с которыми сталкиваются эти группы в современных условиях.

Раздел 2. Демографическая ситуация в этнонациональных регионах России.

Этот раздел представляет собой комплексный анализ социально-демографического состояния территорий Российской Федерации, где проживают крупные этнические группы (республики и автономные округа). Описание включает оценку уровня урбанизации, обеспеченности ресурсами, динамики трудовой активности населения, а также специфические демографические показатели в контексте сохранения культурно-этнической идентичности региона.

Таким образом, структура атласа отвечает как потребностям академического анализа этнодемографических процессов, так и практическим задачам в сфере региональной политики и экономики, образования и мониторинга межэтнических отношений.

Выводы и интерпретация полученных результатов

Этнодемографический атлас России является высокосignимым научно-практическим инструментом, предназначенным для систематизации и визуализации комплексных этнодемографических процессов. Обеспечение достоверности, правовой легитимности и минимизация рисков требуют интеграции технических, методологических и этических подходов, включая стандартизацию данных, применение мультидисциплинарного анализа, вовлечение общественности и установление прозрачных протоколов доступа к информации.

При обработке статистических сведений о малочисленных народах (численность которых составляет сотни или тысячи человек) необходимо использовать масштабируемые картографические решения в сочетании с дополнительными механизмами защиты конфиденциальности, такими как агрегация данных по административным единицам и ограничение точечного отображения. Кроме того, целесообразно включить описательные профили, содержащие культурно-историческую информацию и индикаторы уязвимости, в том числе численность населения, возрастную структуру и состояние языкового наследия.

Практическая реализация проекта предполагает выполнение следующих этапов: проведение предпроектных изысканий для картирования доступных источников и формирования междисциплинарной рабочей группы (состоящей из демографов, этнографов, географов, экономистов, социологов и ИТ-специалистов); разработку концепции данных и архитектуры системы с созданием стандартизированных метаданных; формирование пилотной базы данных и запуск демонстрационного веб-портала для одного или двух регионов; проведение тестового периода с участием региональных партнеров и местных сообществ с последующей корректировкой и масштабированием проекта; развертывание полнофункциональной системы с обеспечением механизмов регулярного обновления и технического сопровождения.

Вопросы финансирования и обеспечения устойчивости проекта должны решаться через комбинированную модель, сочетающую государственные гранты, средства научных фондов и партнерские соглашения с образовательными учреждениями и некоммерческими организациями, что гарантирует долгосрочную

поддержку процессов обновления и хранения данных. Обеспечение интероперабельности системы требует строгого соблюдения международных стандартов и создания API для интеграции с внешними информационными системами.

Заключение

Этнодемографический атлас России представляет значительную ценность для научных изысканий, образовательных инициатив, формирования региональной политики, а также при разработке стратегий сохранения этнокультурного многообразия. В таком контексте он интегрируется в более широкую информационную среду, обеспечивая визуализацию и анализ этнодемографических процессов с возможностью актуализации данных. Ключевыми этическими и правовыми аспектами атласа являются строгое соблюдение принципов конфиденциальности, корректная обработка чувствительных данных, обязательное привлечение профильных этнографов и предварительное согласование материалов с региональными сообществами [11]. Дальнейшая эффективная работа над атласом обуславливает необходимость обеспечения стабильного финансирования, регулярного обновления научных баз, статистической отчетности, информационных массивов и независимого контроля за соблюдением этических норм.

Список литературы

1. Этнический атлас Ставропольского края / В. С. Белозеров, А. Н. Панин, Р. А. Приходько [и др.] ; науч. ред. Полян П. М. Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2014. 304 с. ISBN 978-5-9906131-0-2. EDN [UCAKTX](#).
2. Иванов, И. А. Пространственные аспекты развития этноконтактной зоны в Карелии / И. А. Иванов, А. Г. Манаков, Н. К. Теренина // Арктика и Север. 2024. № 55. С. 116–129. DOI [10.37482/issn2221-2698.2024.55.116](#). EDN [CAGDEP](#).
3. Этнодемографический атлас прибалтийско-финских народов Республики Карелия. Петрозаводск, 1998. [Электронное издание]. URL: <https://web.archive.org/web/20191127140532/http://www.soros.karelia.ru/projects/1998/atlas/>
4. Манаков, А. Г. Территориальное развитие прибалтийско-финских народов, разделенных государственными и административными границами (на примере карел, вепсов и сету) / А. Г. Манаков, Н. К. Теренина // Балтийский регион. 2015. № 1(23). С. 127–142. DOI [10.5922/2074-9848-2015-1-8](#). EDN [TTUBMX](#).
5. Миграционный атлас Российской Федерации / С. В. Рязанцев, В. С. Белозеров, Н. А. Щитова [и др.]. Москва: Издательско-торговый Дом «Перспектива», 2022. 232 с. ISBN 978-5-905790-56-0. DOI [10.51285/978-5-905790-56-0](#). EDN [MQSVLW](#).
6. Атлас социально-демографического развития России и Ирана / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, О. Д. Воробьева [и др.]. Москва : Издательско-торговый Дом «Перспектива», 2020. 136 с. ISBN 978-5-905790-46-1. EDN [AQZGIC](#).
7. Этнополитическая ситуация в Российской Федерации в 2025 году: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / А. А. Авдашкин, А. З. Адиев, С. И. Аккиева [и др.]. Часть 1. Аналитические материалы. Пермь : Издательство «Маматов», 2026. 192 с. ISBN 978-5-91076-259-0. EDN [GTSEGO](#).
8. Черкасов, А. А. ГИС-мониторинг трансформации этнической структуры населения городской и сельской местности в России // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2018. Т. 24, № 1. С. 99–108. DOI [10.24057/2414-9179-2018-1-24-99-108](#). EDN [YPZJMD](#).
9. Тишков, В. А. Нации-государства в историческом и глобальном контексте // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Международные Лихачевские научные чтения,

Санкт-Петербург, 09–10 июня 2022 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2022. С. 155–159. EDN [YYIRQU](#).

10. Белозеров, В. С. Атлас расселения народов России: подходы и особенности создания / В. С. Белозеров, А. А. Черкасов, В. В. Чихичин // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. № 6(39). С. 31–36. EDN [RXANQZ](#).

11. Познание многообразия. Наука о народах и Русское географическое общество: К 180-летию Этнографической комиссии РГО: сборник научных статей. Москва: ФГБУ «Издательство «Наука», 2026. 287 с. ISBN 978-5-02-041665-9. EDN [DKCKLA](#).

Сведения об авторах

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](#); РИНЦ SPIN-код: [5112-6604](#); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](#); Scopus Author ID: [22136228700](#).

Вартанова Марина Львовна, доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: m.l.vartanova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9853-5817](#); РИНЦ SPIN-код: [5056-8858](#); Web of Science Researcher ID: [J-7641-2018](#); Scopus Author ID: [57224545877](#).

Смирнов Алексей Викторович, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sofetel@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-6559-1679](#); РИНЦ SPIN-код: [4854-8146](#); Web of Science Researcher ID: [ABE-5329-2021](#); Scopus Author ID: [57219713206](#).

Рязанцев Никита Сергеевич, младший научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nikipaulistano@gmail.com; ORCID ID: [0000-0001-6835-310X](#); РИНЦ SPIN-код: [2654-1867](#); Web of Science Researcher ID: [GPG-3864-2022](#); Scopus Author ID: [57220204335](#).

Благодарности и финансирование

Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности (2026–2028 гг.). Руководитель – академик РАН В. А. Тишков. Проект «Этнодемографический атлас России» (FMUS-2026-0002). Руководитель – член корреспондент РАН С. В. Рязанцев.

Статья поступила в редакцию 03.05.2026; принята в печать 06.07.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

THE CONCEPT AND STRUCTURE OF THE ETHNODEMOGRAPHIC ATLAS OF RUSSIA

Sergey V. Ryazantsev

Institute of Social Demography, FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

Marina L. Vartanova

Institute of Social Demography, FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: m.l.vartanova@mail.ru

Alexey V. Smirnov

Institute of Social Demography, FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: sofetel@mail.ru

Nikita S. Ryazantsev*Institute of Social Demography, FCTAS RAS, Moscow, Russia**E-mail: nikipaulistano@gmail.com*

For citation: Ryazantsev, S. V., Vartanova, M. L., Smirnov, A. V., Ryazantsev, N. S. The Concept and Structure of the Ethno-demographic Atlas of Russia. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 3. Pp. 42–58. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.3](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.3). (In Russ.)

Abstract. The ethnocultural diversity of the regions of the Russian Federation serves not only as a significant element of historical heritage, but also as a strategic resource for ensuring national security and socio-economic development of the state. The relevance of the study is determined by the pronounced variability in the scale and nature of the settlement of the peoples of Russia, as well as by the transformation of the ethnodemographic situation under the influence of migration processes, urbanisation, and interregional disparities. The article presents a conceptual model of the atlas, including a system of thematic sections, key indicators, data generalisation levels, and priority cartographic themes. The authors analyse methodological approaches to the cartographic representation of ethnodemographic processes on the territory of Russia, and substantiate the need for developing an atlas of the peoples of Russia as a tool for spatial analysis of settlement and demographic dynamics. It is noted that these processes are characterised by pronounced territorial heterogeneity, temporal variability, and a close correlation with migration flows, urbanisation, interregional disparities, and the ethnic composition of the population. The authors emphasise the need to integrate overview and detailed maps to reflect both the general structure of the settlement of the peoples of Russia and the specifics of regional ethnic localisation. Special attention is paid to the integration of statistical, cartographic, and geoinformation methods into a unified research platform. The proposed concept involves the use of the centrophraphic method, point density methods, and statistical surfaces to identify stable areas of residence, zones of population concentration, vectors of migration shifts, and population dynamics of ethnic groups. The atlas is aimed at creating scientific, educational, and applied resources for monitoring ethnodemographic processes at the federal, regional, and local levels, contributing to the harmonisation of ethnocultural policy and the strengthening of the country's territorial integrity.

Keywords: atlas, mapping, peoples of Russia, concept, migration atlas of the Russian Federation, migration processes, research, national security, population census, regions of the Russian Federation, regional community, socio-economic development, ethnodemographic atlas of Russia, ethnic groups, ethnodemographic processes

References

1. Belozerov, V. S., Panin, A. N., Prikhodko, R. A., et al. *Etnicheskiy atlas Stavropol'skogo kraya [Ethnic Atlas of Stavropol Krai]*. Sci. ed. by P. M. Polyan. Stavropol: North Caucasus Federal University, 2014. 304 p. (In Russ.).
2. Ivanov, I. A., Manakov, A. G., Terenina, N. K. Spatial Aspects of Development of the Ethno-Contact Zone in Karelia. *Arctic and North*. 2024. No. 55. Pp. 116–129. DOI [10.37482/issn2221-2698.2024.55.116](https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.116). (In Russ.).
3. *Etnodemograficheskiy atlas pribaltiysko-finskikh narodov Respubliki Kareliya [Ethnodemographic Atlas of the Baltic-Finnic Peoples of the Republic of Karelia]*. Petrozavodsk, 1998. [Electronic resource]. URL: <https://web.archive.org/web/20191127140532/http://www.soros.karelia.ru/projects/1998/atlas/>. (In Russ.).
4. Manakov A. G., Terenina N. K. The Baltic Finnish Peoples Divided by State and Administrative Borders: Territorial Development of the Karelians, Vepsians, and Setos. *Baltic Region*. 2015. No. 1(23). Pp. 127–142. DOI [10.5922/2074-9848-2015-1-8](https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-1-8). (In Russ.).
5. Ryazantsev, S. V., Belozerov, V. S., Shchitova, N. A., et al. *Migratsionnyy atlas Rossiyskoy Federatsii [Migration Atlas of the Russian Federation]*. Moscow: Perspektiva Publishing and Trading House, 2022. 232 p. ISBN 978-5-905790-56-0. DOI [10.51285/978-5-905790-56-0](https://doi.org/10.51285/978-5-905790-56-0). (In Russ.).
6. Ryazantsev, S. V., Rostovskaya, T. K., Vorobyova, O. D., et al. *Atlas sotsial'no-demograficheskogo razvitiya Rossii i Irana [Atlas of Socio-Demographic Development of Russia and Iran]*. Moscow: Perspektiva Publishing and Trading House, 2020. 136 p. ISBN 978-5-905790-46-1. (In Russ.).
7. Avdashkin, A. A., Adiev, A. Z., Akkueva, S. I. et al. *Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossiyskoy Federatsii v 2025 godu: Yezhegodnyy doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov [Ethnopolitical Situation in the Russian Federation in 2025: Annual Report of the Ethnological Monitoring and Early Warning Network]*. Part 1. Analytical materials. Perm: Mamatov Publishing House, 2026. 192 p. ISBN 978-5-91076-259-0. (In Russ.).

8. Cherkasov, A. A. Gis-Monitoring of Transformation of the Ethnic Structure of Population of City and Rural Location in Russia. *InterCarto. InterGIS*. 2018. Vol. 24, No. 1. Pp. 99–108. DOI [10.24057/2414-9179-2018-1-24-99-108](https://doi.org/10.24057/2414-9179-2018-1-24-99-108). (In Russ.).

9. Tishkov, V. A. Natsii-gosudarstva v istoricheskom i global'nom kontekste [Nation-States in the Historical and Global Context]. In: *Global'nyy konflikt i kontury novogo mirovogo poryadka [Global Conflict and Contours of the New World Order]*: XX International Likhachev Scientific Readings, St. Petersburg, June 9–10, 2022. St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2022. Pp. 155159. (In Russ.).

10. Belozyorov, V. S., Cherkasov, A. A., Chikhichin, V. V. Atlas of Settling the Peoples of Russia: Approaches and Features of Creation. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*. 2013. No. 6(39). Pp. 31–36. (In Russ.).

11. *Poznaniye mnogoobraziya. Nauka o narodakh i Russkoye geograficheskoye obshchestvo: K 180-letiyu Etnograficheskoy komissii RGO [Understanding Diversity. The Science of Peoples and the Russian Geographical Society: On the 180th Anniversary of the Ethnographic Commission of the Russian Geographical Society]*: a collection of scientific articles. Moscow: Nauka Publishing House, 2026. 287 p. ISBN 978-5-02-041665-9. (In Russ.).

Bio notes

Sergey V. Ryazantsev, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); RSCI SPIN-код: [5112-6604](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=5112-6604); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875).

Marina L. Vartanova, Doctor of Economic Sciences, Docent, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: m.l.vartanova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9853-5817](https://orcid.org/0000-0002-9853-5817); RSCI SPIN-код: [5056-8858](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=5056-8858); Web of Science Researcher ID: [I-7641-2018](https://orcid.org/0000-0002-9853-5817); Scopus Author ID: [57224545877](https://orcid.org/0000-0002-9853-5817).

Alexey V. Smirnov, Candidate of Economic Sciences, Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: sofetel@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-6559-1679](https://orcid.org/0000-0002-6559-1679); RSCI SPIN-код: [4854-8146](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=4854-8146); Web of Science Researcher ID: [ABE-5329-2021](https://orcid.org/0000-0002-6559-1679); Scopus Author ID: [57219713206](https://orcid.org/0000-0002-6559-1679).

Nikita S. Ryazantsev, Junior Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nikipaulistano@gmail.com; ORCID ID: [0000-0001-6835-310X](https://orcid.org/0000-0001-6835-310X); RSCI SPIN-код: [2654-1867](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=2654-1867); Web of Science Researcher ID: [GPG-3864-2022](https://orcid.org/0000-0001-6835-310X); Scopus Author ID: [57220204335](https://orcid.org/0000-0001-6835-310X).

Acknowledgements and financing

The article was prepared within the framework of the Research Programme on the Ethnocultural Diversity of Russian Society, aimed at strengthening Russian identity (2026–2028). Supervisor: Academician of the RAS V. A. Tishkov. Project “Ethnodemographic Atlas of Russia” (FMUS-2026-0002). Supervisor: Corresponding Member of the RAS S. V. Ryazantsev.

Received on 03.05.2026; accepted for publication 06.07.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

СЕМЬЯ И РОЖДАЕМОСТЬ

DOI [10.19181/demis.2026.6.3.4](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.4)EDN [BVCTPG](https://www.edn.ru/BVCTPG)

Научная статья

ПРОБЛЕМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ РОЖДАЕМОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Реутов Е. В.*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия**E-mail: reutovevg@mail.ru*

Для цитирования: Реутов, Е. В. Проблемы стимулирования рождаемости в современной России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 3. С. 59–74. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.4](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.4). EDN [BVCTPG](https://www.edn.ru/BVCTPG).

Аннотация. Острота демографических проблем российского общества обусловлена крайне низким с точки зрения естественного воспроизводства населения уровнем рождаемости. Предметом исследования являются проблемы стимулирования рождаемости в России, а его целью – определение эффективности мер государственной демографической политики, направленных на повышение рождаемости в стране. Гипотеза исследования сводится к предположению о десинхронности стратегических целей государственной демографической политики и массовых аттитюдов демографического поведения. Информационный массив основывается на статистических данных о динамике рождаемости в России, документах стратегического планирования в сфере демографии, семейной политики и содержащихся в них механизмах стимулирования рождаемости, результатах социологических опросов. На основе анализа всего комплекса данных, характеризующих тренды и перспективы демографического развития, делается вывод о внутренней противоречивости управления им и формирующихся вследствие этого проблемах стимулирования рождаемости. В числе основных проблем отмечается отсутствие концептуальной определенности в выборе направлений демографической политики. С одной стороны, сохраняется значимость прямых – финансовых и косвенных – инфраструктурных механизмов стимулирования рождаемости, характерных для общества современного типа. С другой, усиливается тренд на традиционализацию и архаизацию семейных и репродуктивных практик. Причинами этого являются, во-первых, растущий дефицит бюджетных ресурсов, ограничивающий кардинальное улучшение инфраструктурных и медицинских условий для рождения и воспитания детей, финансовое стимулирование репродуктивного поведения россиян; и, во-вторых, рутинизация эффекта финансового стимулирования рождаемости. Кроме того, предоставление масштабных финансовых преференций усугубляет практики патернализма и паразитизма. Однако и тренд на традиционализацию семейных и репродуктивных практик имеет существенные ограничения, поскольку в актуальных репродуктивных установках россиян доминирует модель двухдетной или трехдетной семьи, реализация которой, в свою очередь, ограничена материальными и жилищными проблемами, а также высоким уровнем неопределенности будущего. Отдельной проблемой в выработке мер стимулирования рождаемости в настоящее время становится информационная закрытость демографических процессов и снижение качества экспертизы в данной сфере. В качестве перспективных направлений исследования следует отметить сравнительный анализ региональных демографических политик и практик стимулирования рождаемости и их воздействие на демографическую ситуацию.

Ключевые слова: депопуляция, рождаемость, демографическая политика, стратегическое планирование, традиционализация, меры стимулирования рождаемости

Введение

В настоящее время российское общество переживает полноценный демографический кризис, непосредственным выражением которого является существенное превышение смертности над рождаемостью вследствие снижения последней

до рекордно низких размеров. Рост смертности также внес свой вклад в данный процесс, но он имел спорадический характер, обусловленный фактором пандемии COVID-19, и приходился на 2020–2021 гг. Влияние на динамику смертности населения и демографическую ситуацию в целом специальной военной операции (СВО) пока сложно оценить – как в связи с закрытостью статистических данных, так и в силу возможного отсроченного эффекта, который может оказаться как негативным (наиболее вероятным по масштабу своего влияния), так и позитивным (вероятность которого меньше и может проявиться, скорее, не в сфере естественного воспроизводства населения, а в отношении миграционного прироста, а также – за счет жителей новых регионов, как произошло в 2014 г. после вхождения Крыма в состав России).

Тем не менее основным проявлением демографического кризиса следует признать снижение рождаемости, долгосрочный эффект которого может проявиться не только в собственно демографической сфере (численность и возрастная структура населения), но в социальной, экономической, а возможно, и в геополитической. Очевидно, что преодоление демографического кризиса невозможно без изменения негативного репродуктивного тренда, что тоже требует реформирования подходов к демографической политике и, в частности, к мерам, направленным на повышение рождаемости.

Цель данной статьи – выявить главные проблемы формирования новой демографической политики России, ориентированной на стимулирование рождаемости, и анализ эффективности соответствующих ей мер и механизмов, находящихся в стадии становления и эксперимента.

Основные задачи работы связаны с оценкой релевантности направлений и мер современной государственной демографической политики в стране ключевым демографическим трендам, складывающимся социально-экономическим условиям, массовым ценностям и установкам в демографической сфере.

В качестве информационного массива для выявления основных трендов в сфере рождаемости использованы доступные данные Росстата. Анализ актуальных тенденций и мер демографической политики основан на изучении документов стратегического планирования и государственной демографической политики: Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г. и Плана мероприятий по реализации Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г.

Обзор литературы

Проблемы естественного воспроизводства населения Российской Федерации, в том числе обусловленные снижением рождаемости, способы преодоления демографического кризиса являются предметом многочисленных научных исследований и социологических опросов, посредством которых субъекты управления социумом пытаются не только диагностировать общественные настроения и установки, но и создать условия для ценностного управления ситуацией.

В частности, проблемы депопуляции, обусловленные, в том числе снижением рождаемости с высокой дифференциацией по регионам России, отражены

в работах О. Л. Рыбаковского, В. А. Безвербного, Н. Ю. Микрюкова, Т. Р. Мирязова, Е. А. Лукашенко [1; 2]. Репродуктивные установки россиян и факторы, влияющие на их формирование и реализацию (прежде всего, устойчивость брачных / партнерских отношений и материальный статус семьи), рассматриваются А. О. Макаренцевой и С. С. Бирюковой [3]. На роль таких факторов снижения рождаемости на сельских территориях Центрального Черноземья в последние пять лет, как деградация репродуктивных установок в связи с пандемией COVID-19 и обострением военно-политической ситуации, указывают Е. В. Реутов и С. А. Вангородская [4]. Влияние пандемии на сокращение рождений вторых и последующих детей в регионах РФ отмечают К. И. Казенин и Е. С. Митрофанова [5]. Социально-медицинские аспекты репродуктивного поведения (состояние здоровья, его самооценка, доступность репродуктивных технологий) исследуются В. Н. Архангельским, Л. В. Ерофеевой, Е. В. Земляновой, А. А. Савиной [6; 7]. На необходимость анализа зарубежного опыта «нестандартных решений» повышения рождаемости обращают внимание А. В. Вербенская, Т. А. Камарова, Н. В. Тонких [8].

Вместе с тем возможное количество факторов депопуляции и снижения рождаемости достаточно велико и, что еще более значимо для эффективной демографической политики, роль и вклад конкретных факторов далеко не всегда постоянны и определены. В результате для разработки и проведения эффективной демографической политики требуется сочетать как зарекомендовавшие себя, так и инновационные механизмы, применение которых (и тех, и других) все же не гарантирует результат.

Основные результаты

С 2015 г. Россия переживает непрерывное снижение рождаемости – как в ее абсолютных значениях, так и в относительных (с незначительными отклонениями от общей тенденции в суммарном коэффициенте рождаемости в 2015 г.). Так, в абсолютных числах рождаемость с 2014 по 2024 г. сократилась на 37%, в относительных (на 1000 чел. населения) – на те же 37%. Суммарный коэффициент рождаемости за это время уменьшился почти на 20% (табл. 1).

Процесс снижения рождаемости в последнее десятилетие был не плавным, а с очень заметными спадами в 2017, 2019 и 2022 гг. Так, число родившихся в 2022 г. оказалось на 6,7% меньше, чем в предыдущем году, а общий коэффициент рождаемости снизился с 9,6 до 8,9. Очень заметно в связи с пандемией упал суммарный коэффициент рождаемости – с 1,470 в 2021 г. до 1,416. Можно предположить, что ключевым фактором такого падения был «пандемийный шок» и перенос репродуктивных планов на более благоприятные времена, хотя не исключено и влияние иных, скрытых факторов.

Уменьшение суммарного коэффициента рождаемости в данный период указывает на то, что снижение рождаемости в стране происходило вне зависимости от «длинных демографических волн» и определялось факторами иного порядка. На протяжении указанного времени численность женщин, находящихся в репродуктивном возрасте (условно 16–49 лет), была более-менее постоянной, а в 2014–2022 гг. даже росла (рис. 1).

Таблица 1

Рождаемость в Российской Федерации, 2014–2024 гг.

Table 1

Birth rate in the Russian Federation, 2014–2024

Годы	Кол-во родившихся	Кол-во родившихся на 1 000 человек населения	Суммарный коэффициент рождаемости
2014	1 942 683	13,3	1,739
2015	1 940 579	13,3	1,762
2016	1 888 729	12,9	1,744
2017	1 690 307	11,5	1,601
2018	1 604 344	10,9	1,556
2019	1 481 074	10,1	1,477
2020	1 436 514	9,8	1,474
2021	1 398 253	9,6	1,47
2022	1 304 087	8,9	1,416
2023	1 264,9 тыс.	8,7	1,41
2024	1 222,4 тыс.	8,4	1,40

Источник: составлено автором по данным Росстата¹

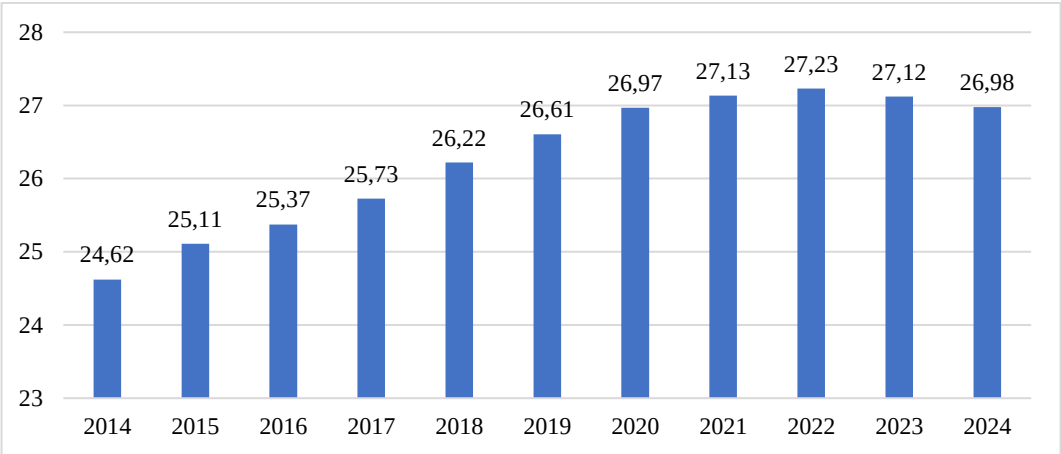

Рис. 1. Численность женщин в репродуктивном возрасте в России, 2014–2024 гг. (млн человек)

Fig. 1. The number of women of reproductive age in Russia, 2014–2024 (million people)

Источник: составлено автором по данным Росстата²

Таким образом, наблюдался процесс ограничения (самоограничения) репродуктивного поведения россиян, обусловленный как системными (завершение второго демографического перехода), так и ситуативными (экономическая

¹ Демографический ежегодник России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 22.02.2026); Доклад «Социально-экономическое положение России» // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 22.02.2026); Суммарный коэффициент рождаемости // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 22.02.2026).

² Численность постоянного населения – женщин по возрасту на 1 января // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 22.02.2026).

и геополитическая неопределенность, пандемия, истощение позитивного эффекта введения материнского капитала) факторами.

Начавшаяся в 2022 г. специальная военная операция сделала перспективы демографического развития страны еще более неопределенными и пессимистическими. В связи с этим (а также из-за ряда издержек миграционной политики, таких, например, как теракт в Крокус сити холле в 2024 г.) тема демографии в общественно-политическом дискурсе стала приобретать доминирующий характер. Кроме того, демографическая и, в частности, репродуктивная риторика оказалась для власти одним из конвенциональных инструментов реформирования социума по традиционалистской модели. В Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» одна из целей была сформулирована как «сохранение, укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей (в том числе защита института брака как союза мужчины и женщины), обеспечение преемственности поколений, забота о достойной жизни старшего поколения, формирование представления о сбережении народа России как об основном стратегическом национальном приоритете»³.

В обновленной в 2024 г. редакции национальных целей развития Российской Федерации направление репродуктивный аспект национальной цели «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи» был выражен показателем повышения суммарного коэффициента рождаемости до 1,6 к 2030 г. и до 1,8 к 2036 г., в том числе ежегодным ростом суммарного коэффициента рождаемости третьих и последующих детей⁴. Правда, это же одновременно стало и негласным признанием провала стратегического целеполагания при формулировании национальных целей шестилетней давности: в 2018 г. рассчитывали достичь суммарного коэффициента рождаемости 1,7 в 2024 г.⁵

В марте 2025 г. взамен Концепции демографической политики России на период до 2025 г. была принята Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г. (далее – Стратегия), уже в названии которой прослеживалось смещение акцентов демографической политики в направлении естественного воспроизводства населения и многодетности. Ни в одной из целей Стратегии не нашли отражения миграционные проблемы и, в частности, необходимость стимулирования или регулирования миграции для решения экономических задач. В то же время под новую Стратегию, по всей видимости, подводился идеологический базис. Так, Россия провозглашалась «мировым идеологическим центром поддержки традиционных

³ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 19.02.2026).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 13.02.2026).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 13.02.2026).

духовно-нравственных ценностей, среди которых особая роль отведена традиционным семейным ценностям». В качестве первой цели Стратегии провозглашалось «сохранение населения за счет повышения уровня рождаемости, укрепления материнского, детского, репродуктивного здоровья населения, содействия реализации в субъектах Российской Федерации семейно ориентированной демографической политики с учетом национальных и социокультурных особенностей»⁶.

В декабре 2025 г. был принят План мероприятий по реализации Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г. (далее – План). В нем, однако, аспект «повышения уровня рождаемости» почти не нашел прямого отражения в конкретных мероприятиях, за исключением пропагандистских, например, такого, как «проведение общенациональной информационно-коммуникационной кампании, направленной на повышение ценности брака, мотивацию семей к рождению детей, формирование положительных семейных установок у детей, подростков и молодежи, включая позитивный образ многодетной семьи, многодетных матери и отца, ответственное родительство, популяризацию трудовых семейных династий, а также формирование традиционных семейных ценностей», или сугубо медицинских – как «повышение доступности и эффективности медицинской помощи пациентам, страдающим бесплодием, с использованием вспомогательных репродуктивных технологий»⁷.

Остальные мероприятия, ориентированные на повышение рождаемости, либо сформулированы достаточно расплывчато, либо не содержат в себе инновационных решений, позволяющих сформировать новые и социально значимые стимулы репродуктивного поведения. К первым мероприятиям можно отнести «Развитие системы государственной поддержки семей в связи с рождением и воспитанием детей», а также «Выработку предложений по совершенствованию условий предоставления материнского (семейного) капитала, правил направления средств материнского (семейного) капитала и порядка его использования». Что касается развития системы государственной поддержки семей, то наличие такой системы является «естественной» функцией социального государства, а ее развитие – это, прежде всего, селекция и инкорпорирование в социальную систему конкретных институций и механизмов, способствующих росту ее эффективности в контексте стратегического целеполагания и исходя из имеющихся ресурсов.

Совершенствование условий предоставления материнского капитала в настоящее время крайне актуально, поскольку эффективная еще 10–15 лет назад институция в настоящее время существенно рутинизирована, несмотря на расширившийся по сравнению с изначальным перечень направлений расходования материнского капитала. Произошло это как в силу естественной рутинизации любого

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.03.2025 г. № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/54573/> (дата обращения: 19.02.2026).

⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2025 г. № 3999-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // Правительство России [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/57442/> (дата обращения: 13.02.2026).

социального стимула, так и в связи с достаточно спорными инновациями в систему его предоставления – перенос наиболее объемной выплаты со второго (или последующего) ребенка на первого. Имеет место и обесценивание материнского капитала, вопреки его ежегодной индексации, если рассматривать такую сферу расходования, как покупка жилья. Так, по расчетам ВНИИ труда, в 2015 г. на материнский капитал можно было приобрести в среднем около 9 кв. м жилья на первичном рынке, тогда как в 2025 г. – менее 4 кв. м⁸. Перенос в 2020 г. основного объема выплат по рождению детей на первого ребенка следует признать стратегически ошибочным, однако его полная отмена в настоящее время стала бы стрессовой для огромного количества молодых семей, рассчитывающих на материнский капитал в своих жизненных планах. По результатам опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в начале 2020 г., введение выплаты по рождению первого ребенка одобрили 88% респондентов (против – 6%). При этом 34% респондентов, планирующих завести ребенка в ближайшие 3–4 года, заявили, что такая выплата повлияла бы на их решение⁹. Сейчас, вероятно, отказ от этой выплаты был бы еще болезненней.

В данной ситуации и исходя из заложенных в различных документах стратегического планирования репродуктивных целей корректировка условий предоставления материнского капитала (и его размера) представляется необходимой мерой, естественно, при наличии бюджетно-финансовых возможностей, которые в настоящее время все более сжимаются. Как представляется, было бы целесообразным увеличение хотя бы в 2–3 раза размера выплаты по рождению второго ребенка с сохранением размера выплаты по рождению первого, а в идеале – уравнивания их размеров. Подобная мера вернула бы первоначальный смысл материнскому капиталу как стимулирующему рождение детей в семьях, уже их имеющих. Кроме того, было целесообразным предоставление материнского капитала на всех рождающихся в семье детей – третьего, четвертого и последующих – в равных размерах. Такая новация могла бы действовать в течение 5–10 лет – до рутинизации ее эффекта и более-менее понятного результата.

Относительно более конкретных мер повышения рождаемости, предлагаемых Планом, можно назвать следующие: повышение размера пособия по беременности и родам женщинам, обучающимся по очной форме обучения в профессиональных образовательных организациях, образовательных организациях высшего образования, организациях дополнительного профессионального образования и научных организациях, до величины прожиточного минимума трудоспособного населения, установленного в субъекте Российской Федерации, и увеличение до 1 млн рублей на каждого ребенка не облагаемых налогом на доходы физических лиц и страховыми взносами сумм единовременных выплат, осуществляемых работодателями работникам при рождении ребенка, а также возможность включения соответствующих расходов работодателей в состав внереализационных расходов, учитываемых при исчислении налоговой базы по налогу на прибыль организаций. Что касается

⁸ Гаджиева, М. Отказ от первички: покупательная способность маткапитала упала вдвое за 10 лет // Известия : [сайт]. 29.12.2025. URL: <https://iz.ru/2017/11/3/milana-gadzhieva/otkaz-ot-pervichki-pokupatelnaia-sposobnost-matkapitala-upala-vdvoe-za-10-let> (дата обращения: 13.02.2026).

⁹ Отношение к выплате материнского капитала за первого ребенка / Фонд «Общественное мнение» : [сайт]. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14349> (дата обращения: 13.02.2026).

первого нововведения, то оно уже реализуется с 1 сентября 2025 г. с принятием Федерального закона от 23 июля 2025 г. № 249-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственных пособиях гражданам, имеющим детей”»¹⁰, но его влияние на рождаемость еще только предстоит оценить. Предварительно следует заметить, что студенческие семьи, с одной стороны, относятся к категории наиболее финансово нуждающихся, и поэтому данная мера будет способствовать некоторому улучшению социального самочувствия этой категории домохозяйств. С другой стороны, роль увеличенного пособия в качестве стимула принятия решения о рождении ребенка вряд ли можно считать сколько-нибудь существенной в силу низкого уровня прожиточного минимума и относительно небольшого срока периода, за который рассчитывается пособие. Это, прежде всего, мера социальной поддержки студенческих семей, вклад которых в рождаемость пока невелик. Так, в октябре 2025 г. вице-спикер Государственной Думы А. Кузнецова на заседании комиссии Генсовета по защите материнства и детства озвучила данные о 13 тыс. детей, воспитывающихся в студенческих семьях, и о 40 тыс. детей в семьях, где высшее образование получает один из родителей (но без уточнения формы обучения)¹¹.

Что касается повышения порога на исключение корпоративных выплат по рождению ребенка из налогооблагаемой базы организаций и налогообложения физических лиц до 1 млн рублей (такая мера реализуется с 1 января 2026 г., до этого необлагаемая НДФЛ сумма составляла 50 тыс. рублей), то ее эффективность в качестве меры социальной поддержки семей и в определенной степени – стимулирования рождаемости – напрямую будет зависеть от характера корпоративной социальной политики и, главное, от финансовых результатов организаций, которые в нынешней экономической ситуации испытывают все большие трудности. По результатам опроса населения в репродуктивном возрасте (18-49 лет), проведенного ЦСП «Платформа» и компанией «ОнИн» в мае 2025 г., лишь 29% респондентов надеются на дополнительную выплату от своей организации при рождении ребенка; в основном же (64%) – рассчитывают исключительно на меры государственной поддержки¹². Безусловно, назначение единовременной выплаты в 1 млн рублей (по верхней планке, избавляющей от налогообложения и включения в налогооблагаемую базу) могут позволить себе единицы организаций. И в принципе, сложно сказать, насколько возможность повышения размера выплат вообще будет востребована руководством / собственниками организаций и не станет ли она способом легальной корректировки налогооблагаемой базы путем включения в данную выплату премиальных и других стимулирующих выплат работникам.

Также в Платформе содержится такая мера, ориентированная на корпоративный сектор, как «Формирование и обновление на регулярной основе рейтинга

¹⁰ Федеральный закон от 23.07.2025 г. № 249-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственных пособиях гражданам, имеющим детей”» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52199> (дата обращения: 13.01.2026).

¹¹ Владыкина, Т. Анна Кузнецова: Студенческих семей с детьми стало больше // Российская газета : [сайт]. 09.10.2025. URL: <https://rg.ru/2025/10/09/anna-kuznecova-studencheskih-semej-s-detmi-stalo-bolshe.html> (дата обращения: 13.02.2026).

¹² Демографический потенциал : ожидания и ограничения // Центр социального проектирования «Платформа» : [сайт]. URL: <https://www.pltf.ru/issledovaniya/demograficheskij-potenczial-ozhidaniya-i-ogranicheniya/> (дата обращения: 13.02.2026).

крупнейших российских компаний, учитывающего в том числе количество детей в возрасте до 6 лет у работников таких компаний и иные демографические показатели, характеризующие эффективность проводимой корпоративной социальной политики с точки зрения повышения рождаемости»¹³. По-видимому, предполагается, что место компании в рейтинге будет определять ее привлекательность для соискателей и тем самым повышать уровень кадровой обеспеченности и конкурентоспособности. Вряд ли, однако, соискатели будут изучать соответствующий рейтинг. Скорее всего, при рассмотрении возможности трудоустройства они будут ориентироваться на конкретные предпочтения – от уровня заработной платы до объема и содержания социального пакета.

С 2025 г. в России действует Национальный «Корпоративный демографический стандарт», содержащий типовые меры корпоративной поддержки семей с детьми, правила формирования корпоративной демографической политики, методики расчета показателей демографической эффективности корпораций и пр., а 29 мая 2026 г. в ходе заседания Совета при президенте РФ по реализации государственной демографической и семейной политики утвержден «Золотой стандарт корпоративной поддержки демографии». Последний имеет прямое отношение к Плану мероприятий по реализации Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г. и содержит расширенный пакет мер демографической поддержки, ориентированный главным образом на стимулирование многодетности. К примеру, в нем предлагается выплата корпоративного семейного капитала в размере 1 млн руб. при рождении третьего и последующих детей¹⁴. Стандарт имеет рекомендательный характер и следование ему коммерческими организациями зависит, помимо доброй воли собственников, от их финансовых результатов. В настоящее время оценка эффективности внедрения корпоративного стандарта может носить лишь гипотетический характер, хотя, очевидно, что на потенциал корпоративного сектора в предыдущие годы обращалось недостаточно внимания государственной демографической политикой.

Стимулирование рождаемости как способ решения или хотя бы минимизации демографических проблем и преодоления демографического кризиса должно исходить из многофакторности репродуктивного поведения населения и комплекса механизмов и стимулов, среди которых финансовые далеко не всегда доминируют или, по крайней мере, имеют неравный вес в отношении различных категорий семей и специфики социальной ситуации. Так, согласно данным опроса населения в репродуктивном возрасте (18–49 лет), проведенного ЦСП «Платформа» и компанией «ОнИн», в общественной рефлексии стимулы материального порядка (в том числе, решение жилищной проблемы) в составе мер государственной поддержки

¹³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2025 г. № 3999-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/57442/> (дата обращения: 13.02.2026).

¹⁴ Золотой стандарт корпоративной поддержки демографии // Министерство социального развития Московской области : [сайт]. URL: <https://msr.mosreg.ru/dokumenty/napravleniya-devatelnosti/trud-i-zanyatost/korporativnye-mery-podderzhki-rabotnikov-s-semeinymi-obyazannostyami/zolotoi-standart-korporativnoi-podderzhki-demografii> (дата обращения: 13.08.2026).

находятся вверху иерархии: выплата ежемесячного пособия на ребенка могла бы помочь решиться на рождение ребенка 68% опрошенных, материнский капитал – 52%, семейная ипотека – 36%, компенсация доли ипотечного кредита (31%), льготная аренда жилья (13%). Но при этом большое значение имеют факторы социальной стабильности, наличия инфраструктуры для воспитания детей и свободного времени: создание стабильной социально-экономической ситуации в стране (46%), удаленная работа, гибкий график для родителей (42%), достаточное количество мест в детских садах и школах (37%), создание льготных центров развития и дополнительного образования, секций, кружков (28%), послабления при выходе на пенсию (18%), расширение прав на отпуск (12%) (рис. 2).

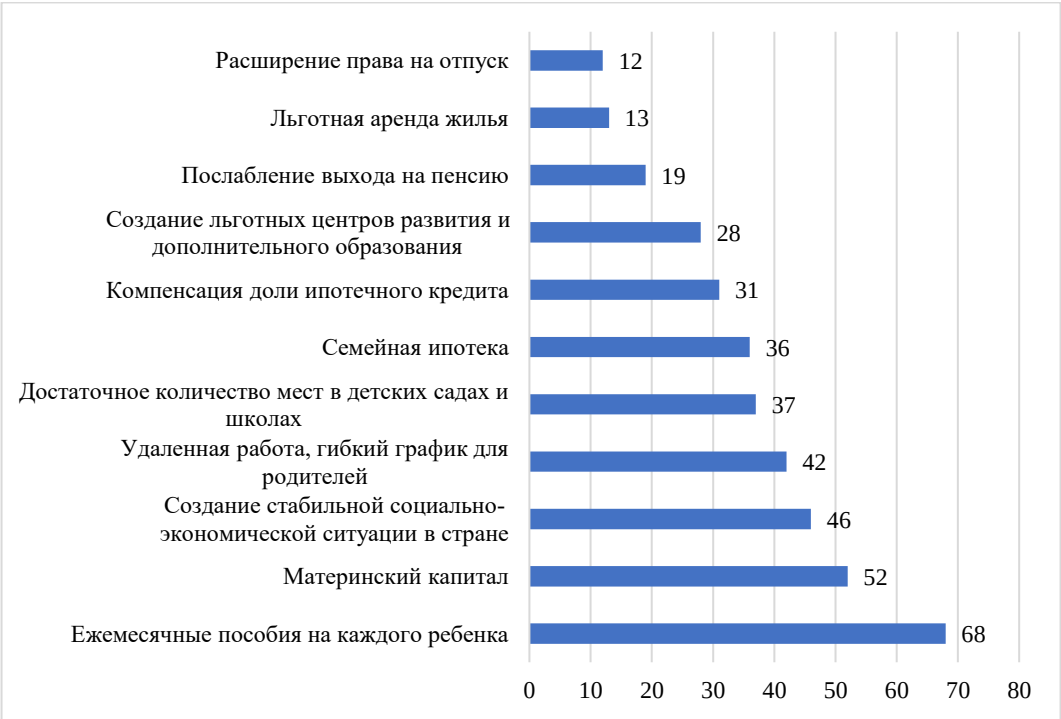

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие меры поддержки со стороны государства могли бы помочь Вам решиться на рождение ребенка?» (% , до 5 ответов)

Fig. 2. Distribution of respondents' answers to the question “What government support measures could help you decide to have a child?” (% , up to 5 answers)

Источник: составлено автором по данным ЦСП «Платформа»¹⁵

Основные же опасения, удерживающие от рождения ребенка, связаны с недостаточным уровнем дохода (52%), социальной нестабильностью (войны, кризисы и пр.) (41%), экономической ситуацией в стране (39%), отсутствием жилья (34%),

¹⁵ Демографический потенциал : ожидания и ограничения // Центр социального проектирования «Платформа» : [сайт]. URL: <https://www.pltf.ru/issledovaniya/demograficheskij-potenczial-ozhidaniya-i-ogranicheniya/> (дата обращения: 13.02.2026).

недостаточной поддержкой родителей со стороны государства (33%)¹⁶. То есть характер, степень стабильности / кризисности социальной ситуации даже на уровне артикуляции является важнейшим фактором репродуктивного планирования. И можно предположить, что на дорефлексивном уровне данный фактор играет еще более определяющую роль, исходя из нынешнего (и прошлого) расхождения между установками и практиками.

По данным того же опроса, завести детей (впервые или помимо имеющихся) в ближайшие 1–2 года планируют 20% респондентов, без точного срока – 30%. Не планируют, но и не исключают такой возможности 27% опрошенных, не хотят больше детей 16%. В принципе не планируют заводить детей 4%. Доминирует ориентация на двухдетную семью (45% опрошенных) – и то лишь в идеальных условиях, без учета жизненных обстоятельств. Трех детей хотели бы 27%, одного – 13%, четырех – 7%, пять и более – 4%. Реальные ожидания – несколько ниже. Так, например, думают, что у них будет пять и более детей 1% респондентов, четверо – 5%, трое – 18%, двое – 42%, один – 15%. Реальная же ситуация – принципиально иная: один ребенок – у 30% опрошенных, двое – у 20%, трое – у 7%, четверо – у 1%, ни одного – у 41%¹⁷.

По результатам опроса, проведенного Аналитическим центром НАФИ (июль 2025 г.), даже при наличии «всех необходимых условий» большинство россиян ориентировано на двух- (32%) или трехдетную (21%) семью. Одного ребенка хотели бы иметь 10% опрошенных, четверых детей – 11%, пятерых и более – 15%. Сдвиг «вниз» по возрасту участников опроса уменьшает и количество желаемых детей в семье. Так, у респондентов до 24 лет доминирующим ориентиром является двух- (37%) и одинокотная (20%) семья¹⁸.

Опрос ВЦИОМ (апрель 2025 г.) дает более оптимистичные результаты. Среднее идеальное число детей в своей семье (без учета нынешних условий жизни), россияне оценивают в 3,2 (за исключением 5% затруднившихся с ответом и не желающих / не могущих завести детей), и по сравнению с 2005 г. это число выросло на 0,8. Вместе с тем не желают / не могут заводить детей 5% опрошенных (в 2005 г. – 2%). Ожидаемое количество детей в семье – в среднем 2,4 (на 0,5 больше, чем в 2005 г.)¹⁹. При этом, как отмечалось выше, в российском обществе наблюдается длительный тренд на снижение рождаемости, и показатель суммарного коэффициента рождаемости (1,4 в 2024 г.) очень далек и от идеальных представлений, и от простых ожиданий. Что же касается улучшения репродуктивных установок, по сравнению с 2005 г., то двадцать лет назад объективная ситуация выглядела еще более удручающей – суммарный коэффициент рождаемости в 2004 г. составлял 1,344, а в 2005 г. – 1,294,

¹⁶ Там же.

¹⁷ Демографический потенциал : ожидания и ограничения // Центр социального проектирования «Платформа» : [сайт]. URL: <https://www.pltf.ru/issledovaniya/demograficheskij-potenczial-ozhidaniya-i-ogranicheniya/> (дата обращения: 13.02.2026).

¹⁸ Сколько всего детей Вы хотели бы иметь, если бы у Вас в жизни были для этого все необходимые условия? // Аналитический центр НАФИ : [сайт]. URL: <https://nafi.ru/quizzes/655/0/> (дата обращения: 13.02.2026).

¹⁹ Семья и брак в России XXI века // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-brak-v-rossii-xxi-veka> (дата обращения: 13.01.2026).

хотя в абсолютных значениях рождаемость была все же выше, чем сейчас²⁰. И можно предположить, что изменение репродуктивных ценностей и установок россиян в последние годы является своего рода проецированием на массовое сознание комплекса мер государственной семейной политики (и не столько финансовых, сколько информационно-пропагандистских). В то же время очень большой вопрос: в какой мере, во-первых, декларируемые установки соответствуют действительным запросам, и, во-вторых, какой шанс их воплощения в реальные практики без дополнительных и достаточно объемных мер стимулирования, закрепляющих (и меняющих) мотивацию? В частности, исследование семейных и репродуктивных планов молодежи 20–30 лет, проведенное Т. А. Камаровой, Н. В. Тонких, А. В. Вербенской, демонстрирует существенную дистанцию между ценностями и установками в сфере родительства. При высокой ценности последнего среди молодежи преобладает малодетная модель семьи (один-два ребенка) с тенденцией откладывания родительства. А кроме того, планируемое молодыми людьми количество детей, включая имеющихся, «с учетом текущих условий жизни», существенно ниже предпочтительного количества детей «при наличии всех необходимых условий» [9].

В последние годы во многом по причине ограниченности бюджетно-финансовых механизмов стимулирования рождаемости в публичном поле сформировался заметный, а в ряде случаев и доминирующий, дискурс о необходимости традиционализации фактически всех, и особенно семейных, отношений в российском социуме с такими ее составляющими, как многодетность и ранние браки. О последнем самым знаковым публичным заявлением является реплика Президента России на «Итогах года – 2025»: «У народов Кавказа есть очень хорошая такая традиция: они женят и выдают замуж своих детей в достаточно раннем возрасте. Это реально правильно. Надо бы брать с них пример»²¹.

Однако в модернизированном (хотя относительно и сегментарно – с поправкой на территориально-поселенческую, этническую и конфессиональную структуру) обществе массовая и масштабная по своим результатам традиционализация семейных отношений и практик является либо утопией, либо может стать следствием комплексной традиционализации (или архаизации) всего социума, или, по крайней мере, существенной трансформации экономики в направлении семейных форм организации производства. Кроме того, религиозно мотивированная традиционализация семейных отношений нередко вступает в противоречие с современными репродуктивными технологиями, отказ от которых имеет свои издержки в сфере репродуктивных возможностей населения.

Более рациональный (по соответствию общественному запросу) способ стимулирования рождаемости состоит в количественном и качественном развитии социальной инфраструктуры для семей с детьми и предложении набора материальных и нематериальных преференций, позволяющих компенсировать финансовые и временные издержки в процессе рождения и воспитания детей. При этом сложность воплощения последнего механизма (помимо самого очевидного – наличия

²⁰ Суммарный коэффициент рождаемости // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 13.01.2026).

²¹ Путин призвал брать пример с Кавказа и устраивать ранние браки детей // Коммерсантъ : [сайт]. 19.12.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8312228> (дата обращения: 13.0.2026).

у государства соответствующих ресурсов) заключается в том, чтобы предложение данных предпочтений не приводило к социальному паразитизму и атрофии значительного спектра жизненных целей – образовательных, профессионально-карьерных, культурных и пр. – с передачей по наследству соответствующей системы ценностей.

В современной российской демографической политике совмещаются и конкурируют оба вектора – на пропаганду (в том числе, через религию) традиционных семейных отношений с многодетностью, снижением возраста вступления в брак и рождением первого и последующих детей, отказом от прерывания беременности и минимизации контрацепции, и на создание и модернизацию инфраструктурных, медицинских и отчасти финансовых условий, формирующих мотивацию родительства. В ряде случаев эти векторы совмещаются, усиливая или ослабляя комплексный механизм своего воздействия на репродуктивные практики. Одна из основных проблем создания эффективной системы стимулирования рождаемости в российском социуме состоит в его многоукладности (технологической, культурной, ценностной) и неготовности к унифицированной реакции на тот или иной набор стимулов. Такая ситуация требует от субъектов управления (и в первую очередь от государства) дифференцированного подхода к демографической политике (в том числе, в региональном измерении) и метания из крайности в крайность – упования исключительно на пропагандистские либо на финансовые механизмы – и те, и другие имеют свои ограничения. Как отмечалось в процессе анализа демографической ситуации в регионах Центрального Черноземья автором данной статьи, сокращение естественной убыли населения за счет роста рождаемости является предметом комплексной и долгосрочной государственной и общественной политики, включающей меры материального стимулирования, инфраструктурного строительства и повышения качества социальных сервисов, а также социокультурного проектирования [10].

Отдельная проблема для выработки релевантной состоянию социума и его потенциалу демографической (в том числе, репродуктивной) политики – «теневизация» демографических процессов, стремление государства «закрыть» соответствующую информацию для общественного контроля и независимой экспертной оценки. В результате ограничения экспертизы ситуации и проблемы достаточно узким кругом специалистов и групп интересов могут оказаться отсечены перспективные и потенциально эффективные направления демографической политики, в целом, и стимулирования рождаемости, в частности.

Заключение

Таким образом, российский социум переживает в настоящее время явный демографический тренд, одним из факторов и составляющих которого является сокращение рождаемости – как в абсолютных, так и в относительных показателях. Снижение рождаемости, в свою очередь, обусловлено переплетением системных и ситуативных факторов (завершение второго демографического перехода, трансформация института семьи, череда экономических и социально-политических кризисов, утрата определенности в представлениях о будущем, рутинизация позитивных эффектов предшествующей демографической политики). На новом этапе

государственной демографической политики налицо смещение акцентов в направлении повышения рождаемости и многодетности. Тем не менее анализ документов стратегического планирования демографического развития и совокупности статистических и опросных данных, отражающих репродуктивное поведение, ценности и установки в данной сфере, позволили выявить заметную десинхронность приоритетов и целей управления, с одной стороны, и общественных условий, с другой. В настоящее время фактически отсутствует концептуальная определенность в том, какие механизмы и методы могут быть наиболее эффективными – инициация и закрепление социокультурного сдвига с традиционализацией и архаизацией семейных и репродуктивных отношений и практик или более модернистский подход, заключающийся в создании инфраструктурных и медицинских условий для рождения и воспитания детей и финансовом стимулировании домохозяйств. Проблема применения первого подхода заключается в ценностной, этнической, конфессиональной дифференциации российского социума и рисках его комплексной архаизации. Второй подход требует значительных ресурсов, дефицит которых на данный момент явно очевиден. К тому же эффект материального стимулирования, как правило, рутинизируется, а предоставление соответствующих преференций масштабирует практики патернализма и паразитизма. В многоукладном, поликультурном и социально дифференцированном социуме следует отходить от унифицированных моделей демографической политики и в большей степени ориентироваться на региональную, возрастную, этноконфессиональную, поселенческую специфику. Отдельной проблемой в выработке мер стимулирования рождаемости в настоящее время становится информационная закрытость демографических процессов и, как следствие, снижение качества экспертизы.

Список литературы

1. Рыбаковский, О. Л. Депопуляция в регионах Европейской России в 1992–2024 гг. ДЕМИС // Демографические исследования. 2024. № 4. С. 139–151. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.8). EDN [KRVKOR](https://www.edn.ru/KRVKOR).
2. Безвербный, В. А. Естественное движение населения в российских регионах: факторы, динамика, перспективы / В. А. Безвербный, Н. Ю. Микрюков, Т. Р. Мирязов, Е. А. Лукашенко // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. № 4. С. 37–58. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.3](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.3). EDN [RLXMYR](https://www.edn.ru/RLXMYR).
3. Макаренцева, А. О. Факторы, устойчивость и реализация репродуктивных намерений в России / А. О. Макаренцева, С. С. Бирюкова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2 (174). С. 31–56. DOI [10.14515/monitoring.2023.2.2379](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2379). EDN [ZGLQQE](https://www.edn.ru/ZGLQQE).
4. Реутов, Е. В. Естественное воспроизводство населения сельских территорий Центрального Черноземья: проблемы и перспективы / Е. В. Реутов, С. А. Вангородская // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2025. № 33 (5). С. 1217–1223. DOI [10.32687/0869-866X-2025-33-5-1217-1223](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2025-33-5-1217-1223). EDN [GZMVAB](https://www.edn.ru/GZMVAB).
5. Казенин, К. И. Изменения в рождаемости на фоне пандемии COVID-19: опыт исследования российских регионов / К. И. Казенин, Е. С. Митрофанова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 14–30. DOI [10.14515/monitoring.2023.2.2370](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2370). EDN [SNOIFT](https://www.edn.ru/SNOIFT).
6. Архангельский, В. Н. Здоровье как фактор реализации репродуктивных намерений населения России / В. Н. Архангельский, Е. В. Землянова, А. А. Савина // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. № 4. С. 68–81. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.4](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.4). EDN [SASQNM](https://www.edn.ru/SASQNM).
7. Русанова, Н. Е. Репродуктивное здоровье и репродуктивный выбор российской молодежи / Н. Е. Русанова, Л. Е. Ерофеева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. № 2. С. 6–21. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.1). EDN [NTLTGT](https://www.edn.ru/NTLTGT).

8. Вербенская, А. В. Политика повышения рождаемости в поисках нестандартных решений / А. В. Вербенская, Т. А. Камарова, Н. В. Тонких // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. № 4. С. 82–98. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.5). EDN [ISUYZY](https://www.edn.ru/ISUYZY).

9. Камарова, Т. А. Репродуктивные установки современной молодежи: формирование «моды» молодого родительства в медиасреде / Т. А. Камарова, Н. В. Тонких, А. В. Вербенская // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. № 4. С. 33–55. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.3](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.3). EDN [BSSCBD](https://www.edn.ru/BSSCBD).

10. Реутов, Е. В. Социально-демографическое воспроизводство регионов Центрального Черноземья: проблемы и перспективы // Факторы и механизмы демографического развития: сборник научных статей. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2025. С. 743–752. DOI [10.17059/udf-2025-5-5](https://doi.org/10.17059/udf-2025-5-5). EDN [QYYCTU](https://www.edn.ru/QYYCTU).

Сведения об авторе

Реутов Евгений Викторович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Контактная информация: e-mail: reutovevg@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-0270-168X](https://orcid.org/0000-0003-0270-168X); РИНЦ SPIN-код: [9695-6461](https://elibrary.ru/9695-6461); Web of Science Researcher ID: [S-2017-2016](https://orcid.org/S-2017-2016); Scopus Author ID: [23976662500](https://orcid.org/23976662500).

Статья поступила в редакцию 12.03.2026; принята в печать 18.05.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

PROBLEMS OF FERTILITY INCENTIVES IN CONTEMPORARY RUSSIA

Evgeniy V. Reutov

Belgorod State University, Belgorod, Russia

E-mail: reutovevg@mail.ru

For citation: Reutov, E. V. Problems of Fertility Incentives in Contemporary Russia. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 3. Pp. 59–74. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.4](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.4). (In Russ.)

Abstract. The acuteness of the demographic problems facing Russian society is conditioned by the extremely low level of fertility from the standpoint of natural population reproduction. The subject of the study is the problems of fertility stimulation in Russia. The aim of the study is to determine the effectiveness of state demographic policy measures aimed at increasing fertility in contemporary Russian society. The research hypothesis is the assumption of a desynchronization between the strategic goals of state demographic policy and mass attitudes of demographic behavior. The information base of the study comprises statistical data on fertility dynamics in Russia, strategic planning documents in the sphere of demography and family policy and the fertility stimulation mechanisms contained therein, as well as the results of sociological surveys. Based on an analysis of the entire body of data characterizing trends and prospects of demographic development, a conclusion is drawn about the internal inconsistency of its management and the resulting problems of fertility stimulation. Among the main problems of fertility stimulation, the absence of conceptual certainty in the choice of directions of demographic policy is noted. On the one hand, the importance of direct – financial and indirect – infrastructural mechanisms of fertility stimulation, characteristic of modern society, persists. On the other hand, the trend toward traditionalization and archaization of family and reproductive practices is intensifying. The reasons for this are, first, the growing deficit of bud-getary resources, which limits a cardinal improvement of infrastructural and medical conditions for childbirth and child-rearing and the financial stimulation of Russians' reproductive behavior; and second, the routinization of the effect of financial stimulation of fertility. Moreover, the provision of large-scale financial preferences scales up practices of paternalism and parasitism. However, the trend toward traditionalization of family and reproductive practices also has significant limitations, since the actual reproductive attitudes of Russians are dominated by the model of a two-child or three-child family, the implementation of which is likewise limited by material and housing problems, as well as by a high level of uncertainty about the future. A separate problem in the elaboration of fertility stimulation measures at present is the informational closure of demographic processes and the declining quality of expertise in this sphere. As promising

directions for further research, comparative analysis of regional demographic policies and fertility stimulation practices and their impact on the demographic situation should be noted.

Keywords: depopulation, fertility, demographic policy, strategic planning, traditionalization, fertility stimulation measures

References

1. Rybakovsky, O. L. Depopulation in the Regions of European Russia in 1992–2024. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. No. 4. Pp. 139–151. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.8). (In Russ.).
2. Bezverbnny, V. A., Mikryukov, N. Yu., Miryazov, T. R., Lukashenko, E. A. Natural Population Movement in Russian Regions: Factors, Dynamics, Prospects. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. No. 4. Pp. 37–58. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.3](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.3). (In Russ.).
3. Makarentseva, A. O., Biryukova, S. S. Factors, Stability and Implementation of Reproductive Intentions in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023. No. 2 (174). Pp. 31–56. DOI [10.14515/monitoring.2023.2.2379](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2379). (In Russ.).
4. Reutov, E. V., Vangorodskaya, S. A. Natural Reproduction of the Population of Rural Territories of the Central Black Earth Region: Problems and Prospects. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2025. No. 33 (5). Pp. 1217–1223. DOI [10.32687/0869-866X-2025-33-5-1217-1223](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2025-33-5-1217-1223). (In Russ.).
5. Kazenin, K. I., Mitrofanova, E. S. Changes in Fertility Amid the COVID-19 Pandemic: Experience of Studying Russian Regions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023. No. 2. Pp. 14–30. DOI [10.14515/monitoring.2023.2.2370](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2370). (In Russ.).
6. Arkhangelsky, V. N., Zemlyanova, E. V., Savina, A. A. Health as a Factor in the Implementation of Reproductive Intentions of the Russian Population. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. No. 4. Pp. 68–81. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.4](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.4). (In Russ.).
7. Rusanova, N. E., Erofeeva, L. E. Reproductive Health and Reproductive Choice of Russian Youth. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. No. 2. Pp. 6–21. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.1). (In Russ.).
8. Verbenskaya, A. V., Kamarova, T. A., Tonkikh, N. V. Fertility Promotion Policy in Search of Non-Standard Solutions. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. No. 4. Pp. 82–98. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.5). (In Russ.).
9. Kamarova, T. A., Tonkikh, N. V., Verbenskaya, A. V. Reproductive Attitudes of Contemporary Youth: The Formation of a “Fashion” for Young Parenthood in the Media Environment. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. No. 4. Pp. 33–55. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.3](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.3). (In Russ.).
10. Reutov, E. V. *Socio-Demographic Reproduction of the Regions of the Central Black Earth Region: Problems and Prospects*. Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch RAS, 2025. Pp. 743–752. DOI [10.17059/udf-2025-5-5](https://doi.org/10.17059/udf-2025-5-5). (In Russ.).

Bio note

Evgeniy V. Reutov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State University, Belgorod, Russia.

Contact information: e-mail: reutovevg@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-0270-168X](https://orcid.org/0000-0003-0270-168X); RSCI SPIN-code: [9695-6461](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=9695-6461); Web of Science Researcher ID: [S-2017-2016](https://orcid.org/S-2017-2016); Scopus Author ID: [23976662500](https://orcid.org/23976662500).

Received on 12.03.2026; accepted for publication 18.05.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.3.5](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.5)EDN [HSTBXC](https://www.edn.ru/HSTBXC)

Научная статья

РОЖДАЕМОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В 2018–2024 ГГ.: СТРУКТУРА, ДИНАМИКА И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Фадеева Т. А.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

E-mail: fadeevatoma@gmail.com

Для цитирования: Фадеева, Т. А. Рождаемость населения регионов России в 2018–2024 гг.: структура, динамика и дифференциация // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 3. С. 75–90. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.5](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.5). EDN [HSTBXC](https://www.edn.ru/HSTBXC).

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции и региональные особенности рождаемости населения России в 2018–2024 гг. Тема исследования связана с анализом динамики числа родившихся, суммарного коэффициента рождаемости (СКР) и показателей рождаемости по очередности рождения детей. Цель научной работы состоит в выявлении основных тенденций рождаемости в субъектах РФ и федеральных округах, в определении различий между регионами по сочетанию абсолютных и относительных демографических показателей. Гипотеза исследования заключается в том, что современное снижение рождаемости в Российской Федерации сопровождается не только сокращением числа родившихся и общего СКР, но и изменением структуры рождений по очередности, при этом рост показателя по третьим и последующим рождениям имеет территориально ограниченный характер и не компенсирует снижение вклада вторых рождений. Информационной базой исследования выступают данные Федеральной службы государственной статистики России (Росстат) за 2018–2024 гг. В работе использованы методы демографического статистического анализа, сравнительно-демографический метод, структурный анализ рождаемости по очередности рождения, а также метод группировки регионов по уровню суммарного коэффициента рождаемости и соотношению числа родившихся и СКР. Результаты исследования показывают, что за рассматриваемый период в России сократилось как абсолютное число родившихся, так и общий суммарный коэффициент рождаемости. Мало того, региональная динамика была неоднородной: наиболее устойчивые показатели сохранялись в ряде республик Северного Кавказа, отдельных субъектов республик и северных автономных округов, тогда как наиболее неблагоприятная ситуация наблюдалась в ряде регионов Центральной России, Поволжья и Северо-Запада. Научный вклад статьи состоит в комплексном сопоставлении числа родившихся, общего СКР и СКР по вторым, третьим и последующим детям, что позволяет выделить различные типы регионов по характеру рождаемости. Полученные результаты могут быть использованы при разработке и корректировке мер демографической политики с учетом региональной специфики.

Ключевые слова: рождаемость, суммарный коэффициент рождаемости, число родившихся, регионы России, демографическое развитие, федеральные округа, региональная дифференциация, вторые рождения, третьи и последующие рождения, очередность рождения, воспроизводство населения, демографическая политика

Введение

Рождаемость является одним из ключевых компонентов демографической динамики, определяющим текущие масштабы естественного воспроизводства населения, перспективы изменения его возрастной структуры, численности трудоспособных контингентов, а также устойчивости социально-экономического развития регионов. В современных условиях проблема рождаемости приобретает особое значение для нашей страны, где на протяжении длительного времени сохраняется суженное воспроизводство населения, а динамика числа рождений все в большей мере определяется трансформацией возрастной структуры населения. Выбор периода 2018–2024 гг. обусловлен тем, что он отражает нынешний этап снижения рождаемости и включает последние доступные на момент подготовки статьи данные

Росстата, а кроме того, позволяет проследить изменения до, во время и после окончания пандемийного периода. Изменения в показателях рождаемости, таких как общее число рождений, суммарный коэффициент рождаемости, свидетельствуют о сложном и неоднородном характере современной динамики этого показателя. С одной стороны, почти повсеместное сокращение числа родившихся и снижение общего СКР указывают на сохранение неблагоприятных тенденций в воспроизводстве населения. С другой стороны, рост показателя по третьим и последующим детям показывает, что внутри общей нисходящей динамики происходят структурные сдвиги, связанные с различной устойчивостью однодетной, двухдетной и многодетной моделей семьи. Актуальность исследования определяется тем, что общероссийские показатели рождаемости скрывают значительные региональные различия. Регионы с наибольшим числом родившихся далеко не всегда характеризуются наиболее высокими значениями СКР. Так, регионы с крупными городскими агломерациями формируют значительную часть абсолютного числа рождений за счет численности населения и концентрации репродуктивных контингентов, тогда как регионы с наиболее высоким СКР могут иметь сравнительно небольшой вклад в общероссийское число родившихся. Поэтому оценка рождаемости только по абсолютному числу рождений или только по суммарному коэффициенту рождаемости не позволяет в полной мере выявить реальное положение регионов. Проблематика нашей научно-исследовательской работы состоит в необходимости выявления региональных различий рождаемости в России в условиях одновременного сокращения числа родившихся, снижения общего СКР и изменения структуры рождений по очередности. Особое значение имеет вопрос о том, какие регионы сохраняют относительно высокую интенсивность рождаемости, какие обеспечивают основной абсолютный вклад в число рождений, а какие оказываются в наиболее сложном положении из-за сочетания низкого СКР и сокращающегося числа родившихся.

Научная новизна исследования заключается в комплексном сопоставлении нескольких взаимосвязанных показателей рождаемости в региональном разрезе за 2018–2024 гг.: абсолютного числа родившихся, общего суммарного коэффициента рождаемости, а также СКР по вторым, третьим и последующим детям. Такой подход позволяет перейти от описания общей нисходящей динамики к анализу внутренней структуры рождаемости и выявлению региональных типов демографического развития. Цель статьи – выявить основные тенденции и региональные особенности рождаемости населения России в 2018–2024 гг. на основе сопоставления числа родившихся, суммарного коэффициента рождаемости и показателей рождаемости по очередности рождения. Значимость исследования состоит в том, что его результаты позволяют более точно оценить современное состояние рождаемости в регионах России. Выявление регионов с разным соотношением числа родившихся и СКР, а также различий в структуре рождений по очередности может быть использовано при разработке и корректировке мер демографической политики. Особенно важно учитывать, что поддержка рождаемости не может быть одинаковой для всех субъектов РФ: в одних регионах ключевой проблемой оказывается сокращение перехода к рождению второго ребенка, в других – ограниченность общего демографического потенциала, в третьих – необходимость сохранения уже сложившейся многодетной модели семьи.

Методы исследования – демографический статистический анализ, прежде всего, табличный метод представления результатов, сравнительно-демографический метод, позволяющий сопоставить динамику рождаемости в субъектах Российской Федерации и федеральных округах, метод группировки регионов, когда они распределяются по интервалам значений среднего СКР за период, числу родившихся и по характеру сочетания абсолютных и относительных показателей. Источник статистики для всех расчетов – Росстат.

Обзор научной литературы

Проблема рождаемости населения России на протяжении длительного времени занимает важное место в отечественных демографических исследованиях. В научной литературе накоплен значительный опыт изучения рождаемости населения Российской Федерации, ее динамики, структуры и факторов изменения. В работах В. Н. Архангельского и соавторов рассматриваются особенности рождаемости населения постсоветской России и отдельно ее регионов [1; 2], анализируется ее структура [3], проводится разложение динамики рождаемости на отдельные компоненты, а также выделяются основные факторы, определяющие изменение уровня рождаемости в стране [4].

Важное место в изучении российской рождаемости занимают труды С. В. Захарова, посвященные когортной рождаемости женщин России [5]. В его научных работах рождаемость предстает в длительной исторической перспективе – от советского периода до современности. Такой подход дает возможность проследить изменение репродуктивного поведения разных поколений женщин, выявить особенности перехода от многодетной к малодетной модели семьи и показать различия между рождаемостью условных и реальных поколений.

Отдельное направление исследований связано с изучением влияния демографических и социально-экономических факторов на рождаемость населения. В работах Е. П. Сигаревой и С. Ю. Сивоплясовой рассматриваются вопросы изменения демографического потенциала населения, возрастной структуры и влияния миграционных процессов на воспроизводство населения России [6; 7]. Эти исследования важны для понимания того, что динамика рождаемости определяется репродуктивными установками семей наравне с изменением численности и состава населения, в том числе репродуктивных контингентов.

В ряде работ Л. Л. Рыбаковского и его соавторов [8; 9] рождаемость населения России анализируется в связи с демографическими структурными волнами и общими тенденциями воспроизводства населения. Это позволяет рассматривать тенденции в изменениях рождаемости не изолированно, а в контексте предшествующего демографического развития, а также изменений возрастной структуры и последствий демографических спадов и подъемов прошлых десятилетий. О. Л. Рыбаковский оценивает тенденции и перспективы рождаемости в различные временные периоды [10], рассматривает рождаемость как составляющую депопуляции в различных частях РФ [11; 12].

Достойное место в отечественной литературе занимают исследования, посвященные перспективам и прогнозам рождаемости населения РФ. Проблематика демографического прогнозирования имеет длительную традицию в российской

науке [13]. В поздний советский период разработка методологии демографических прогнозов была связана с трудами А. Г. Волкова [14], Л. Л. Рыбаковского и других [15]. В постсоветский период интерес к прогнозированию рождаемости и воспроизводства населения заметно возрос, что связано с ухудшением демографической ситуации в стране и с необходимостью научного обоснования мер демографической политики.

Несмотря на наличие большого числа исследований, посвященных рождаемости в России, по-прежнему сохраняется необходимость комплексного анализа современных региональных различий с учетом сразу нескольких показателей. Сейчас же многие работы сосредоточены либо на общероссийской динамике рождаемости, либо на отдельных регионах, либо на одном показателе, например, суммарном коэффициенте рождаемости или возрастной модели рождаемости. В меньшей степени представлены научные труды, в которых одновременно сопоставляются абсолютное число родившихся, общий суммарный коэффициент рождаемости и показатели рождаемости по очередности рождения детей в региональном разрезе за последние годы.

Результаты

Число родившихся в регионах России в 2018–2024 гг.

В 2018–2024 гг. в Российской Федерации продолжалось сокращение абсолютного числа родившихся. Если в 2018 г. в стране родилось 1604,3 тыс. человек, то в 2024 г. – 1 222,4 тыс. человек. Таким образом, за семь лет число родившихся уменьшилось на 381,9 тыс. человек, или на 23,8%. В общей сложности за рассматриваемый период в стране родилось 9711,0 тыс. детей.

Снижение числа родившихся происходило на протяжении всего анализируемого периода времени. Особенно заметное сокращение наблюдалось в 2019 г., когда по сравнению с 2018 г. число рождений уменьшилось на 123,3 тыс. человек. Следующий существенный спад пришелся на 2022 г., когда число родившихся сократилось по сравнению с 2021 г. на 94,2 тыс. человек. В 2024 г. снижение продолжилось, но его масштабы были несколько меньше: по сравнению с 2023 г. число родившихся уменьшилось еще на 41,9 тыс. человек. Сокращение числа родившихся наблюдалось во всех федеральных округах, однако его масштабы были различными (табл. 1).

Наибольшее абсолютное сокращение произошло в Приволжском федеральном округе: число родившихся уменьшилось с 311,5 тыс. в 2018 г. до 218,4 тыс. в 2024 г., то есть на 93,0 тыс. человек. В Центральном федеральном округе снижение составило 79,1 тыс., в Сибирском – 58,0 тыс., в Северо-Западном – 40,7 тыс. человек. Если же рассматривать относительные масштабы снижения, то наиболее неблагоприятная динамика была характерна для Приволжского и Сибирского федеральных округов, где показатель в 2024 г. составил соответственно 70,1% и 70,4% к уровню 2018 г. Близким к ним был и Северо-Западный федеральный округ – 72,0%. Наименьшее сокращение наблюдалось в Северо-Кавказском федеральном округе, где число родившихся в 2024 г. достигло лишь 90,1% от уровня 2018 г. (если в большинстве округов снижение составило примерно от одной пятой до почти одной трети уровня 2018 г., то на Северном Кавказе оно не достигло и 10%).

Таблица 1

**Число родившихся в Российской Федерации и федеральных округах в 2018
и 2024 гг.**

Table 1

Number of births in the Russian Federation and federal districts in 2018 and 2024

Федеральный округ	2018 г. (человек)	2024 г. (человек)	Снижение (%)
Российская Федерация	1 604 344	1 222 408	23,8
Центральный ФО	391 129	312 022	20,2
Северо-Западный ФО	145 537	104 828	28,0
Южный ФО	173 257	134 489	22,4
Северо-Кавказский ФО	141 841	127 746	9,9
Приволжский ФО	311 450	218 402	29,9
Уральский ФО	147 057	113 742	22,7
Сибирский ФО	196 185	138 182	29,6
Дальневосточный ФО	97 888	72 997	25,4

Источник: рассчитано на основе данных Росстата¹

Наибольший вклад в общее число родившихся за 2018–2024 гг. внесли крупнейшие по численности населения регионы и регионы с относительно высокой рождаемостью. Лидером оставалась Москва, где за семь лет родилось 887,3 тыс. детей. Далее следовали Московская область – 525,7 тыс., Краснодарский край – 402,6 тыс., Санкт-Петербург – 377,2 тыс., Тюменская область – 317,3 тыс., Республика Дагестан – 313,0 тыс., Свердловская область – 298,4 тыс., Республика Татарстан – 279,7 тыс. и Республика Башкортостан – 273,8 тыс. детей. Эти регионы формировали значительную часть общероссийского числа рождений, но причины их высокого вклада различны. В Москве, Московской области, Санкт-Петербурге, Краснодарском крае, Свердловской и Тюменской областях большое число рождений во многом связано с масштабом населения и концентрацией репродуктивных контингентов. В Республике Дагестан и в Чеченской Республике значительную роль играет более высокая интенсивность рождаемости.

Наиболее устойчивое положение наблюдалось в ряде республик Северного Кавказа. В Чеченской Республике число родившихся увеличилось с 29,9 тыс. в 2018 г. до 31,3 тыс. в 2024 г. В Республике Ингушетия снижение было минимальным: после округления значения 2018 и 2024 гг. составили около 8,0 тыс. родившихся, а относительное сокращение не превысило 1,1%. Незначительное сокращение наблюдалось также в Республике Адыгея, Кабардино-Балкарской Республике, Ямало-Ненецком автономном округе, Москве и Республике Дагестан. В Москве при большом абсолютном числе рождений снижение было сравнительно умеренным: со 132,2 тыс. в 2018 г. до 120,2 тыс. в 2024 г., то есть на 9,1%. Московская область тоже имела менее резкое сокращение, чем большинство регионов страны: с 83,1 тыс. до 71,4 тыс. родившихся, или на 14,0%. Наиболее значительное относительное сокращение числа родившихся наблюдалось в ряде регионов Центральной России, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. В Еврейской автономной области число родившихся в 2024 г. составило только 59,7% к уровню 2018 г., в Рязанской области – 62,1%, в Кировской области – 62,7%, в Республике Мордовия – 63,0%, в Смоленской

¹ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.04.2026).

области – 63,1%, во Владимирской области – 63,6%, в Курганской области – 63,7%. К числу регионов, где было утрачено около трети и более ежегодного числа рождений, также относятся Белгородская, Новгородская, Томская области, Кемеровская область – Кузбасс, Архангельская область, Алтайский край, Омская и Брянская области. Такая динамика свидетельствует о значительном ослаблении демографического потенциала этих территорий.

Обобщенно динамика числа родившихся в 2018–2024 гг. показывает почти повсеместное сокращение рождаемости в России. При этом сокращение было не только общероссийским, но и процессом с ярко выраженной региональной спецификой. В одних регионах оно носило умеренный характер, тогда как в других за семь лет произошло уменьшение ежегодного числа рождений на треть и более.

Перейдем к показателям суммарного коэффициента рождаемости – в 2018–2024 гг. в России продолжилось его снижение. Если в 2018 г. его величина составляла 1,556, то в 2024 г. – 1,400. Таким образом, за семь лет показатель сократился на 0,156, или примерно на 10%. Наиболее заметное уменьшение пришлось на 2019 г., когда СКР снизился с 1,556 до 1,477. В последующие годы показатель оставался относительно стабильным: в 2020 г. он составлял 1,474, в 2021 г. – 1,470. Новый этап снижения начался в 2022 г., когда СКР уменьшился до 1,416, а в 2023–2024 гг. опустился соответственно до 1,410 и 1,400. В отличие от абсолютного числа родившихся, которое в немалой степени зависит от численности населения и размеров репродуктивных контингентов, суммарный коэффициент рождаемости позволяет оценить собственно интенсивность деторождения. Поэтому его региональная динамика показывает не только сокращение числа рождений, но и изменение репродуктивного поведения населения.

Среди федеральных округов самые низкие значения СКР на протяжении всего исследуемого периода были характерны для Центрального и Северо-Западного федеральных округов. В Центральном федеральном округе СКР снизился с 1,393 в 2018 г. до 1,312 в 2024 г., а в Северо-Западном – с 1,444 до 1,231. На противоположном полюсе находился Северо-Кавказский федеральный округ. В 2018 г. СКР здесь составлял 1,807, в 2024 г. – 1,758. Несмотря на некоторое снижение, этот округ сохранил наиболее высокие значения показателя среди всех федеральных округов. Достаточно высокие значения СКР сохранялись и в Уральском федеральном округе. Здесь показатель уменьшился с 1,708 в 2018 г. до 1,577 в 2024 г. Более высокий уровень округа в значительной мере обеспечивался Тюменской областью с автономными округами, прежде всего Ямало-Ненецким, где СКР в 2024 г. составил 1,990. В Сибирском и Дальневосточном федеральных округах снижение было более заметным. В Сибирском федеральном округе СКР сократился с 1,641 в 2018 г. до 1,399 в 2024 г., то есть практически до среднероссийского уровня. В Дальневосточном федеральном округе показатель уменьшился с 1,718 до 1,491. Это особенно важно, поскольку восточные регионы страны традиционно рассматривались как территории с относительно более высокими значениями рождаемости. Однако к 2024 г. их преимущество по сравнению со среднероссийским уровнем заметно сократилось. Значения СКР по РФ и федеральным округам представлены на рис. 1.

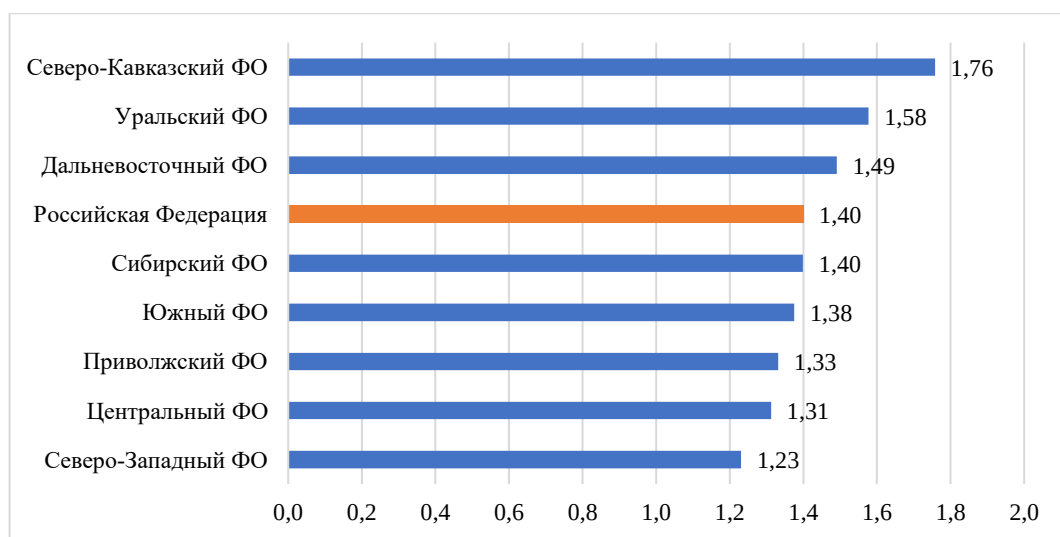

Рис. 1. Суммарный коэффициент рождаемости по Федеральным округам в 2024 г. (среднероссийское значение дано для сравнения)

Fig. 1. Total birth rate by Federal District in 2024 (national average is shown for comparison)

Источник: рассчитано на основе данных Росстата²

Наиболее высокие значения СКР в 2024 г. сохранялись в Чеченской Республике – 2,673, Республике Тыва – 2,292, Ямало-Ненецком автономном округе – 1,990, Республике Алтай – 1,860, Республике Дагестан – 1,815, Республике Ингушетия – 1,805 и Ненецком автономном округе – 1,801. А самые низкие значения в 2024 г. были в Ленинградской области – 0,888, г. Севастополе – 0,996, Республике Мордовия – 0,998, Смоленской области – 1,043, Саратовской области – 1,062, Белгородской области – 1,074, Тульской области – 1,128, Брянской области – 1,132, Владимирской области – 1,139 и Пензенской области – 1,144. В этих регионах величина показателя находилась либо ниже единицы, либо лишь немного превышала ее.

Особое место в региональной структуре занимает Москва. В отличие от большинства регионов Центрального федерального округа, где СКР за рассматриваемый период снижался, в Москве он вырос с 1,365 в 2018 г. до 1,461 в 2024 г. В результате столица к концу периода имела более высокий показатель, чем Центральный федеральный округ в целом. В Московской области динамика также была относительно благоприятной. После снижения в 2019 г. до 1,233 СКР в последующие годы увеличивался и в 2024 г. составил 1,341. Однако данный показатель все же оставался ниже московского и уровня простого воспроизводства населения. Часто показатель рождаемости Москвы и Московской области рассматривают совместно, потому что часть женщин едет рожать в Москву из области [2, с. 134]. Столичная агломерация в целом выделяется на фоне Центрального федерального округа более устойчивыми

² Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.04.2026).

значениями рождаемости, что можно объяснить особенностями возрастной структуры, миграционного притока и концентрации населения в активных возрастах.

В регионах Центральной России, напротив, преобладала нисходящая динамика. Так, в Белгородской области СКР снизился с 1,358 в 2018 г. до 1,074 в 2024 г., во Владимирской – с 1,459 до 1,139, в Рязанской – с 1,443 до 1,119, в Смоленской – с 1,303 до 1,043. Эти изменения показывают, что в значительной части центральных областей снижение интенсивности рождаемости происходило быстрее, чем в среднем по России. Сходная ситуация наблюдалась в ряде регионов Поволжья. В Республике Мордовия СКР снизился с 1,268 до 0,998, в Саратовской области – с 1,319 до 1,062, в Пензенской – с 1,356 до 1,144. В то же время в отдельных регионах Приволжского федерального округа показатели были выше: в Пермском крае в 2024 г. СКР составлял 1,506, в Татарстане – 1,451, в Оренбургской области – 1,474. Сибирский федеральный округ к 2024 г. стал менее однородным: высокие значения сохранялись главным образом в национальных республиках, тогда как в большинстве областей и краев показатели приблизились к низким уровням. Так, наиболее высокие значения СКР сохранялись в Республике Тыва и Республике Алтай, но именно в этих регионах наблюдалось и значительное снижение. В Тыве показатель уменьшился с 2,798 до 2,292, в Республике Алтай – с 2,413 до 1,860. В то же время в Кемеровской области – Кузбассе – СКР снизился с 1,480 до 1,163, в Томской области – с 1,426 до 1,164, в Алтайском крае – с 1,579 до 1,236. В Дальневосточном федеральном округе СКР снижался почти повсеместно. В Республике Бурятия показатель уменьшился с 2,007 до 1,511, в Забайкальском крае – с 1,844 до 1,588, в Республике Саха (Якутия) – с 1,801 до 1,516, в Еврейской автономной области – с 1,821 до 1,343. Более устойчивое положение сохраняла Сахалинская область, где СКР в 2024 г. составил 1,746 при 1,876 в 2018 г.

Если рассматривать не отдельные годовые значения, а средний суммарный коэффициент рождаемости за 2018–2024 гг., то региональная дифференциация рождаемости проявляется особенно отчетливо. Для этого все регионы России нами были распределены на семь групп в зависимости от величины среднего СКР за известный период времени (табл. 2).

Особенно многочисленной оказалась группа регионов со средним СКР от 1,41 до 1,60. В нее вошли 26 субъектов РФ. Еще 19 регионов имели средние значения СКР в пределах 1,31–1,40, а 16 регионов – от 1,61 до 1,80. Следовательно, основная масса территорий была сосредоточена в интервале от 1,31 до 1,80, то есть в зоне пониженных и умеренных значений рождаемости.

К группе с минимальными средними значениями СКР, до 1,20 включительно, отнесены 7 регионов: Ленинградская область, город Севастополь, Республика Мордовия, Смоленская, Саратовская, Тульская и Волгоградская области. Больше других выделялась Ленинградская область, где средний показатель за 2018–2024 гг. составил всего 0,935, то есть оказался ниже единицы. Но Ленинградскую область, как и Московскую, целесообразнее рассматривать вместе с Санкт-Петербургом, так как часть женщин предпочитает рожать именно там [2, с. 135].

В следующую группу, со средним СКР от 1,21 до 1,30, вошли 10 регионов. Среди них Белгородская, Пензенская, Владимирская, Рязанская, Тамбовская, Орловская, Воронежская, Брянская, Липецкая и Новгородская области. Таким образом,

значительная часть регионов с наиболее низкими средними значениями СКР находится в Центральной России, что подтверждает устойчиво неблагоприятное положение данной части страны по интенсивности рождаемости. На противоположном полюсе – регионы со средним СКР выше 2,11: Чеченская Республика, Республика Тыва и Республика Алтай. Их положение связано не только с более высоким общим СКР, но и с существенно большей ролью рождений высокой очередности. Отдельную группу составляют регионы со значениями 1,81–2,10: Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа, Республика Ингушетия и Сахалинская область. В них рождаемость выше среднероссийской, однако ее структура и демографические предпосылки различаются.

Таблица 2

Группировка регионов по среднему суммарному коэффициенту рождаемости за 2018–2024 гг.

Table 2

Grouping of regions by the average total fertility rate for 2018–2024

Группа СКР	Число	Диапазон	Демографическая характеристика группы
До 1,20	7	0,935–1,198	Крайне низкая интенсивность; слабый вклад вторых и последующих рождений
1,21–1,30	10	1,216–1,284	Низкая рождаемость; многодетная модель выражена слабо
1,31–1,40	19	1,310–1,395	Показатели около или ниже среднероссийских; вклад вторых рождений снижается
1,41–1,60	26	1,415–1,594	Наиболее многочисленная и неоднородная группа с умеренными значениями СКР
1,61–1,80	16	1,603–1,790	Относительно повышенный уровень; в ряде регионов заметнее третьи и последующие рождения
1,81–2,10	4	1,833–1,989	Высокая, но ниже простого воспроизводства рождаемость; значима роль рождений высокой очередности
2,11 и выше	3	2,129–2,633	Наиболее высокий уровень; устойчивый вклад третьих и последующих рождений

Источник: рассчитано на основе данных Росстата³

Распределение регионов по среднему СКР за 2018–2024 гг. показывает наличие устойчивой региональной поляризации рождаемости, что в дальнейшем важно для планирования региональных и федеральных мер поддержки рождаемости, так как анализ средних значений СКР за 2018–2024 гг. подтверждает, что современные региональные различия рождаемости определяются ежегодными колебаниями показателя, равно как и устойчивыми территориальными особенностями воспроизводства населения.

Соотношение числа родившихся и суммарного коэффициента рождаемости в регионах России в 2018–2024 гг.

Сопоставление числа родившихся и суммарного коэффициента рождаемости показывает, что эти показатели характеризуют разные стороны одного демографического процесса. Абсолютное число родившихся зависит от интенсивности рождаемости, общей численности населения региона, численности женщин репродуктивного возраста, возрастной структуры населения и миграционного притока.

³ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.04.2026).

Суммарный коэффициент рождаемости, напротив, отражает интенсивность деторождения и позволяет сравнивать регионы независимо от их размеров.

Как показано выше, в 2018–2024 гг. оба показателя в целом имели нисходящую динамику, что говорит о сокращении числа родившихся из-за таких факторов, как уменьшение интенсивности рождаемости, изменение численности и структуры репродуктивных контингентов. Особенно хорошо это видно на уровне федеральных округов. Наибольшее число родившихся за 2018–2024 гг. приходилось на Центральный федеральный округ – 2 423,2 тыс. человек, Приволжский федеральный округ – 1 809,3 тыс., Сибирский федеральный округ – 1 147,6 тыс. и Южный федеральный округ – 1 059,0 тыс. человек. Но по уровню СКР перечисленные округа не были лидерами. Так, средний СКР за 2018–2024 гг. в Центральном федеральном округе составлял около 1,33, в Приволжском – 1,43, в Сибирском – 1,51, тогда как в Северо-Кавказском федеральном округе – около 1,75. Итак, Северо-Кавказский федеральный округ, уступая Центральному и Приволжскому федеральным округам по абсолютному числу родившихся, сохранял наиболее высокую интенсивность рождаемости. В 2024 г. СКР в Северо-Кавказском федеральном округе был равен 1,758, тогда как в Центральном – 1,312, в Северо-Западном – 1,231, в Приволжском – 1,332. Иная ситуация наблюдалась в Центральном федеральном округе. Здесь было наибольшее абсолютное число родившихся среди всех округов, однако СКР оставался одним из наиболее низких. Это объясняется тем, что высокий вклад округа в общее число рождений обеспечивался прежде всего Москвой и Московской областью, то есть Москва и Московская область являются примером субъектов РФ с большим абсолютным числом рождений, но не с наиболее высокой интенсивностью рождаемости. Противоположный тип представляют регионы с высоким СКР, но сравнительно небольшим числом родившихся. К ним относятся Республика Тыва, Республика Алтай, Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Ингушетия и Сахалинская область.

Особую группу образуют регионы, где сочетаются сравнительно большое число родившихся и повышенные значения СКР. К ним можно отнести Республику Дагестан, Чеченскую Республику, Тюменскую область, Краснодарский край, Свердловскую область и частично Республику Татарстан. Однако и внутри этой группы причины различны. В Дагестане и Чеченской Республике высокий абсолютный результат во многом связан с высокой интенсивностью рождаемости. В Краснодарском крае и Свердловской области значительную роль играет большая численность населения, тогда как СКР хотя и выше, чем в ряде центральных регионов, но не относится к самым высоким в стране.

Есть и другая группа регионов – с низким или пониженным СКР и относительно небольшим числом родившихся. К ней относятся многие области Центральной России, Поволжья и Северо-Запада: Смоленская, Рязанская, Орловская, Тамбовская, Пензенская, Саратовская, Тульская области, Республика Мордовия. Здесь оба фактора действуют в одном направлении: невысокая интенсивность рождаемости сочетается с ограниченным демографическим масштабом и сокращением числа рождений. Сопоставление двух показателей позволяет выделить четыре основных типа регионов (табл. 3).

Таблица 3

Типология регионов РФ по соотношению числа родившихся и суммарного коэффициента рождаемости

Table 3

Typology of Russian regions based on the ratio of the number of births and the total fertility rate

Тип региона	Содержание	Примеры регионов РФ
Большое число родившихся и высокий / повышенный СКР	Регионы с заметным вкладом в общероссийскую рождаемость и сравнительно высокой интенсивностью деторождения	Дагестан, Чеченская Республика, Тюменская область, Краснодарский край
Большое число родившихся, но невысокий СКР	Абсолютный вклад обеспечивается численностью населения, а не высокой интенсивностью рождаемости	Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ростовская область
Высокий СКР, но малое число родившихся	Высокая интенсивность рождаемости при небольшой численности населения	Республика Тыва, Республика Алтай, Ненецкий АО, ЯНАО, Республика Ингушетия
Низкий СКР и малое / сокращающееся число родившихся	Наиболее проблемная группа с точки зрения воспроизводства населения	Республика Мордовия, Смоленская, Рязанская, Орловская, Тамбовская, Пензенская области

Источник: рассчитано на основе данных Росстата⁴

При оценке рождаемости регионов РФ нельзя ограничиваться одним лишь количеством родившихся или СКР. Число родившихся показывает, какие регионы формируют основной демографический объем страны, а СКР – где сохраняется более высокая или, напротив, крайне низкая интенсивность воспроизводства населения. И только совместное рассмотрение этих двух показателей позволяет выявить реальное положение регионов в современной демографической динамике России.

Динамика суммарного коэффициента рождаемости по вторым, третьим и последующим детям в 2018–2024 гг.

В 2018–2024 гг. в Российской Федерации динамика суммарного коэффициента рождаемости по вторым, по третьим и последующим детям имела разнонаправленный характер. Если СКР по вторым детям в целом по стране снизился с 0,574 в 2018 г. до 0,435 в 2024 г., то есть на 0,139, то показатель по третьим и последующим детям, наоборот, увеличился с 0,328 до 0,376, или на 0,048. Следовательно, в рассматриваемый период происходило не просто общее снижение рождаемости, а изменение ее внутренней структуры: вклад вторых рождений сокращался, тогда как вклад третьих и последующих рождений несколько возрастал.

Наиболее заметным было снижение СКР по вторым детям после 2021 г. В 2018 г. он составлял 0,574, в 2019 г. снизился до 0,523, в 2020–2021 гг. находился примерно на одном уровне – 0,514–0,513, а в 2022–2024 гг. последовательно уменьшился до 0,462, 0,440 и 0,435. Таким образом, именно вторые рождения стали одной из наиболее уязвимых составляющих современной рождаемости. Снижение СКР по вторым детям наблюдалось во всех федеральных округах. Особенно значительным оно было в Приволжском федеральном округе, где показатель уменьшился с 0,605 в 2018 г. до 0,427 в 2024 г., то есть на 0,178. Близкие величины снижения были характерны для Сибирского федерального округа – с 0,611 до 0,435,

⁴ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.04.2026).

Дальневосточного – с 0,622 до 0,463, Уральского – с 0,646 до 0,486. Наименьшее сокращение произошло в Северо-Кавказском федеральном округе: с 0,541 до 0,473. Наиболее высокие средние значения СКР по вторым детям за 2018–2024 гг. были характерны для Республики Тыва, Ненецкого автономного округа, Сахалинской области, Ямало-Ненецкого автономного округа, Республики Алтай, Курганской области, Забайкальского края, Иркутской и Тюменской областей, Чеченской Республики. Эти регионы отличались тем, что вторые рождения сохраняли сравнительно высокий вклад в общую рождаемость. Однако даже в этой группе во многих случаях наблюдалось заметное снижение показателя. Так, в Республике Тыва СКР по вторым детям уменьшился с 0,880 в 2018 г. до 0,561 в 2024 г.; в Республике Алтай – с 0,781 до 0,520; в Ненецком автономном округе – с 0,769 до 0,535. К сожалению, высокий уровень показателя не всегда означал благоприятную динамику: часть регионов сохраняла относительно высокие значения лишь потому, что исходный уровень был высоким. К регионам с наименьшими значениями СКР по вторым детям относились Ленинградская область, Севастополь, Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика, Тульская, Саратовская, Волгоградская, Смоленская области, Республика Мордовия и Санкт-Петербург.

Иная динамика наблюдалась по третьим и последующим детям. В 2018–2019 гг. показатель оставался на уровне 0,328, затем в 2020 г. увеличился до 0,349, в 2021 г. – до 0,364, в 2023 г. – до 0,370, а в 2024 г. – до 0,376 (рис. 2).

Рис. 2. Динамика СКР по вторым, третьим и последующим детям в Российской Федерации, 2018–2024 гг.

Fig. 2. Dynamics of TFR for second, third and subsequent children in the Russian Federation, 2018–2024

Источник: рассчитано на основе данных Росстата⁵

⁵ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.04.2026).

По третьим и последующим рождениям прослеживается умеренная, но достаточно устойчивая восходящая динамика; большинство федеральных округов показало рост. В Центральном федеральном округе СКР третьих и последующих детей увеличился с 0,235 до 0,288, в Уральском – с 0,370 до 0,460, в Дальневосточном – с 0,401 до 0,464, в Северо-Кавказском – с 0,679 до 0,728. Самые высокие значения СКР по третьим и последующим сохранились в Чеченской Республике, Республике Тыва, Республике Ингушетия, Республике Алтай, Республике Дагестан, Ненецком автономном округе, Республике Саха (Якутия), Республике Бурятия, Кабардино-Балкарской Республике, Ямало-Ненецком автономном округе. Наиболее низкие значения СКР третьих и последующих детей были в Севастополе, Ленинградской, Смоленской, Белгородской областях, Санкт-Петербурге, Республике Мордовия, Воронежской, Пензенской, Саратовской, Орловской и Тульской областях. В этих регионах показатель по третьим и последующим детям в 2024 г. находился преимущественно в пределах 0,18–0,27, что позволяет говорить о слабой распространенности многодетной модели рождаемости.

Заключение

Полученные результаты показывают, что региональная дифференциация рождаемости связана не только с различиями в уровне СКР, но и с неодинаковой структурой рождений по очередности. Возможные причины региональных различий связаны с численностью населения и женщин репродуктивного возраста, возрастной структурой, миграционной привлекательностью, этнокультурными особенностями, а также с различиями в распространенности одно-, двух- и многодетной моделей семьи.

Снижение СКР по вторым детям означает ослабление перехода от однодетной к двухдетной семье, что имеет принципиальное значение для перспектив воспроизводства населения. Вторые рождения традиционно играют важную роль в поддержании рождаемости, поэтому их сокращение является одним из наиболее неблагоприятных признаков современной демографической динамики. СКР по третьим и последующим детям увеличивался, но этот рост не компенсировал снижение вторых рождений. Рост многодетной рождаемости незначителен для перелома общей нисходящей тенденции. Региональная дифференциация по третьим и последующим детям выражена значительно сильнее, чем по вторым. Если вторые рождения снижались почти повсеместно, то третьи и последующие рождения имели выраженную концентрацию в ограниченной группе регионов. Для большинства субъектов Центральной России, Северо-Запада и Поволжья характерно сочетание низких значений обоих показателей. Здесь одновременно ослаблены и вторые рождения, и рождения третьих и последующих детей. Именно эта группа регионов находится в наиболее сложном положении с точки зрения воспроизводства населения.

Учитывая изложенное, сделаем вывод: данные по очередности рождения показывают, что современное снижение рождаемости в России связано с совокупностью факторов – сокращением числа родившихся, снижением общего СКР, уменьшением вклада вторых рождений, изменением численности репродуктивных контингентов и территориально ограниченным ростом третьих и последующих

рождений. Поэтому общая картина рождаемости в 2018–2024 гг. определяется не только уровнем СКР в целом, но и региональными различиями в структуре рождений, демографическом потенциале и распространенности разных моделей семьи. Результаты нашего исследования подтверждают необходимость дифференцированного подхода к мерам демографической политики: для одних регионов ключевой задачей является поддержка перехода к рождению второго ребенка, для других – сохранение условий для многодетности, для третьих – компенсация ограниченности демографического потенциала и неблагоприятной возрастной структуры.

Список литературы

1. Arkhangel'sky, V. N. Fertility in the Yamal-Nenets Autonomous Okrug // Population and Economics. 2021. Vol. 5, No. 1. Pp. 72–89. DOI [10.3897/popecon.5.e65207](https://doi.org/10.3897/popecon.5.e65207). EDN [XNYUTZ](#).
2. Архангельский, В. Н. Рождаемость в реальных поколениях женщин в Тюменской области (по данным переписи населения 2020 Г.) / В. Н. Архангельский, С. В. Рязанцев, А. В. Смирнов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13, № 6(99). С. 2591–2610. DOI [10.35775/PSI.2023.99.6.023](https://doi.org/10.35775/PSI.2023.99.6.023). EDN [OPGEXY](#).
3. Архангельский, В. Н. Возрастная модель рождаемости в Москве и ее различия в муниципальных районах / В. Н. Архангельский, Е. С. Зайко // Здоровье мегаполиса. 2022. Т. 3, № 4. С. 6–13. DOI [10.47619/2713-2617.zm.2022.v3i4;6-13](https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2022.v3i4;6-13). EDN [TUPWJN](#).
4. Козлова, О. А. Методический подход к оценке факторного влияния на рождаемость в России / О. А. Козлова, М. Н. Макарова, В. Н. Архангельский // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20, № 1. С. 76–90. DOI [10.52180/1999-9836_2024_20_1_7_76_90](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_7_76_90). EDN [HUISTQ](#).
5. Захаров, С. В. История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10, № 1. С. 4–43. DOI [10.17323/demreview.v10i1.17259](https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259). EDN [STMVEB](#).
6. Сигарева, Е. П. Влияние внешней миграции на брачность и рождаемость в современной России / Е. П. Сигарева, С. Ю. Сивоплясова // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 1. С. 68–81. DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6). EDN [MSHYXI](#).
7. Сигарева, Е. П. Изменения человеческого потенциала в России до 2050 года под влиянием трансформации возрастной структуры населения / Е. П. Сигарева, С. Ю. Сивоплясова, В. Н. Архангельский // Экономика. Налоги. Право. 2023. Т. 16, № 2. С. 37–47. DOI [10.26794/1999-849X-2023-16-2-37-47](https://doi.org/10.26794/1999-849X-2023-16-2-37-47). EDN [GRYYYE](#).
8. Рыбаковский, Л. Л. Рождаемость населения регионов России в конце XX – начале XXI вв.: тенденции, особенности и последствия / Л. Л. Рыбаковский, Т. А. Фадеева // Народонаселение. 2024. Т. 27, № 2. С. 111–124. DOI [10.24412/1561-7785-2024-2-111-124](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-111-124). EDN [PEYBVC](#).
9. Рыбаковский, Л. Л. Депопуляция в России: итоги за 1992–2022 гг., компоненты и компенсация миграцией на региональном уровне / Л. Л. Рыбаковский, О. Л. Рыбаковский // Социально-трудовые исследования. 2023. № 2 (51). С. 16–26. DOI [10.34022/2658-3712-2023-51-2-16-26](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-51-2-16-26). EDN [GZOCNT](#).
10. Рыбаковский, О. Л. Рождаемость населения России в первой четверти XXI в.: тенденции, компоненты, перспективы // Народонаселение. 2026. Т. 29, № 1. С. 4–15. DOI [10.24412/1561-7785-2025-4-15](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-4-15). EDN [MRMDWL](#).
11. Рыбаковский, О. Л. Депопуляция в регионах Азиатской части России в 1992–2024 гг. / О. Л. Рыбаковский // Социально-трудовые исследования. 2024. № 4 (57). С. 101–107. DOI [10.34022/2658-3712-2024-57-4-101-107](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-57-4-101-107). EDN [AIVRUB](#).
12. Рыбаковский, О. Л. Депопуляция в регионах Европейской России в 1992–2024 гг. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 139–151. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.8). EDN [KRVKOR](#).
13. Рыбаковский, Л. Л. Методологические основы прогнозирования населения. Москва : Статистика, 1978. 208 с.
14. Волков, А. Г. Избранные демографические труды : сборник научных статей / А. Г. Волков ; сост. и науч. ред. А. Г. Вишневский ; Высш. шк. экономики Нац. исслед. ун-т. Москва : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. - 566 с. ISBN 978-5-7598-1040-7.

15. Андреев, Е. М. Российская рождаемость в XXI веке и перспективы ее повышения / Е. М. Андреев, Е. В. Чурилова, О. А. Родина, К. О. Чертенков // Демографическое обозрение. 2025. Т. 12, № 2. С. 87–107. DOI [10.17323/demreview.v12i2.27495](https://doi.org/10.17323/demreview.v12i2.27495). EDN [QRHEL5](https://www.edn.ru/QRHEL5).

Сведения об авторе

Фадеева Тамара Андреевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: fadeevatoma@gmail.com; ORCID ID: [0000-0001-9866-5913](https://orcid.org/0000-0001-9866-5913); РИНЦ SPIN-код: 4296-4012; Web of Science Researcher ID: [J-1346-2018](https://orcid.org/J-1346-2018).

Статья поступила в редакцию 29.04.2026; принята в печать 06.07.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

FERTILITY IN RUSSIA'S REGIONS IN 2018–2024: STRUCTURE, DYNAMICS, AND DIFFERENTIATION

Tamara A. Fadeeva

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: fadeevatoma@gmail.com

For citation: Fadeeva, T. A. Fertility in Russia's Regions in 2018–2024: Structure, Dynamics, and Differentiation. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 3. Pp. 75–90. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.5](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.5). (In Russ.)

Abstract. The article examines the main trends and regional characteristics of fertility in Russia during 2018–2024. The study focuses on the dynamics of the number of births, the total fertility rate (TFR), and fertility indicators by birth order. The aim is to identify the principal fertility trends across the constituent entities of the Russian Federation and federal districts, as well as to determine regional differences in the combination of absolute and relative demographic indicators. The research hypothesis is that the current decline in fertility in Russia is accompanied not only by a reduction in the number of births and the overall TFR, but also by a shift in the birth-order structure, while the increase in the share of third and subsequent births is territorially limited and does not compensate for the decline in the contribution of second births. The information base comprises data from the Federal State Statistics Service of Russia for 2018–2024. The study employs demographic statistical analysis, comparative demographic methods, structural analysis of fertility by birth order, and grouping of regions according to TFR levels and the ratio of births to TFR. The results show that over the period under review both the absolute number of births and the overall TFR declined in Russia. Regional dynamics were uneven: the most stable indicators were observed in several republics of the North Caucasus, certain Siberian republics, and northern autonomous okrugs, while the most unfavourable situation was found in a number of regions of Central Russia, the Volga area, and the North-West. The scientific contribution of the article lies in a comprehensive comparison of the number of births, overall TFR, and TFR for second, third, and subsequent children, which allows for the identification of different types of regions according to their fertility patterns. The findings can be used in the development and adjustment of demographic policy measures, taking regional specificities into account.

Keywords: fertility, total fertility rate, number of births, regions of Russia, demographic development, federal districts, regional differentiation, second births, third and subsequent births, birth order, population reproduction, demographic policy

References

1. Arkhangelsky, V. N. Fertility in the Yamal-Nenets Autonomous Okrug. *Population and Economics*. 2021. Vol. 5, No. 1. Pp. 72–89. DOI [10.3897/popecon.5.e65207](https://doi.org/10.3897/popecon.5.e65207).
2. Arkhangelskiy, V. N., Ryazantsev, S. V., Smirnov, A. V. Fertility in Real Generations of Women in the Tyumen Oblast (According to the 2020 Census Data). *Issues of National and Federative Relations*. 2023. Vol. 13, No. 6(99). Pp. 2591–2610. DOI [10.35775/PSI.2023.99.6.023](https://doi.org/10.35775/PSI.2023.99.6.023). (In Russ.).

3. Arkhangelskiy, V. N., Zayko, E. S. Age Pattern of Fertility in Moscow and Its Differences in Municipal Districts. *City Healthcare Journal*. 2022. Vol. 3, No. 4. Pp. 6–13. DOI [10.47619/2713-2617.zm.2022.v3i4;6-13](https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2022.v3i4;6-13). (In Russ.).
4. Kozlova, O. A., Makarova, M. N., Arkhangelskiy, V. N. Methodological Approach to Assessing Factor Influence on Fertility in Russia. *Standard of Living of the Population of Russian Regions*. 2024. Vol. 20, No. 1. Pp. 76–90. DOI [10.52180/1999-9836_2024_20_1_7_76_90](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_7_76_90). (In Russ.).
5. Zakharov, S. V. The History of Births in Russia: From Generation to Generation. *Demographic Review*. 2023. Vol. 10, No. 1. Pp. 4–43. DOI [10.17323/demreview.v10i1.17259](https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259). (In Russ.).
6. Sigareva, E. P., Sivoplyasova, S. Yu. The Impact of External Migration on Marriage and Fertility in Modern Russia. *Research Result. Sociology and Management*. 2022. Vol. 8, No. 1. Pp. 68–81. DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6). (In Russ.).
7. Sigareva, E. P., Sivoplyasova, S. Yu., Arkhangelskiy, V. N. Changes in Human Potential in Russia until 2050 under the Influence of the Transformation of the Age Structure of the Population. *Economics, Taxes & Law*. 2023. Vol. 16, No. 2. Pp. 37–47. DOI [10.26794/1999-849X-2023-16-2-37-47](https://doi.org/10.26794/1999-849X-2023-16-2-37-47). (In Russ.).
8. Rybakovsky, L. L., Fadeeva, T. A. Fertility of the Population of Russian Regions in the Late 20th and Early 21st Centuries: Trends, Features and Consequences. *Population*. 2024. Vol. 27, No. 2. Pp. 111–124. DOI [10.24412/1561-7785-2024-2-111-124](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-111-124). (In Russ.).
9. Rybakovskiy, L. L., Rybakovskii, O. L. Depopulation in Russia: Results for 1992–2022, Components and Compensation by Migration at the Regional Level. *Social & Labor Research*. 2023. No. 2 (51). Pp. 16–26. DOI [10.34022/2658-3712-2023-51-2-16-26](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-51-2-16-26). (In Russ.).
10. Rybakovsky, O. L. Fertility of The Russian Population in the First Quarter of the 21st Century: Trends, Components, Prospects. *Population*. 2026. Vol. 29, No. 1. Pp. 4–15. DOI [10.24412/1561-7785-2025-4-15](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-4-15). (In Russ.).
11. Rybakovsky, O. L. Depopulation in the Regions of the Asian Part of Russia in 1992–2024. *Social & Labor Research*. 2024. No. 4 (57). Pp. 101–107. DOI [10.34022/2658-3712-2024-57-4-101-107](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-57-4-101-107). (In Russ.).
12. Rybakovsky, O. L. Depopulation in European Russian Regions in 1992–2024. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 139–151. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.8). (In Russ.).
13. Rybakovsky, L. L. *Metodologicheskiye osnovy prognozirovaniya naseleniya [Methodological Foundations of Population Forecasting]*. Moscow: Statistika Publishing House, 1978. 208 p. (In Russ.).
14. Volkov, A. G. *Izbrannyye demograficheskiye trudy [Selected Demographic Works]*: collection of scientific articles. A. G. Volkov; compiler and scientific editor A. G. Vishnevsky; Higher School of Economics National Research University. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 566 p. ISBN 978-5-7598-1040-7. (In Russ.).
15. Andreev, E., Churilova, E., Rodina, O., Chertenkov, K. Russian Fertility in the 21st Century and Prospects for Its Increase. *Demographic Review*. 2025. Vol. 12, No. 2. Pp. 87–107. DOI [10.17323/demreview.v12i2.27495](https://doi.org/10.17323/demreview.v12i2.27495). (In Russ.).

Bio notes

Tamara A. Fadeeva, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: fadeevatoma@gmail.com; ORCID ID: [0000-0001-9866-5913](https://orcid.org/0000-0001-9866-5913); RSCI SPIN-code: [4296-4012](https://elibrary.ru/authors/4296-4012); Web of Science Researcher ID: [I-1346-2018](https://orcid.org/I-1346-2018).

Received on 29.04.2026; accepted for publication 06.07.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.3.6](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.6)EDN [HUYTJI](https://edn.ru/HUYTJI)

Научная статья

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩАЯ ФУНКЦИЯ РОДИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ФАКТОРОВ РИСКА ЗДОРОВЬЮ ДЕТЕЙ

Гурьянова М. П.*НМИЦ здоровья детей Минздрава России, Москва, Россия**E-mail: guryanowamp@yandex.ru***Храмцов П. И.***НМИЦ здоровья детей Минздрава России, Москва, Россия**E-mail: khramtsov@nczd.ru*

Для цитирования: Гурьянова, М. П. Здоровьесберегающая функция родителей в условиях новых факторов риска здоровью детей / М. П. Гурьянова, П. И. Храмцов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 3. С. 91–108. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.6](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.6). EDN [HUYTJI](https://edn.ru/HUYTJI).

Аннотация. В основе статьи – результаты социально-медицинского исследования, проведенного в 2025 г. сотрудниками НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков ФГАУ «НМИЦ здоровья детей» Минздрава России совместно с социальными педагогами участковых социальных служб ГБУ Калужской области «Боровский центр социальной помощи семье и детям «Гармония»». Исследование проведено на основе тестовой методики «Семейный аудит здоровьесбережения детей», разработанной Институтом в соответствии с Планом основных мероприятий проведения в Российской Федерации Года семьи (п. 77). Цель исследования – анализ реализации родителями своей функции по укреплению и охране здоровья детей в семье. На 64 вопроса анкеты ответили 847 родителей, имеющие детей в возрасте от 5 до 17 лет и проживающие в Боровском районе Калужской области, одном из муниципальных районов Центральной России. Методологической основой исследования стали основные положения социальной педагогики, исследующей процесс влияния социальных факторов среды на здоровье и поведение человека, и гигиены детей и подростков, изучающей гигиенические условия укрепления здоровья детей, влияние факторов риска на здоровье детей, их оценку. Научная новизна проведенной работы заключается в комплексном анализе реализации родителями здоровьесберегающей функции по основным направлениям здоровьесбережения детей (ребенка) в семье. В результате исследования установлен недостаточный уровень реализации родителями здоровьесберегающей функции по основным направлениям здоровьесбережения ребенка в семье, невысокий уровень здоровьесберегающих компетенций родителей, имеющих детей (ребенка) 5–17 лет. Итоги исследования могут быть использованы родителями, медицинскими, педагогическими и социальными работниками. В дальнейшем важно изучить влияние цифровой трансформации общества (внедрение искусственного интеллекта, онлайн-школ, онлайн-покупок, умного дома, телемедицины, электронных медицинских карт, фитнес-браслетов и т. д.) на здоровье детей. В перспективе следует проанализировать отличие ответов респондентов, имеющих детей разных возрастов, по 8 исследуемым направлениям здоровьесбережения, выявить различия в проявлениях положительных и отрицательных тенденций в выполнении родителями здоровьесберегающих функций.

Ключевые слова: родители, ребенок, здоровьесбережение, семья, здоровьесберегающая функция, новые факторы риска здоровью детей

Введение

Показатели состояния здоровья современных детей вызывают серьезную обеспокоенность общества, представляют риск для последующего рождения здорового потомства, являются барьером на пути улучшения демографической ситуации в стране. В условиях динамизма преобразований во всех сферах жизни российского

общества, возникновения новых рисков здоровью детей возрастает роль семьи в укреплении, охране и поддержании здоровья детей.

Актуальность проблемы здоровьесбережения ребенка в семье обусловлена особой значимостью института семьи в формировании физического, психического, духовно-нравственного и социального здоровья детей. В семье как ведущем институте здоровьесбережения ребенка закладываются основы здорового образа жизни, воспитывается правильное отношение к здоровью, полезные для здоровьесбережения привычки, касающиеся режима дня, питания, двигательной активности, безопасного пользования гаджетами, закаливания, медицинской активности [1]. В первую очередь от родителей зависит, станет ли семейная среда здоровьесберегающим или здоровьеразрушающим фактором для детей? Получают ли они необходимые для жизни знания, умения и навыки в области здоровьесбережения?

От эффективного решения задачи укрепления здоровья ребенка в семье, воспитания у него ответственного отношения к сбережению своего здоровья во многом зависит здоровьесберегающее поведение детей, экономический, культурный, трудовой, оборонный потенциал страны, репродуктивное здоровье нации.

В начале XXI века в условиях развития в России рыночной экономики, цифровой трансформации общества на здоровье детей и родителей, помимо традиционных факторов, таких как экологическая ситуация, вредные привычки, различные зависимости, значительное воздействие оказывают новые факторы социальной среды. Это – интенсивное использование детьми цифровых средств в процессе образовательной и досуговой деятельности; массовое пользование населения гаджетами; активное распространение вейпов, фастфуда, безалкогольных энергетических напитков, газированных напитков, продуктов быстрого приготовления; буллинг; чрезмерное погружение детей и родителей в экранное время, ранее приобщение детей к алкоголю, распространение добрачных отношений, рост числа нестандартных форм родительства.

Такие явления современной жизни, как рост числа часто болеющих детей, детей с различными патологиями, хроническими заболеваниями, инвалидностью, ухудшение репродуктивного здоровья юношей и девушек, увеличение числа подростков, имеющих по состоянию здоровья ограничения в получении профессионального образования, к трудовой деятельности, в предстоящей военной службе, малоподвижный образ жизни детей, изменившиеся пищевые привычки и др., актуализируют проблему развития здоровья детей в семье, профилактики небезопасного для их здоровья пользования гаджетами, пребывания в соцсетях, курения вейпов, злоупотребления энергетиками, фастфудом, раннего начала сексуальных отношений и т. п.

В условиях резкой поляризации семей по уровню доходов, социальной турбулентности в обществе на передний план родительской ответственности наряду с воспитательной, охранно-защитной, социально-бытовой выходит здоровьесберегающая функция.

Сегодня в числе рисков для здоровья ребенка в семье – изменившиеся формы поведения определенной части родителей: чрезмерная занятость работой и гаджетами, алкогольная и наркотическая зависимость, манипулирование ребенком

в случае развода, затяжной внутрисемейный конфликт; тяжелая обстановка в семье, угрожающая жизни и здоровью ребенка; жестокое обращение с ребенком: психологическое, физическое, сексуальное насилие; эмоциональная холодность; большая психоэмоциональная, финансовая нагрузка на родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья.

Как отмечают многие специалисты в области гигиены детей и подростков, сегодня факторами риска для здоровья детей стали изменившиеся формы поведения современных детей: нерациональное питание, неоптимальный уровень физической активности, детский и подростковый травматизм, различные формы отклоняющегося поведения и т. д.

В современном обществе функционируют семьи с разным уровнем жизни, разным образом жизни родителей, разным отношением родителей к здоровьесбережению детей. Сегодня родительское сообщество очень неоднородно по отношению к выполнению функции здоровьесбережения детей. С одной стороны, в обществе набирает силу позитивная тенденция грамотной заботы родителей о здоровье детей, о собственном здоровье, его сохранении и укреплении. С другой, тревожит распространенность девиантного родительства, в основе которого лежит поведение родителей, опасное для здоровья и жизни детей. Оно негативно влияет на самочувствие ребенка, его воспитание, в том числе как семьянина, наносит урон физическому, психическому, психологическому здоровью детей, способствует получению ребенком негативного опыта жизни в семье.

Сегодня поведение большей части родителей прежде всего ориентировано на удовлетворение базовых потребностей растущего человека: потребности в пище, одежде, что недостаточно для укрепления и сбережения здоровья современных детей.

Для многих родителей подростков в условиях повышенного уровня тревожности в обществе, связанного с проведением СВО, перегрузкой учебной деятельностью, максимализмом подросткового возраста, наиболее острой и болезненной остается проблема поиска методов и приемов воспитательного воздействия на современных детей.

Многим молодым родителям, которые родились в 90-е годы XX века и сегодня создали свои семьи, трудно личным примером воспитывать у ребенка ответственное отношение к здоровью, потому что сами родители бесконтрольно используют гаджеты, пристрастны к фастфуду, существенно недооценивают курение, в том числе вейпов, употребление алкоголя, безалкогольных энергетических напитков [1].

Несмотря на многообразие типов современных семей, каждой из них в соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации (Ст. 63. Права и обязанности родителей по воспитанию и образованию детей) предписано заботиться о здоровье, физическом, духовном и нравственном развитии своих детей.

Цель семьи – воспитать здоровых и счастливых детей (ребенка). Ее достижение требует от родителей знаний, мотивации, сознательного приложения волевых усилий по укреплению, охране, поддержанию здоровья детей (ребенка) на протяжении всего периода их (его) взросления.

Специалистами в области гигиены детей и подростков доказано, что значимыми факторами укрепления здоровья ребенка (детей) в семье являются:

- соблюдение условий и режима жизнедеятельности;
- родительский контроль за безопасным для здоровья детей использованием гаджетов, за ограничением времени пребывания в социальных сетях;
- обеспечение здорового сбалансированного питания;
- организация оптимальной двигательной активности;
- создание благоприятного психологического климата в малом социуме – в семье;
- здоровьесохраняющее поведение родителей;
- здоровьесберегающие компетенции родителей;
- медицинская активность родителей [2].

Эти основные направления здоровьесбережения ребенка в семье легли в основу тестовой методики «Семейный аудит здоровьесбережения детей (ребенка)», использованной нами в качестве инструментария в проведенном исследовании, результаты которого представлены ниже.

Методологическую основу исследования составляет комплекс подходов, включая анализ научных работ исследователей разных научных дисциплин: гигиенистов, педагогов, социологов, психологов по проблеме здоровьесбережения детей в семье, социально-медицинское обследование как основной метод исследования и основа содержания статьи. Методическая новизна исследования состоит в использовании тестовой методики «Семейный аудит здоровьесбережения детей», разработанной НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков и одобренной Минздравом России.

Обзор научной литературы

Изучению роли семьи в здоровьесбережении детей как главного фактора влияния на здоровье ребенка посвятили свои труды многие исследователи.

Так, например, М. П. Гурьяновой и П. И. Храмцовым (2023 г.) проанализировано состояние проблемы «Семья и здоровье ребенка» на современном этапе развития общества, изложены приоритетные направления научных исследований в области здоровьесбережения детей в семье [1].

П. И. Храмцовым, М. П. Гурьяновой, Ж. Ю. Гореловой и др. (2025 г.) представлена оценка уровня здоровьесберегающего потенциала семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидностью, полученная в результате исследования, проведенного на основе семейного аудита [2].

З. И. Тюмашевой, И. Л. Ореховой (2019 г.) семейная среда рассмотрена как средство сохранения, укрепления здоровья обучающихся и формирования самосохранительного поведения [3].

О. А. Румянцевой и А. Б. Лариной (2021 г.) доказана социальная значимость формирования здоровьесохраняющей компетентности родителей школьников с нарушениями зрения [4].

И. В. Федорченко (2022 г.) осуществлен обзор литературы по проблеме формирования здоровьесбережения детей раннего возраста, при этом акцент сделан на необходимости грамотных действий родителей по сохранению здоровья детей [5].

М. П. Гурьяновой, Т. П. Сеппянен (2024 г.) охарактеризованы разные типы семей с позиции сохранения здоровья детей, их влияния на здоровье и поведение [6].

М. П. Гурьяновой (2023 г.) обоснованы действия работников социальных служб по активизации возможностей семьи в формировании здорового образа жизни детей во время летнего отдыха [7].

В коллективной монографии «Медико-профилактические основы формирования здоровья детей в семье» (2025 г.) представлены результаты научных исследований, посвященных медико-профилактическим технологиям [8].

А. П. Денисовым и соавторами (2017 г.) в процессе обзора научной литературы по проблеме здоровьесбережения детей обоснована зависимость состояния здоровья детей от условий и образа жизни семьи [9].

А. С. Дубровиной (2021 г.) описаны практики сохранения здоровья детей младшего школьного возраста в семье [10].

Е. Н. Новоселовой (2019 г.) дано обоснование ведущей роли семьи в формировании здорового образа жизни и смягчении факторов риска, угрожающих здоровью детей и подростков [11].

Д. В. Ешеевой, Т. С. Базаровой (2016 г.) изложены положения, доказывающие, что образ жизни семьи является важным фактором формирования здорового образа жизни детей [12].

А. П. Фисенко, П. И. Храмцовым (2023 г.) показаны результаты научных исследований, посвященных обеспечению безопасных условий цифровой среды в процессе образовательной и досуговой деятельности обучающихся [13].

Представим ряд зарубежных исследований, посвященных влиянию семьи на здоровье ребенка.

В обзорной статье S. Scaglioni и соавторов (2018 г.) рассмотрены факторы, влияющие на формирование пищевых предпочтений и привычек у детей; отмечено, что семейная среда играет активную роль в формировании и закреплении пищевых привычек, сохраняющихся на протяжении всей жизни [14].

В исследовании К. М. Kim и соавторов (2018 г.) были охарактеризованы связи между пищевыми привычками и симптомами синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) у детей младшего школьного возраста [15].

В работе J. M. Nagata и соавторов (2026 г.) изучена связь между современными формами экранного времени и структурой питания через год на демографически разнообразной выборке американских подростков раннего возраста [16].

В обзорной статье Т. Н. Ивановой, И. В. Шаповаленко (2023 г.) анализируются современные зарубежные исследования связи эмоционального благополучия детей и жизнестойкости их родителей. Авторы подчеркивают: эмоциональная и социальная компетентность взрослого, его способность управлять своими эмоциями и «сорегулировать» (сопровождать, помогать осмысливать) эмоции ребенка напрямую влияют на его психологическое здоровье [17].

Результаты исследования

Социально-медицинское исследование, результаты которого представлены в данной статье, проведено по восьми основным направлениям здоровьесбереже-

ния ребенка в семье. По каждому из этих направлений респондентам было предложено ответить на восемь вопросов. В результате на 64 вопроса анкеты ответили родители, в основном матери, имеющие детей (ребенка). Использовалась анкета Яндекс Формы.

Анкетным опросом было охвачено 847 родителей, имеющих нормотипичных детей (ребенка) в возрасте от 5 до 17 лет и проживающих в Боровском районе Калужской области. Исследование также предполагало анкетирование 110 родителей, имеющих детей с ОВЗ и инвалидностью и проживающих в том же районе¹.

Большая часть респондентов (78%) – жители малых городов (г. Боровск, г. Ермолино) и поселка Институт; 8,5% – среднего по численности жителей города Балабаново; 13,4% – жители сел и деревень.

Из числа обследованных семей 44,1% родителей имеют двоих детей; 35,1% – троих и более детей; 20,8% – одного ребенка.

Проведенное исследование носит локальный характер, но его результаты будут интересны специалистам муниципальных образований.

Оценка медицинской активности семьи

Установлено, что значительное число родителей (64,6%) обращаются в любом случае за медицинской помощью, если дети (ребенок) заболели; 34,7% респондентов обращаются за медицинской помощью только при тяжелом заболевании детей (ребенка). Еще 0,7% родителей не обращаются за медицинской помощью, если дети (ребенок) заболели.

Подавляющее большинство родителей (85,4%) выполняет рекомендации врачей после обращения в поликлинику. 13,4% респондентов реализуют такие рекомендации на практике только частично. Еще 0,7% родителей не выполняют рекомендации врачей после обращения в поликлинику.

У половины родителей (56,1%) дети (ребенок) посещают врача (педиатра, стоматолога) в профилактических целях. У 38,6% респондентов дети (ребенок) делают это иногда. Еще у 10,0% респондентов дети (ребенок) не посещают врача (педиатра, стоматолога) в профилактических целях.

У 90,3% родителей дети (ребенок) регулярно выполняют гигиенические процедуры, у 8,1% респондентов дети (ребенок) выполняют их только иногда, у 1,5% родителей дети (ребенок) не выполняют гигиенические процедуры.

Оценка здоровьесберегающих компетенций родителей

Создать в семье условия для здоровьесбережения детей могут родители, обладающие здоровьесберегающими компетенциями, суть которых в наличии знаний о сбережении здоровья детей и умений реализовать их на практике.

Большая часть родителей (63,1%) оценила свои знания о здоровьесбережении детей (ребенка) как хорошие; 37,3% – как удовлетворительные; 1,4% – как неудовлетворительные.

¹ Результаты опроса родителей, воспитывающих детей с ОВЗ и инвалидностью, опубликованы в журнале «Медицинский алфавит» [2].

Согласно мнению 78,8% родителей, им удастся реализовать в семье свои знания об укреплении здоровья детей (ребенка). Каждый пятый родитель (19,1%) отметил, что удастся частично; 2,8% – не удастся.

Анализ процесса реализации знаний о здоровьесбережении детей в семье по основным направлениям показал менее оптимистические результаты.

Только 67,6% родителей заявили, что образ жизни членов их семьи способствует здоровьесбережению близких. И лишь 26,7% родителей признались в том, что знают, как организовать здоровое питание в семье; 19,1% – как создать в семье атмосферу, способствующую укреплению здоровья близких; 41,2% – как организовать оптимальную двигательную активность детей (ребенка), развивать их физические качества. При этом только 43,8% родителей реализуют в семье правила безопасного для здоровья детей (ребенка) использования электронных устройств.

Выявлено, что уровень самооценки родителями своих знаний об организации здоровьесбережения детей (ребенка) в семье достаточно высок, в то время как уровень реализации знаний на практике – недостаточный, что в целом свидетельствует о невысоком уровне здоровьесберегающих компетенций родителей, имеющих детей (ребенка) в возрасте 5–17 лет.

Оценка условий и режима жизнедеятельности ребенка (детей) в семье

Значимым фактором укрепления здоровья является соблюдение условий и режима жизнедеятельности ребенка (детей) в семье. Установлено, что больше половины детей (54,4%) проживают в отдельной комнате, вместе с тем каждый пятый ребенок (22,3%) не имеет отдельной комнаты. И лишь в 23,3% семей каждый из детей имеет отдельную комнату.

Подавляющее большинство детей (86,7%) имеет свое рабочее (учебное) место, соответствующее гигиеническим требованиям, то есть в наличии общее и местное освещение, удобные в соответствии с ростовыми характеристиками стол и стул, пространство для учебных принадлежностей. 10,1% детей имеют свое рабочее (учебное) место, но не в полной мере отвечающее гигиеническим требованиям. И еще 3,2% детей не имеют своего рабочего (учебного) места, соответствующего гигиеническим требованиям.

В режиме дня 56,1% детей отмечается чередование статических (чтение, рисование и т. п.) и динамических (подвижные игры, физические упражнения и т. д.) видов деятельности. У 39,6% детей оно фиксируется иногда. В режиме дня 4,2% детей такое чередование видов деятельности вообще не присутствует. Основная масса родителей (78,5%) контролирует время отхода ко сну своих детей (ребенка), 17,8% делают это иногда и еще 3,7% вообще не контролируют время отхода ко сну своих детей (ребенка).

У 48,2% из опрошенных родителей дети обычно проводят на открытом воздухе 2–3 часа в выходные дни, у 27,2% респондентов – менее 2 часов, у 24,5% родителей – более 3 часов. У 57,5% родителей режим дня детей (ребенка) в выходные дни отличается большей здоровьесберегающей направленностью, чем в учебные дни (более продолжительные прогулки, оптимальное время сна и т. д.). У 35,7% родителей этот режим для детей отличается иногда, а у 6,7% режим для детей не отличается вовсе.

У 91,2% родителей дети (ребенок) регулярно моют руки (перед приемом пищи, после возвращения с улицы, после посещения туалета и т. п.). У 7,3% респондентов дети это делают иногда. У 1,5% родителей дети нерегулярно моют руки перед приемом пищи, после возвращения с улицы, после посещения туалета и т. п.

У половины родителей (56,3%) дети (ребенок) ежедневно утром и вечером перед сном чистят зубы. У 36,1% респондентов дети (ребенок) чистят зубы только утром. У 7,7% родителей дети (ребенок) чистят зубы не каждый день.

Оценка уровня обеспечения родителями безопасного для здоровья детей (ребенка) использования электронных устройств, социальных сетей

В современных условиях цифровизации общества важнейшим фактором сбережения здоровья детей становится родительский контроль за безопасным для здоровья ребенка использованием гаджетов и за ограничением времени его пребывания в социальных сетях. Установлено, что 46,2% детей играют, читают, сидя на диване или в кресле с гаджетом в неудобной позе, что небезопасно для здоровья; 28,8% делают это на компьютере за компьютерным столом в кресле. Еще 25,0% детей играют с гаджетом за письменным столом, что соответствует медицинским рекомендациям.

Более половины детей (60,7%) имеют допустимые условия (экран стационарного компьютера (ноутбука, планшета) находится на расстоянии более 50 см от глаз и не используется подставка для планшета) для работы с электронными устройствами. Еще у 11,6% детей неоптимальные условия работы (экраны электронных устройств находятся на расстоянии менее 50 см от глаз и не используется подставка для планшета). И только 27,7% детей имеют оптимальные условия (экран стационарного компьютера (ноутбука, планшета) находится на расстоянии более 50 см от глаз, планшет стоит на специальной подставке) для работы с электронными устройствами.

34,9% родителей ответили, что ежедневная длительность использования детьми (ребенком) мобильного телефона (смартфона) составляет более 2 часов, что превышает рекомендуемую Минздравом РФ норму; у 38,4% респондентов дети пользуются мобильным телефоном (смартфоном) 1–2 часа; 26,7% детей пользуются гаджетом не более 1 часа. У половины детей (51,3%), по оценке родителей, ежедневная длительность использования электронных устройств (кроме мобильного телефона/смартфона) составляет не более часа; у трети – 1–2 часа; у 19,1% – более 2 часов.

У 41,2% детей просмотр видеофильмов, мультфильмов преобладает во внеурочное время среди видов деятельности на электронных устройствах; у 31,8% – игра на компьютере и смартфоне; у 27,0% детей – просмотр клипов, использование соцсетей.

Подавляющее большинство детей (78,8%), согласно оценке родителей, делают перерывы в процессе использования электронных устройств; пятая часть детей (19,1%) делает перерывы иногда; 2,8% детей перерывов не делают.

Менее половины респондентов (43,8%) указали на то, что ребенок практически телевизор не смотрит; 40,8% респондентов – дети (ребенок) смотрят телевизор не более 1,5–2 часов в день; 15,4% родителей – более 2 часов в день.

Оценка организации здорового питания детей (ребенка) в семье

В современных условиях широкого распространения фастфуда, энергетических напитков, жвачек, неблагоприятного воздействия пищевых добавок на детское здоровье главным фактором здоровьесбережения детей становится здоровое сбалансированное питание. Установлено, что более половины детей (60,4%) завтракают дома; 30,4% детей иногда завтракают дома; 9,2% детей не завтракают дома.

Большинство родителей (79,7%) контролируют питание детей (ребенка) в течение дня; 17,2% респондентов контролируют иногда; 3,1% родителей не контролируют.

Для 82,3% семей характерен разнообразный рацион питания с регулярным употреблением мясных, молочных, рыбных блюд, круп, овощей и фруктов. 10,5% респондентов отметили нерегулярное использование в рационе семьи здоровых видов продуктов. Для 7,2% семей характерно однообразное питание с преобладанием повторяющихся продуктов, предпочитаемых в семье.

Большинство опрошенных родителей (67,6%) заявили, что в семье принято покупать продукты, обогащенные витаминами, минералами; треть родителей покупают такие продукты иногда; 3,3% респондентов не покупают такие продукты.

54,1% родителей отметили, что в питание детей (ребенка) редко (не более 2–3 раз в месяц) включены продукты фастфуда. 40,8% родителей сказали, что ребенок их практически не употребляет. Еще 5,1% родителей сказали, что их дети (ребенок) часто (более 3 раз в неделю) употребляют продукты фастфуда.

Значительная часть родителей (71,1%) уделяют внимание режиму питания; 24,1% – только иногда; 4,8% родителей не уделяют внимание режиму питания детей (ребенка).

Большинство родителей (72,4%) знакомят детей (ребенка) с основами правильного питания; 23,7% делают это иногда; 3,9% родителей не знакомят детей с основами правильного питания.

Более половины родителей-респондентов (58,8%) уделяют внимание питьевому режиму детей (ребенка) в семье; 25% респондентов уделяют внимание лишь иногда; 16,2% респондентов не уделяют внимание в семье питьевому режиму детей (ребенка).

Оценка двигательной активности детей (ребенка)

Значимым фактором укрепления здоровья ребенка является его двигательная активность. Большинство респондентов (65,2%) считают необходимыми систематические занятия физической культурой и спортом в семье; каждый третий опрошенный ответил, что можно иногда позаниматься физкультурой и спортом, и в 1,5% случаев отмечалась ненужность этих занятий. В 42,5% семей физической культурой и спортом занимаются взрослые и дети, в 44,9% – только дети, в 12,6% семей физической культурой и спортом не занимается никто.

Во многих семьях (70,9%) выходные дни проходят иногда активно, иногда пассивно. Всегда активно выходные проводятся почти в каждой пятой семье (18,5%), в то же время в каждой десятой семье (10,6%) предпочитают пассивный отдых.

63,6% семей время от времени используют физкультурно-спортивный инвентарь, 56,0% – часто используют, 6,5% – совсем не использует. Часто играют в спортивные и подвижные игры с детьми на свежем воздухе только в 23,8% семей, в большинстве случаев (63,6%) играют лишь иногда, не играют почти в 12,6% семей.

Основная масса респондентов (64,7–66,6%) уверены в том, что занятия физической культурой и спортом всегда улучшают самочувствие и настроение, обеспечивают полноценный отдых и способствуют повышению физической и умственной работоспособности; от 29,4 до 30,2% считают, что не всегда, при этом лишь 4,0–5,1% опрошенных отметили отсутствие положительного влияния занятий физкультурой и спортом.

70,0% респондентов полагают, что совместные занятия физической культурой и спортом всегда способствуют улучшению взаимопонимания в семье, каждый четвертый опрошенный (24,4%) ответил, что улучшают иногда, в то же время отрицательный ответ на данный вопрос получен только от 5,5% респондентов.

Оценка психологического климата в семье

Благоприятный психологический климат в малом социуме – семье – играет значимую роль в сохранении и укреплении психического здоровья ребенка. Подавляющее большинство детей, по мнению 92,3% родителей, зачастую чувствуют себя спокойно и уютно в семье; 6,7% респондентов сказали, что дети (ребенок) чувствуют себя спокойно и уютно в семье от случая к случаю. Еще 0,9% родителей отметили, что дети (ребенок) не чувствуют себя спокойно и уютно в семье.

По мнению весьма значительной доли участников опроса (86,8%), отношения между родителями часто являются доброжелательными; 11,6% респондентов сказали, что отношения между родителями доброжелательны иногда. Еще 1,7% респондентов ответили, что отношения между родителями отнюдь не являются доброжелательными.

По оценке 90,8% респондентов, отношения между родителями (родителем) и детьми (ребенком) являются доброжелательными; 8,3% – иногда остаются доброжелательными; 0,9% – отношения между родителями и детьми (ребенком) не являются доброжелательными.

Половина респондентов (50,8%) ответили, что их дом часто посещают родственники; 45,9% – такое происходит время от времени; 3,3% – родственники не приезжают совсем.

67,8% родителей считают, что в их семье часто любят всей семьей смотреть кинофильмы, слушать музыку, читать, играть, совместно трудиться и пр. В 30,2% семей любят это делать иногда. Еще 2% не нравятся такие занятия.

62,5% родителей иногда всей семьей совершают прогулки, посещают в выходные и праздничные дни культурно-развлекательные мероприятия и центры. Треть семей (32,2%) делает это часто. Еще 5,3% родителей этого не делают.

45,5% респондентов отметили, что в их семье от случая к случаю происходят ссоры. У 51,9% семей ссоры происходят очень редко. У 2,2% семей ссоры происходят часто. Как видим, в 47,7% семей иногда и часто происходят ссоры, что свидетельствует о нестабильности семейной атмосферы.

По мнению 92,5% участников опроса, их дети (ребенок) всегда с желанием идут домой, что свидетельствует о благоприятном климате в подавляющем большинстве обследованных семей.

Оценка поведения членов семьи, рискованного для здоровья детей (ребенка)

Доказано, что здоровьесберегающее поведение родителей выступает важным фактором здоровьесбережения детей, в то время как поведение родителей, рискованное для здоровья, становится фактором риска для здоровья детей [3].

В ходе исследования было зафиксировано, что 88,6% родителей знают интересы и проблемы членов своей семьи; 9,4% респондентов знают их иногда; еще 2,0% родителей не знают интересы и проблемы членов своей семьи.

Согласно суждению 72,3% родителей, в семье иногда бывают конфликтные ситуации; 25,9% респондентов заявили, что конфликтных ситуаций не бывает; еще 1,8% родителей сказали, что конфликты случаются часто.

Подавляющее большинство родителей (92,3%) при возникновении внутрисемейных конфликтов решают проблемы самостоятельно; 6,5% обращаются за помощью к психологу, педагогу, родственникам, друзьям или интернет-ресурсам; 1,2% вообще не пытаются найти выход из конфликтной ситуации.

62,9% родителей отметили, что в их семье никто не произносит слова, обидящие и оскорбляющие близких; по мнению 36,0% респондентов, такие слова произносятся, но изредка; еще 1,2% заявили, что это происходит часто.

В большинстве семей (94,0%) не имеют места действия, причиняющие физическую боль другому; вместе с тем, 5,4% родителей упомянули, что иногда такие действия имеют место, а 0,6% – что довольно часто.

Половина родителей (51,4%) сказали, что никто в семье не курит; при этом 39,3% респондентов констатировали, что кто-то из родителей все же курит, и еще 9,3% – что курят иногда.

По оценке 85,1% родителей, никто в семье не злоупотребляет алкоголем; однако 15,9% респондентов указали на то, что кто-то порой все же злоупотребляет. По мнению 92,1% участников опроса, никто из членов семьи не имеет других вредных привычек, помимо вышеназванных; однако 7,9% респондентов утвердительно ответили на вопрос о наличии иных вредных привычек.

Полученные данные свидетельствуют о том, что определенная часть семей содержит риски для здоровья детей.

Положительные действия родителей по реализации здоровьесберегающей функции

Подавляющая часть детей (86,7%) имеют свое рабочее (учебное) место, соответствующее гигиеническим требованиям.

У более чем половины детей (60,7%) имеются допустимые условия для работы с электронными устройствами в домашних условиях.

Большинство родителей (79,7%) контролируют питание детей (ребенка) в течение дня.

70,0% респондентов считают, что совместные занятия физической культурой и спортом всегда способствуют улучшению взаимопонимания в семье.

Значительное большинство родителей (92,3%) при возникновении внутрисемейных конфликтов решают проблемы самостоятельно.

88,6% родителей знают интересы и проблемы членов своей семьи.

По мнению 92,5% респондентов, их дети (ребенок) всегда с желанием идут домой. Абсолютное большинство детей, как полагают 92,3% родителей, часто чувствуют себя спокойно и уютно в семье. Это свидетельствует о благоприятном климате в основной массе обследованных семей.

По оценке 85,1% родителей, никто в семье не злоупотребляет алкоголем. Половина родителей (51,4%) ответили, что никто в семье не курит.

Если дети (ребенок) заболели, 64,6% родителей в любом случае обращаются за медицинской помощью. Подавляющее большинство родителей (85,4%) после обращения в поликлинику выполняют рекомендации врачей.

Действия родителей, свидетельствующие о недостаточном выполнении ими здоровьесберегающей функции

Треть участников опроса ответила, что их образ жизни не способствует здоровьесбережению близких: они не практикуют здоровый образ жизни, надо полагать, имеют вредные привычки, а значит не могут быть примером для детей в ведении ЗОЖ.

Треть респондентов не прививает или частично прививает детям навыки здорового образа жизни. Подобная ситуация свидетельствует о попустительском отношении определенной части родителей к формированию у детей таких навыков.

У 40,0% родителей дети (ребенок) иногда пользуются электронными устройствами (смартфоном, компьютером, телефоном, планшетом) за 1–2 часа до сна, что вредит здоровью подрастающего поколения.

15,3% родителей не знают, какие меры следует предпринять, когда поведение кого-то из членов семьи является опасным для здоровья детей, что указывает на наличие внутрисемейных рисков для ребенка в каждой седьмой семье.

У 6,5% опрошенных дети (ребенок) лишь иногда с желанием идут домой. Еще 1,1% респондентов ответили, что их дети (ребенок) не всегда с желанием возвращаются домой. Это значит, что в 7,6% семей есть причины, препятствующие стремлению детей рваться домой.

Только 19,8% родителей проводят в семье мероприятия по закаливанию ребенка, то есть каждый пятый родитель-респондент не использует самый эффективный, доступный, финансово не затратный метод укрепления здоровья.

38,8% из опрошенных родителей не проводят лечение ребенка без медицинских рекомендаций, что свидетельствует, с одной стороны, об ответственном отношении определенной части родителей к здоровью ребенка, с другой, о недостаточном числе респондентов, выполняющих рекомендации врачей.

Всего 55,4% родителей имеют возможность оздоравливать ребенка в каникулярное время, что говорит об ограниченных материальных возможностях семей в приобретении путевок для оздоровления.

Заключение

Здоровьесбережение детей в семье имеет огромное значение для устойчивого развития института семьи, национальной безопасности страны, изменения демографической ситуации. От качества выполнения родителями здоровьесберегающей функции зависит приверженность молодых людей здоровому образу жизни, готовность к труду, службе в армии, выбору профессии, созданию семьи, рождению детей.

Сложность нынешней ситуации заключается в том, что чем больше родителям необходимо уделять внимание здоровью собственных детей, тем меньше у них временных, психолого-педагогических ресурсов для полноценного выполнения таких обязанностей. Выход нам видится в повышении грамотности родителей в области здоровьесбережения детей, в помощи родителям в этом вопросе со стороны медицинских, социальных, педагогических работников.

Здоровьесберегающая функция родителей предполагает контроль за состоянием здоровья ребенка, профилактику и лечение болезней, воспитание ценностного отношения к здоровью, грамотные действия по развитию гигиенических навыков, оздоровлению, закаливанию; формирование у детей потребности в двигательной активности, правильных пищевых привычек; содействие в безопасном для здоровья использовании гаджетов.

В ходе исследования были зафиксированы не только позитивные действия родителей по реализации здоровьесберегающей функции, но и действия родителей, свидетельствующие о недостаточном выполнении ими данной функции по основным направлениям здоровьесбережения ребенка в семье.

Установлено, что уровень самооценки родителями своих знаний об организации здоровьесбережения детей (ребенка) в семье достаточно высокий, в то время как уровень реализации знаний на практике – недостаточный. Исследование позволило сделать вывод о невысоком уровне здоровьесберегающих компетенций родителей, имеющих детей (ребенка) в возрасте 5–17 лет и проживающих в муниципальном районе Центральной России.

Выявлены семьи, наиболее уязвимые в плане негативного влияния поведения родителей на здоровье детей. Это семьи (их 30%), где родители не прививают или частично прививают детям навыки здорового образа жизни. Это семьи (40%), где дети периодически пользуются электронными устройствами (смартфоном, компьютером, телефоном, планшетом) за 1–2 часа до сна. Это семьи (5,3%), где родители не знают, какие меры следует предпринять, когда поведение кого-то из членов семьи является опасным для здоровья детей. Это семьи (7,6%), где дети (ребенок) только иногда или не всегда с желанием идут домой. Это семьи (6,0%), где иногда либо часто имеют место действия членов семьи, причиняющие физическую боль другому. Это семьи (48,6%), где кто-то из родителей курит и случается, что курит дома. Это семьи (15,9%), где кто-то из родителей периодически злоупотребляет алкоголем. Это семьи (7,9%), где родители утвердительно ответили на вопрос об имеющих у членов семьи других вредных привычек.

Итак, в связи с вышеизложенным требуется целенаправленная работа медицинских, социальных, педагогических работников по просвещению, информиро-

ванию родителей о результатах социально-медицинских исследований. Немало важно использовать эффективные средства осведомления родительской общественности о лучших практиках воспитания детей (ребенка) в семьях, приверженных ЗОЖ.

Проблема выполнения родителями здоровьесберегающей функции в равной степени должна находиться в центре внимания медицинских и социальных учреждений, образовательных организаций и, что не менее важно, производственных коллективов. Долгое время общество ценило человека лишь как производственного. В то же время необходимо, чтобы оно ценило человека и как семьянина.

Поддержка семьи в развитии ее здоровьесберегающей функции должна стать приоритетной задачей государственных и общественных структур, ориентированных на укрепление и сохранение здоровья подрастающего поколения. Сегодня, к сожалению, работа многих структур, причастных к здоровьесбережению детей, нацелена только на борьбу со следствиями, а не на устранение причин.

Интеграция возможностей медицины, педагогики и социальной защиты в научном и практическом плане является одним из важных условий здоровьесбережения детей, залогом успешного решения демографической проблемы в стране.

Повышение качества работы по здоровьесбережению детей возможно в едином профилактическом пространстве межведомственного взаимодействия структур медицины, образования и социальной защиты и семьи, что должно стать приоритетом для всех муниципальных образований.

Список литературы

1. Гурьянова, М. П. Семья и здоровье ребенка: состояние проблемы и приоритетные направления научных исследований / М. П. Гурьянова, П. И. Храмцов // Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья. 2023. № 2. С. 4–14. EDN [TVFQLG](#).
2. Храмцов, П. И. Оценка уровня здоровьесберегающего потенциала семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидностью / П. И. Храмцов, М. П. Гурьянова, Ж. Ю. Горелова [и др.] // Медицинский алфавит. 2025. № 19. С. 22–27. DOI [10.33667/2078-5631-2025-19-22-27](#). EDN [KJIXGD](#).
3. Тюмасева, З. И. Семейная среда как средство сохранения, укрепления здоровья обучающихся и формирования самосохранительного поведения / З. И. Тюмасева, И. Л. Орехова // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7, № 3(28). С. 5. DOI [10.26795/2307-1281-2019-7-3-5](#). EDN [VBAWTO](#).
4. Румянцева, О. А. К вопросу формирования здоровьесохраняющей компетентности родителей школьников с нарушениями зрения / О. А. Румянцева, А. Б. Ларина // Калининградский вестник образования. 2021. № 2(10). С. 72–81. EDN [PZWWKT](#).
5. Федорченко, Н. В. Формирование у родителей педагогических компетенций здоровьесбережения детей раннего возраста: обзор литературы // Вестник Санкт-Петербургского научно-исследовательского института педагогики и психологии высшего образования. 2022. № 4(4). С. 33–40. EDN [IXNHCE](#).
6. Гурьянова, М. П. Социальные факторы жизнедеятельности неблагополучных семей: их влияние на здоровье и поведение детей / М. П. Гурьянова, Т. П. Сепянен // Социальная педагогика в России. Научно-методический журнал. 2024. № 1. С. 71–82. EDN [XEMJWS](#).
7. Гурьянова, М. П. Важная задача работников социальных служб: активизировать возможности семьи в формировании здорового образа жизни детей во время летнего отдыха // Социальное обслуживание. 2025. № 3. С. 74–80.
8. Медико-профилактические основы формирования здоровья детей в семье : коллективная монография / под ред. А. П. Фисенко, П. И. Храмцова. Москва : ФГАУ «НМИЦ здоровья детей» Минздрава России, 2025. 448 с. ISBN 978-5-7151-0666-7.

9. Денисов, А. П. Состояние здоровья детей в зависимости от условий и образа жизни семьи (обзор литературы) / А. П. Денисов, О. А. Кун, О. А. Денисова [и др.] // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 10-2. С. 236–240. EDN [ZSULCX](#).

10. Дубровина, А. С. Практики сохранения здоровья детей младшего школьного возраста в семье // Анализ риска здоровью – 2021. Внешнесредовые, социальные, медицинские и поведенческие аспекты. Совместно с международной встречей по окружающей среде и здоровью RISE-2021 : материалы XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: в 2 т., Пермь, 18–20 мая 2021 г. Том 2. Пермь : Издательство Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2021. С. 398–405. EDN [QICQMF](#).

11. Ешеева, Д. В. Образ жизни семьи как фактор формирования здорового образа жизни / Д. В. Ешеева, Т. С. Базарова // Социальное сиротство как актуальная проблема современного общества : материалы международной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 02 июня 2016 г. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет, 2016. С. 96–98. EDN [ZRPNCR](#).

12. Новоселова, Е. Н. Роль семьи в формировании здорового образа жизни и смягчении факторов риска, угрожающих здоровью детей и подростков // Анализ риска здоровью. 2019. № 4. С. 175–185. DOI [10.21668/health.risk/2019.4.19](#). EDN [TJUKYD](#).

13. Медико-профилактические основы безопасности цифровой среды для здоровья детей и подростков : коллективная монография / под ред. А. П. Фисенко, П. И. Храмцова. Москва : Деловая полиграфия, 2023. 296 с. EDN [MWPRRA](#).

14. Scaglioni, S. Factors Influencing Children's Eating Behaviours / S. Scaglioni, V. De Cosmi, V. Ciappolino, et al. // Nutrients. 2018. Vol. 10, № 6. Article № 706. DOI [10.3390/nu10060706](#).

15. Kim, K. M. Associations between Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder Symptoms and Dietary Habits in Elementary School Children / K. M. Kim, M. H. Lim, H.-J. Kwon, et al. // Appetite. 2018. Vol. 127. Pp. 274–279. DOI [10.1016/j.appet.2018.05.004](#).

16. Nagata, J. M. Associations between Screen Time and Dietary Intake among Early Adolescents: A Prospective Cohort Study / J. M. Nagata, J. H. Wong, C. K. Helmer, et al. Pediatric Research. 2026. DOI [10.1038/s41390-026-05156-4](#).

17. Иванова, Е. В. Проблема психологического и эмоционального благополучия детей и жизнестойкости их родителей в современных зарубежных исследованиях / Е. В. Иванова, И. В. Шаповаленко // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12, № 3. С. 52–63. DOI [10.17759/jmfp.2023120305](#). EDN [DQTSKA](#).

Сведения об авторах

Гурьянова Марина Петровна, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник, НИИ гигиены детей и охраны здоровья детей и подростков, НМИЦ здоровья детей Минздрава России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: guryanowamp@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-9066-6882](#); РИНЦ SPIN-код: [3447-1188](#).

Храмцов Петр Иванович, доктор медицинских наук, профессор, руководитель НИИ гигиены детей и охраны здоровья детей и подростков, НМИЦ здоровья детей Минздрава России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: khramtsov@nczd.ru; ORCID ID: [0000-0002-0476-0969](#); РИНЦ SPIN-код: [6639-8770](#).

Статья поступила в редакцию 04.03.2026; принята в печать 11.05.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

THE HEALTH-PRESERVING FUNCTION OF PARENTS IN THE CONTEXT OF NEW RISK FACTORS FOR CHILDREN'S HEALTH

Marina P. Guryanova

National Medical Research Center for Children's Health, Ministry of Health
of the Russian Federation, Moscow, Russia
Email: guryanowamp@yandex.ru

Peter I. Khramtsov

National Medical Research Center for Children's Health, Ministry of Health
of the Russian Federation, Moscow, Russia
Email: khramtsov@nczd.ru

For citation: Guryanova, M. P., Khramtsov, P. I. The Health-Preserving Function of Parents in the Context of New Risk Factors for Children's Health. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 3. Pp. 91–108. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.6](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.6). (In Russ.)

Abstract. This article presents the results of a socio-medical study conducted in 2025 by researchers from the Research Institute of Hygiene and Health Protection of Children and Adolescents, National Medical Research Center for Children's Health, Ministry of Health of the Russian Federation, in collaboration with social pedagogues from district social services of the Budgetary Institution of the Kaluga Region "Borovsk Center for Social Assistance to Families and Children 'Harmony'". The study was carried out using the test-based methodology "Family Audit of Child Health Preservation," developed by the Institute in accordance with the Plan of Key Events for the Year of the Family in the Russian Federation (clause 77). The aim of the study was to analyze the current implementation by parents of their function of strengthening and protecting children's health within the family. A total of 847 parents of children aged 5 to 17 years, residing in the Borovsky District of the Kaluga Region (one of the municipal districts in Central Russia), responded to 64 questionnaire items. The methodological framework of the study drew on key principles of social pedagogy, which examines the influence of social environmental factors on human health and behavior, and of hygiene for children and adolescents, which investigates hygienic conditions for promoting child health and assesses the impact of risk factors. The scientific novelty of the study lies in its comprehensive analysis of contemporary parents' implementation of health-preserving functions across the main dimensions of child health promotion within the family. The findings reveal an insufficient level of parental performance in the health-preserving function across key areas of child health promotion, as well as a relatively low level of health-preserving competencies among parents of children aged 5–17 years. The results may be useful for parents, as well as for medical, educational, and social professionals. Future research should examine the impact of the digital transformation of society – including artificial intelligence, online schooling, e-commerce, smart home technologies, telemedicine, electronic health records, fitness trackers, and related innovations – on children's health. Further studies are also warranted to compare responses across parents of children of different age groups with respect to the eight health-preserving dimensions investigated, and to identify differences in positive and negative trends in the performance of parental health-preserving functions.

Keywords: parents, child, health preservation, family, health-preserving function, new risk factors for children's health

References

1. Guryanova, M. P., Khramtsov, P. I. Family and Child Health: The State of the Problem and Priority Areas of Scientific Research. *Problems of School and University Medicine and Health*. 2023. No. 2. Pp. 4–14. (In Russ.).
2. Khramtsov, P. I., Guryanova, M. P., Gorelova, Zh. Yu., et al. Assessment of the Level of Health-Preserving Potential of Families Raising Children with Disabilities and Special Needs. *Medical Alphabet*. 2025. No. 19. Pp. 22–27. DOI [10.33667/2078-5631-2025-19-22-27](https://doi.org/10.33667/2078-5631-2025-19-22-27). (In Russ.).
3. Tyumaseva, Z. I., Orekhova, I. L. Family Environment as Means of Preservation, Strengthenings of Health of Students and Formation of Self-Preservation Behaviour. *Vestnik of Minin University*. 2019. Vol. 7, No. 3(28). P. 5. DOI [10.26795/2307-1281-2019-7-3-5](https://doi.org/10.26795/2307-1281-2019-7-3-5). (In Russ.).

4. Rumyantseva, O. A., Larina, A. B. Formation of Health-Preserving Parents' Competence of School-children with Visual Impairments. *Kaliningradskij Vestnik Obrazovaniya*. 2021. No. 2(10). Pp. 72–81. (In Russ.).
5. Fedorchenko, N. V. Formation of Pedagogical Competencies of Health Savings in Young Children in Parents: A Review of the Literature. *Bulletin of the St. Petersburg Research Institute of Pedagogy and Psychology of Higher Education*. 2022. No. 4(4). Pp. 33–40. (In Russ.).
6. Guryanova, M. P., Seppyanen, T. P. Social Factors of Dysfunctional Families: Their Impact on Children's Health and Behavior. *Social Pedagogy in Russia. Scientific and Methodological Journal*. 2024. No. 1. Pp. 71–82. (In Russ.).
7. Guryanova, M. P. Vazhnaya zadacha rabotnikov sotsial'nykh sluzhb: aktivizirovat' vozmozhnosti sem'i v formirovanii zdorovogo obraza zhizni detey vo vremya letnego otdykha [An Important Task for Social Service Workers: To Activate the Family's Capabilities in Forming a Healthy Lifestyle for Children during Summer Holidays]. *Sotsial'noye obsluzhivaniye [Social Services]*. 2025. No. 3. Pp. 74–80. (In Russ.).
8. *Mediko-profilakticheskiye osnovy formirovaniya zdorov'ya detey v sem'ye [Medical and Preventive Foundations for the Formation of Children's Health in the Family]*: collective monograph. Ed. by A. P. Fisenko, P. I. Khramtsov. Moscow: National Medical Research Center for Children's Health of the Ministry of Health of the Russian Federation, 2025. 448 p. ISBN 978-5-7151-0666-7. (In Russ.).
9. Denisov, A. P., Kun, O. A., Denisova, O. A., et al. The Health of Children Depending on Conditions and Lifestyle of the Family (Review of Literature). *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 10-2. Pp. 236–240. (In Russ.).
10. Dubrovina, A. S. Praktiki sokhraneniya zdorov'ya detey mladshego shkol'nogo vozrasta v sem'ye [Practices for Maintaining the Health of Primary School-Age Children in the Family]. In: *Analiz riska zdorov'yu – 2021. Vneshnesredovyye, sotsial'nyye, meditsinskiye i povedencheskiye aspekty [Health Risk Analysis – 2021. Environmental, Social, Medical and Behavioral Aspects]*. ICW the international meeting on environment and health RISE-2021: Proceedings of the XI All-Russian scientific and practical conference with international participation: in 2 vols, Perm, May 18–20, 2021. Vol. 2. Perm: Perm National Research Polytechnic University Publishing, 2021. Pp. 398–405. (In Russ.).
11. Esheeva, D. V., Bazarova, T. S. The Lifestyle of a Family as the Factor of Formation of a Healthy Lifestyle. In: *Sotsial'noye sirotstvo kak aktual'naya problema sovremennogo obshchestva [Social Orphanhood as a Pressing Problem of Modern Society]*: materials of the international scientific and practical conference, Ulan-Ude, June 2, 2016. Ulan-Ude: Buryat State University, 2016. Pp. 96–98. (In Russ.).
12. Novoselova, E. N. Role Played by a Family in Creating Healthy Lifestyle and Eliminating Risk Factors That Cause Threats to Children's and Teenagers' Health. *Health Risk Analysis*. 2019. No. 4. Pp. 175–185. DOI [10.21668/health.risk/2019.4.19](https://doi.org/10.21668/health.risk/2019.4.19). (In Russ.).
13. *Mediko-profilakticheskiye osnovy bezopasnosti tsifrovoy sredy dlya zdorov'ya detey i podrostkov [Medical and Preventive Foundations of Digital Environment Safety for the Health of Children and Adolescents]*: collective monograph. Ed. by A. P. Fisenko, P. I. Khramtsov. Moscow: Delovaia Poligrafiya Publishing House, 2023. 296 p. (In Russ.).
14. Scaglioni, S., De Cosmi, V., Ciappolino, V., et al. Factors Influencing Children's Eating Behaviours. *Nutrients*. 2018. Vol. 10, No. 6. Article No. 706. DOI [10.3390/nu10060706](https://doi.org/10.3390/nu10060706).
15. Kim, K. M., Lim, M. H., Kwon, H.-J., et al. Associations between Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder Symptoms and Dietary Habits in Elementary School Children. *Appetite*. 2018. Vol. 127. Pp. 274–279. DOI [10.1016/j.appet.2018.05.004](https://doi.org/10.1016/j.appet.2018.05.004).
16. Nagata, J. M., Wong, J. H., Helmer, C. K., et al. Associations between Screen Time and Dietary Intake among Early Adolescents: A Prospective Cohort Study. *Pediatric Research*. 2026. DOI [10.1038/s41390-026-05156-4](https://doi.org/10.1038/s41390-026-05156-4).
17. Ivanova, E. V., Shapovalenko, I. V. The Problem of Psychological and Emotional Well-Being of Children and Resilience of Parents in Modern Foreign Studies. *Journal of Modern Foreign Psychology*. 2023. Vol. 12, No. 3. Pp. 52–63. DOI [10.17759/jmfp.2023120305](https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120305). (In Russ.).

Bio notes

Marina P. Guryanova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chief Researcher, Research Institute of Child Hygiene and Child and Adolescent Health, National Medical Research Center for Children's Health, Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: guryanowamp@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-9066-6882](https://orcid.org/0000-0001-9066-6882); RSCI SPIN-code: [3447-1188](https://elibrary.ru/3447-1188).

Peter I. Khramtsov, Doctor of Medical Sciences, Professor, Director, Research Institute of Child Hygiene and Child and Adolescent Health, National Medical Research Center for Children's Health, Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: khramtsov@nczd.ru; ORCID ID: [0000-0002-0476-0969](https://orcid.org/0000-0002-0476-0969); RSCI SPIN-code: [6639-8770](https://elibrary.ru/6639-8770).

Received on 04.03.2026; accepted for publication 11.05.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.3.7](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.7)EDN [IFQICK](https://edn.ifqick.ru/10.19181/demis.2026.6.3.7)

Научная статья

БРАЧНЫЕ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СТУДЕНЧЕСКИХ СЕМЕЙ (КЕЙС ПЕНЗЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Рожкова Л. В.*Пензенский государственный университет, Пенза, Россия**E-mail: tataeva_lv@mail.ru***Васильева Е. Н.***Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: vasilavaen@yandex.ru***Дубина А. Ш.***Пензенский государственный университет, Пенза, Россия**E-mail: misurin@bk.ru*

Для цитирования: Рожкова, Л. В. Брачные и репродуктивные установки молодежи как основа развития института студенческих семей (кейс Пензенского государственного университета) / Л. В. Рожкова, Е. Н. Васильева, А. Ш. Дубина // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 3. С. 109–125. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.7](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.7). EDN [IFQICK](https://edn.ifqick.ru/10.19181/demis.2026.6.3.7).

Аннотация. Актуальность статьи определяется активным формированием в России института поддержки студенческой семьи. Научная проблема исследования заключается в необходимости мониторинга в регионах России динамики брачных и репродуктивных установок студенческой молодежи, влияющих на создание семьи, в том числе в период обучения. Целью данной работы является социологическое исследование установок студенческой молодежи на семью, реализацию брачного и репродуктивного поведения. Задачи исследования – проверка зависимости брачных и репродуктивных установок от возраста, социально-демографических характеристик студентов; оценка информированности студентов о мерах поддержки семьи на федеральном и региональном уровнях. Методология исследования основана на классических теоретических подходах российской демографии, социологии семьи и теории благополучия семьи. Эмпирическая база включает анкетный опрос студентов очной формы обучения Пензенского государственного университета (апрель–май 2026 г., выборка квотная, $n=1400$). Результаты исследования обработаны методами описательной статистики, проведен корреляционный анализ (коэффициент V Крамера). Выявлено, что установки студенческой молодежи на семью, реализацию брачного и репродуктивного поведения в основном определяются традиционными семейными ценностями, студенты ориентированы на официальное заключение брака и двухдетную модель семьи. Определены основные причины откладывания создания семьи – необходимость закончить образование, найти работу, отсутствие материальных возможностей. Корреляционный анализ выявил связь между возрастом и репродуктивными установками студентов, что позволит в дальнейшем верифицировать гипотезы о влиянии возраста и программ поддержки на брачные и репродуктивные планы студенческой молодежи. Информированность студентов о государственной и региональной поддержке семьи – низкая. Полученные результаты могут служить основой для корректировки программ поддержки студенческой молодежи, повышения информированности о мерах поддержки студенческих семей.

Ключевые слова: студенческая молодежь, студенческая семья, брачные установки, репродуктивные установки, желаемое число детей, вузы, высшее образование, меры поддержки, инфраструктура, Пензенская область

Введение

В современной России повышается актуальность исследования процессов формирования института студенческих семей. В 2025 г. в нормативных документах закреплено понятие «студенческая семья»¹. Число студенческих семей в вузах за год увеличилось в 2,3 раза². Мониторинг числа студенческих семей и мер их поддержки ведет сегодня Минобрнауки России³, отмечая⁴, что в вузах было открыто 179 комнат матери и ребенка и 79 групп кратковременного пребывания детей, в том числе в рамках Всероссийского проекта «Помоги маме учиться»⁵.

Наиболее востребованные меры для студенческих семей – перевод на бюджетные места женщин, родивших в период обучения; материальная помощь обучающимся в связи с заключением брака; систематическая финансовая поддержка студенческих семей; материальная помощь обучающимся в связи с рождением ребенка⁶.

В рамках Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г.⁷ в вузах работа осуществляется в формате «единого окна» (рис. 1), запущен навигатор мер поддержки студенческих семей «Справочник мер поддержки молодых семей»⁸, реализуются просветительские и досуговые мероприятия, направленные на популяризацию семейных ценностей (табл. 1).

¹ Федеральный закон № 489-ФЗ от 30.12.2020 г. «О молодежной политике в Российской Федерации» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения: 04.05.2026).

² Доклад за 2025 год о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования // Правительство России : [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/CCmecVEmiX3CuIKdvsnvbmVJEvRn6ro9.pdf>. (дата обращения: 04.05.2026).

³ Приказ Минобрнауки России № 807 от 30.10.2025 г. «Об утверждении Рекомендаций по поддержке студенческих семей» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rossii-ot-30102025-n-807-ob-utverzhenii/> (дата обращения: 04.05.2026); Распоряжение №487-р от 13.12.2024 г. «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Поддержка семьи» национального проекта «Семья»» // Консультант-Плюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_513086/ (дата обращения: 04.05.2026).

⁴ Доклад за 2025 год о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования // Правительство России : [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/CCmecVEmiX3CuIKdvsnvbmVJEvRn6ro9.pdf>. (дата обращения: 04.05.2026).

⁵ Всероссийский проект «Помоги маме учиться» // Министерство науки и высшего образования РФ : [сайт]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/about/deps/dgmpispvsvo/year_family/help_mom/ (дата обращения: 04.05.2026).

⁶ Доклад за 2025 год о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования // Правительство России : [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/CCmecVEmiX3CuIKdvsnvbmVJEvRn6ro9.pdf>. (дата обращения: 04.05.2026).

⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации № 615-р от 15.03.2025 г. «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503240023> (дата обращения: 04.05.2026).

⁸ Меры поддержки студенческих семей // Госуслуги : [сайт]. URL: <https://www.gosuslugi.ru/landings/family-child-support/student-support> (дата обращения: 04.05.2026).

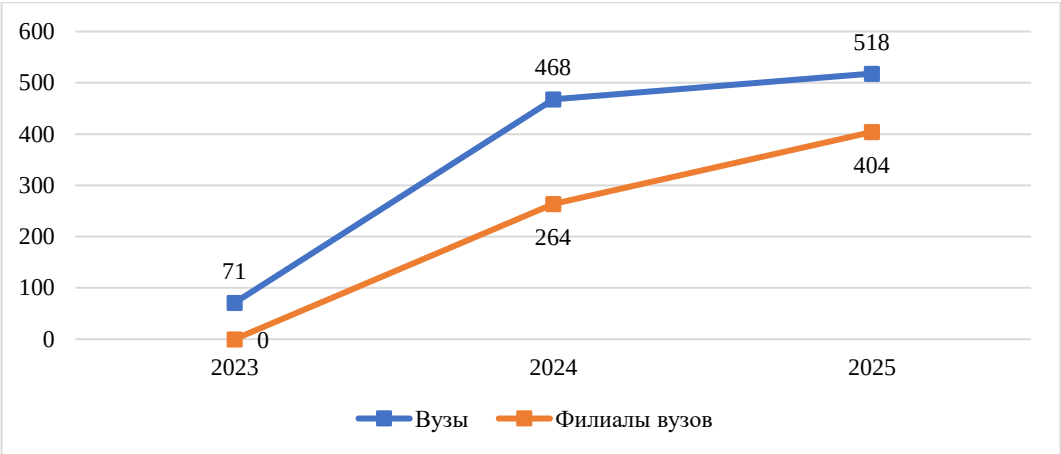

Рис. 1. Динамика открытия подразделений по поддержке студенческих семей в формате «единого окна», на 1 октября 2025 г.

Fig. 1. Dynamics of opening of departments to support student families in the “single window” format, as of October 1, 2025

Источник: официальная информационная страница «единого окна»⁹

Таблица 1

Мероприятия для студенческой молодежи, запланированные Минобрнауки России на 2026 г. в рамках национального проекта «Семья»

Table 1

Events for student youth planned by the Russian Ministry of Education and Science for 2026 as part of the national project “Family”

Мероприятия	Целевые показатели
Всероссийский проект «Помоги маме учиться»	Не менее 370 объектов
Всероссийские просветительские и досуговые мероприятия для студенческой молодежи, студенческих семей и матерей (отцов) с детьми	Не менее 6 мероприятий Охват порядка 8 800 человек
Расширение численности вузов и их филиалов, реализующих систему единого окна по поддержке студенческих семей	100% головных вузов всех форм собственности и ведомственной принадлежности
Совместная работа Минобрнауки России с Минцифры России	Внедрение механизма подачи заявки на получение мер поддержки вуза студенческими семьями через ЕПГУ

Источник: сайт Минобрнауки России¹⁰

Необходимо констатировать, что инфраструктура института студенческой семьи активно формируется. В этих условиях задача научного сообщества – оценить установки студенческой молодежи на создание семьи, реализацию брачного и репродуктивного поведения, определить факторы, способствующие и/или препятствующие формированию студенческих семей в регионах России. В данной связи актуально

⁹ Единое окно для молодых семей в образовательных организациях // Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина : [сайт]. URL: https://tsutmb.ru/edinoe_okno/ (дата обращения: 04.05.2026).

¹⁰ Просемейная среда в образовательных организациях // Министерство науки и высшего образования РФ : [сайт]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/about/deps/dgmpispvsvo/year_family/ (дата обращения: 04.05.2026).

исследование брачных и репродуктивных планов студенческой молодежи в Пензенской области, где суммарный коэффициент рождаемости (СКР) один из самых низких в Приволжском федеральном округе¹¹.

В ответ на демографические вызовы, стоящие перед регионом, Правительством Пензенской области утверждены мероприятия Региональной программы по повышению рождаемости¹² (рис. 2). Значимой мерой поддержки является ежемесячная денежная компенсация за наем (поднаем) жилого помещения для семей, в которых есть ребенок/дети до 3 лет и хотя бы один из супругов имеет статус студента. Компенсация устанавливается на период обучения и составляет для семьи с одним ребенком – 15 000 рублей в месяц, с двумя – 25 000 рублей в месяц¹³.

Образовательные учреждения высшего образования Пензенской области включены в решение демографических задач. В Пензенском государственном университете (ПГУ) работает «Единое окно» поддержки молодых семей¹⁴, создана комната матери и ребенка, членам студенческих семей оказывается материальная (периодические и единовременные финансовые выплаты, а также различного рода компенсации), инфраструктурная (места в общежитиях и т. д.); психологическая; юридическая; информационная, иная адресная поддержка. В Пензенском государственном университете выплачивается единовременная материальная помощь обучающимся в связи с рождением ребенка – в размере 25 000 рублей из внебюджетных средств вуза и 4000 рублей из средств студенческого профкома. Востребован, как на дневной, так на заочной формах обучения, перевод на бюджетные места женщин, родивших в период обучения. В 2023/2024 учебном году были переведены две студентки; 2024/2025 г. – одна; в 2025/2026 г. – две. В университете ведется мониторинг числа семей, в которых оба супруга студенты – это 31 семья, в том числе две семьи с детьми.

В сложившихся условиях актуальным становится мониторинг в регионах России информированности студенческой молодежи о созданной инфраструктуре поддержки и установок на реализацию традиционных семейных ценностей, динамики числа студенческих семей, что позволит адаптировать проводимую государственную политику в сфере рождаемости к современным условиям. Целью данной работы является анализ результатов социологического исследования установок студенческой молодежи на семью, реализацию брачного и репродуктивного поведения.

¹¹ Суммарный коэффициент рождаемости // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/62852> (дата обращения: 26.02.2026).

¹² Постановление Правительства Пензенской области № 443-пП от 16.05.2025 г. «О реализации отдельных мероприятий Региональной программы по повышению рождаемости в Пензенской области» // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5800202505200005> (дата обращения: 06.02.2026).

¹³ Постановление Правительства Пензенской области № 1051-пП от 23.11.2023 г. «Об установлении дополнительной меры поддержки по предоставлению ежемесячной денежной компенсации семьям, воспитывающим детей, в которых единственный родитель или оба родителя являются студентами, за наем (поднаем) жилого помещения» // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5800202311240004> (дата обращения: 01.03.2026).

¹⁴ Единое окно поддержки молодых семей // Пензенский государственный университет : [сайт]. URL: <https://svr.pnzgu.ru/edinoe-okno-podderzki-molodyh-semey> (дата обращения: 26.02.2026).

Региональная программа по повышению рождаемости

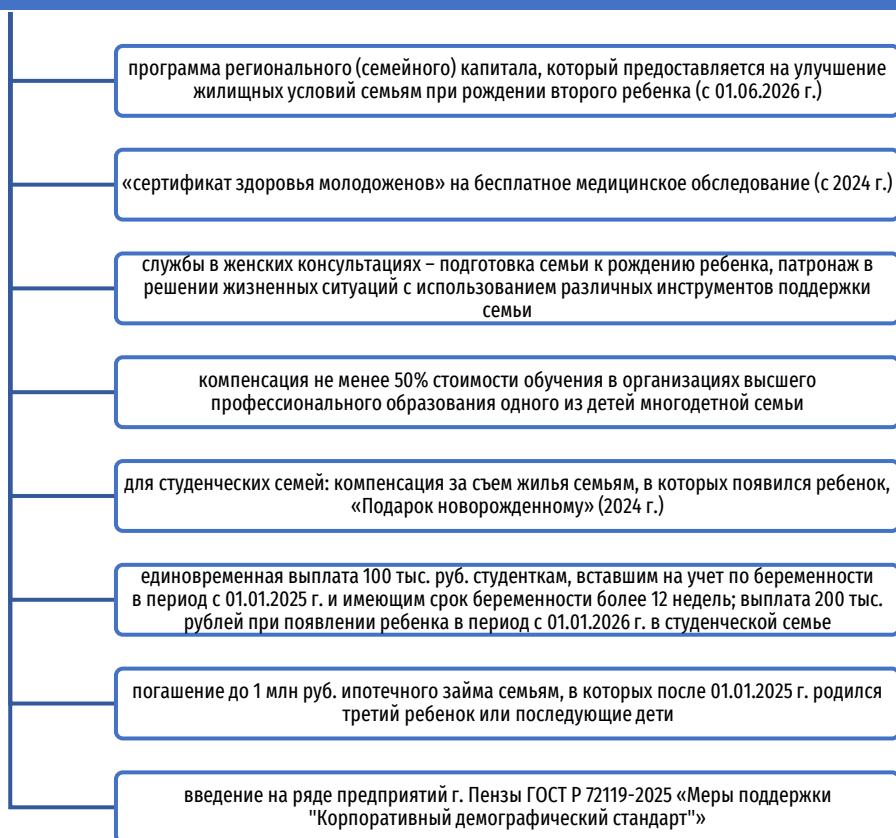

Рис. 2. Некоторые составляющие региональной программы по повышению рождаемости в Пензенской области

Fig.2. Some components of the regional program to increase the birth rate in the Penza Region

Источник: Постановление Правительства Пензенской области¹⁵

Обзор научной литературы

Методология исследования базируется на совокупности работ, раскрывающих демографические тренды в России и ее регионах, продолжающих традиции российских школ демографии и социологии семьи. Демографические тенденции анализируются в работах В. Н. Архангельского с соавторами [1; 2], В. А. Безвербного, В. И. Лащук, Т. К. Ростовской с соавторами [3; 4] Л. Л. Рыбаковского [5], О. Л. Рыбаковского [6]. Брачное и репродуктивное поведение операционализируются в данной работе в соответствии с понятийным аппаратом, выстроенным под руководством А. И. Антонова [7], а также в публикациях А. Б. Синельникова, в том числе с соавторами [8; 9]. Методологические рамки исследования студенческой семьи

¹⁵ Постановление Правительства Пензенской области № 443-пП от 16.05.2025 г. «О реализации отдельных мероприятий Региональной программы по повышению рождаемости в Пензенской области» // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5800202505200005> (дата обращения: 06.02.2026).

опираются на теорию благополучия семьи и научные труды, выполненные под руководством Т. К. Ростовской [10; 11], на статьи, анализирующие ценностные ориентации студенческой молодежи [12; 13; 14], включая зарубежные публикации по проблемам изучения специфики брачного и репродуктивного поведения студентов [15; 16; 17; 18].

В основе исследования брачных и репродуктивных установок лежит дискуссия о понимании структуры традиционных семейных ценностей. Большой вклад в обоснование понятия «традиционные семейные ценности» студенчества, в изучение брачных и репродуктивных планов студенческой молодежи и членов студенческих семей внес научный коллектив под руководством Т. К. Ростовской [11, с. 13–25, с. 775–100]. На основе эмпирических данных, собранных в 2014–2022 гг., ученые делают вывод о том, что при заключении брака студенты в большей степени ориентированы на собственные ресурсы и ресурсы родительской семьи, чем на меры поддержки, что и определяет количество студенческих семей. Во многом научная работа, проведенная Т. К. Ростовской и ее коллегами, легла в основу формирования актуальной системы социальной поддержки студенческих семей¹⁶.

Обращение к классическим и современным трудам, исследующим брачные и репродуктивные установки, позволяет анализировать желаемое и планируемое числа детей, в том числе с использованием инструментария Росстата. В 2023 г. Росстат опубликовал результаты Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2022 г. (проводится один раз в пять лет среди 15 тысяч семей). Выявлено, что доля россиянок, которые хотели бы иметь одного или двух детей выросла (в 2017 г. их было 65,3%, в 2022 г. – 71,6%)¹⁷, но планируемое число детей зависит от множества факторов. В результате рожденное число детей ниже желаемого показателя, а в некоторых случаях, и планируемого количества. Рождаемость является сложным демографическим процессом, на который влияют социально-экономические, культурные, демографические, медико-демографические, политические и др. тенденции.

Опросы ВЦИОМ 2025 г. также фиксируют, что рожденное и желаемое в идеальных условиях числа детей существенно различаются. У респондентов в возрасте 18–24 лет следующее число рожденных детей: один ребенок – 3%, два – 5%; желаемое число детей: один ребенок – 10%; два – 33%; три – 32%; четыре и больше – 16%. Для возрастной группы 35–44 года, которая условно для большей части населения совпадает с окончанием периода активной реализации репродуктивных планов, реальное число детей (один ребенок – 39%; два – 41%, три – 7%, четыре и больше – 1%) заметно отличается от того, сколько детей респонденты хотели бы иметь в идеальных условиях (один ребенок – 6%; два – 28%, три – 33%, четыре и больше – 27%)¹⁸. По данным ВЦИОМ 2024 г., в числе главных причин, по которым люди хотят иметь детей (ответы на открытый вопрос «Как

¹⁶ Разработка законодательства о мерах поддержки студенческих семей // Институт социальной демографии (ИСД) ФНИСЦ РАН : [сайт]. URL: <https://idrras.ru/news/2024/2/podderzhka-studencheskih-semey.html> (дата обращения: 01.03.2026).

¹⁷ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения: 11.02.2026).

¹⁸ Репродуктивные планы россиян: два пишем, три в уме? // ВЦИОМ : [сайт]. 25.02.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reproduktivnye-plany-rossijan-dva-pishem-tri-v-ume> (дата обращения: 22.02.2026).

Вы думаете, для чего люди заводят детей?», до пяти ответов, % от всех опрошенных): реализация традиционных семейных функций – 91%, в том числе ориентация на будущее, на поддержку в старости и пр.¹⁹

Готовность к реализации традиционных семейных функций формирует специфические целевые установки и определяет рейтинг достижения целей. Под традиционными семейными ценностями в данной работе понимаются ценности создания семьи («желание продолжить свой род») и рождения детей в браке, ценности супружеских взаимоотношений («благополучные отношения в семье») и детско-родительских отношений («традиции, существующие в семье»), ценность детей («любовь к детям») и др. Кроме того, более высокие в рейтинге целей ориентации на карьеру, нежели на семью, могут служить маркером воспроизводства традиционных семейных ценностей, при условии, что карьера воспринимается как инструмент укрепления материального благополучия и позволяет подготовиться к рождению детей.

Материалы и методы

Опираясь на совокупность теоретических подходов и эмпирических данных, ученые разработали инструментарий исследования «Репродуктивные установки и меры поддержки рождаемости», проведенного в апреле-мае 2026 г. в Пензенском государственном университете (ПГУ) методом анкетного опроса обучающихся очной формы (метод – онлайн-опрос; обработка – Vortex.10; выборка квотная – пол, курс обучения, n=1400, генеральная совокупность на 01.01.2026 г. 17 681 человек)²⁰. Доля студентов, состоящих в браке, в выборке составила чуть менее 2,4%, т. е. 33 респондента; имеет ли второй супруг статус студента – не уточнялось.

Стратегия исследования включала проверку следующих гипотез: зависят ли брачные и репродуктивные установки от возраста респондентов. В современных условиях нет необходимости сравнивать репродуктивные установки студенческой молодежи и более старших возрастных групп, т. к. рейтинг жизненных целей в разных возрастных группах все же несколько различается [7].

Результаты и обсуждение

В рамках исследования рассматривались причины, которые оказывают влияние на желание отложить планы по созданию семьи. Наиболее важная среди них – необходимость поиска оплачиваемой работы, далее по убыванию значимости: отсутствие материальных возможностей, своего жилья, необходимость закончить образование (табл. 2). Полученные данные коррелируют с выводами иных исследований [19; 20; 21]: основными причинами откладывания рождения детей являются материальные и жилищные проблемы.

По итогам опроса было установлено, что студенты ориентированы на реализацию традиционных семейных ценностей, о чем свидетельствует тот факт, что более 70% участников опроса не готовы или скорее не готовы планировать рождение детей вне брака (рис. 3). Это благоприятная тенденция, т. к. «...союзы, основанные

¹⁹ Сколько детей нужно для счастья? // ВЦИОМ : [сайт]. 30.05.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/skolko-detei-nuzhno-dlja-schastja> (дата обращения: 17.02.2026).

²⁰ В исследовании принимали участие студенты ПГУ – бакалавры, магистры, а также аспиранты.

на сожительстве, часто остаются бездетными» [8, с. 28–32]. А. Б. Синельников подчеркивает, что «Суммарные коэффициенты брачности и рождаемости <...> снижаются <...>. Это связано с постепенным переходом от законных браков к сожительству» [22, с. 251–252].

Таблица 2

**Основные причины откладывания брачных и репродуктивных планов
(% от числа ответивших на вопрос)***

Table 2

**The main reasons for postponing marriage and reproductive plans
(% of respondents who answered the question)**

Основные причины	5 (сильное влияние)	4	3	2	1 (слабое влияние)	Итого (%)	Средний балл
Необходимо найти оплачиваемую работу	64,8	12,4	10,4	5,3	7,1	100	4,2
Пока не позволяют материальные возможности	58,6	12,0	14,0	6,4	9,1	100	4,0
Отсутствие собственного жилья, в котором можно растить ребенка	57,1	11,9	14,0	6,4	10,5	100	4,0
Необходимо закончить образование	55,4	12,7	15,8	6,7	9,4	100	4,0

*Примечание: В таблице представлены причины, получившие максимальный средний балл

Источник: составлено авторами по результатам опроса студентов ПГУ

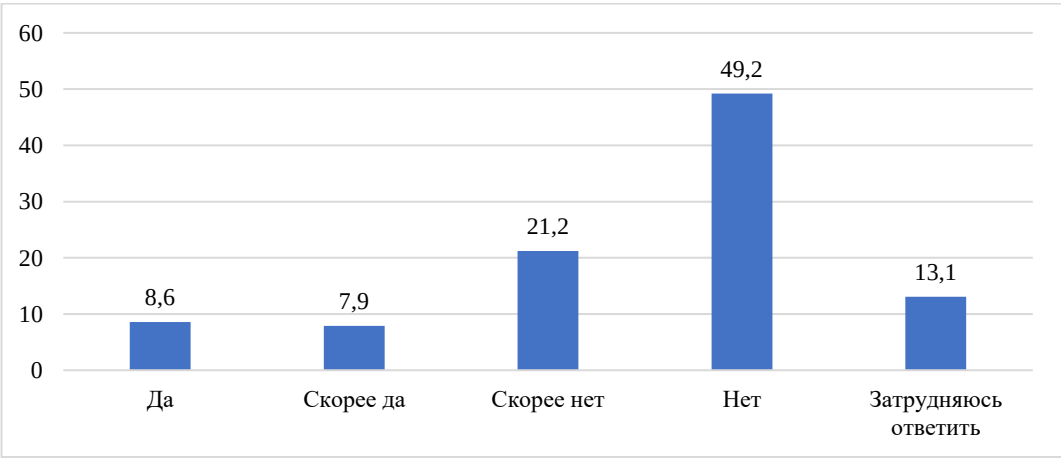

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Готовы ли Вы планировать рождение детей без официального заключения брака?» (% от числа ответивших на вопрос)

Fig. 3. Distribution of responses to the question: “Are you ready to plan to have children without an official marriage?” (% of respondents who answered the question)

Источник: составлено авторами по результатам опроса студентов ПГУ

Студенты ориентированы в основном на двухдетную семью – 36,1%, на семью с одним ребенком – 17,9%, с тремя детьми – 7,2%. Затруднились ответить около четверти опрошенных. Однако при введении в вопрос уточняющей формулировки

«если бы у Вас были все необходимые условия для их рождения и воспитания» существенно увеличиваются ориентации на многодетную семью (рис. 4).

Корреляционный анализ²¹ позволил частично подтвердить сформулированную исследователями гипотезу. В целом общая установка на детность («желание иметь детей») связана с переменной «возраст»: при увеличении возраста растет желаемое число детей (коэффициент V Крамера 0,301). Переменная «наличие детей» ассоциируется со следующими переменными: «возраст» (коэффициент V Крамера 0,636), «национальность» (коэффициент V Крамера 0,376). Возрастные характеристики респондентов являются маркером роста человеческого капитала студентов. Большое влияние, вероятнее всего, на брачные и репродуктивные установки оказывает факт приобретения студентами старших курсов трудового опыта, соответственно, повышение уровня материального благополучия и приближение сроков окончания обучения.

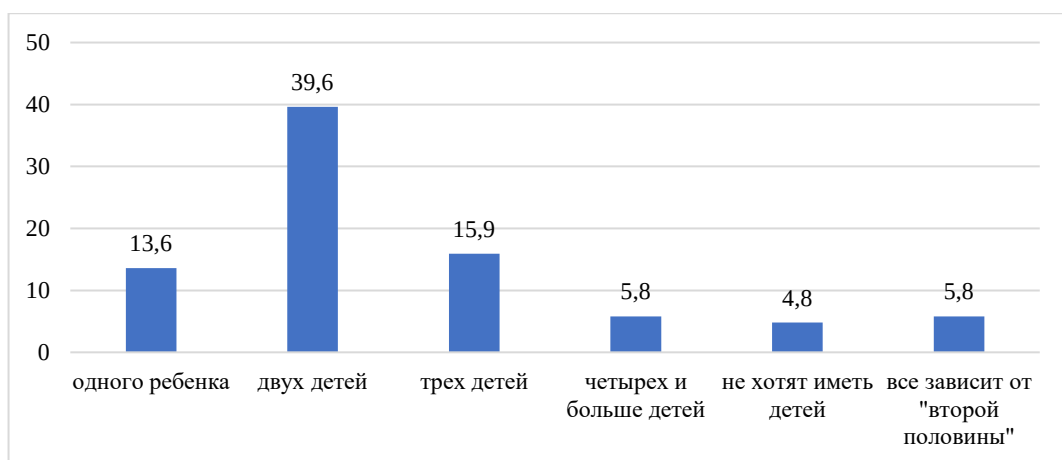

Рис.4. Распределение ответов на вопрос: «Сколько бы Вам хотелось иметь детей в семье, если бы у Вас были все необходимые условия для их рождения и воспитания?» (% от числа ответивших на вопрос)

Fig. 4. Distribution of answers to the question: “How many children would you like to have in your family if you had all the necessary conditions for their birth and upbringing?” (% of respondents who answered the question)

По выборке в целом присутствует корреляционная связь между переменными «Сколько бы Вам хотелось иметь детей в семье, если бы у Вас были все необходимые условия для их рождения и воспитания» и конфессиональной принадлежностью – коэффициент V Крамера 0,255. Студенты, отметившие, что являются православными, ориентированы на одного-двух детей, а студенты, указавшие, что являются мусульманами, чаще ориентированы на троих и более детей. Важным направлением анализа стало определение мотивов рождения детей (табл. 3).

²¹ По всем представленным здесь и далее взаимосвязям по χ^2 уровень значимости составляет 0,000 при $p < 0,05$

Таблица 3

Мотивы и факторы рождения детей (% от числа ответивших на вопрос)

Table 3

Reasons and determinants of having children (% of respondents who answered the question)

Показатели	%
Основной мотив рождения детей (можно было выбрать только один вариант ответа)	
Любовь к детям	36,2
Желание продолжить свой род	25,1
Традиции, существующие в обществе (семье)	5,4
Стремление к сохранению и умножению своего народа	2,8
Желание обеспечить нормальную заботу о себе в старости	1,9
Затрудняюсь ответить	28,6
Итого	100,0
Основные факторы, способствующие рождению детей (можно было выбрать несколько вариантов ответов)	
Финансовая независимость и стабильность	76,5
Благополучные отношения в семье	55,8
Наличие жилья	54,1
Отсутствие проблем со здоровьем	33,7
Доступность качественной медицинской помощи	11,4
Гарантированная государством поддержка материнства	10,4
Затрудняюсь ответить	11,4

По результатам опроса основными мотивами являются любовь к детям и желание продолжить свой род, а приоритетными такие факторы как финансовая независимость и стабильность, благополучные отношения в семье, наличие жилья. Корреляционный анализ показывает среднюю силу связи с переменными «пол» (мужчины – желание продолжить свой род, женщины – любовь к детям; коэффициент V Крамера 0,393), «конфессия» (любовь к детям; коэффициент V Крамера 0,350).

Анализ отношения к рождению детей не будет полным без исследования институциональных факторов – государственных мер поддержки рождаемости и семей. В первую очередь необходимо было рассмотреть информированность респондентов о мерах поддержки, поскольку данные общероссийских исследований показывают невысокий уровень осведомленности россиян о мерах семейно-демографической политики [23].

Итоги опроса в ПГУ подтверждают эти выводы – только около половины респондентов (53,9%) отметили, что осведомлены о существующих мерах поддержки семей и стимулирования рождаемости (рис. 5). Основными источниками информации о государственных мерах поддержки семей и стимулирования рождаемости выступают СМИ и Интернет (51,3%).

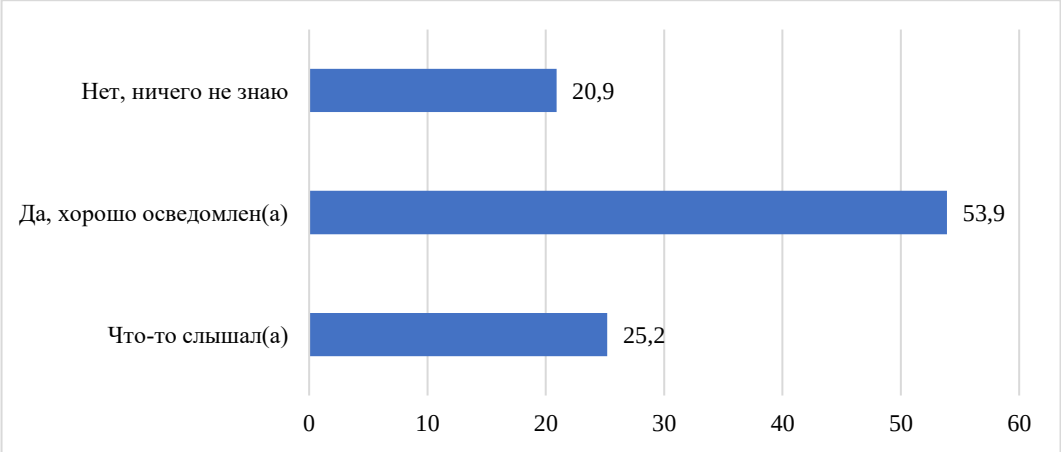

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Знаете ли Вы о государственных мерах поддержки семей и стимулирования рождаемости?» (% от числа ответивших на вопрос)

Fig. 5. Distribution of responses to the question: “Are you aware of government measures to support families and stimulate the birth rate?” (% of respondents who answered the question)

В рамках опроса его участникам предлагалось оценить значимость государственных мер поддержки в отношении повышения рождаемости. Было выявлено, что наибольшее влияние на «личное решение иметь детей» может оказать материнский капитал и предоставление жилищных кредитов (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, как государственные меры поддержки повлияли или могут повлиять на Ваше личное решение иметь детей?» (% от числа ответивших на вопрос)*

Table 4

Distribution of responses to the question: “Please rate how government support measures have influenced or may influence your personal decision to have children?” (% of respondents who answered the question)

Основные меры поддержки	5 (сильное влияние)	4	3	2	1 (слабое влияние)	Итого (%)	Средний балл
Предоставление «материнского (семейного) капитала»	29,4	14,1	26,4	10,4	19,6	100	3,2
Предоставление молодой семье жилищных кредитов и субсидий на льготных условиях	29,1	13,2	24,8	11,4	21,5	100	3,2
Предоставление частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до 1,5 лет	27,3	15,4	25,5	11,1	20,6	100	3,2

Примечание: * В таблице представлены те меры, которые получили максимальный средний балл в срезе преподавательской и студенческой выборки

50% опрошенных незнакомы с деятельностью организаций, работающих с семьями и детьми в Пензенской области. Наиболее узнаваемы для студентов

Министерство труда, социальной защиты и демографии Пензенской области (27,6%). Вместе с тем подавляющее большинство опрошенных (95,3%) не обращались лично в службы, организации, которые работают с семьями и детьми в Пензенской области, что обусловлено тем, что большая часть студентов еще не состоит в браке и не имеет детей.

С 2026 г. в Пензенской области введен региональный семейный капитал в размере 1 млн руб. Однако по данным опроса его влияние на принятие решения о рождении ребенка респонденты оценивают в среднем на 3,3 балла из 5. В ходе опроса установлено, что уровень информированности о региональных инициативах поддержки семей и стимулирования рождаемости также невысокий. 29,4% студентов знают о региональном семейном капитале, а 20% – о жилищных программах для молодых семей.

Заключение

Полученные эмпирические данные свидетельствуют о том, что традиционные семейные ценности оказывают положительное влияние на некоторую часть студенческой молодежи. Мотивационная структура репродуктивного поведения опирается на эмоциональные и экзистенциальные основания – любовь к детям и стремление продолжить род. У студентов формируются ориентации на официальный брак как основу рождения детей и двухдетную модель семьи, особенно при наличии благоприятных условий, что указывает на необходимость развития ресурсов поддержки студенческих и молодых семей. К числу факторов, выступающих барьерами на пути к созданию семьи во время обучения в вузе, относятся необходимость завершения образования, поиска стабильной оплачиваемой работы, отсутствие собственного жилья и достаточных финансовых накоплений, что формирует разрыв между желаемым брачным и репродуктивным поведением и воспроизводящимися социальными практиками. Инструментальные стимулы, включая государственные пособия и льготы, оцениваются студентами на среднем уровне, что требует переосмысления структуры информационно-просветительской работы вузов. Низкий уровень осведомленности о федеральных мерах поддержки и о региональных инициативах указывает на проблему эффективности информационной политики в области демографии. Лишь около половины опрошенных знают о существующих государственных и региональных мерах поддержки семей и стимулирования рождаемости. В этом отношении можно утверждать, что, с одной стороны, транслируемая информация о мерах поддержки не запоминается, т. к. не воспринимается студентами как актуальная. С другой стороны, ведется активное включение студентов, прежде всего, в рамках «всероссийских досуговых мероприятий» в дискурс обсуждения традиционных семейных ценностей, что положительно влияет на восприятие брака как основы для рождения детей. Результаты проведенного исследования не позволяют оценить эффективность государственной и региональной программ помощи молодым, студенческим семьям. Перспективным, на наш взгляд, будет проведение в Пензенском государственном университете интервью с членами студенческих семей для определения мотивации к заключению брака, рождению детей в период обучения в вузе.

Корреляционный анализ показывает статистически значимую связь между возрастом и репродуктивными установками, между возрастом и фактическим наличием детей в семье: с увеличением возраста эти показатели растут, что свидетельствует о естественной возрастной динамике жизненных приоритетов. В то же время нельзя объяснять указанные изменения только возрастными характеристиками респондентов, т. к. студенчество – это период интенсивной сепарации молодых людей от родителей и получения опыта, в том числе трудового. К окончанию обучения студенты начинают работать, следовательно, повышается уровень их материального благополучия и корректируются брачные и репродуктивные установки. В результате возраст влияет на сроки и этап жизненного цикла, в который принимается решение о заключении брака и рождении ребенка. Тем самым гипотеза требует дальнейшей верификации, однако уже сейчас необходимо отказаться от прямого сопоставления репродуктивных установок студенческой молодежи и старших возрастных групп, поскольку это влияет на формирование репродуктивных норм следующих поколений [24]. Не менее интересный результат получен при сопоставлении религиозной идентификации и репродуктивных установок молодежи, что также требует дальнейшего исследования.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы для корректировки региональных программ поддержки студенческих семей, разработки моделей адресной поддержки молодых семей. Необходимым представляется социологический мониторинг брачных и репродуктивных установок студенческой молодежи, т. к. это ключевой инструмент оценки информированности студентов о действующих мерах, выявления конкретных проблем формирования института студенческой семьи, повышения эффективности планирования политики поддержки студентов, имеющих детей.

Список литературы

1. Архангельский, В. Н. Роль фактора брачности в формировании рождаемости в Москве / В. Н. Архангельский, Е. В. Землянова // Здоровье мегаполиса. 2025. Т. 6, № 4-2. С. 188–199. DOI [10.47619/2713-2617.zm.2025.v.6i4-2;188-199](https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2025.v.6i4-2;188-199). EDN [SGJZOK](https://www.edn.ru/SGJZOK).
2. Калачикова, О. Н. Оценка влияния регионального материнского (семейного) капитала на рождаемость населения / О. Н. Калачикова, В. Н. Архангельский // Социальное пространство. 2025. Т. 11, № 2. DOI [10.15838/sa.2025.2.46.6](https://doi.org/10.15838/sa.2025.2.46.6). EDN [LRBJDM](https://www.edn.ru/LRBJDM).
3. Безвербный, В. А. Взаимосвязи демографических и социально-экономических показателей развития регионов России / В. А. Безвербный, Т. К. Ростовская, А. М. Ситковский, С. В. Рославцев // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Т. 21, № 4. С. 602–617. DOI [10.52180/1999-9836_2025_21_4_8_602_617](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_8_602_617). EDN [YZRFOF](https://www.edn.ru/YZRFOF).
4. Лукашук, В. И. Анализ динамики и факторов рождаемости в Республике Крым / В. И. Лукашук, Т. К. Ростовская, Л. Н. Гарас // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. № 1. С. 59–75. DOI <https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.4>. EDN [BWYHUA](https://www.edn.ru/BWYHUA).
5. Рыбаковский, Л. Л. Демографическое будущее России: прогнозы и реальность // Народонаселение. 2023. № 3. С. 4–15. DOI [10.19181/population.2023.26.31](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.31). EDN [ILGXMB](https://www.edn.ru/ILGXMB).
6. Рыбаковский, О. Л. Рождаемость населения России в первой четверти XXI в.: тенденции, компоненты, перспективы // Народонаселение. 2026. № 29 (1). С. 4–15. DOI [10.24412/1561-7785-2025-4-15](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-4-15). EDN [MRMDWL](https://www.edn.ru/MRMDWL).
7. Antonov, A. I. Sociological Research in the Field of Family and Demography: Responding to the Challenges of Our Time / A. I. Antonov, A. B. Sinelnikov, E. N. Novoselova // Moscow State University

Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science. 2024. Vol. 30, No. 4. P. 189–207. DOI [10.24290/1029-3736-2024-30-4-188-206](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-4-188-206). EDN [IYOVKD](#).

8. Синельников, А. Б. Трансформация брака и рождаемость в России // Народонаселение. 2019. № 2. С. 26–39. DOI [10.24411/1561-7785-2019-00013](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00013). EDN [FDDUOL](#).

9. Синельников, А. Б. Влияние откладывания браков на рождаемость в России (по данным переписей) / А. Б. Синельников, О. А. Золотарева, В. М. Карпова // Вестник НГУЭУ. 2025. № 4. С. 91–110. DOI [10.34020/2073-6495-2025-4-091-110](https://doi.org/10.34020/2073-6495-2025-4-091-110). EDN [AARERS](#).

10. Ростовская, Т. К. Параметры благополучия студенческой семьи в современной России: основные проблемы и поиск ресурсов / Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева, В. С. Никольский // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, №7. С. 15–31. DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-7-15-31](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-15-31). EDN [DGYWQL](#).

11. Студенческая семья в России: барьеры и возможности благополучия / Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева, О. Н. Калачикова [и др.]. Иваново : Ивановский государственный университет, 2024. 448 с. ISBN 978-5-7807-1456-9. EDN [NIKQJL](#).

12. Рожкова, Л. В. Социальный успех в моделях личного успеха современной студенческой молодежи / Л. В. Рожкова, В. А. Гладилина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. №1. С. 5–14. DOI [10.21685/2072-3016-2025-1-1](https://doi.org/10.21685/2072-3016-2025-1-1). EDN [LSILKD](#).

13. Kim, H.W. Gender Differences in Willingness for Childbirth, Fertility Knowledge, and Value of Motherhood or Fatherhood and Their Associations among College Students in South Korea, 2021 / H. W. Kim, S. Y. Kim // Archives of Public Health. 2023. Vol. 81. № 1. Article № 110. DOI [10.1186/s13690-023-01127-x](https://doi.org/10.1186/s13690-023-01127-x).

14. Lai, Q. The Making of Family Values: Developmental Idealism in Gansu, China / Q. Lai, A. Thornton // Social Science Research. 2015. Vol. 51. P. 174–188. DOI [10.1016/j.ssresearch.2014.09.012](https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2014.09.012).

15. Allison, R. «Why Wait?»: Early Marriage among Southern College Students // Journal of Marriage and Family. 2023. Vol. 85. № 4. DOI [10.1111/jomf.12910](https://doi.org/10.1111/jomf.12910).

16. Navarro-Cruz, G. E. Accommodating Life's Demands: Childcare Choices for Student Parents in Higher Education / G.E. Navarro-Cruz, B.A. Dávila, A. Amaya, I. Orozco-Barajas // Early Childhood Research Quarterly. 2023. № 62. Pp. 217–228. DOI [10.1016/j.ecresq.2022.08.009](https://doi.org/10.1016/j.ecresq.2022.08.009).

17. Osei Boakye, O. Juggling Between Work, Studies and Motherhood: The Role of Social Support Systems for the Attainment of Work-Life Balance / O. Osei Boakye, R. Dei Mensah, M. Bartrop Sackey, P. Muah // SA Journal of Human Resource Management. 2021. № 19(0). Article № a1546. DOI [10.4102/sajhrm.v19i0.1546](https://doi.org/10.4102/sajhrm.v19i0.1546).

18. Uecker, J. E. Early Marriage in the United States / J. E. Uecker, C. E. Stokes // Journal of Marriage and Family. 2008. Vol. 70, № 4. Pp. 835–846. DOI [10.1111/j.1741-3737.2008.00530.x](https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2008.00530.x).

19. Архангельский, В. Н. Репродуктивные намерения современной российской молодежи и оценка возможностей их реализации / В. Н. Архангельский, Е. Н. Васильева, А. Е. Васильева // Logos et Praxis. 2021. Т. 20, № 3. С. 93–111. DOI [10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10](https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10). EDN [CVYOCN](#).

20. Gebel, M. Delayed Transitions in Times of Increasing Uncertainty: School-to-Work Transition and the Delay of First Marriage in Jordan / M. Gebel, S. Heyne // Research in Social Stratification and Mobility. 2016. Vol. 46, Part A. Pp. 61–72. DOI [10.1016/j.rssm.2016.01.005](https://doi.org/10.1016/j.rssm.2016.01.005).

21. McMunn, A. De-Standardization and Gender Convergence in Work-Family Life Courses in Great Britain: A Multi-Channel Sequence Analysis / A. McMunn, R. Lacey, D. Worts, et al. // Advances in Life Course Research. 2015. Vol. 26. Pp. 60–75. DOI [10.1016/j.alcr.2015.06.002](https://doi.org/10.1016/j.alcr.2015.06.002).

22. Sinelnikov, A. B. Family Structure as a Result of Marital, Reproductive, and Self-Preservation Behavior of the Population in Russia // Population and Economics. 2024. Vol. 8, №3. Pp. 241–260. DOI [10.3897/popecon8.e107735](https://doi.org/10.3897/popecon8.e107735). EDN [DMKBUJ](#).

23. Ростовская, Т. К. Оценка значимости мер демографической политики в области рождаемости: мнения мужчин и женщин России (по результатам социологического исследования) / Т. К. Ростовская, О. А. Золотарева // Женщина в российском обществе. 2021. № 3. С. 47–52. DOI [10.21064/WinRS.2021.3.4](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.3.4). EDN [LUVVMV](#).

24. Ajzen, I. The Theory of Planned Behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. Vol. 50, № 2. Pp. 179–211. DOI [10.1016/0749-5978\(91\)90020-T](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-T).

Сведения об авторах

Рожкова Лилия Валерьевна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, экономической теории и международных процессов, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Контактная информация: e-mail: mamaeva_lv@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-7058-4871](https://orcid.org/0000-0001-7058-4871), РИНЦ SPIN-код: [2970-3117](https://elibrary.ru/2970-3117); Web of Science Researcher ID: [M-2830-2016](https://orcid.org/M-2830-2016); Scopus Author ID: [56940529500](https://orcid.org/56940529500).

Васильева Екатерина Николаевна, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vasilevaen@yandex.ru; ORCID: [0000-0002-0460-5539](https://orcid.org/0000-0002-0460-5539); РИНЦ SPIN-код: [8682-4325](https://elibrary.ru/8682-4325); Web of Science Researcher ID: [K-6216-2013](https://orcid.org/K-6216-2013); Scopus Author ID: [55611633800](https://orcid.org/55611633800).

Дубина Альбина Шагидулловна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии, экономической теории и международных процессов, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Контактная информация: e-mail: misurin@bk.ru; ORCID: [0000-0001-8797-0453](https://orcid.org/0000-0001-8797-0453); РИНЦ SPIN-код: [3420-2588](https://elibrary.ru/3420-2588).

Статья поступила в редакцию 21.04.2026; принята в печать 29.06.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

MARITAL AND REPRODUCTIVE ATTITUDES OF YOUNG PEOPLE AS A BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF STUDENT FAMILIES (THE CASE OF PENZA STATE UNIVERSITY)

Liliya V. Rozhkova

Penza State University, Penza, Russia

E-mail: mamaeva_lv@mail.ru

Ekaterina N. Vasileva

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: vasilevaen@yandex.ru

Albina Sh. Dubina

Penza State University, Penza, Russia

E-mail: misurin@bk.ru

For citation: Rozhkova, L. V., Vasileva, E. N., Dubina, A. Sh. Marital and Reproductive Attitudes of Young People as a Basis for the Development of the Institute of Student Families (The Case of Penza State University). *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 3. Pp. 109–125. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.7](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.7). (In Russ.)

Abstract. The relevance of the study is determined by the active formation in Russia of an institution for supporting student families. The research problem lies in the need to monitor in the regions of Russia the dynamics of marital and reproductive attitudes of student youth that affect family formation, including during the period of study. The aim of this work is a sociological study of student youth's attitudes toward family, the implementation of marital and reproductive behaviour. The objectives of the study are to test the dependence of marital and reproductive attitudes on age and socio-demographic characteristics of students; to assess students' awareness of family support measures at the federal and regional levels. The research methodology is based on classical theoretical approaches of Russian demography, sociology of family, and the theory of family well-being. The empirical basis includes a questionnaire survey of full-time students at Penza State University (April–May 2026, quota sample, $n=1400$). The results of the study were processed using descriptive statistics, and correlation analysis (Cramer's V coefficient) was performed. It was revealed that student youth's attitudes toward family, the implementation of marital and reproductive behaviour are mainly determined by traditional family values; students are oriented towards official marriage and a two-child family model. The main reasons for postponing

family creation are identified – the need to complete education, find a job, and lack of material resources. Correlation analysis made it possible to establish a relationship between age and students' reproductive attitudes, which will allow further verification of hypotheses about the influence of age and support programmes on the marital and reproductive plans of student youth. Students' awareness of state and regional family support is low. The results obtained can serve as a basis for adjusting support programmes for student youth and increasing awareness of measures to support student families.

Keywords: student youth, student family, marital attitudes, reproductive attitudes, desired number of children, universities, higher education, support measures, infrastructure, Penza Region

References

1. Archangelsky, V. N., Zemlyanova, E. V. Marriage Role in Shaping Birth Rate in Moscow. *City Healthcare*. 2025. Vol. 6, No. 4-2. Pp. 188–199. DOI [10.47619/2713-2617.zm.2025.v.6i4-2;188-199](https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2025.v.6i4-2;188-199). (In Russ.).
2. Kalachikova, O. N., Arkhangelskiy, V. N. Assessing the Impact of Regional Maternal (Family) Capital on the Birth Rate. *Social Area*. 2025. Vol. 11, No. 2. DOI [10.15838/sa.2025.2.46.6](https://doi.org/10.15838/sa.2025.2.46.6). (In Russ.).
3. Bezverbnny, V. A., Rostovskaya, T. K., Sitkovskiy, A. M., Roslavytsev, S. V. The Interrelationship of Demographic and Socio-Economic Indicators of Regional Development in Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025. Vol. 21, No. 4. Pp. 602–617. DOI [10.52180/1999-9836_2025_21_4_8_602_617](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_8_602_617). (In Russ.).
4. Lukashchuk, V. I., Rostovskaya, T. K., Garas, L. N. Analysis of Dynamics and Factors of Fertility in the Republic of Crimea. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 1. Pp. 59–75. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.4](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.4). (In Russ.).
5. Rybakovsky, L. L. Russia's Demographic Future: Forecasts and Reality. *Population*. 2023. Vol. 26, No. 3, Pp. 4–15. DOI [10.19181/population.2023.26.3.1](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.1). (In Russ.).
6. Rybakovsky, O. L. Fertility of the Russian Population in the First Quarter of the 21st Century: Trends, Components, Prospects. *Population*. 2026. Vol. 29, No. 1. Pp. 4–15. DOI [10.24412/1561-7785-2025-4-15](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-4-15). (In Russ.).
7. Antonov, A. I., Sinelnikov, A. B., Novoselova, E. N. Sociological Research in the Field of Family and Demography: Responding to the Challenges of Our Time. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2024. Vol. 30, No. 4. Pp. 189–207. DOI [10.24290/1029-3736-2024-30-4-188-206](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-4-188-206). (In Russ.).
8. Sinelnikov, A. B. Transformation of Marriage and Fertility in Russia. *Population*. 2019. No. 2. Pp. 26–39. DOI [10.24411/1561-7785-2019-00013](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00013). (In Russ.).
9. Sinelnikov, A. B., Zolotareva, O. A., Karpova, V. M. The Impact of Postponing Marriage on the Birth Rate in Russia (Based on Census Data). *Vestnik NSUEM*. 2025. No. 4. Pp. 91–110. DOI [10.34020/2073-6495-2025-4-091-110](https://doi.org/10.34020/2073-6495-2025-4-091-110). (In Russ.).
10. Rostovskaya, T. K., Vasilieva, E. N., Nikolskiy, V. S. The Conditions of Functioning of the Student Family in Modern Russia: The Main Problems and Resources of Well-Being. *Higher Education in Russia*, 2024. Vol. 33, No. 7. Pp. 15–31. DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-7-15-31](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-15-31). (In Russ.).
11. Rostovskaya, T. K., Vasilyeva, E. N., Kalachikova, O. N., et al. *Studencheskaya sem'ya v Rossii: bar'yery i vozmozhnosti blagopoluchiya* [Student Family in Russia: Barriers and Opportunities for Well-Being]. Ivanovo: Ivanovo State University, 2024. 448 p. ISBN 978-5-7807-1456-9. (In Russ.).
12. Rozhkova, L. V., Gladilina, V. A. Social Success in Personal Success Models of Modern Student Youth. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2025. No. 1. Pp. 5–14. DOI [10.21685/2072-3016-2025-1-1](https://doi.org/10.21685/2072-3016-2025-1-1). (In Russ.).
13. Kim, H. W., Kim, S. Y. Gender Differences in Willingness for Childbirth, Fertility Knowledge, and Value of Motherhood or Fatherhood and Their Associations among College Students in South Korea, 2021. *Archives of Public Health*. 2023. Vol. 81, No. 1. Article No. 110. DOI [10.1186/s13690-023-01127-x](https://doi.org/10.1186/s13690-023-01127-x).
14. Lai, Q., Thornton, A. The Making of Family Values: Developmental Idealism in Gansu, China. *Social Science Research*. 2015. Vol. 51. Pp. 174–188. DOI [10.1016/j.ssresearch.2014.09.012](https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2014.09.012).
15. Allison, R. «Why Wait?»: Early Marriage among Southern College Students. *Journal of Marriage and Family*. 2023. Vol. 85, No. 4. DOI [10.1111/jomf.12910](https://doi.org/10.1111/jomf.12910).

16. Navarro-Cruz, G. E., Dávila, B. A., Amaya, A., Orozco-Barajas, I. Accommodating Life's Demands: Childcare Choices for Student Parents in Higher Education. *Early Childhood Research Quarterly*. 2023. Vol. 62. Pp. 217–228. DOI [10.1016/j.ecresq.2022.08.009](https://doi.org/10.1016/j.ecresq.2022.08.009).
17. Osei Boakye, O., Dei Mensah, R., Bartrop Sackey, M., Muah, P. Juggling Between Work, Studies and Motherhood: The Role of Social Support Systems for the Attainment of Work-Life Balance. *SA Journal of Human Resource Management*. 2021. No 19(0), Article No. a1546. DOI [10.4102/sajhrm.v19i0.1546](https://doi.org/10.4102/sajhrm.v19i0.1546).
18. Uecker, J. E., Stokes, C. E. Early Marriage in the United States. *Journal of Marriage and Family*, 2008. Vol. 70, No. 4. Pp. 835–846. DOI [10.1111/j.1741-3737.2008.00530.x](https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2008.00530.x).
19. Archangelsky, V. N., Vasilieva, E. N., Vasilieva, A. E. Reproductive Intentions of Modern Russian Youth and Assessment of the Possibilities of Their Realization. *Logos et Praxis*. 2021. Vol. 20, No. 3. Pp. 93–111. DOI [10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10](https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10). (In Russ.).
20. Gebel, M., Heyne, S. Delayed Transitions in Times of Increasing Uncertainty: School-to-Work Transition and the Delay of First Marriage in Jordan. *Research in Social Stratification and Mobility*. 2016. Vol. 46, Part A. Pp. 61–72. DOI [10.1016/j.rssm.2016.01.005](https://doi.org/10.1016/j.rssm.2016.01.005).
21. McMunn, A., Lacey, R., Worts, et al. De-Standardization and Gender Convergence in Work-Family Life Courses in Great Britain: A Multi-Channel Sequence Analysis. *Advances in Life Course Research*, 2015. Vol. 26. Pp. 60–75. DOI [10.1016/j.alcr.2015.06.002](https://doi.org/10.1016/j.alcr.2015.06.002).
22. Sinelnikov, A. B. Family Structure as a Result of Marital, Reproductive, and Self-Preservation Behavior of the Population in Russia. *Population and Economics*, 2024. Vol. 8, No. 3. Pp. 241–260. DOI [10.3897/popecon8.e107735](https://doi.org/10.3897/popecon8.e107735).
23. Rostovskaya, T. K., Zolotareva, O. A. Assessment of the Demographic Policy Measures Importance in the Field of Fertility: Opinions of Men and Women in Russia (Based on a Sociological Research). *Woman in Russian Society*, 2021. No 3. Pp. 47–52. DOI [10.21064/WinRS.2021.3.4](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.3.4). (In Russ.).
24. Ajzen, I. The Theory of Planned Behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991. Vol. 50, No. 2. Pp. 179–211. DOI [10.1016/0749-5978\(91\)90020-T](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-T).

Bio notes

Liliya V. Rozhkova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Economic Theory and International Processes, Penza State University, Penza, Russia.

Contact information: e-mail: mamaeva_lv@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-7058-4871](https://orcid.org/0000-0001-7058-4871), RSCI SPIN-code: [2970-3117](https://www.scopus.com/authid/detail/authid=56940529500); Web of Science Researcher ID: [M-2830-2016](https://orcid.org/0000-0001-7058-4871); Scopus Author ID: [56940529500](https://orcid.org/0000-0001-7058-4871).

Ekaterina N. Vasileva, Doctor of Sociological Sciences, Docent, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vasilevaen@yandex.ru; ORCID: [0000-0002-0460-5539](https://orcid.org/0000-0002-0460-5539); RSCI SPIN-code: [8682-4325](https://www.scopus.com/authid/detail/authid=55611633800); Web of Science Researcher ID: [K-6216-2013](https://orcid.org/0000-0002-0460-5539); Scopus Author ID: [55611633800](https://orcid.org/0000-0002-0460-5539).

Albina Sh. Dubina, Candidate of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor, Department of Sociology, Economic Theory and International Processes, Penza State University, Penza, Russia.

Contact information: e-mail: misurin@bk.ru; ORCID: [0000-0001-8797-0453](https://orcid.org/0000-0001-8797-0453); RSCI SPIN-code: [3420-2588](https://www.scopus.com/authid/detail/authid=3420-2588).

Received on 21.04.2026; accepted for publication 29.06.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

DOI [10.19181/demis.2026.6.3.8](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.8)

EDN [MPRHMQ](https://edn.mprhq.ru)

Научная статья

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА РУССКИХ В РОССИИ

Рязанцев С. В.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: riazan@mail.ru

Письменная Е. Е.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: nikitar@list.ru

Вазиров З. К.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: zafar.vazirov@mail.ru

Гарибова Ф. М.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: farzona.garibova@mail.ru

Для цитирования: Рязанцев, С. В. Демографическая динамика русских в России / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, З. К. Вазиров, Ф. М. Гарибова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 3. С. 126–142. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.8](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.8). EDN [MPRHMQ](https://edn.mprhq.ru).

Аннотация. В статье на основании данных переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2020 гг. анализируется демографическая динамика русских в России не только по численности, но и по основным компонентам: естественному движению, миграции, изменению этнической идентичности и расселению. Показано, что за 1989–2020 гг. численность русских сократилась с 119,9 млн примерно до 105,6 млн человек. Кардинально переломным стал период 1990-х гг., когда сформировался «русский крест» – превышение смертности над рождаемостью. На основе статистических данных Росстата рассмотрена динамика суммарного коэффициента рождаемости, ожидаемой продолжительности жизни, возрастной структуры, брачности и разводимости, смертности в молодых трудоспособных возрастах. Установлено, что внутренняя миграция русских с Дальнего Востока и Севера в Москву, Московскую область, Санкт-Петербург и Краснодарский край перераспределяет население, но не компенсирует общую убыль. В то же время большинство регионов Дальнего Востока, Сибири, Севера и национальных республик демонстрирует сокращение численности русских вследствие естественной убыли населения и миграционного оттока, что свидетельствует о значительных этнодемографических сдвигах. Ключевыми факторами, обуславливающими эти процессы, являются внутренняя миграция, низкие показатели рождаемости среди русского населения и этнодемографические трансформации, способствующие увеличению доли титульных народов в этнической структуре регионов. Данные процессы приводят к концентрации человеческого капитала в крупных агломерациях, усугубляют межрегиональные диспропорции и создают вызовы для устойчивого экономического развития регионов-доноров. Дана оценка Концепции демографической политики 2007 г., Госпрограммы переселения соотечественников 2006 г. и новой Стратегии демографической политики для Дальнего Востока до 2036 г.

Ключевые слова: рождаемость, смертность, суммарный коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни, возрастная структура, брачность, разводимость, демографическая политика, Госпрограмма переселения соотечественников, Стратегия демографической политики Дальнего Востока

Введение

Анализ динамики этнодемографического состава населения Российской Федерации в региональном аспекте требует комплексного подхода и мониторинга для учета особенностей развития страны с целью разработки эффективных действий в области демографической политики. Основой для анализа этнодемографической структуры населения в России служат данные переписей населения и текущего учета естественного и миграционного движения (так называемые административные данные). Фиксация этнического состава населения в РФ продолжает осуществляться на основе самоидентификации россиян и собирается исключительно в ходе переписей населения. В этой связи три Всероссийские переписи населения – 2002, 2010 и 2020 гг. – дают уникальную возможность проследить изменения численности, особенностей расселения и демографической структуры различных народов страны. Хотя переписи населения в СССР и России проводились регулярно, возникали некоторые временные смещения по годам, которые были обусловлены различными обстоятельствами. В частности, перепись населения 2000 г. была смещена на 2002 г. из-за финансовых аспектов, а перепись 2020 г. – на 2021 г. из-за пандемии COVID-19. В настоящей статье ставилась цель на основе доступных источников выявить особенности изменения численности этнических русских в контексте изменения этнической структуры населения всей страны и ее отдельных регионов. Русские являются крупнейшим по численности народом России в целом и во многих регионах страны также составляют крупнейшую этническую группу населения. С большей долей вероятности можно предполагать, что и масштабы сокращения численности (депопуляции) среди русских наиболее значимы по причине снижения рождаемости и увеличения смертности.

Обзор научной литературы

В отечественной науке сформировались несколько подходов к анализу этнодемографической динамики: социально-конструктивистский (В. А. Тишков [1]), демографический (С. В. Рязанцев [2], Е. Е. Письменная [3], С. Я. Суций [4]), пространственно-географический (А. Г. Дружинин [5], Н. К. Теренина [6]). Данное исследование стремится соединить эти подходы: динамика численности русских оценивается в контексте демографических трендов, пространственного перераспределения населения и этнополитического контекста.

Для настоящей статьи концептуальную основу представляют собой идеи и работы академика В. А. Тишкова, рассматривающие этническую идентичность и переписи населения с позиции социального конструктивизма. Автор анализирует опыт проведения современных переписей населения в различных странах мира, а также подходы и итоги переписей в России. Например, в статье «О переписывании народов, или деконструкция переписей населения» (2023 г.) В. А. Тишков показывает, что результаты переписи отражают не столько «объективную» этническую структуру, сколько ответы респондентов на вопрос о национальной принадлежности в конкретных социально-исторических условиях. В статье указывается на то,

что в три раза выросла численность россиян, не обозначивших свою этническую принадлежность (16,6 млн человек в 2020 г. против 5,7 млн в 2010 г.) [1].

Глава С. В. Рязанцева «Расселение и миграция русских в России» в коллективной монографии «Русский вопрос» (2007 г.) представляет собой эмпирическое исследование особенностей расселения русского населения в постсоветской России. Автор доказал, что трансформацию системы расселения русских в российских регионах детерминировали три параллельных процесса: внутренняя миграция (переток населения из депрессивных регионов в крупные агломерации и на юг страны), естественная убыль (особенно проявлявшаяся в регионах с преобладанием русского населения по причине неблагоприятной (более пожилой) возрастной структуры) и трансформация этнической самоидентификации населения в национальных республиках [7]. Работа ученого служит важной теоретической базой: большую научную ценность представляет системный подход автора к анализу взаимосвязи миграционных, демографических и этнополитических факторов, формирующих динамику этнического состава населения России.

В статье С. В. Рязанцева и З. К. Вазирова «Трансформация этнического состава населения в этнонациональных регионах России» (2025 г.) исследуется динамика этнического состава в этнонациональных субъектах Российской Федерации (республиках, автономных округах, автономных областях). Авторы используют для анализа данные переписей населения, несмотря на их ограниченность, при этом дополняя их экспертными оценками. Работа демонстрирует устойчивый тренд: численность и доля в населении славянских народов (русских, украинцев, белорусов) сокращается в России в целом и в большинстве этнонациональных регионов страны, в то же время растет численность и доля народов Северного Кавказа (чеченцы, аварцы, даргинцы и др.), для которых по-прежнему характерен естественный прирост. Это усиливает тенденцию диверсификации этнического состава населения этнонациональных регионов РФ [8].

Весомый вклад в изучение демографической динамики русского населения вносят работы С. Я. Суцего. В его трудах, посвященных Северному Кавказу и Югу России, отмечается, что сокращение численности русских в этих регионах обусловлено не только естественной убылью и миграционным оттоком, но и изменением этнической самоидентификации, а также демографической асимметрией возрастной структуры. С. Я. Суций акцентирует внимание на том, что русское население в ряде национальных республик стареет быстрее, чем титульные этносы, что усиливает депопуляционные тенденции. Эти выводы важно учитывать при анализе общероссийской динамики, поскольку региональные различия в демографическом поведении русских могут быть значительными [4; 9].

В научной статье Д. П. Зорина и В. А. Медведь «Динамика и компоненты изменения численности населения этнонациональных регионов России» проведен анализ динамики естественного движения населения и миграционного прироста в 26 этнонациональных регионах за период с 2010 по 2023 г. Авторы выявили тенденцию миграционной убыли населения в большинстве российских этнонациональных регионов и зафиксировали здесь стабильное снижение темпов воспроизводства населения. Особое внимание уделили сравнению показателей за пятилетний период –

до пандемии (2019 г.) и после (2023 г.). Установили, что рост населения в рассматриваемых субъектах обусловлен в большей мере естественным приростом, чем миграционным. В абсолютных значениях наибольший рост отмечен в республиках Дагестан и Татарстан, а самое большое снижение – в республиках Коми и Карелия. Данная работа дополняет региональный анализ, представленный в статье, позволяя глубже понять вклад естественного и миграционного компонентов в динамику численности русского населения в этнонациональных субъектах РФ [10].

Исследование Н. К. Терениной и Р. Н. Кротока «Опыт классификации регионов России по динамике этнической мозаичности в постсоветский период» являет собой классификацию регионов России по динамике этнической неоднородности населения между переписями 1989 и 2021 гг. Авторы показали, что в постсоветский период подавляющее большинство регионов страны испытывало положительную динамику доли русского или титульного (в национально-территориальных образованиях) населения. В этот период обозначилась тенденция к гомогенизации этнической структуры населения субъектов Российской Федерации. Несколько расширилось «русское мега ядро», включающее области и края с долей русского населения свыше 90%, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке. Среди национально-территориальных образований в обозначенный временной период моноэтничными стали Чечня и Ингушетия. В большинстве других национально-территориальных образований также росла доля титульных народов, и во многих из них удельный вес титульных этносов в настоящее время превосходит половину населения и продолжает увеличиваться. Статья Н. К. Терениной и Р. Н. Кротока позволяет по-новому взглянуть на процесс трансформации этнической структуры регионов – не только через сокращение численности русских, но и через изменение степени этнической мозаичности и формирование моноэтничных анклавов [6].

Также следует выделить работы А. Г. Дружинина по пространственным аспектам демографического развития России. В них автор рассматривает демографические процессы в контексте территориальной дифференциации, урбанизации и сжатия освоенного пространства. Его подход позволяет объяснить, почему внутренняя миграция русских в крупные агломерации не компенсирует общую убыль, а лишь усиливает межрегиональную поляризацию [5].

Источники информации и методы исследования

Цель исследования – определить динамику численности русских в России, выявить ее демографические компоненты и оценить, а кроме того, определить влияние мер демографической политики с 2007 г. на демографические процессы русского населения. Для этого были решены следующие задачи: 1) проанализированы данные переписей населения в России; 2) выявлены тенденции динамики численности, рождаемости, смертности, СКР, ожидаемой продолжительности жизни, возрастной структуры, брачности и разводимости русского населения; 3) детально изучены особенности миграции; 4) проведена оценка государственных документов в сфере демографической политики в контексте демографических процессов среди русского населения (Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г. (2007 г.), Госпрограмма содействия переселению соотечественников

в Россию (2006 г.), Стратегия демографической политики для Дальнего Востока до 2036 г.).

Методической основой исследования стали как стандартные демографические методы (сравнительный анализ, расчет общих и специальных коэффициентов, анализ таблиц дожития), так и аналитические приемы (компонентный анализ динамики численности, декомпозиция по возрастным группам, сценарное прогнозирование до 2036 г.). Использование переписи 1989 г. в качестве базовой точки позволяет зафиксировать перелом 1990-х гг. и оценить масштаб «русского креста».

Исследовательская работа базируется на данных переписей 1989, 2002, 2010 и 2020 гг., текущем учете естественного и миграционного движения, демографических ежегодниках Росстата, а также нормативных актах: ФЗ-8 «О Всероссийской переписи населения», Концепции демографической политики 2007 г., Госпрограмме переселения соотечественников 2006 г., Стратегии демографической политики для Дальнего Востока до 2036 г. Используются следующие показатели: численность и доля русских, СКР, общие коэффициенты рождаемости и смертности, ожидаемая продолжительность жизни, возрастная структура, коэффициенты брачности и разводимости, смертность в возрастах 20–35 лет, миграционный прирост.

Отметим некоторые ключевые моменты научной новизны исследования. Во-первых, в отличие от большинства предыдущих публикаций, ограничивающихся анализом численности русских по данным переписей 2002–2020 гг., в анализ была включена перепись 1989 г. и рассматривался весь период 1989–2020 гг., что позволило выявить перелом 1990-х гг. и оценить долгосрочную динамику русских в России. Во-вторых, были выделены компоненты динамики численности русских: естественная убыль, миграционный отток и изменение этнической идентичности. В-третьих, была проанализирована не только численность, но и ключевые демографические показатели (СКР, ожидаемая продолжительность жизни, возрастная структура, брачность, разводимость, смертность в возрастах 20–35 лет) среди русского населения, что позволило объяснить, почему демографическая политика с 2007 г. не вывела русское население в режим простого воспроизводства. В-четвертых, была дана оценка эффективности Госпрограммы переселения соотечественников (2006) и новой Стратегии демографической политики для Дальнего Востока до 2036 г., показаны их ограничения. Таким образом, работа, безусловно, вносит конкретный научный вклад в понимание механизмов депопуляции русских и предлагает практические ориентиры для совершенствования демографической политики.

Результаты

Региональные особенности динамики численности и доли этнических русских по данным переписей населения

За два десятилетия этнодемографический состав населения Российской Федерации претерпел существенные сдвиги по трем причинам: естественное движение населения, миграционные процессы, изменение этнической идентичности в социо-политическом контексте. Наиболее заметный результат, фиксируемый по итогам трех переписей, – устойчивое сокращение абсолютной численности русских в России. Если в 2002 г. русских насчитывалось 115,9 млн человек (80,6% от числа указавших национальность), к 2010 г. их численность составила 111 млн человек

(80,9% от указавших национальность), а по результатам переписи 2020 г. – 105,6 млн человек (80,9% от указавших национальность). Итак, за 19 лет численность этнических русских в стране сократилось на 10 млн человек [11]. Общая численность населения России за тот же период выросла со 145,2 млн в 2002 г. до 147,2 млн в 2020 г. Это обусловлено тем, что убыль русского населения компенсируется приростом других этнических групп, в первую очередь народов Северного Кавказа, а также геополитическими изменениями (присоединение Крыма в 2014 г., где по переписи 2020 г. проживало около 1,9 млн человек, включая 1,2 млн русских)¹.

Если в 1989 г. в РСФСР насчитывалось около 119,9 млн русских, то в 2002 г. – 115,9 млн, в 2010 г. – 111,0 млн, в 2020 г. – 105,6 млн. Следовательно, за 31 год убыль составила около 14,3 млн человек. При этом общая численность населения России за 1989–2020 гг. менялась слабо, а в 2010–2020 гг. даже выросла за счет миграции и вхождения Крыма в состав Российской Федерации. Стало быть, сокращение русских – не только следствие общего депопуляционного тренда, но и результат опережающей естественной убыли, эмиграции и сдвигов идентичности. Переломный момент наступил в 1990-е гг., когда сформировался «русский крест»: рождаемость опустилась ниже уровня простого воспроизводства, а смертность, особенно среди мужчин в трудоспособных возрастах, выросла. СКР снизился с примерно 2,0 в 1989 г. до 1,16 в 1999 г., к 2015–2016 гг. приблизился к 1,7–1,8, после чего вновь понизился. У русских, имеющих более старую возрастную структуру, естественная убыль была выражена сильнее, чем в среднем по стране [12].

Возрастная структура русских отличается повышенной долей старших возрастов по сравнению с народами Северного Кавказа и некоторыми титульными этносами национальных республик. Это означает большее число смертей и меньшее количество рождений при прочих равных условиях. В 1990-е гг. ожидаемая продолжительность жизни мужчин падала до 58–59 лет; сверхсмертность в возрастах 20–35 лет была связана с внешними причинами, алкоголем, травмами и болезнями системы кровообращения. Брачность снижалась, разводимость оставалась высокой, росла доля внебрачных рождений. Такие процессы ослабили демографический потенциал русского населения и заложили инерцию дальнейшей убыли. Без анализа таких показателей нельзя объяснить, почему даже период повышенной рождаемости 2007–2015 гг. не вывел русское население на простое воспроизводство.

Внутренняя миграция русских с Дальнего Востока, Севера и Сибири в Москву, Московскую область, Санкт-Петербург, Краснодарский край и Ростовскую область не сокращает общую численность русских саму по себе, но радикально меняет систему расселения и усиливает межрегиональную поляризацию. Общая убыль русских определяется естественной убылью, эмиграцией и сменой этнической идентичности [13]. Госпрограмма переселения соотечественников, принятая в 2006 г., должна была компенсировать убыль на востоке страны, однако значительная часть переселенцев осела в европейской части РФ. Это требует отдельной оценки эффективности программы по регионам вселения. Для корректных выводов необходимо

¹ Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 30.03.2026).

привести данные МВД России и Росстата о числе участников программы и членов их семей и о распределении переселенцев по субъектам РФ.

Сопоставление с выводами С. Я. Сущего дает основание говорить о том, что на Северном Кавказе и Юге России депопуляция русских идет быстрее, чем в среднем по стране, из-за сочетания естественной убыли, миграционного оттока и смены идентичности [4; 9]. Это согласуется с нашей оценкой потерь русских в национальных республиках. В то же время, по данным А. Г. Дружинина, пространственное сжатие русского населения в Сибири и на Дальнем Востоке связано с общей тенденцией концентрации человеческого капитала в европейской части России [5; 14]. Наши расчеты подтверждают: топ-10 регионов концентрируют 42,7% русских, а Дальний Восток и Сибирь – всего лишь 17,4%. Это не просто статистика, а индикатор рисков для устойчивого развития восточных территорий.

По итогам Всероссийской переписи населения 2020 г. можно провести детальный анализ пространственного распределения (расселения) русского населения. Точная общая численность русских, указавших национальную принадлежность, составила 105,579,179 человек. В то же время 16,6 млн человек вовсе не указали свою национальность (рис. 1).

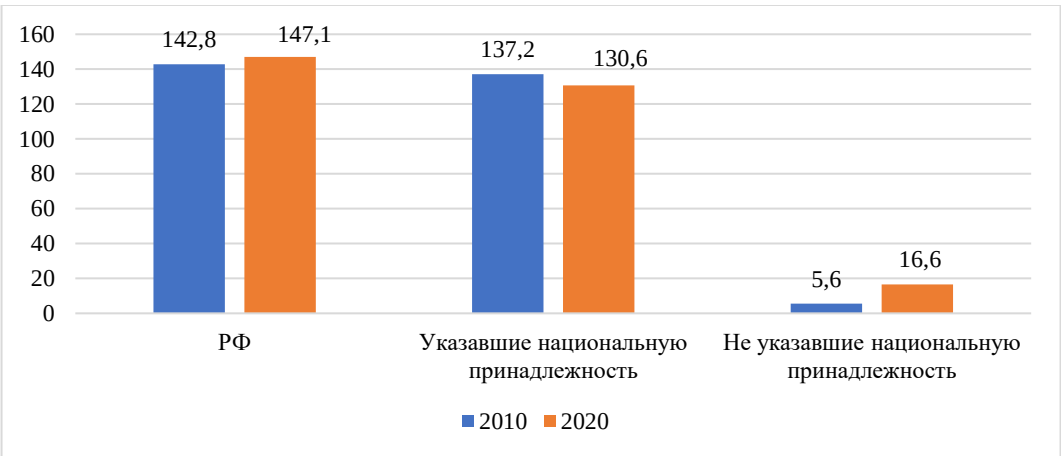

Рис 1. Численность населения Российской Федерации по итогам переписей 2010 и 2020 гг. (млн человек)

Fig. 1. Population of the Russian Federation according to the 2010 and 2020 Censuses (million people)

Источник: составлено авторами по данным Росстата²

² Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Всероссийская перепись населения 2010 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol4pdf-m.html (дата обращения: 30.03.2026); Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 30.03.2026).

Опираясь на имеющиеся факты, отметим: численность русских в межпереписной период 2010–2020 гг. сократилась на 5% (с 111,02 до 105,47 млн человек). Это абсолютное и относительное снижение, однако оно выглядит вполне умеренным по сравнению с другими славянскими группами. Так, украинцы потеряли 54,15% (с 1,93 до 0,88 млн), что связано как с эмиграцией, так и с ассимиляционными процессами, а также с изменением этнической самоидентификации в условиях внешнеполитического контекста. Белорусы не вошли в Топ-10, но по данным Росстата, их численность за аналогичный период тоже сократилась примерно на 30–35%.

Таблица 1

**Динамика численности десяти крупнейших этносов Российской Федерации
в 2010–2020 гг.**

Table 1

**Dynamics of the population of the ten largest ethnic groups in the Russian Federation
in 2010–2020**

Этнические группы	Численность населения (млн человек)		Изменение в 2010–2020 гг. (%)	Доля в численности населения страны в 2020 г. (%)
	2010 г.	2020 г.		
Русские	111,02	105,47	-5	71,73
Татары	5,31	4,71	-11,24	3,2
Чеченцы	1,43	1,67	17,01	1,14
Башкиры	1,58	1,57	-0,8	1,07
Чуваши	1,43	1,06	-25,68	0,73
Аварцы	0,91	1,01	10,96	0,69
Армяне	1,18	0,946	-19,98	0,64
Украинцы	1,93	0,88	-54,15	0,6
Даргинцы	0,589	0,627	6,31	0,43
Казахи	0,68	0,592	-8,61	0,4

Источник: составлено авторами по данным Росстата³

Таким образом, сокращение русских на 5% выглядит менее драматичным, однако в абсолютных цифрах это около 5,5 млн человек – огромная убыль, сопоставимая с населением крупного региона. Ключевые факторы здесь – естественная убыль (высокая смертность и низкая рождаемость) и миграционный отток, особенно в 1990–2000-е гг. В 2010–2020 гг. миграционный прирост в РФ из стран СНГ частично компенсировал убыль, но он не был этнически однородным и часто не восполнял именно русское население.

Расселение русских по территории России характеризуется устойчивыми трендами, детерминированными демографическими, социально-экономическими и этнополитическими факторами. Более четверти русского населения (26,4%) проживает в Центральном федеральном округе, при этом большая часть из них (49,1%)

³ Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Всероссийская перепись населения 2010 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol4pdf-m.html (дата обращения: 30.03.2026); Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Natsionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 30.03.2026).

сосредоточена в Москве и Московской области, что свидетельствует о высокой концентрации русского этноса в урбанизированных центрах. Южный и Приволжский федеральные округа также являются важными ареалами расселения русских, суммарно аккумулируя почти 30% от общей численности этноса (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение численности русского населения по федеральным округам
Российской Федерации в 2020 г.**

Table 2

**Distribution of the Russian population by federal districts of the Russian Federation
in 2020**

Федеральный округ	Численность русских (человек)	Доля от общего числа русских в РФ (%)
Центральный	27 874 000	26,4
Северо-Западный	9 245 000	8,8
Южный	13 958 000	13,2
Северо-Кавказский	3 064 000	2,9
Приволжский	17 113 000	16,2
Уральский	11 345 000	10,7
Сибирский	12 245 000	11,6
Дальневосточный	6 135 000	5,8
Итого по РФ	105 579 179	100

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁴

Минимальная доля русского населения зафиксирована в Северо-Кавказском округе – менее 3%. Это обусловлено высоким естественным приростом титульных народов региона, меньшей численностью, миграционным оттоком и депопуляцией русского населения. Дальний Восток и Сибирь, несмотря на свои обширные территории, аккумулируют лишь 17,4% русского населения страны. Это отражает процесс демографического «сжатие» восточных районов России, которое происходит в основном за счет русского населения. Продолжается процесс концентрации населения в западной (европейской) части страны, где сосредоточены основные экономические и демографические ресурсы. Географическое распределение русского населения характеризуется значительной асимметрией. Наибольшая абсолютная численность русского населения сосредоточена в Москве, Московской области, Краснодарском крае, Санкт-Петербурге, Свердловской и Ростовской областях, Красноярском крае, Самарской, Нижегородской и Челябинской областях (табл. 3).

Расчеты показывают, что в первых пяти регионах (Москва, Московская область, Краснодарский край, Санкт-Петербург, Ростовская обл.) проживают 27,4% всех русских страны (28,95 млн человек). Если добавить следующие пять регионов (Свердловская, Самарская, Челябинская, Нижегородская области и Красноярский край), то Топ-10 регионов охватывают уже 42,7% (45,1 млн человек) русского населения. Это свидетельствует о высокой степени территориальной концентрации, что имеет важные экономические последствия. Сосредоточение человеческого капи-

⁴ Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 30.03.2026).

тала в ограниченном числе субъектов усиливает межрегиональное неравенство. Регионы-доноры (Сибирь, Дальний Восток, Север) испытывают дефицит трудовых ресурсов и старение населения.

Таблица 3

Регионы России с максимальной абсолютной численностью этнических русских

Table 3

Regions of Russia with the highest absolute number of ethnic Russians

№	Субъект РФ	Численность русских (человек)	Доля в общей численности русских в РФ (%)
1	г. Москва	9 074 375	8,59
2	Московская область	6 873 903	6,51
3	Краснодарский край	5 121 482	4,85
4	г. Санкт-Петербург	4 275 058	4,05
5	Ростовская область	3 606 327	3,42
6	Свердловская область	3 602 400	3,41
7	Самарская область	2 659 734	2,52
8	Челябинская область	2 526 414	2,39
9	Нижегородская область	2 448 926	2,32
10	Красноярский край	2 382 723	2,26

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁵

Наиболее значительная убыль русского населения фиксируется в регионах Дальневосточного, Северо-Западного, Центрального и Приволжского федеральных округов, что связано с ростом смертности, снижением рождаемости и интенсивным миграционным оттоком в крупные экономические центры. Особенно заметны данные демографические тренды в этнонациональных республиках. Можно выделить четыре основных фактора этнодемографических процессов, детерминирующих снижение численности и доли русского населения во многих регионах РФ:

– внутрироссийская миграция – миграция населения из регионов с низким уровнем жизни в крупные агломерации и на юг страны (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область). Именно миграция оказывает наиболее существенное влияние на региональное перераспределение русского населения;

– естественная убыль – во многих регионах России смертность превышает рождаемость, что особенно сильно сказывается на русском населении по причине более пожилой возрастной структуры;

– сдвиги в этнодемографических процессах в этнонациональных республиках (Северный Кавказ, Поволжье), которые характеризуются естественным приростом «титულных» народов на фоне депопуляции и оттока русских;

– изменение этнической идентичности некоторой части населения в этнонациональных республиках, которое выражается в усилении идентификации с «титулными» народами или вовсе в отказе от идентификации (что показывают результаты переписей).

⁵ Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Natsionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 30.03.2026).

Таблица 4

Регионы России с наименьшей численностью этнических русских

Table 4

Regions of Russia with the smallest number of ethnic Russians

№	Субъект РФ	Численность русских (человек)	Доля в общей численности русских в РФ (%)
1	Республика Ингушетия	3 294	0,003
2	Чеченская Республика	18 225	0,017
3	Чукотский автономный округ	25 503	0,024
4	Ненецкий автономный округ	26 021	0,025
5	Республика Тыва	31 927	0,030
6	Республика Калмыкия	65 490	0,062
7	Республика Дагестан	102 243	0,097

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁶

Для ряда ключевых регионов России можно проследить изменения за межпереписные периоды 2002–2010 гг., 2010–2020 и 2002–2020 гг. Динамика неравномерна: в одних субъектах рост сменяется спадом, в других – убыль ускоряется или замедляется. Представленная ниже табл. 5 позволяет оценить не только итоговый результат, но и траекторию изменений на каждом этапе.

В последние десятилетия в Российской Федерации наблюдается сложная и многогранная динамика миграционных процессов, оказывающая значительное влияние на демографическую структуру регионов. Стабильный миграционный прирост русских зафиксирован в Московской области, Краснодарском крае и Санкт-Петербурге. Ростовская область, напротив, демонстрирует устойчивое сокращение населения: по данным переписей, число жителей области снизилось с 4404 тыс. в 2002 г. до 4278 тыс. в 2010 г. и до 4201 тыс. в 2021 г. За 2010–2024 гг. население области сократилось на 3,08% – с 4,285 млн до 4,153 млн человек. Ввиду этого Ростовская область не является регионом устойчивого роста; миграционный приток русских в отдельные годы не компенсирует естественную убыль и общее сокращение населения (табл. 5).

Анализ динамики по трем периодам свидетельствует о том, что Москва в 2002–2010 гг. демонстрировала активный прирост русских (+12,14%), однако в 2010–2020 гг. этот тренд сменился сокращением (–8,62%), что, вероятно, связано с естественной убылью и замещением миграционного притока представителями других национальностей. Московская область, наоборот, наращивала темпы: скромный рост в 2002–2010 гг. (+2,99%) сменился ускоренным приростом в 2010–2020 гг. (+10,82%), что делает ее одним из главных реципиентов русского населения. Кроме того, усилил притяжение Краснодарский край: после незначительного роста в первом периоде (+1,95%) во втором периоде прирост составил +13,23%, что подтверждает южный вектор внутренней миграции. Санкт-Петербург в первом периоде потерял 1,04%, но затем восстановился с приростом +9,38%. Ростовская область в 2002–2010 гг. теряла население (–2,18%), однако в 2010–2020 гг. перешла к росту (+4,61%).

⁶ Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Natsionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 30.03.2026).

Свердловская область демонстрирует устойчивую убыль в обоих периодах (–3,39% и –2,24%), что отражает отток населения с Урала. В Татарстане и Башкортостане наблюдается резкое падение в 2002–2010 гг. (–9,05% и –12,44% соответственно), которое в 2010–2020 гг. сменилось небольшим ростом (+1,53% и +5,45%), возможно, за счет миграционного притока из других регионов и частичной компенсации убыли. Приморский и Хабаровский края теряют русское население в обоих периодах, причем в Хабаровском крае убыль ускорилась во втором периоде (–6,41% против –6,90% в первом), что говорит о продолжающемся «сжатии» Дальнего Востока.

Таблица 5

Темпы изменения численность этнических русских в ключевых регионах России

Table 5

Rates of change in the number of ethnic Russians in key regions of Russia

Регион	2002 г. (тыс. чел.)	2010 г. (тыс. чел.)	2020 г. (тыс. чел.)	Изменение 2002–2010 (%)	Изменение 2010–2020 (%)	Изменение 2002–2020 (%)
Москва	8 854,9	9 930,4	9 074,4	+12,14%	–8,62%	+2,48%
Московская обл.	6 022,8	6 202,7	6 873,9	+2,99%	+10,82%	+14,13%
Краснодарский край	4 436,3	4 523,0	5 121,5	+1,95%	+13,23%	+15,44%
Санкт-Петербург	3 949,6	3 908,6	4 275,1	–1,04%	+9,38%	+8,24%
Ростовская обл.	3 524,2	3 447,5	3 606,3	–2,18%	+4,61%	+2,33%
Свердловская обл.	3 814,1	3 684,8	3 602,4	–3,39%	–2,24%	–5,55%
Респ. Татарстан	1 705,5	1 551,1	1 574,8	–9,05%	+1,53%	–7,66%
Респ. Башкортостан	1 634,6	1 431,2	1 509,2	–12,44%	+5,45%	–7,67%
Приморский край	1 551,8	1 398,0	1 391,7	–9,91%	–0,45%	–10,32%
Хабаровский край	1 201,8	1 118,9	1 047,2	–6,90%	–6,41%	–12,86%

Источники: составлено авторами по данным Росстата⁷

Концепция демографической политики 2007 г. и программа материнского капитала дали краткосрочный рост рождаемости, но не обеспечили даже простого воспроизводства населения. После 2016 г. СКР вновь снизился, а естественная убыль возобновилась. Новая Стратегия демографической политики для Дальнего Востока до 2036 г. фактически признает ограниченность имеющихся механизмов: вместо роста численности ставится задача сохранить ее на уровне 2023 г. Это означает, что без системной семейной, миграционной и региональной политики убыль русских продолжится, а демографическое «сжатие» востока страны усилится.

Инерционный сценарий предполагает сохранение СКР на уровне 1,4–1,5 и миграционного прироста, который не компенсирует естественную убыль. В этом случае численность русских может сократиться примерно до 95–98 млн к 2036 г. Стабилизационный сценарий требует повышения СКР до 1,8–1,9, снижения смертно-

⁷ Том 4 – «Национальный состав и владение языками, гражданство». Всероссийская перепись населения 2002 года // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://perepis2002.rosstat.gov.ru/index.html?id=43.html> (дата обращения: 30.03.2026) ; Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Всероссийская перепись населения 2010 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol4pdf-m.html (дата обращения: 30.03.2026); Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Natsionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 30.03.2026).

сти в трудоспособных возрастах и закрепления мигрантов в регионах Дальнего Востока и Сибири. Оптимистический сценарий маловероятен без пересмотра механизмов демографической политики и увеличения ее ресурсного обеспечения.

Заключение

Проведенное исследование доказывает, что демографическая динамика русских в России определяется не только изменением численности, но и устойчивым действием естественной убыли, миграционного перераспределения и сдвигов идентичности. Поэтому констатация сокращения русских на 10 млн человек за 2002–2020 гг. должна быть дополнена объяснением компонентов такого сокращения и оценкой демографической политики.

Анализ данных переписи 2020 г. в региональном разрезе подтверждает ранее выявленные тренды. Демографическая динамика русского населения демонстрирует тенденцию к устойчивому сокращению, что за период с 2002 по 2020 гг. привело к убыли более чем на 10 миллионов человек. Региональные различия характеризуются значительной неоднородностью. Национальные республики, включая Северный Кавказ и Поволжье, испытывают значительное сокращение численности русского населения как в относительном, так и в абсолютном выражении. Это приводит к усилению этнодемографического дисбаланса и изменению этнической структуры населения в этих регионах. Основной прирост русского населения в абсолютных значениях наблюдается в нескольких ключевых регионах-реципиентах, таких как Московская область, Краснодарский край, Санкт-Петербург и Ростовская область. Но и эти регионы демонстрируют лишь умеренный рост, который зачастую неспособен компенсировать демографические потери в других частях страны.

Пространственная поляризация демографических процессов достигла критической отметки, при которой более 40% русского населения сконцентрировано в десяти субъектах Российской Федерации. Такая ситуация создает серьезные риски для устойчивого развития обширных территорий Сибири и Дальнего Востока, что требует разработки и реализации комплексных мер по выравниванию демографической ситуации в этих регионах.

Динамика численности этнических русских в регионах России за 2002–2020 гг. демонстрирует устойчивую тенденцию к сокращению как в абсолютных, так и в относительных показателях. При этом региональная картина крайне дифференцирована: центральные регионы и юг страны прирастают русским населением за счет миграции, тогда как Дальний Восток, Сибирь и многие национальные республики его теряют. Миграционные процессы играют ключевую роль в трансформации системы расселения русских, и эта роль в ближайшие десятилетия будет только возрастать.

Полученные в процессе научно-исследовательской работы результаты созвучны аргументации С. Я. Сущего о региональной специфике депопуляции русских и соотносятся с концепцией А. Г. Дружинина о пространственной поляризации. Но в отличие от них, мы показываем, что общероссийская динамика русских определяется не только региональными различиями, но и общими демографиче-

скими и политическими факторами. Это позволяет нам утверждать, что без изменения демографической политики и повышения ее эффективности убыль русских продолжится, а демографическое сжатие востока страны усилится.

Практическая значимость исследования определяется обоснованием вывода о том, что без повышения рождаемости, снижения смертности и эффективной пространственной политики убыль русского населения не прекратится. Особую тревогу вызывает демографическое «сжатие» Дальнего Востока и Сибири, где внутренняя миграция и естественная убыль взаимно усиливают друг друга. Новая Стратегия до 2036 г. должна быть дополнена мерами, ориентированными не только на сохранение численности, но и на расширенное воспроизводство и закрепление населения в стратегически важных регионах.

Список литературы

1. Тишков, В. А. О переписывании народов, или деконструкция переписей населения // Этнографическое обозрение. 2023. № 4. С. 183–211. DOI [10.31857/S0869541523040085](https://doi.org/10.31857/S0869541523040085). EDN [HJKIZH](https://www.edn.ru/HJKIZH).
2. Рязанцев, С. В. Наши за границей: русские, россияне, русскоговорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию / С. В. Рязанцев, А. А. Гребенюк. Москва : Институт социально-политических исследований РАН, 2014. 238 с. ISBN 978-5-7556-0515-1. EDN [TSGBUF](https://www.edn.ru/TSGBUF).
3. Рязанцев, С. В. Подходы к оценке демографической ситуации в этнонациональных регионах Российской Федерации / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, М. Н. Храмова // Труд и социальные отношения. 2025. Т. 36, № 5(190). С. 106–127. DOI [10.20410/2073-7815-2025-36-5-106-127](https://doi.org/10.20410/2073-7815-2025-36-5-106-127). EDN [LCRJXV](https://www.edn.ru/LCRJXV).
4. Суций, С. Я. Русские в республиках Северного Кавказа – рубежи геодемографического отступления (первая половина XXI века) // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 3. С. 115–140. EDN [ZWLDBR](https://www.edn.ru/ZWLDBR).
5. Дружинин, А. Г. Этноты в пространстве современной России (муниципальное измерение) / А. Г. Дружинин, О. В. Кузнецова, В. В. Потапенко, Д. А. Вольхин. Москва : Товарищество научных изданий КМК, 2025. 120 с. ISBN 978-5-908015-25-7. EDN [PWZKNL](https://www.edn.ru/PWZKNL).
6. Теренина, Н. К. Опыт классификации регионов России по динамике этнической мозаичности в постсоветский период / Н. К. Теренина, Р. Н. Кроток // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2025. Т. 89, № 2. С. 155–164. DOI [10.31857/S2587556625020029](https://doi.org/10.31857/S2587556625020029). EDN [ZFNXIS](https://www.edn.ru/ZFNXIS).
7. Рязанцев С. В. Расселение и миграция русских в России // Русский вопрос / Российская акад. наук, Ин-т социально-политических исслед. ; под ред. Г. В. Осипова, В. В. Локосова, И. Б. Орловой. Москва : Экономика, 2007. 283 с. ISBN 978-5-282-02719-8.
8. Вазиров, З. К. Трансформация этнического состава населения в этнонациональных регионах России / З. К. Вазиров, С. В. Рязанцев // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 120–137. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.8](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.8). EDN [DTSOZY](https://www.edn.ru/DTSOZY).
9. Суций, С. Я. Южный федеральный округ: актуальные тренды этнодемографической динамики // Региональная экономика. Юг России. 2025. Т. 13, № 4. С. 169–181. DOI [10.15688/re.volsu.2025.4.15](https://doi.org/10.15688/re.volsu.2025.4.15). EDN [LBZTEO](https://www.edn.ru/LBZTEO).
10. Зорин, Д. П. Динамика и компоненты изменения численности населения этнонациональных регионов России / Д. П. Зорин, В. А. Медведь // Народонаселение. 2025. Т. 28, № 4. С. 42–53. DOI [10.24412/1561-7785-2025-4-42-53](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-4-42-53). EDN [NOYIBK](https://www.edn.ru/NOYIBK).
11. Фаузер, В. В. Национальные Республики России: от Севера до Юга / В. В. Фаузер, И. Л. Жеребцов // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2025. № 4(80). С. 74–83. DOI [10.19110/1994-5655-2025-4-74-83](https://doi.org/10.19110/1994-5655-2025-4-74-83). EDN [IPOMEF](https://www.edn.ru/IPOMEF).
12. Захаров, С. В. История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10, № 1. С. 4–43. DOI [10.17323/demreview.v10i1.17259](https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259). EDN [STMVEB](https://www.edn.ru/STMVEB).

13. Рыбаковский, О. Л. Баланс населения регионов России в 1992–2023 гг. и переписные поправки // Народонаселение. 2024. Т. 27, № 2. С. 71–82. DOI [10.24412/1561-7785-2024-2-71-82](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-71-82). EDN [HGRXPV](https://www.edn.ru/HGRXPV).

14. Дружинин, А. Г. Пространственная стратификация экономического развития и локализация этносов на юге России (муниципальное измерение) / А. Г. Дружинин, Д. А. Вольхин, О. В. Кузнецова // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2025. Т. 89, № 3. С. 368–382. DOI [10.7868/S2658697525030033](https://doi.org/10.7868/S2658697525030033). EDN [JNHPHC](https://www.edn.ru/JNHPHC).

Сведения об авторах

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); РИНЦ SPIN-код: [5112-6604](https://www.rincc.ru/5112-6604); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nikitar@list.ru; ORCID ID: [0000-0002-0401-2071](https://orcid.org/0000-0002-0401-2071); РИНЦ SPIN-код: [2200-7340](https://www.rincc.ru/2200-7340); Web of Science Researcher ID: [C-1344-2018](https://orcid.org/C-1344-2018); Scopus Author ID: [8731444800](https://orcid.org/8731444800).

Вазиров Зафар Кабутович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: zafar.vazirov@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9318-6873](https://orcid.org/0000-0002-9318-6873); РИНЦ SPIN-код: [4348-5413](https://www.rincc.ru/4348-5413); Web of Science Researcher ID: [S-7156-2018](https://orcid.org/S-7156-2018); Scopus Author ID: [57194508693](https://orcid.org/57194508693).

Гарибова Фарзона Майбалиевна, младший научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: farzona.garibova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6041-8204](https://orcid.org/0000-0001-6041-8204); РИНЦ SPIN-код: [2301-2260](https://www.rincc.ru/2301-2260); Scopus Author ID: [57209849301](https://orcid.org/57209849301).

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках Программы комплексных научных исследований, связанных с всесторонним междисциплинарным этнографическим изучением государствообразующего русского народа «Русский народ: традиции, ценности, образ будущего» (НИР ФНИСЦ РАН «Современные этнодемографические процессы, расселение и миграции»).

Статья поступила в редакцию 30.03.2026; принята в печать 01.06.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC DYNAMICS OF RUSSIANS IN RUSSIA

Sergey V. Ryazantsev

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

Elena E. Pismennaya

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: nikitar@list.ru

Zafar K. Vazirov

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: zafar.vazirov@mail.ru

Farzona M. Garibova*Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia**E-mail: farzona.garibova@mail.ru*

For citation: Ryazantsev, S. V., Pismennaya, E. E., Vazirov, Z. K., Garibova, F. M. Demographic Dynamics of Russians in Russia. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 3. Pp. 126–142. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.8](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.8). (In Russ.)

Abstract. Based on data from the 1989, 2002, 2010 and 2020 population censuses, the article analyses the demographic dynamics of Russians in Russia not only in terms of population size but also in terms of its main components: natural movement, migration, changes in ethnic identity, and settlement patterns. It is shown that between 1989 and 2020 the number of Russians declined from approximately 119.9 million to 105.6 million. The key turning point was the 1990-s, when the “Russian cross” emerged – an excess of deaths over births. Drawing on Rosstat data, the article examines the dynamics of the total fertility rate, life expectancy, age structure, marriage and divorce rates, and mortality in young working ages. It is shown that internal migration of Russians from the Far East and the North to Moscow, Moscow Oblast, Saint Petersburg and Krasnodar Krai redistributes the population but does not compensate for the overall decline. At the same time, most regions of the Far East, Siberia, the North and the national republics show a decline in the Russian population due to natural population decrease and migration outflow, which indicates significant ethnodemographic shifts. The key factors driving these processes are internal migration, low fertility rates among the Russian population, and ethnodemographic transformations that contribute to an increase in the share of titular peoples in the ethnic structure of the regions. The analysis shows that these processes lead to the concentration of human capital in large agglomerations, exacerbate interregional disparities, and create challenges for the sustainable economic development of donor regions. An assessment is given of the 2007 Concept of Demographic Policy, the 2006 State Programme for the Resettlement of Compatriots, and the new Strategy for Demographic Policy for the Far East until 2036.

Keywords: fertility, mortality, total fertility rate, life expectancy, age structure, marriage rate, divorce rate, demographic policy, State Programme for the Resettlement of Compatriots, Strategy for Demographic Policy of the Far East

References

1. Tishkov, V. A. Counting the Peoples or Deconstructing Population Censuses. *Etnograficheskoe Obozrenie*. 2023. № 4. Pp. 183–211. DOI [10.31857/S0869541523040085](https://doi.org/10.31857/S0869541523040085). (In Russ.).
2. Ryazantsev, S. V., Grebenyuk, A. A. *Nashi za granitsey: russkiye, rossiyanе, russkogovoryashchiye, sootchestvenniki: rasseleniye, integratsiya i vozvratnaya migratsiya v Rossiю* [Our People Abroad: Russians, Russians, Russian-Speaking People, Compatriots: Settlement, Integration, and Return Migration to Russia]. Moscow: Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Sciences, 2014. 238 p. ISBN 978-5-7556-0515-1. (In Russ.).
3. Ryazantsev, S. V., Pismennaya, E. E., Khranova, M. N. Approaches to Assessing the Demographic Situation in the Ethnonational Regions of the Russian Federation. *Labour and Social Relations*. 2025. Vol. 36, No. 5(190). Pp. 106–127. DOI [10.20410/2073-7815-2025-36-5-106-127](https://doi.org/10.20410/2073-7815-2025-36-5-106-127). (In Russ.).
4. Sushchiy, S. Ya. Russians in the Republics of the North Caucasus: Frontiers of Geo-Demographic Retreat (The First Half of the 21st Century). *Demographic Review*. 2017. Vol. 4, No. 3. Pp. 115–140. (In Russ.).
5. Druzhinin, A. G., Kuznetsova, O. V., Potapenko, V. V., Volkhin, D. A. *Etnosy v prostranstve sovremennoy Rossii (munitsipal'noye izmereniye)* [Ethnic Groups in the Space of Modern Russia (Municipal Dimension)]. Moscow: KMK Scientific Publications Partnership, 2025. 120 p. ISBN 978-5-908015-25-7. (In Russ.).
6. Terenina, N. K., Krotok, R. N. Experience of Classification of Russian Regions by the Dynamics of Ethnic Mosaics in the Post-Soviet Period. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. 2025. Vol. 89, No. 2. Pp. 155–164. DOI [10.31857/S2587556625020029](https://doi.org/10.31857/S2587556625020029). (In Russ.).
7. Ryazantsev, S. V. Rasseleniye i migratsiya russkikh v Rossii [Settlement and Migration of Russians in Russia]. In: *Russkiy vopros [Russian Question]*. Ed. by G. V. Osipov, V. V. Lokosov, I. B. Orlova. Russian Academy of Sciences, Institute of Social and Political Research. Moscow: Economica Publishing House, 2007. 283 p. ISBN 978-5-282-02719-8. (In Russ.).
8. Vazirov, Z. K., Ryazantsev, S. V. Transformation of the Population's Ethnic Composition in the Ethno-National Regions of Russia. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 2. Pp. 120–137. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.8](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.8). (In Russ.).

9. Suschiy, S. Southern Federal District: Current Trends in Ethnic and Demographic Dynamics. *Regional Economy. South of Russia*. 2025. Vol. 13, No. 4. Pp. 169–181. DOI [10.15688/re.volsu.2025.4.15](https://doi.org/10.15688/re.volsu.2025.4.15). (In Russ.).

10. Zorin, D. P., Medved, V. A. Dynamics And Components of Changes in the Population of Ethno-National Regions of Russia. *Population*. 2025. Vol. 28, No. 4. Pp. 42–53. DOI [10.24412/1561-7785-2025-4-42-53](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-4-42-53). (In Russ.).

11. Fauzer, V., Zherebcov, I. National Republics of Russia: From North to South. *Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch Russian Academy of Sciences*. 2025. No. 4(80). Pp. 74–83. DOI [10.19110/1994-5655-2025-4-74-83](https://doi.org/10.19110/1994-5655-2025-4-74-83). (In Russ.).

12. Zakharov, S. The History of Births in Russia: From Generation to Generation. *Demographic Review*. 2023. Vol. 10, No. 1. Pp. 4–43. DOI [10.17323/demreview.v10i1.17259](https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259). (In Russ.).

13. Rybakovsky, O. L. Population Balance of the Regions of Russia in 1992–2023 and Census Corrections. *Population*. 2024. Vol. 27, No. 2. Pp. 71–82. DOI [10.24412/1561-7785-2024-2-71-82](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-71-82). (In Russ.).

14. Druzhinin, A. G., Volkhin, D. A., Kuznetsova, O. V. Spatial Stratification of Economic Development and Localization of Ethnic Groups in the South of Russia (Municipal Dimension). *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. 2025. Vol. 89, No. 3. Pp. 368–382. DOI [10.7868/S2658697525030033](https://doi.org/10.7868/S2658697525030033). (In Russ.).

Bio notes

Sergey V. Ryazantsev, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); RSCI SPIN-code: [5112-6604](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=5112-6604); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nikitar@list.ru; ORCID ID: [0000-0002-0401-2071](https://orcid.org/0000-0002-0401-2071); RSCI SPIN-code: [2200-7340](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=2200-7340); Web of Science Researcher ID: [C-1344-2018](https://orcid.org/C-1344-2018); Scopus Author ID: [8731444800](https://orcid.org/8731444800).

Zafar K. Vazirov, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: zafar.vazirov@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9318-6873](https://orcid.org/0000-0002-9318-6873); RSCI SPIN-code: [4348-5413](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=4348-5413); Web of Science Researcher ID: [S-7156-2018](https://orcid.org/S-7156-2018); Scopus Author ID: [57194508693](https://orcid.org/57194508693).

Farzona M. Garibova, Junior Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: farzona.garibova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6041-8204](https://orcid.org/0000-0001-6041-8204); RSCI SPIN-code: [2301-2260](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=2301-2260); Scopus Author ID: [57209849301](https://orcid.org/57209849301).

Acknowledgements and financing

The article was prepared within the framework of the Programme of Comprehensive Scientific Research related to a comprehensive interdisciplinary ethnographic study of the state-forming Russian people, “The Russian People: Traditions, Values, and the Image of the Future” (Research Project of FCTAS RAS “Contemporary Ethnodemographic Processes, Settlement, and Migration”).

Received on 30.03.2026; accepted for publication 01.06.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА: ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Суций С. Я.

Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: SS7707@mail.ru

Для цитирования: Суций, С. Я. Этнодемографическая динамика населения Донбасса: основные тренды постсоветского периода // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 3. С. 143–161. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.9](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.9). EDN [NOCOLJ](https://nocolj.ru).

Аннотация. Статья посвящена изучению динамики этнодемографической структуры населения Донбасса в постсоветский период. Исследование выполнено в рамках системного подхода, сочетавшего анализ научной литературы, экспертных материалов, демографической статистики и результатов социологических опросов. Сделан вывод, что крупнейшей этнодемографической группой населения региона в конце XX – первой четверти XXI в. являлись русско-украинские бизтнофоры (более 50% населения). Сдвиги в самоидентификации части представителей этой группы определяли общую демографическую динамику и удельное соотношение русских и украинцев Донбасса. В 1990-е – начале 2010-х гг. в регионе росла доля самоопределявшихся как украинцы. Но возникновение народных республик и последующее включение Донбасса в состав России привело к смене центрального вектора идентификационной динамики бизтнофоров. С середины 2010-х гг. увеличивается доля выбирающих русскую идентичность. В середине 2020-х гг. ошутимое большинство жителей региона уже самоопределялось как русское. Спрогнозирован устойчивый характер этого тренда, как и другого, связанного с ростом удельного веса двух народов в структуре населения (за 2001–2025 гг. он мог подняться с 95,7 до 97–98%). В динамике практически всех национальных меньшинств Донбасса центральной тенденцией первой четверти XXI в. являлось сокращение численности, резко ускорившееся после 2014 г. По темпам демографической убыли подавляющее большинство этнических групп в 1990-е гг. превосходило общерегиональный показатель. Согласно выполненным расчетам, размеры некоторых общин, включая ведущие (греческую, белорусскую, еврейскую), в постсоветский период могли сократиться в 5–7 раз, если не на порядок. Значительное число небольших и малых этнических групп (до 1 тыс. человек) прекратило существование на Донбассе полностью или в качестве сорганизованных сообществ. В несколько большей степени сохраняли демографический потенциал диаспоры с сильными внутри-общинными связями и развитой этнической взаимовыручкой (армянская, азербайджанская, цыганская, в определенной степени татарская). Отмечена возникшая в процессе начатого восстановления региона возможность появления на Донбассе ряда новых и пополнения некоторых существующих этнических общин.

Ключевые слова: Донбасс, постсоветский период, этнодемографическая структура населения, демографическая динамика, русско-украинские бизтнофоры, национальные меньшинства, ассимиляция, миграционный отток

Введение

Этнодемографическая структура населения – один из важных социодемографических показателей региональных социумов, определяющих многие значимые характеристики их социальной жизнедеятельности, особенности социально-экономической и социокультурной динамики. Для народных республик Донбасса, в сентябре 2022 г. вошедших в состав Российской Федерации, комплексный анализ их демографического потенциала и центральных его характеристик, включая этнонациональный состав населения, в настоящее время представляется

исследовательским направлением, имеющим не только теоретический интерес, но и большое практическое значение.

Сложность такого исследования определяется практически полным отсутствием актуальной демографической статистики. Последняя перепись населения региона, результаты которой находятся в открытом доступе, прошла в 2001 г. (она была проведена в рамках единственной постсоветской переписи населения Украины)¹. Но первая четверть XXI в. была связана с кардинальными социально-политическими и экономическими сдвигами в жизни Донбасса, последние 12 лет функционирующего в условиях вооруженного конфликта. Одно из его центральных следствий – масштабный миграционный отток из региона, только за 2014–2015 гг. сокративший наличное население региона на 1,8–2,2 млн человек [1, с. 82, 89]. Не менее масштабным был и второй пик миграции из Донбасса, пришедшийся на первый год проведения специальной военной операции (далее СВО), когда две части региона (республиканскую и украинскую) покинуло порядка 1,5–2,0 млн человек [2]. Таким образом, только миграционные потери за 2014–2025 гг. могли сократить наличное население Донбасса в 2–2,5 раза. Очевидно, что самыми существенными за этот период были и сдвиги в его этнодемографической структуре, анализ которых по необходимости должен в значительной степени представлять экспертную реконструкцию, использующую различные косвенные источники информации, включая результаты социологических опросов населения.

Обзор научной литературы

Многие аспекты этнодемографической динамики населения советского и постсоветского Донбасса привлекали внимание как российских, так и украинских демографов, этносоциологов, социальных географов. Удельное соотношение русских, украинцев и национальных меньшинств в республиканской и украинской частях Донбасса после 2014 г., возможные потери демографического потенциала региона в результате вооруженного конфликта анализировались В. М. Склярком [3]. Динамике этнической самоидентификации жителей Донбасса в 2000–2020-е гг. (прежде всего, двух его основных национальных групп – русских и украинцев) были посвящены исследования О. Б. Пеньковой, М. В. Руденко, С. Я. Суцего, К. В. Черкашина, В. И. Теркулова, Т. Ю. Тамерьян [4; 5; 6; 7]. Комплексное исследование этнополитических процессов в постсоветском Донбассе, корреляции между этнической, региональной идентичностью его населения и гражданско-политической ориентацией было проведено специалистами Национальной академии наук Украины [8]. Динамика русского населения региона в последние десятилетия XX в. (советский и постсоветский период) анализировалась В. Н. Докашенко [9], демографическая ситуация в греческой и татарской общинах ДНР в конце 2010-х гг. в общем виде была обрисована А. В. Бредихиным [10]. Однако почти все эти работы были опубликованы до начала СВО и не учитывали этнодемографических сдвигов, произошедших в первой половине 2020-х гг. Существенно и то, что исследовательский фокус специалистов почти исключительно концентрировался на русском

¹ В октябре 2019 г. в обеих народных республиках Донбасса была проведена перепись населения. Однако результаты ее так и не были обнародованы.

и украинском населении Донбасса. Динамика национальных меньшинств региона в первой четверти XXI в. практически всегда выносилась за содержательные рамки анализа.

При этом в работах, посвященных постсоветской этнодемографической динамике Донбасса, упускается крайне значимый фактор – высокий уровень полиэтничности местного населения, наличие демографически обширных групп би(поли)этнофоров, обладающих многосоставной идентичностью и способных в зависимости от результирующей значительного числа факторов менять свое национальное самоопределение.

Методология и методы исследования, источники информации

Исследование выполнено в рамках системного подхода, подразумевавшего сопряженный анализ материалов, статистических данных, социологических опросов и экспертных интервью. В качестве рабочих использовались методики, принятые в демографических и этносоциологических разработках, работах по социальной географии, предполагающие группировку собранной социодемографической статистики и ее комплексную экспертную оценку.

Статистической базой исследования являлись результаты Всесоюзной переписи 1989 г. и переписи населения Украины 2001 г. (материалы по численности региональных этнических групп, владению русским языком и языком своей национальности)², результаты множественных социологических опросов населения Донбасса середины 1990-х гг. и второй половины 2010-х – начала 2020-х гг. [6; 7; 11].

Для расчетной оценки численности русско-украинских биэтнофоров в регионе использовались результаты социологического опроса населения Украины, проведенного в 1996 г. исследовательской группой С. С. Савоскула (размер выборки – 1 465 человек). В пределах Донбасса опрос проводился в Луганске и Краснодоне (Луганская область) по квотной выборке, учитывающей этническое происхождение респондентов [11, с. 22].

Анализ динамики удельного соотношения русских и украинцев в народных республиках Донбасса в середине 2010-х – начале 2020-х гг. выполнялся с опорой на результаты ряда социологических опросов, проведенных группой специалистов Донецкого национального университета и других республиканских исследовательских структур, в т. ч. уличного экспресс-опроса жителей Донецка (июнь 2013 г., 412 респондентов); уличных экспресс-опросов жителей ДНР и ЛНР (май 2016 г., число опрошенных соответственно 1045 и 999 человек); экспресс-опросов жителей ДНР (октябрь 2021 г., январь и июнь 2022 г., число респондентов соответственно 281, 500 и 294 человека) [6; 7].

Объектом исследования в статье является население в административных границах Донецкой и Луганской областей, существовавших до 2014 г.

² Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности // Демоскоп Weekly: [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php (дата обращения: 25.04.2026); Population statistics of Eastern Europe and the former USSR: [site]. URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (accessed on 17.08.2025).

Результаты

Русские и украинцы

Регионообразующими народами обеих областей Донбасса с момента их создания в 1930-е гг. были русские и украинцы, суммарная доля которых в населении Донецкой области составляла более 90% (за 1939–2001 гг. она выросла с 90,6 до 96,1%), в Луганской – более 95% (за тот же период повысилась с 95,6 до 97%). Количественно в обеих республиках доминировало украинское население, притом что его доля в послевоенные десятилетия советского периода постепенно снижалась (с 55,6 до 50,7% в Донецкой области за 1959–1989 гг., с 57,8 до 51,9% – в Луганской), а русского росла.

Исследователи, как правило, связывают данное долевое смещение с активным притоком в регион мигрантов из РСФСР, оставляя без внимания аккультурационно-ассимиляционный фактор динамики этнодемографической структуры населения Донбасса. Между тем значение его было весомым, начиная с межвоенных десятилетий, когда регион стал одним из эпицентров этнического смешения русских и украинцев [12]. В послевоенные десятилетия процесс «биэтнизации» двух регионообразующих народов Донбасса продолжался с нарастающей интенсивностью.

В результате в середине – второй половине XX в. в регионе сформировалась обширная группа биэтнофоров, включавшая смешанное потомство многочисленных русско-украинских семей. Но этническая «симбиотичность» представителей данной группы, как правило, не ограничивалась этногенетическим фактором, распространяясь на культурно-языковую и ментальную сферы. Русско-украинские биэтнофоры в своем большинстве являлись и носителями «сдвоенной» этнокультурной идентичности. Заметим, что такой же сложной самоидентификацией в пределах Донбасса могло обладать и некоторое число «чистых» представителей русского и украинского народов. Однако основная (если не подавляющая) часть данной этносоциодемографической группы формировалась именно биэтнофорами.

Согласно социологическому опросу 1996 г., 20% русских Украины имели мать-украинку, 10% – отца-украинца. При этом 6% украинцев имели русского отца, 8% – русскую мать [11, с. 89]. На Донбассе эти показатели были значительно выше. Кроме того, порядка 55% представителей смешанного потомства русско-украинских семей на Украине в конце советского периода во время переписей самоопределялись как русские [13], повышая абсолютный и долевой показатель русского населения республики и отдельных ее регионов, включая Донбасс.

В постсоветский период данный идентификационный вектор изменился на противоположный, что стало основной причиной резкого сокращения численности русских, зафиксированного на Донбассе переписью 2001 г. За 1989–2001 гг. русское население региона сократилось на 759 тыс. человек (–21,1%) (табл. 1). Расчеты показывают, что такие демографические потери в размере 60–70% были связаны со сменой самоидентификации русско-украинских биэтнофоров [14].

Как уже отмечалось, большинство представителей данного русско-украинского биэтнического множества имело сдвоенную национальную идентичность. Поэтому необходимость во время переписей населения (как советских, так и единственной украинской) выбирать одну национальность очевидным образом серьезно искажала картину этнодемографического распределения жителей Донбасса.

Выбор одной из этнических компонент, как правило, носил конъюнктурный/ситуационный характер.

Таблица 1

Этнодемографическая структура населения Донбасса, 1989–2001 гг.

Table 1

Ethnodemographic structure of the Donbas population, 1989–2001

Территория	Численность (млн человек)				Доля (%)		
	Украинцы	Русские	Остальные	Всего	Украинцы	Русские	Остальные
1989 г.							
Город	3,54	3,36	0,36	7,26	48,8	46,3	4,9
Село	0,63	0,24	0,04	0,91	69,2	26,4	4,6
Весь Донбасс	4,17	3,60	0,40	8,17	51,0	44,0	5,0
2001 г.							
Весь Донбасс	4,22	2,84	0,31	7,37	57,3	38,5	4,2

Источник: рассчитано автором по данным переписей населения³

Между тем перед таким выбором каждый раз оказывалась значительная часть населения региона. На основании итогов социологического опроса середины 1990-х гг., более половины русских горожан Донбасса этнически в определенной степени относили себя и к украинцам; почти половина горожан-украинцев в той или иной степени считала себя и этническими русскими. Перевод данных показателей из «долевой» формы в абсолютные числа (расчетная оценка) дает для Донбасса конца XX в. порядка 3,35 млн биэтнофоров (более половины всего населения региона) (табл. 2).

Таблица 2

Этническая идентификация украинских и русских горожан Донбасса, середина 1990-х

Table 2

Ethnic identification of Ukrainian and Russian citizens Donbas, mid-1990s

Национальность	Этнокультурная самоидентификация					
	Только украинец	Больше украинец, чем русский	В равной степени украинец и русский	Больше русский, чем украинец	Только русский	Все
Численность (млн человек)						
Украинцы	1,49	0,24	1,24	0,3	0	3,27
Русские	0,03	0,16	1,0	0,41	1,53	3,13
Всего	1,52	0,40	2,24	0,71	1,53	6,4
3,35						
Доля (%)						
Украинцы	45,6	7,3	37,9	9,2	0	100
Русские	1,0	5,1	31,9	13,1	48,9	100
Всего	23,8	6,3	35,0	11,0	23,9	100
52,3						

Источник: рассчитано автором по результатам опроса населения Донбасса, выполненного исследовательской группой С. С. Савоскула [11, с. 91]

³ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php (дата обращения: 25.04.2026); Population statistics of Eastern Europe and the former USSR : [site]. URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (accessed on 17.08.2025).

Иными словами, в конце XX в. группа русско-украинских биэтнофоров фактически являлась доминирующим этнокультурным сообществом городского населения Донбасса. А поскольку уровень его урбанизации вплотную приближался к 90%, то и в целом по региону. Притом, что в сельской местности Донбасса демографическое доминирование украинцев было вполне отчетливым (631,5 тыс. человек против 233,2 тыс. у русских в 1989 г.), а уровень биэтнизации поселян являлся более низким, около половины всего населения региона в конце XX в. относилось к русско-украинскому биэтническому множеству.

Есть все основания полагать, что «нулевые» сохранили основные тенденции 1990-х гг. в демографической динамике двух ведущих народов региона – их численность продолжала сокращаться в результате естественной убыли и небольшого миграционного оттока в другие регионы страны и за пределы Украины. Число взрослых биэтнофоров, менявших русскую идентичность на украинскую, могло существенно сократиться в сравнении с первым постсоветским десятилетием, но значение ассимиляционного фактора в демографической динамике и удельном соотношении двух народов осталось самым весомым. Только центральную роль теперь играло этническое самоопределение представителей младших генераций региональных биэтнофоров, которые по мере социализации в условиях комплексной социокультурной украинизации населения, настойчиво реализуемой властями Украины, во все большей степени ориентировались на свою титульную составляющую. И притом, что основной этнокультурной группой Донбасса по-прежнему оставались русско-украинские биэтнофоры (скорее всего, их доля в структуре населения даже выросла в сравнении с концом XX в.), абсолютное и удельное демографическое превосходство населения, идентифицирующего себя как украинцы, к началу 2010-х гг. в обеих областях Донбасса должно было стать еще более ощутимым.

Но очевидно и то, что значительная часть региональных биэтнофоров в реальности продолжала сохранять сдвоенную этнокультурную идентичность. Наглядной иллюстрацией являются результаты трех опросов населения Донецка, проведенных в течение 2009 г. Если в феврале фиксировался минимальный долевого перевес русских над украинцами (соответственно 48 и 47%), то в июле весомое преимущество вторых (40 и 54%), а в декабре снова был зафиксирован паритет (46 и 46%) [7, с. 19]. Одной из причин широкой пульсации соотношения на столь короткой временной дистанции была сложная идентичность биэтнофоров, определявшая высокую ситуационность их выбора.

Еще более сложным стало соотношение двух ведущих национальных групп после появления в регионе в 2014 г. пророссийских народных республик и последовавшего социально-политического размежевания Донбасса. Динамическое соотношение между русскими и украинцами в обеих частях региона менялось в противоположном направлении. Если в республиканской части постепенно ускорялся процесс этнокультурного обрусения украинцев, то на территориях, подконтрольных Киеву, происходила титулизация оставшегося русского населения.

Данным трендам способствовало пространственное распределение русских и украинцев в пределах региона. На территориях, вошедших в состав Д(Л)НР, в начале XXI в. был сосредоточен 71,7% всего русского населения Донбасса и 56,5% украинцев, в украинской зоне соответственно 28,3 и 43,5% (рассчитано по данным

переписи 2001 г.). Экспертная оценка соотношения двух ведущих народов, выполненная нами на основе предположения, что указанные выше долевые показатели сохранились и в середине – второй половине 2010-х гг., позволяет сделать вывод о том, что в пределах республиканского Донбасса и тем самым в обеих республиках число украинцев было незначительно больше, чем русских (в долевом соотношении соответственно 52 и 44%), а на территориях, подконтрольных Киеву, демографический перевес украинцев над русскими был куда более весомым – 2,1-кратным в Донецкой области и 2,8-кратным в Луганской.

Ряд социологических опросов, проведенных группой специалистов Донецкого национального университета и других республиканских исследовательских структур в 2016–2022 гг., фиксирует в ДНР рост доли населения, самоопределявшегося как русское, с 57,3 до 70,1%. В то же время удельный вес украинцев снизился с 34,2 до 17,9% [6, с. 121]. Аналогичный этнодемографический сдвиг происходил и в ЛНР, где, согласно опросам, население, самоопределявшееся как русское, также уверенно демографически доминировало уже в 2016 г. (56,7% против 36,9% у украинцев).

Темпы такого динамического тренда в обеих республиках должны были существенно возрасти после начала СВО и включения Донбасса в состав Российской Федерации. Очевидно, что последнее событие стало серьезным сигналом для всего населения региона, с одной стороны, ускорив смещение биэтнофоров к своей русской этнокультурной компоненте, а с другой – активизируя выезд за пределы региона все еще остававшегося в нем проукраинского населения, первый пик миграционного оттока которого пришелся на 2014–2015 гг.

Вместе с тем в составе республик в последние годы оказались территории, в 2014–2022 гг. находившиеся под контролем Киева, исторически имевшие, как отмечалось выше, кратный перевес украинского населения, еще более возросший в середине – второй половине 2010-х гг. в результате консолидации «вокруг флага», оттока россияцентричных жителей и государственной пропаганды. Часть наиболее проукраинского населения во время перехода данных территорий под контроль федеральной группировки успела переместиться в другие регионы Украины. Но среди оставшегося населения (особенно сельского) украинцы продолжают демографически доминировать, и не исключено, что весьма ощутимо. Следовательно, соотношение населения, идентифицирующего себя как русские или как украинцы, должно существенно различаться на «старых» территориях народных республик и «новых», вошедших в их состав после февраля 2022 г. Однако, как показывают расчетные оценки, удельный вес населения новых территорий в общем демографическом потенциале республиканского Донбасса в середине 2020-х гг. составлял порядка 22–25%. И в масштабах всего региона население, идентифицирующее себя как русское, в настоящее время, безусловно, является крупнейшей этнодемографической группой⁴. Что, повторимся, вполне сочетается с биэтнической структурой

⁴ Расчетная оценка, исходящая из предположения, что на территориях Донбасса, вошедших в состав народных республик в 2014 г., 70–75% жителей в середине 2020-х гг. идентифицировали себя как русские и 20–25% как украинцы, а на территориях, вошедших в 2022–2024 гг., соответственно 35–40% и 55–60%, дала для всего региона следующее удельное соотношение: 62–65% жителей Донбасса в 2025 г. самоопределялись как русские, 30–34% как украинцы.

жителей Донбасса, более половины которых, согласно нашей расчетной оценке, ныне являются русско-украинскими бизтнофорами.

Достаточно очевиден и дальнейший тренд анализируемого соотношения двух регионообразующих народов Донбасса, векторность которого связана с быстрым ростом населения, относящего себя к русским. Тем более что удельный вес русских в регионе будет расти и вследствие ассимиляционной динамики национальных меньшинств, особенности которой будут рассмотрены ниже.

Демографическая динамика национальных меньшинств Донбасса

На протяжении послевоенных десятилетий этнодемографическая структура населения региона и прежде всего группа ведущих национальных общин оставалась устойчивой. Показательно, что за 1959–1989 гг. в полном составе сохранились первые десятки этнодемографического рейтинга обеих областей Донбасса. Эти десятки почти полностью совпадали как по перечню национальных сообществ, так и по их позициям.

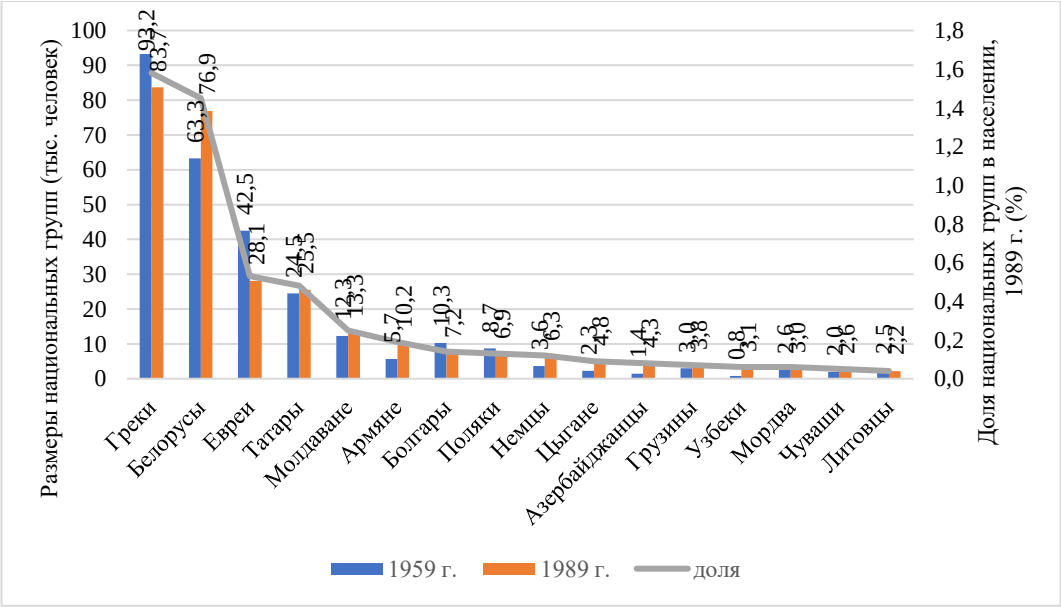

Рис. 1. Динамика крупных, средних и небольших этнических групп Донбасса, 1959–1989 гг. (тыс. человек; %)

Fig. 1. Dynamics of large, medium and small ethnic groups of Donbas, 1959–1989 (thousand people; %)

Источник: рассчитано автором по данным Всесоюзной перепись населения 1989 г.⁵

В 1970–1980-е гг. некоторые сдвиги фиксировались только во второй и третьей десятках национальностей этого рейтинга, что было связано с миграционным при- током в регион представителей ряда народов союзных республик (в первую очередь

⁵ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения об- ластей республик СССР по полу и национальности // Демоскоп Weekly: [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php (дата обращения: 25.04.2026).

Южного Кавказа и Средней Азии) и РСФСР. Но размеры этнических групп, демонстрировавших в последние десятилетия советского периода ускоренный рост, оставались невелики (от нескольких сотен до 1–1,5 тыс. человек), а их удельный вес в населении региона не превышал сотых долей процента (рис. 1).

Хотя число групп, имеющих численность более 1 тыс. человек, за 1959–1989 гг. выросло в Донецкой области с 16 до 23, почти $\frac{3}{4}$ демографического потенциала всех ее национальных меньшинств по-прежнему приходились на четыре ведущих общины: греческую, белорусскую, еврейскую и татарскую. Крупнейшими общинами Луганской области также являлись белорусская, еврейская и татарская (56–64% численности областных меньшинств). Таким образом, в этнодемографическом разрезе Донбасс представлял целостный регион, за исключением обширной греческой диаспоры, практически полностью локализованной в Донецкой области (в Мариуполе, Донецке и ряде южных районов).

1990-е гг.

Распад СССР открыл новый этап в этнодемографической динамике Донбасса. В 1990-е гг. почти все крупные и средние национальные сообщества Донецкой и Луганской областей в большей или меньшей степени сократили свои размеры (рис. 2, 3).

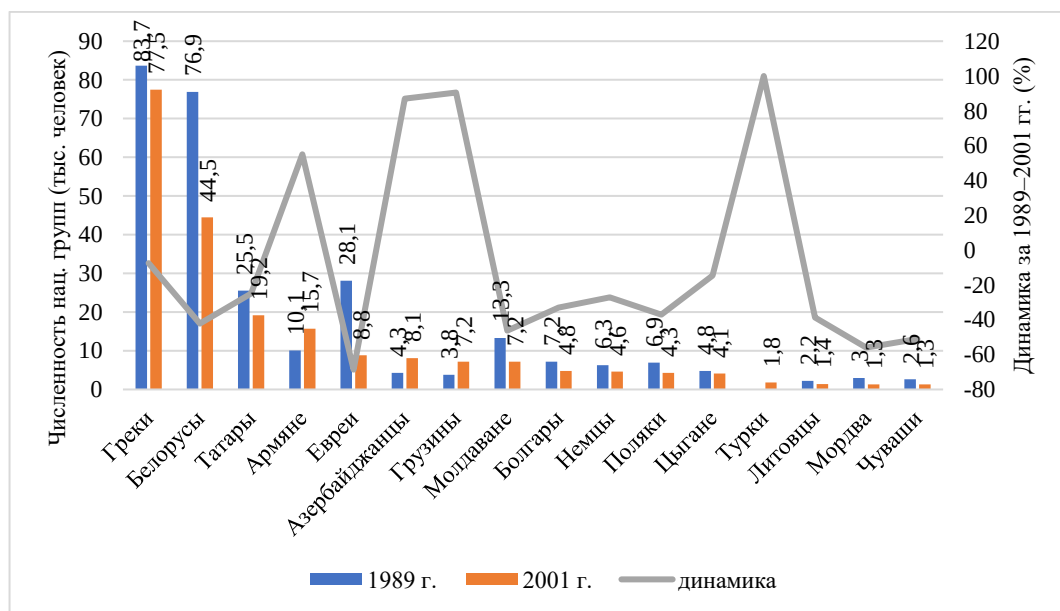

Рис. 2. Демографическая динамика крупнейших национальных меньшинств Донецкой области, 1989–2001 гг. (тыс. человек; %)

Fig. 2. Demographic dynamics of the largest national minorities in the Donetsk Region, 1989–2001 (thousand people; %)

Источник: рассчитано автором по данным переписей населения⁶

⁶ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности // Демоскоп Weekly: [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php (дата обращения: 25.04.2026); Population statistics of Eastern Europe and the former USSR: [site]. URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (accessed on 17.08.2025).

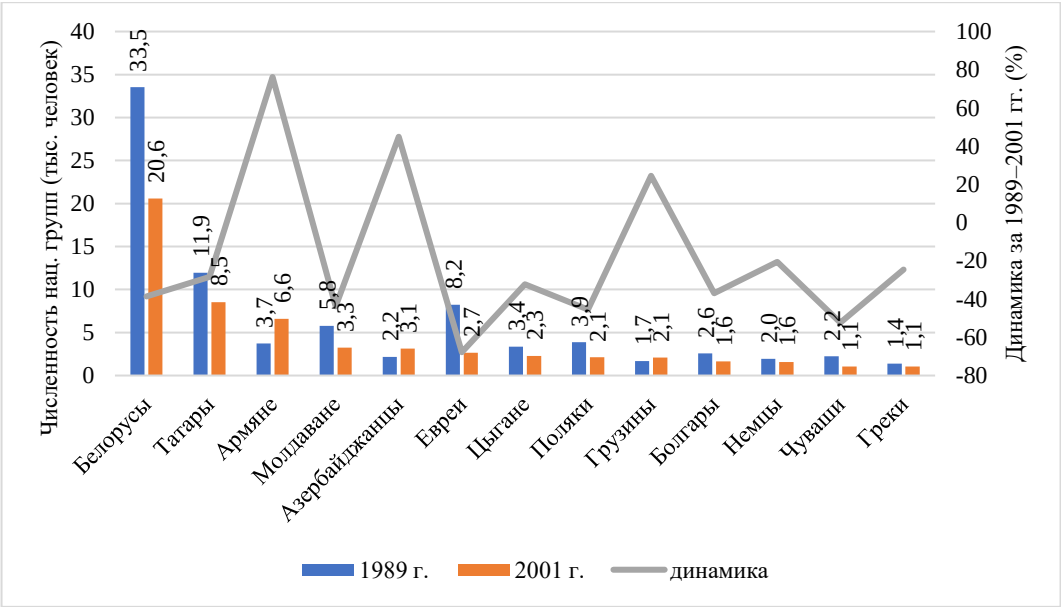

Рис. 3. Демографическая динамика крупнейших национальных меньшинств Луганской области, 1989–2001 гг. (тыс. человек; %)

Fig. 3. Demographic dynamics of the largest national minorities in the Lugansk Region, 1989–2001 (thousand people; %)

Источник: рассчитано автором по данным переписей населения⁷

Исключение составили лишь общины ряда народов Южного Кавказа. Быстрый рост, обусловленный активным миграционным притоком в обе области региона, продемонстрировали армяне, азербайджанцы, грузины, ассирийцы, а также турки-месхетинцы (в Донецкой области) и курды (в Луганской).

Демографическая динамика остальных национальных меньшинств Донбасса в 1990-е гг. определялась миграционным оттоком и активизацией ассимиляционного процесса, к которым с середины десятилетия прибавилась естественная убыль. Масштабные демографические потери демонстрировали не только небольшие и малые этнические группы, но и ведущие общины Донбасса – белорусская и еврейская, которые вместе с рядом других национальностей европейского, поволжского генезиса сформировали группу, условно говоря, «демографического коллапса» (1,6–3-кратная убыль за 1989–2001 гг.).

При этом ассимиляция, которая на Донбассе в 1960–1980-е гг. была связана преимущественно с процессом обрусения национальных меньшинств, в постсоветский период приобрела более сложную форму, дополнившись украинизацией части представителей этнических общин. Однако показатель языковой динамики последних в 1990-е гг. указывает на сохранение центральной позиции обрусения, по крайней мере, в аккультурационном процессе. Более того, его темпы

⁷ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности // Демоскоп Weekly: [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php (дата обращения: 25.04.2026); Population statistics of Eastern Europe and the former USSR : [site]. URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (accessed on 17.08.2025).

в сравнении с последними советскими десятилетиями даже возросли. В начале XXI в. родным языком основной массы представителей всех крупных и средних общин Донбасса (за исключением цыган и азербайджанцев) уже был русский. В Донецкой области он отчетливо доминировал даже у местного украинского населения (табл. 3).

Таблица 3

Родной язык представителей ряда национальностей Донбасса, 1989–2001 гг. (%)

Table 3

The native language of representatives of nationalities of Donbas, 1989–2001 (%)

Национальности	1989			2001		
	Язык своей национальности	Украинский	Русский	Язык своей национальности	Украинский	Русский
Донецкая область						
Украинцы	59,5	х	40,4	41,2	х	58,7
Русские	99,4	0,56	х	98,6	1,3	х
Греки	19,0	1,8	79,0	5,4	3,2	91,3
Белорусы	30,0	2,1	67,8	10,4	3,9	85,5
Татары	51,0	0,6	48,1	24,3	1,6	73,9
Евреи	5,7	3,2	64,3	1,5	2,4	95,9
Луганская область						
Украинцы	66,3	х	33,7	50,4	х	49,4
Русские	99,2	0,8	х	98,2	1,7	х
Белорусы	30,9	3,0	66,1	12,8	5,1	82,0
Татары	50,5	1,1	48,2	23,7	2,4	73,6
Молдаване	-	-	-	20,0	7,2	72,2

Источник: рассчитано автором по данным переписей населения⁸

Есть основания полагать, что основные этнодемографические тенденции, сложившиеся на Донбассе в 1990-е гг., сохранились и в «нулевые», включая поступательную депопуляцию большинства региональных этнических групп, связанную с естественной убылью и активизацией ассимиляции, в которой соотношение обрусения и украинизации национальных меньшинств могло постепенно смещаться в сторону второго вектора, при сохранении некоторой количественной доминанты первого.

С большой вероятностью сохранялась в регионе и группа «демографического коллапса» – вошедшие в нее в 1990-е гг. этнические группы, в т. ч. крупнейшие старожильческие общины региона (греческая, белорусская, еврейская и отчасти татарская) продолжили быстро терять население. А резкое сокращение масштабов притока на Донбасс мигрантов из государств Южного Кавказа, очевидно, остановило рост их региональных диаспор, определив переход к стадии демографической стабилизации. И хотя динамика национальных меньшинств Донбасса, скорее всего, оставалась разнонаправленной, можно предположить, что в 2000-е – начале 2010-х гг. в регионе практически не осталось общин, демонстрировавших сколько-нибудь заметный рост демографического потенциала.

⁸ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности // Демоскоп Weekly: [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php (дата обращения: 25.04.2026); Population statistics of Eastern Europe and the former USSR: [site]. URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (accessed on 17.08.2025).

2014–2021 гг.

Можно предположить, что обозначенные выше региональные этнодемографические процессы, характерные для начала XXI в., были нарушены глубоким социально-политическим кризисом Украины конца 2013 – начала 2014 гг. Исследователи сходятся во мнении, что этот кризис, связанное с ним появление народных республик и последовавший вооруженный конфликт должны были резко активизировать этнодемографическую динамику населения Донбасса и в первую очередь отток национальных меньшинств в другие регионы Украины [2; 7; 10]. Для ряда этнических групп основным направлением миграции стала Европа (на историческую родину могли выезжать представители польской, немецкой, греческой, болгарской, балтийских общин). Представители национальных сообществ, материнский ареал которых располагался в России, преимущественно перемещались в Российскую Федерацию.

Городской характер расселения большинства национальных меньшинств отразился на удельном распределении их демографического потенциала между народными республиками и территориями, подконтрольными Киеву. Поскольку наиболее урбанизированная часть Донбасса оказалась в границах Д(Л)НР, в республиках могло локализоваться порядка 60–80% представителей почти всех крупных и средних этнических групп региона. К исключениям относились турецкая и греческая общины, эпицентр которых располагался соответственно в Славянске и Мариуполе, оставшихся в украинской части Донбасса (рис. 4).

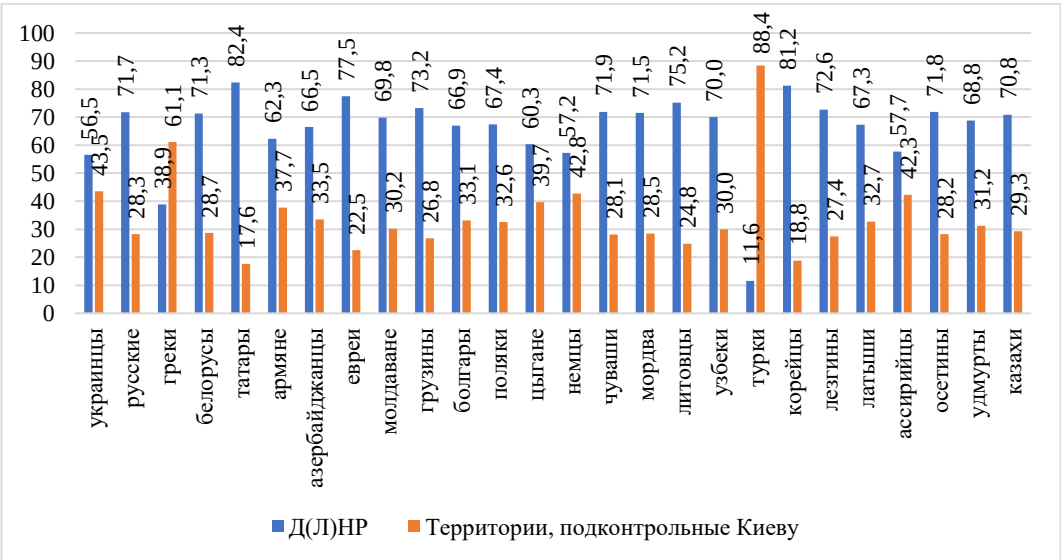

Рис. 4. Соотношение долей представителей национальных групп, расселенных в двух частях Донбасса, 2014–2022 гг. (%)

Fig. 4. The ratio of the shares of representatives of national groups settled in two parts of Donbas, 2014–2022 (%)

Источник: рассчитано автором по данным переписи населения Украины 2001 г.⁹

⁹ Population statistics of Eastern Europe and the former USSR : [site]. URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (accessed on 17.08.2025).

Разделение региона на две части не только ощутило активизировало отток национальных меньшинств, ускорив их депопуляцию, но привело к резкому ослаблению и частичному распаду внутриобщинных связей. На внутреннее размежевание работала и необходимость демонстрации обеими частями общин политической лояльности действующей власти – пророссийской в пределах республик, проукраинской на территориях Донбасса, подконтрольных Киеву. Разделенные фронтом части общин были вынуждены минимизировать, если не обрывать свое взаимодействие.

С другой стороны, глубокая социально-политическая трансформация Донбасса катализировала ассимиляцию меньшинств, которая в двух частях региона пошла в разном направлении. Если в пределах республик должно было ускориться обрусение небольших и малых этнических групп, значительная часть которых к этому времени уже была представлена бизтнофорами, то на территориях, контролируемых центральной властью, очевидно, активизировалась украинизация общин.

2022–2025 гг.

Новый этап этнодемографической динамики региона открывает начало спецоперации. К концу весны 2022 г. под контроль российской группировки перешел весь юг Донецкой области вместе с Мариуполем – крупнейшим центром южного Донбасса, а к середине лета – практически и вся территория Луганской области.

Активные боевые действия привели к максимальной активизации миграционной динамики населения. В течение первой половины 2022 г. Донбасс покинули многие сотни тысяч жителей, выезжавшие из народных республик в Российскую Федерацию, а с территорий, подконтрольных Киеву, перемещавшиеся в основном в другие регионы Украины или эмигрировавшие из страны. Таким образом, произошло второе «обвальное» сокращение численности населения Донбасса, по масштабам сопоставимое с происшедшим в 2014–2015 гг.

Активно покидали регион и представители национальных меньшинств. Масштабы оттока, а, следовательно, и демографические потери, понесенные отдельными общинами региона, могли существенно различаться. Но, учитывая, что за 2014–2025 гг. все население Донбасса сократилось в 1,8–2,2 раза (а с начала века – в 2,4–2,8 раза), убыль практически всех меньшинств региона также должна была оказаться самой значительной. Налицо все причины считать, что темпы депопуляции большинства из них превосходили среднерегиональный показатель, достигая 3–5-кратной величины. Прежде всего, это касается малых (до 500 человек) и небольших (1–2 тыс.) этнических групп, часть которых при таком демографическом сценарии за последнее десятилетие могла просто прекратить свое существование в регионе (по крайней мере, в качестве структурированных этнокультурных образований).

Крупные и средние этнические группы Донбасса, сохранив присутствие в регионе, также должны были понести самые значительные демографические потери. За 2014–2025 гг. с большой вероятностью многократно сократились размеры как ведущих (греческой, белорусской), так и крупных (татары, армяне) общин, численность которых в начале XXI в. составляла десятки тысяч человек. Столь же масштабной могла быть и убыль диаспор, насчитывавших несколько тысяч представителей (табл. 4). Многие общины, входившие в список 10–15 крупнейших

национальностей Донбасса (в т. ч. болгары, поляки, немцы, евреи, молдаване), могли сократиться на порядок¹⁰.

Таблица 4

**Группировка национальных меньшинств Донбасса по размеру в начале XXI в.
(тыс. человек; %)**

Table 4

**Grouping of national minorities of Donbas by size at the beginning of the XXI century
(thousand people; %)**

Общины	Численность (тыс. человек)	Доля в населении региона (%)	Национальные сообщества
Ведущие	65,1–78,5	0,9–1,1	Греки, белорусы
Крупные	22,3–27,7	0,30–0,38	Татары, армяне
Значительные	9,3–11,2	0,13–0,15	Азербайджанцы, евреи, молдаване, грузины
Средние	6,1–6,5	0,08–0,09	Болгары, поляки, цыгане, немцы
Небольшие	1,1–2,4	0,015–0,032	Чуваши, мордва, литовцы, узбеки, турки, корейцы, лезгины, латыши, ассирийцы, осетины, удмурты, казахи

Источник: рассчитано автором по данным переписи населения Украины 2001 г. ¹¹

Обсуждение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о существенных сдвигах, произошедших в этнодемографической структуре населения постсоветского Донбасса, и подтверждает правоту специалистов, фиксировавших корреляцию между социально-политической эволюцией региона и удельным соотношением регионообразующих народов – русских и украинцев [1; 4; 7]. Если в 1990-е (с большой вероятностью и в 2000-е – начале 2010-х гг.) доминирующей тенденцией во всем Донбассе являлся рост населения, идентифицирующего себя как украинцы, то с 2014 г. в пределах народных республик, созданных на востоке региона, возрастал удельный вес русского населения. При этом общая доля национальных меньшинств в структуре всего населения Донбасса на всем протяжении постсоветского периода не превышала нескольких процентов.

Вывод К. В. Черкашина, В. И. Теркулова, Т. Ю. Тамерьян о подвижном характере удельного соотношения русских и украинцев на Донбассе [6], как представляется, следует дополнить констатацией наличия в регионе обширной группы русско-украинских биэтнофоров, которая в конце XX – первой четверти XXI в. могла заключать более половины всего населения Донбасса. Именно сдвиги самоидентификации части представителей этой группы определяли общую демографическую динамику двух ведущих народов региона в 1990–2020-е гг.

Исследование подтвердило вывод ряда специалистов о масштабной депопуляции значительного большинства этнических групп региона в 1990–2000-е гг. [3; 8; 10]. Есть все основания утверждать, что после 2014 г. данный тренд существенно ускорился. Причем в его динамике должны были отчетливо выделяться два пика

¹⁰ Показательно, что в сопредельной Ростовской области убыль этих национальностей за 2002–2021 гг. оказалась 3–4-кратной. Очевидно, что в регионе, живущем 12 лет в условиях военного времени, демографические потери были значительно больше.

¹¹ Population statistics of Eastern Europe and the former USSR : [site]. URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (accessed on 17.08.2025).

(2014–2015 гг. и 2022 г.), в результате масштабного оттока резко сократившие численность населения региона и всех его нацменьшинств, включая крупнейшие старожильческие общины – греческую, белорусскую, еврейскую, татарскую. Первые три, вместе с рядом иных крупных и средних этнических групп, преимущественно европейского и поволжского генезиса, входили в группу «демографического коллапса», для которой была характерна многократная депопуляция, начавшаяся уже в 1990-е гг.

К середине 2020-х гг. на Донбассе должны были остаться наиболее ассимилированные группы представителей большинства меньшинств. Такие дисперсные этнодемографические множества, полностью или в значительной степени утратившие внутриобщинные связи, имевшие в своем составе высокую долю русскоязычных биэтнофоров, характеризовались деформированной половозрастной структурой (значительный процент людей пожилого и старого возраста, как правило, с большим перевесом женщин). Трансформация этнических общин в подобные множества указывала на заключительные стадии их развития в регионе.

В несколько большей степени могли сохранить демографический потенциал национальные сообщества с сильными внутриобщинными связями и развитыми формами этнической взаимовыручки, к числу которых допустимо отнести армянскую, азербайджанскую, цыганскую, в определенной степени татарскую общины. Но и они характеризовались значительным оттоком из региона в 2014–2015 гг. и в 2022 г., способным кратно уменьшить их численность.

Есть основания полагать, что крупнейшие нацменьшинства Донбасса в настоящее время по численности не превышают 10–15 тыс. человек. С большой вероятностью их группа ограничивается тремя общинами – греческой, армянской и татарской. Ряд национальностей может сохранять в регионе численность в несколько тысяч человек (в т. ч. белорусы, азербайджанцы, возможно, цыгане). При этом общее число общин размером более тысячи человек к 2025 г. на Донбассе могло сократиться до десятка (в 2001 г. таких этнических групп было 26).

Учитывая вышеизложенное, отметим: первая четверть XXI в. в целом, особенно последнее десятилетие, была связана с резким сокращением этнодемографического разнообразия Донбасса. При этом включение региона в состав Российской Федерации и начало в ряде его центров и районов масштабных восстановительных работ сопровождалось притоком трудовых мигрантов из многих российских регионов и некоторых стран ближнего зарубежья (прежде всего, из Средней Азии). Среди десятков тысяч строителей, в настоящее время работающих на Донбассе, помимо русских присутствует немалое число представителей иных национальностей. Значительная часть трудовых мигрантов находится в регионе временно. Тем не менее начинают складываться условия для формирования ряда новых или демографического пополнения уже укоренившихся этнических общин.

Очевидно, что речь идет о небольших этнокультурных образованиях, численность которых даже в масштабах всего Донбасса в ближайшие несколько лет или даже в среднесрочной перспективе едва ли будет способна превысить 2–3 тыс. человек. И с учетом дальнейшего (уже окончательного) демографического «заката» ощутимого числа общин и дисперсных этнических множеств общая доля двух

регионообразующих народов региона продолжит рост, приближаясь к своему естественному максимуму.

Выводы

Центральной этнодемографической тенденцией на Донбассе в постсоветский период являлось сокращение численности почти всех региональных национальных сообществ. Причем по темпам депопуляции основная часть нацменьшинств превосходила общерегиональный показатель убыли населения.

Размеры некоторых этнических общин Донбасса (в т. ч. ведущих – греческой, белорусской, еврейской) могли сократиться в 5–7 раз, если не на порядок. Учитывая темпы депопуляции и уровень социокультурного обрусения представителей этих общин, можно говорить об их ускоренном демографическом закате. Значительное количество небольших и малых этнических групп (до 1 тыс. человек) в первой четверти XXI в. могло прекратить свое существование, если не полностью, то в качестве организованных сообществ. В результате общая доля русских и украинцев в структуре населения региона за 2001–2025 гг. могла подняться с 95,7 до 97–98%.

При этом возникновение народных республик и последующее включение новых территорий Донбасса в состав Российской Федерации способствовали смене центрального вектора идентификационной динамики русско-украинских биэтнофоров – крупнейшей этнодемографической группы региона, насчитывающей более половины его населения. С 2014–2015 гг. фиксируется поступательный рост доли биэтнофоров, выбирающих свою русскую этнокультурную компоненту. И в середине 2020-х гг. ошутимое большинство жителей Донбасса уже самоопределялось как русское.

Список литературы

1. Суций, С. Я. Военный конфликт на востоке Украины: демографические потери и сдвиги в национальной структуре населения Донбасса // Наука Юга России. 2016. Т. 12, № 2. С. 82–90. EDN [WWWRVZ](#).
2. Безвербный, В. А. Демографическая ситуация в Донецкой и Луганской народных республиках / В. А. Безвербный, Е. А. Лукашенко, Е. А. Бекинцев // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 165–183. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.10](#). EDN [MYKJOB](#).
3. Скляр, В. Чисельність та етномовний склад населення не підпорядкованих Україні територій Донецької та Луганської областей // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України. 2016. № 5–6. С. 254–278. ISSN 2524-0137.
4. Пенькова, О. Б. Региональная идентичность населения Донбасса в контексте его этнической истории (с момента заселения и до 2014 г.) // Россия и Донбасс: перспективы сотрудничества и интеграции: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 28 июня 2022 года. Москва: Издательский дом УМЦ, 2022. С. 477–481. EDN [VACXYX](#).
5. Руденко, М. В. Донбасская идентичность до и после Русской весны // Фактор понимания. 2017. № 2. С. 68–82.
6. Черкашин, К. В. Этническая самоидентификация жителей Донбасса / К. В. Черкашин, В. И. Теркулов, Т. Ю. Тамерьян // Политическая лингвистика. 2023. № 1(97). С. 113–128. DOI [10.26170/1999-2629_2023_01_13](#). EDN [LKZMZN](#).
7. Черкашин, К. В. Динамика этнической самоидентификации жителей Донбасса // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2018. № 4(67). С. 104–109. EDN [QUUWOJ](#).

8. Донбас в етнополітичному вимірі / В. Котигоренко [та ін.]; Національна академія наук України, Інститут політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса. Київ : ІПіЕНД, 2014. 584 с. ISBN 978-966-02-7350-4.

9. Докашенко, В. Н. Русские в национальной структуре Донбасса (1959-2001 гг.) // Балтийский гуманитарный журнал. 2013. № 1(2). С. 12–15. EDN [RUHGHR](#).

10. Бредихин, А. В. Национальные и религиозные проблемы в Донецкой и Луганской народных республиках // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 2(35). С. 69–82. EDN [ZBQDJF](#).

11. Савоскул, С. С. Русские нового зарубежья : Выбор судьбы / С. С. Савоскул; Рос. акад. наук. Ин-т этнологии и антропологии им Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва : Наука, 2001. 437 с. ISBN 5-02-008730-0.

12. Борzych, Н. П. Межнациональные браки в СССР в середине 1930-х годов // Советская этнография. 1984. № 1. С. 101–112.

13. Волков, А. Г. Этнически смешанные семьи в СССР: динамика и состав // Вестник статистики. 1989. № 7. С. 12–26; № 8. С. 8–24.

14. Митрофанова, И. В. Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы / И. В. Митрофанова, С. Я. Суций // Социологические исследования. 2017. № 8(401). С. 45–58. DOI [10.7868/S0132162517080050](#). EDN [ZGOXOR](#).

Сведения об авторе

Суций Сергей Яковлевич, доктор философских наук, главный научный сотрудник, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия.

Контактная информация: e-mail: SS7707@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5131-3988](#); РИНЦ SPIN-код: [7644-9948](#); Web of Science Researcher ID: [U-7960-2019](#); Scopus Author ID: [57206899554](#).

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках Программы научных исследований этнокультурного многообразия российского общества (2026–2028 гг.), направленных на укрепление российской идентичности (руководитель – академик В. А. Тишков), госзадание «Титульные этносы и диаспорные сообщества на Юге России: модели, риски и стратегии гражданской интеграции в условиях новой территориальности» (руководитель – профессор Ю. Г. Волков; внутренний номер ГЗ0110/26-16-РГ).

Статья поступила в редакцию 02.05.2026; принята в печать 06.07.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

ETHNODEMOGRAPHIC DYNAMICS OF THE DONBAS POPULATION: MAJOR TRENDS OF THE POST-SOVIET PERIOD

Sergey Ya. Suschiy

Southern Scientific Centre RAS, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: SS7707@mail.ru

For citation: Suschiy, S. Ya. Ethnodemographic Dynamics of the Donbas Population: Major Trends of the Post-Soviet Period. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 3. Pp. 143–161. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.9](#). (In Russ.)

Abstract. The article examines the dynamics of the ethnodemographic structure of the population of Donbas during the post-Soviet period. The research is based on a systemic approach combining the analysis of scholarly literature, expert materials, demographic statistics, and sociological survey data. It is concluded that the largest ethnodemographic group in the region in the late 20th – first quarter of the 21st centuries were Russian-Ukrainian bi-ethnophors (more than 50% of the population). Shifts in the self-identification of a part of this group determined the overall demographic dynamics and the relative proportion of Russians and Ukrainians in Donbas. In the 1990s – early 2010s, the share of those identifying themselves as Ukrainians increased in the region. However, the emergence of the people's republics and the subsequent

incorporation of Donbas into Russia led to a change in the central vector of the bi-ethnophors' identificational dynamics. Since the mid-2010s, the proportion of those choosing Russian identity has been growing. By the mid-2020s, a clear majority of the region's inhabitants already identified themselves as Russian. The sustainable nature of this trend is projected, as well as another trend – the increase in the combined share of the two peoples in the population structure (it could have risen from 95.7% to 97–98% over 2001–2025). In the dynamics of virtually all national minorities of Donbas, the central tendency of the first quarter of the 21st century was a population decline, which sharply accelerated after 2014. In terms of depopulation rates, the vast majority of ethnic groups in the 1990s exceeded the regional average. According to our calculations, the sizes of some communities, including the leading ones (Greek, Belarusian, Jewish), could have decreased by 5–7 times, if not by an order of magnitude, over the post-Soviet period. A significant number of small and minor ethnic groups (up to 1,000 people) ceased to exist in Donbas entirely or as organized communities. Diasporas with strong intra-community ties and developed ethnic mutual assistance (Armenian, Azerbaijani, Roma, and, to a certain extent, Tatar) preserved their demographic potential to a greater extent. The possibility of the emergence of a number of new ethnic communities and the replenishment of some existing ones, arising from the ongoing reconstruction of the region, is noted.

Keywords: Donbas, post-Soviet period, ethnodemographic structure of population, demographic dynamics, Russian-Ukrainian bi-ethnophors, national minorities, assimilation, migration outflow

References

1. Sushchii, S. Y. The Military Conflict in Eastern Ukraine: Demographic Losses and Changes in the National Structure of the Population of Donbass Region. *Nauka Yuga Rossii [Science in the South Russia]*. 2016. Vol. 12, No. 2. Pp. 82–90. (In Russ.).
2. Bezverbny, V. A., Lukashenko, E. A., Bekineev, E. A. Demographic Situation in the Donetsk and Lugansk People's Republics. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 165–183. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.10](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.10). (In Russ.).
3. Sklyar, V. Chysel'nist' ta etnomovnyy sklad naselennya ne pidporyadkovanykh Ukrayini terytoriy Donets'koyi ta Luhans'koyi oblastey [The size and ethnolinguistic composition of the population of the territories of Donetsk and Luhansk regions not subordinated to Ukraine]. *Naukovi zapysky Instytutu politychnykh i etnonatsional'nykh doslidzhen' im. I. F. Kurasa NAN Ukrainy [Scientific notes of the Institute of Political and Ethno-National Research named after I. F. Kuras, NAS of Ukraine]*. 2016. No. 5–6. Pp. 254–278. ISSN 2524-0137. (In Ukrainian).
4. Penkova, O. B. Regional'naya identichnost' naseleniya Donbassa v kontekste yego etnicheskoy istorii (s momenta zaseleniya i do 2014 g.) [Regional Identity of the Population of Donbass in the Context of its Ethnic History (From the Moment of Settlement until 2014)]. In: *Rossiya i Donbass: perspektivy sotrudnichestva i integratsii [Russia and Donbass: Prospects for Cooperation and Integration]*: Proceedings of the international scientific and practical conference, Moscow, June 28, 2022. Moscow: UMC Publishing House, 2022. Pp. 477–481. (In Russ.).
5. Rudenko, M. V. Donbasskaya identichnost' do i posle Russkoy vesny [Donbas Identity Before and After the Russian Spring]. *Faktor ponimaniya [Factor of Understanding]*. 2017. No. 2. Pp. 68–82. (In Russ.).
6. Cherkashin, K. V., Terkulov, V. I., Tamer'yan, T. Yu. Self-Identification of Donbas Residents. *Political Linguistics*. 2023. No. 1(97). Pp. 113–128. DOI [10.26170/1999-2629_2023_01_13](https://doi.org/10.26170/1999-2629_2023_01_13). (In Russ.).
7. Cherkashin, K. V. Dinamika etnicheskoy samoidentifikatsii zhyteley Donbassa [Dynamics of Ethnic Self-Identification of Donbas Residents]. *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy [Journal of Historical, Political and International Studies]*. 2018. No. 4(67). Pp. 104–109. (In Russ.).
8. Kotyhorenko, V., et al. *Donbas v etnopolitychnomu vymiri [Donbas in the Ethnopolitical Dimension]*. National Academy of Sciences of Ukraine, Institute of Political and Ethnonational Studies named after I. F. Kuras. Kyiv: IPENS, 2014. 584 c. ISBN 978-966-02-7350-4. (In Ukrainian).
9. Dokashenko, V. N. Russian in the National Structure of Donbass (1959–2001). *Baltic Humanitarian Journal*. 2013. No. 1(2). Pp. 12–15. (In Russ.).
10. Bredikhin, A. V. National and Religious Problems in the Donetsk and Lugansk People's Republics. *Russia and New States of Eurasia*. 2017. No. 2(35). Pp. 69–82. (In Russ.).
11. Savoskul, S. S. *Russkiye novogo zarubezh'ya: Vybor sud'by [Russians of the New Abroad: The Choice of Destiny]*. Russian Academy of Sciences, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology. Moscow: Nauka, 2001. 437 p. ISBN 5-02-008730-0. (In Russ.).

12. Borzykh, N. P. Mezhnatsional'nyye braki v SSSR v seredine 1930-kh godov [Interethnic Marriages in the USSR in the Mid-1930s]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1984. No. 1. Pp. 101–112. (In Russ.).

13. Volkov, A. G. Etnicheski smeshannyye sem'i v SSSR: dinamika i sostav [Ethnically Mixed Families in the USSR: Dynamics and Composition]. *Vestnik statistiki [Bulletin of Statistics]*. 1989. No. 7. Pp. 12–26; No. 8. Pp. 8–24. (In Russ.).

14. Mitrofanova, I. V., Sushchiy, S. Ya. The Russians in Ukraine: Geodemographic Results of the Post Soviet Period and Middle Term Prospects. *Sociological Studies*. 2017. No. 8(401). Pp. 45–58. DOI [10.7868/S0132162517080050](https://doi.org/10.7868/S0132162517080050). (In Russ.).

Bio note

Sergey Ya. Suschiy, Doctor of Philosophical Sciences, Chief Researcher, Southern Scientific Centre RAS, Rostov-on-Don, Russia.

Contact information: e-mail: SS7707@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5131-3988](https://orcid.org/0000-0001-5131-3988); RSCI SPIN-code: [7644-9948](https://www.scirp.com/spin-code/7644-9948); Web of Science Researcher ID: [U-7960-2019](https://orcid.org/U-7960-2019); Scopus Author ID: [57206899554](https://orcid.org/57206899554).

Acknowledgements and financing

The article was prepared within the framework of the Research Programme on the Ethnocultural Diversity of Russian Society (2026–2028), aimed at strengthening Russian identity (supervisor: Academician V. A. Tishkov), and the state assignment “Titular Ethnic Groups and Diaspora Communities in the South of Russia: Models, Risks and Strategies of Civic Integration under New Territoriality” (supervisor: Professor Yu. G. Volkov; internal registration number GZ0110/26-16-RG).

Received on 02.05.2026; accepted for publication 06.07.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.3.10](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.10)EDN [XQOGJW](https://www.edn.ru/XQOGJW)

Научная статья

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ТОФАЛАРОВ И ЭВЕНКОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ (2002–2021 ГГ.): ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

Мирязов Т. Р.*Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: miryazov_timur@mail.ru*

Для цитирования: Мирязов, Т. Р. Динамика численности тофаларов и эвенков Иркутской области (2002–2021 гг.): пространственный анализ // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 3. С. 162–177. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.10](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.10). EDN [XQOGJW](https://www.edn.ru/XQOGJW).

Аннотация. Предметом исследования является динамика численности и пространственной организации расселения тофаларов и эвенков Иркутской области в межпереписной период 2002–2021 гг. Цель работы состоит в проведении пространственного анализа изменений численности двух коренных малочисленных народов на региональном и муниципальном уровнях и выделении устойчивых типов территорий по характеру их расселения. В качестве рабочей гипотезы принимается положение о том, что этнодемографическая динамика определяется не только общим направлением демографических процессов, но и особенностями системы расселения, удаленностью территорий, урбанизацией и сохранностью традиционных форм природопользования. Информационную основу составили официальные таблицы Всероссийских переписей населения 2002 и 2021 гг. Использованы сравнительный статистический, картографический и типологический методы. Для муниципальных образований рассчитаны абсолютные и относительные изменения численности, доля этнической группы в населении территории и доля муниципального образования в областной численности этноса. Установлено сокращение численности обеих групп в анализируемом межпереписном периоде. Для тофаларов характерна выраженная концентрация в Нижнеудинском районе и наличие небольших городских и районных анклавов. Расселение эвенков сохраняет полицентрический характер, при этом наибольшая численность приходится на Катангский и Качугский районы. Научный вклад работы заключается в сопоставлении этнодемографической динамики с пространственной структурой расселения на муниципальном уровне и в предложенной типологии территорий. Результаты могут использоваться при разработке региональных мер поддержки коренных малочисленных народов. Ограничение исследования связано с особенностями переписных данных, фиксирующих этническое самоопределение и не позволяющих раздельно оценить вклад естественного движения, миграции и изменений идентичности. Перспективным направлением является дополнение переписных материалов периодическими полевыми, социологическими и этнолингвистическими исследованиями.

Ключевые слова: тофалары, эвенки, коренные малочисленные народы, Иркутская область, перепись населения, этнодемографическая динамика, расселение, пространственный анализ, муниципальные образования, ассимиляция, этническая идентичность

Введение

Изучение демографических процессов коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации – важнейшая задача этнодемографии, особенно в контексте устойчивого развития регионов Сибири и Дальнего Востока. Иркутская область представляет собой один из ключевых регионов проживания двух малочисленных этносов: тофаларов и эвенков. Тофалары исторически связаны с горно-таежной зоной Восточного Саяна (Нижнеудинский район), тогда как эвенки традиционно населяют бассейны рек Лены, Киренги и Верхней Тунгуски. За постсоветский период трансформация хозяйственного уклада,

миграция в города и ассимиляционные процессы существенно изменили этническую структуру и расселение этих народов.

Актуальность исследования определяется необходимостью получения информации о пространственном распределении и динамике численности тофаларов и эвенков на муниципальном уровне, что важно для разработки адресных мер государственной поддержки. Научная новизна работы заключается в системном анализе межпереписной динамики (2002–2021 гг.) именно в разрезе муниципальных образований Иркутской области, что ранее не предпринималось.

Цель исследования состоит в проведении пространственного анализа динамики численности тофаларов и эвенков на региональном и муниципальном уровнях с учетом особенностей их расселения. В соответствии с целью поставлены следующие задачи:

- рассчитать основные показатели динамики численности на областном и муниципальном уровнях;
- определить пространственные закономерности расселения каждой этнической группы;
- сопоставить выявленные тенденции с общей демографической ситуацией в районах;
- предложить и картографически отобразить типологию муниципальных образований.

Обзор научной литературы

Исследования тофаларов и эвенков в значительной степени связаны с вопросами демографического воспроизводства, трансформации традиционного образа жизни и этнической идентичности. Четырехкратное интервальное исследование В. П. Кривоногова в Тофаларии [1] показало сокращение естественного прироста в результате снижения рождаемости и роста смертности, а также существенное сокращение сферы использования тофаларского языка. А. А. Сирина [2], изучая эвенков и эвенов в современном мире, обращает внимание на процессы изменения этнического самосознания, природопользования и языковых практик. В таком случае демографическая динамика малочисленного народа не может рассматриваться отдельно от изменений идентичности и повседневного уклада.

Значительная часть публикаций посвящена пространственной мобильности и хозяйственной адаптации эвенков. В. А. Кудашкин и М. М. Бояринова [3] на материалах Прибайкалья показывают изменение жизненных стратегий и рост образовательной мобильности. В. Н. Давыдов [4] связывает трансформацию пространственных практик эвенков Северного Байкала с переходом к оседлости и изменением отношений между локальными сообществами и государством. А. М. Курышов [5] оценивает изменения традиционного хозяйства эвенков и тофаларов в длительной исторической перспективе. Названные работы позволяют говорить о том, что современная система расселения сформировалась под воздействием как демографических, так и хозяйственных изменений.

Отдельное направление представлено исследованиями социальных условий жизни коренных малочисленных народов Севера (КМНС). О. Г. Седых и К. Д. Ильина [6] на материалах Иркутской области выделяют проблемы социальной

поддержки, жилищных условий и доступности здравоохранения. А. А. Ермакова и В. А. Кудашкин [7] изучают трансформацию семейных связей и влияние советской политики расселения и образования. Эти работы важны для настоящего исследования, поскольку социальная инфраструктура и доступ к базовым услугам во многом определяют возможности сохранения населения в удаленных населенных пунктах.

Пространственный аспект получает развитие в работах, посвященных удаленности и промышленному освоению. В. Куклина и Э. К. Холланд [8] на примере Саянского перекрестка, включающего территории Республик Тыва, Бурятия и Иркутской области, показывают неоднозначное влияние транспортной связанности на периферийные сообщества. М. В. Рагулина [9] предлагает использовать подходы поведенческой временной географии при изучении этносоциальных трансформаций эвенков. Т. Ю. Калаврий и А. Н. Слепцов [10] рассматривают влияние промышленного освоения на традиционный образ жизни эвенков Якутии. Д. В. Бобрышев и В. В. Усачева [11] анализируют особенности планировочного развития Нижнеудинского района с учетом существующей системы расселения и природных условий.

В последние годы появились публикации обобщающего характера, позволяющие оценивать региональные процессы в более широком контексте. В. В. Фаузер [12] сопоставляет динамику коренных малочисленных народов Российского Севера по материалам переписей населения. В. Г. Логинов [13] анализирует демографическое развитие коренных этносов Арктики в межпереписной период, а в монографическом исследовании [14] рассматривает взаимосвязь социально-экономического положения коренных этносов и состояния традиционных отраслей. В зарубежной литературе О. Поворознюк [15] на примере эвенкийских сообществ в зоне Байкало-Амурской магистрали показывает, что развитие крупной инфраструктуры одновременно расширяло мобильность и ускоряло процессы оседания, культурной ассимиляции и формирования смешанных идентичностей. Вместе с тем, несмотря на широкий круг исследований, пространственная динамика тофаларов и эвенков Иркутской области между переписями 2002 и 2021 гг. непосредственно на уровне муниципальных образований остается недостаточноизученной. Это определяет место настоящего исследования в существующей научной литературе.

Материалы и методы

Для наглядности в статье использованы таблицы распределения населения по национальной принадлежности, составленные по итогам всероссийских переписей населения 2002 и 2021 гг. В анализ включены муниципальные образования, в которых хотя бы в один из рассматриваемых периодов были зафиксированы тофалары или эвенки. Для каждого муниципального образования рассчитаны следующие показатели:

– абсолютное изменение численности: $\Delta X = X_{2021} - X_{2002}$.

– темп прироста (убыли): $T = (X_{2021} - X_{2002}) / X_{2002} \times 100\%$.

– доля этнической группы в населении муниципального образования: $S = X_{\text{эtn}} / N_{\text{мо}} \times 100\%$.

– доля муниципального образования в областной численности этноса: $D = X_{\text{мо}} / X_{\text{обл}} \times 100\%$.

В формулах X обозначает численность представителей этнической группы в соответствующий год, $N_{\text{мо}}$ – общую численность населения муниципального образования, $X_{\text{мо}}$ – численность этнической группы в муниципальном образовании, $X_{\text{обл}}$ – численность этнической группы в Иркутской области. Особое внимание уделено территориям, где численность представителей этнической группы превышала 5 человек хотя бы по одной из переписей. Пространственные закономерности визуализированы с помощью картографического метода.

Особое внимание уделено территориям, где численность представителей этнической группы превышала 5 человек хотя бы по одной из переписей. Пространственные закономерности визуализированы с помощью картографического метода.

Следует учитывать ограничения переписных данных. Перепись фиксирует самоопределение человека, которое может изменяться под влиянием межэтнических браков, урбанизации, языкового сдвига и других факторов. Для малых чисел, особенно при единичных наблюдениях, возможны существенные колебания. Вместе с тем данные всероссийских переписей населения остаются основным источником информации об этническом составе муниципальных образований и позволяют проводить сопоставление пространственной структуры расселения.

Результаты

Общероссийский и региональный контекст

По данным Всероссийской переписи населения 2020 года, в России насчитывался 721 тофалар и около 39,2 тыс. эвенков. Тофалары имеют крайне локализованный характер расселения. Основная часть народа связана с Тофаларией в пределах Нижнеудинского района Иркутской области. Эвенки, напротив, расселены на обширной территории Сибири и Дальнего Востока, а крупные группы проживают в Республике Саха (Якутия), Красноярском крае, Республике Бурятия, Забайкальском крае и Иркутской области. По Иркутской области в 2021 г. учтено 632 тофалара и 1025 эвенков. Это составляет около 87,7% общероссийской численности тофаларов и 2,6% численности эвенков. Таким образом, Иркутская область является основной территорией проживания тофаларов, тогда как для эвенков она представляет один из нескольких крупных региональных узлов расселения.¹

Общая динамика численности тофаларов и эвенков по Иркутской области

В 2002 г. на территории Иркутской области учтено 714 тофаларов и 1315 эвенков. К 2021 г. эти показатели составили 632 и 1025 человек соответственно. Сокращение тофаларов составило 82 человека (–11,5%), эвенков – 290 человек (–22,1%). Таким образом, численность эвенков сократилась чуть ли не вдвое больше, чем тофаларов. Однако региональные данные маскируют разнонаправленные процессы на муниципальном уровне: в ряде районов численность тофаларов выросла (г. Иркутск, Ольхонский район), тогда как эвенки сократились повсеместно, кроме Ольхонского района.

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 31.03.2026).

Динамика численности тофаларов на муниципальном уровне

Данные таблицы 1 демонстрируют крайне высокую концентрацию тофаларов в Нижнеудинском районе. Его доля на фоне низкой численности представителей народа в остальных муниципальных образованиях остается определяющей и увеличилась с 95,9% в 2002 г. до 98,6% в 2021 г. При этом абсолютная численность тофаларов в районе сократилась. Переписные данные не позволяют оценить вклад естественного движения, миграции и изменения этнического самоопределения. Рост численности в городе Иркутске и отдельных муниципальных образованиях может отражать перемещение населения, однако такую интерпретацию следует рассматривать как вероятную.

Таблица 1

Муниципальные образования с максимальной численностью тофаларов в 2002 и 2021 гг.

Table 1

Municipalities with the maximum number of Tofalars in 2002 and 2021

Муниципальное образование	2002 г. (человек)	2021 г. (человек)	Динамика (человек)	Динамика (%)	Доля в населении области в 2021 г. (%)
Нижнеудинский район	685	623	-62	-9,1	98,6
г. Иркутск	16	20	+4	+25,0	3,2
Ольхонский район	0	3	+3	-	0,5
Усть-Илимский район	1	3	+2	+200	0,5
Ангарское МО	1	3	+2	+200	0,5
Балаганский район	4	1	-3	-75	0,2
Катангский район	1	1	0	0	0,2
Нукутский район	1	1	0	0	0,2
Прочие районы (суммарно)	5	0	-5	-100	0,0

Источник: расчеты автора по данным переписей населения 2002 и 2021 гг.²

Практически полностью исчезли тофалары из Балаганского, Качугского, Мамско-Чуйского районов, где в 2002 г. фиксировались единичные случаи (рис. 1). Доля тофаларов в населении Нижнеудинского района выросла с 0,97% до 1,17% вследствие более быстрой убыли остального населения.

Динамика численности эвенков на муниципальном уровне

В 2002 г. эвенки были зафиксированы в 35 муниципальных образованиях, в 2021 г. – в 32. Их основная численность сосредоточена в ограниченном числе северных районов и региональном центре. В большинстве муниципальных образований численность сократилась, тогда как в Ольхонском и Аларском районах зафиксирован небольшой прирост (рис. 2).

² Всероссийские переписи населения // Территориальный орган государственной статистики по Иркутской области [сайт]. URL: <https://38.rosstat.gov.ru/folder/36510> (дата обращения: 20.03.2026).

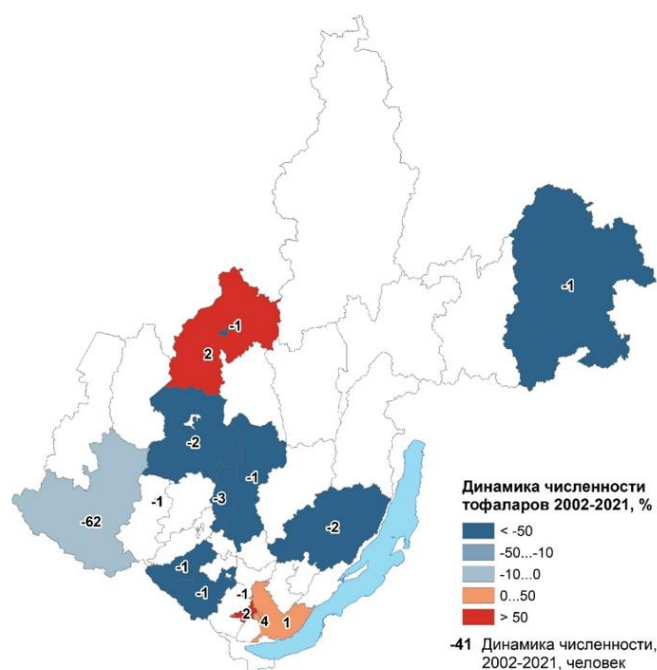

Рис. 1. Динамика численности тофаларов, 2002–2021 гг. (%)

Fig. 1. Dynamics of the Tofalar population, 2002–2021 (%)

Источник: составлено автором по данным переписей населения 2002 и 2021 гг.

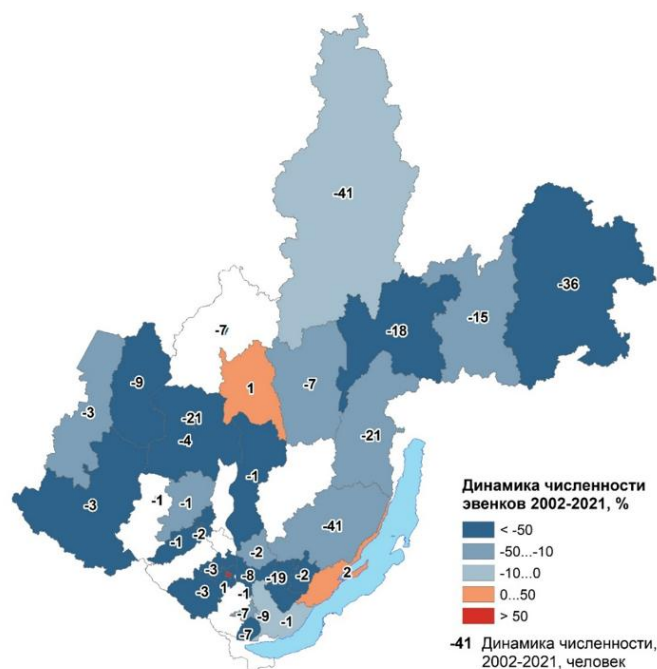

Рис. 2. Динамика численности эвенков, 2002–2021 гг. (%)

Fig. 2. Dynamics of the Evenk population, 2002–2021 (%)

Источник: составлено автором по данным переписей населения 2002 и 2021 гг.

Анализ таблицы 2 позволяет сделать следующие выводы. Катангский район является основным центром расселения эвенков и в 2021 г. концентрировал 48,9% их областной численности. Сокращение здесь составило 7,6%, что заметно ниже показателей ряда других северных районов. Такая динамика сочетается с сохранением традиционных видов хозяйственной деятельности, прежде всего охоты и оленеводства, но установить прямую причинную связь только на основании переписных данных невозможно. В Качугском районе численность эвенков сократилась на 41 человека, или на 14,1%, при этом его доля в областной численности увеличилась до 24,3% вследствие более значительного сокращения в других территориях.

Наиболее существенная убыль отмечена в Мамско-Чуйском районе, где численность эвенков уменьшилась на 85,7%. Одновременно район характеризовался значительным сокращением общей численности населения, что позволяет рассматривать этническую динамику в контексте общей депопуляции территории. В городе Иркутске сокращение было значительно меньше. По численности эвенков областной центр занимал третье место после Катангского и Качугского районов.

Таблица 2

Муниципальные образования с максимальной численностью эвенков в 2002 и 2021 гг.

Table 2

Municipalities with the maximum number of Evenks in 2002 and 2021

Муниципальное образование	2002 г. (человек)	2021 г. (человек)	Динамика (человек)	Динамика (%)	Доля в населении области в 2021 г. (%)
Катангский район	542	501	-41	-7,6	48,9
Качугский район	290	249	-41	-14,1	24,3
г. Иркутск	102	92	-10	-9,8	9,0
Бодайбинский район	124	74	-50	-40,3	7,2
Казачинско-Ленский район	44	46	+2	+4,5	4,5
Мамско-Чуйский район	42	6	-36	-85,7	0,6
Ольхонский район	0	2	+2	-	0,2
Прочие районы (суммарно)	171	55	-116	-67,8	5,4

Источник: расчеты автора по данным переписей населения 2002 и 2021 гг.

Сопоставление этнической и общей демографической динамики показывает их совпадение в ряде северных и труднодоступных территорий. Наиболее это заметно в Мамско-Чуйском и Бодайбинском районах, где сокращение общей численности населения происходило одновременно с уменьшением числа эвенков. Вместе с тем данные переписей не позволяют разделить естественную убыль и миграционный отток внутри каждой этнической группы. В Катангском районе темпы сокращения эвенков ниже, чем в большинстве других крупных центров их расселения.

Распределение населения между двумя переписями показывает наличие отдельных городских центров концентрации. Для тофаларов положительная динамика отмечена в городах Иркутске и Ангарске, что может быть связано с перемещением части населения из традиционных территорий проживания. Для эвенков такой вывод менее однозначен, поскольку в городе Иркутске их численность сократилась. В таком случае данные переписей позволяют говорить прежде всего

об изменении пространственной структуры расселения, но не о величине миграционных потоков.

Пространственная типология муниципальных образований

Тофалары демонстрируют крайне выраженную моноцентрическую систему расселения. В 2021 г. 98,6% учтенной в анализируемом массиве областной численности приходилось на Нижнеудинский район. Следовательно, можно говорить о сохранении одного основного территориального ядра при наличии небольших анклавов в областном центре и отдельных муниципальных образованиях (рис. 3).

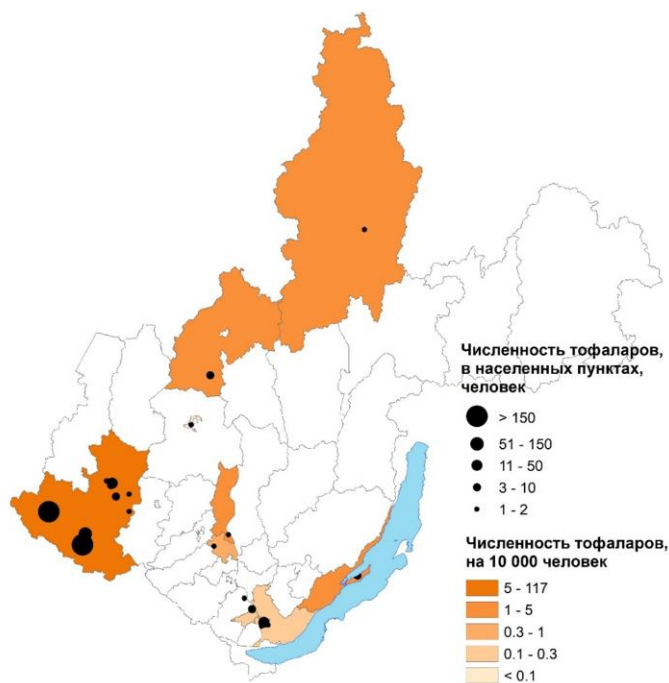

Рис. 3. Расселение тофаларов в Иркутской области, 2021 г.

Fig. 3. Settlement of the Tofalars in Irkutsk Oblast, 2021

Источник: составлено автором по данным переписи населения 2021 гг.

Эвенки характеризуются полицентрической и более фрагментированной системой расселения. Наибольшая концентрация отмечена в Катангском районе (48,9%) и Качугском районе (24,3%), далее следуют город Иркутск (9,0%), Бодайбинский (7,2%) и Казачинско-Ленский районы (4,5%). На остальные муниципальные образования приходится около 6% областной численности эвенков (рис. 4).

Проведенный анализ позволяет выделить три группы муниципальных образований:

Для тофаларов:

1. Зона стабильного ядра: Нижнеудинский район.
2. Зона точечных анклавов: г. Иркутск, Ольхонский, Усть-Илимский, Ангарский МО (численность менее 20 человек).
3. Зона исчезнувших групп: прочие районы, где тофалары отмечались в 2002 г., но отсутствуют в 2021 г.

Для эвенков:

1. Зона относительного сохранения: Катангский и Качугский районы.
2. Зона депопуляции с высокими темпами: Мамско-Чуйский, Братский, Эхирит-Булагатский районы (сокращение на 50–85%).
3. Зона городской убыли: г. Иркутск, где при общей миграционной привлекательности города переписная численность эвенков сократилась.

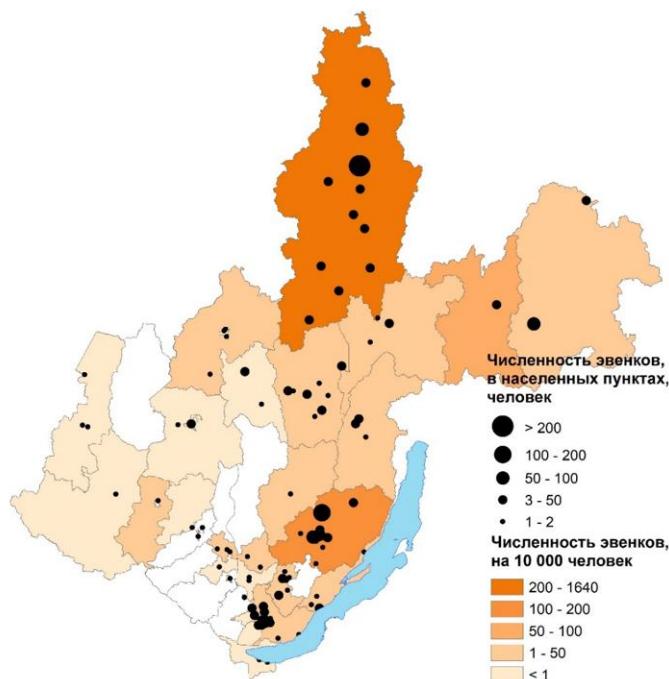

Рис. 4. Расселение эвенков в Иркутской области, 2021 г.

Fig. 4. Settlement of the Evenks in Irkutsk Oblast, 2021

Источник: составлено автором по данным переписи населения 2021 гг.

Обсуждение

Сокращение численности тофаларов в Нижнеудинском районе при одновременном росте в городе Иркутске и городе Ангарске может свидетельствовать о частичном перераспределении населения между традиционной территорией проживания и городскими центрами. Однако переписная статистика не фиксирует индивидуальные траектории перемещения, поэтому подобная связь не может рассматриваться как однозначно установленная. Для Тофаларии важным условием остается ограниченная транспортная доступность и удаленность основных поселений. Эти факторы могут усиливать образовательную и трудовую мобильность населения, что отмечается и в исследованиях малочисленных народов Сибири [1; 14].

Для эвенков изменение численности во многом происходит на фоне общей депопуляции северных территорий. Особенно заметно это в Мамско-Чуйском районе. Более устойчивое положение Катангского района совпадает с сохранением элементов традиционного хозяйства и высокой концентрацией эвенкийского населения. Подобная взаимосвязь рассматривается и в исследованиях В. Г. Логинова, где

традиционные отрасли выступают одним из элементов устойчивости локальных коренных сообществ [13].

Пространственный анализ межпереписной динамики показывает, что изменения численности сопровождались трансформацией структуры расселения. Для тофаларов она выражается в усилении роли одного основного территориального ядра и сохранении небольших анклавов вне Тофаларии. Для эвенков сохраняется система нескольких центров, но различия между ними по темпам демографической динамики увеличиваются. Таким образом, две рассматриваемые группы демонстрируют разные модели пространственной организации.

Пространственная организация этнических групп связана с условиями сохранения традиционных хозяйственных практик, характером мобильности и интенсивностью межэтнических контактов. Для коренных малочисленных народов Сибири пространственный фактор особенно важен в связи с исторической привязанностью к территориям традиционного природопользования. Вместе с тем сама форма расселения не определяет демографическую динамику автоматически и должна рассматриваться в сочетании с социальными и хозяйственными условиями.

Проведенный анализ подтверждает, что пространственная организация расселения тофаларов и эвенков в Иркутской области развивается по различным моделям. Для тофаларов характерна моноцентрическая система расселения с крайне высокой степенью территориальной концентрации, тогда как для эвенков сохраняется полицентрическая, постепенно фрагментирующаяся структура расселения.

Рост территориальной концентрации может поддерживать более тесные связи внутри локального сообщества и сохранение отдельных элементов традиционного образа жизни. Одновременно при преобладании одного центра возрастает зависимость общей динамики этнической группы от положения конкретной территории.

Пространственная структура расселения эвенков формировалась во взаимосвязи с хозяйственным освоением северных районов Иркутской области. Исторически население было связано с речными системами, транспортными маршрутами и территориями традиционного природопользования. В постсоветский период многие северные территории столкнулись с сокращением населения и изменением хозяйственной специализации.

В исследуемых данных более устойчивые центры расселения эвенков сохраняются в районах, где остаются элементы традиционной хозяйственной деятельности, в том числе охота, рыболовство и оленеводство. В первую очередь это относится к Катангскому району. Впрочем, пространственная изолированность сама по себе не должна рассматриваться как фактор, автоматически сдерживающий миграцию или ассимиляцию. Она одновременно ограничивает доступ к рынку труда, образованию и части социальной инфраструктуры.

Интеграция северных территорий в систему индустриального освоения также имеет неоднозначные последствия. Она расширяет занятость и транспортную связанность, но может усиливать маятниковую и трудовую мобильность, изменять хозяйственные практики и структуру локальных сообществ. Подобная двойственность отмечается в исследованиях эвенкийских территорий, связанных с крупными инфраструктурными и сырьевыми проектами [10; 15].

Выполненный анализ позволяет рассматривать пространственную периферийность как один из важных условий этнодемографической динамики, но не как единственную ее причину. Для удаленных территорий характерно сочетание слабой транспортной доступности, ограниченного рынка труда и высокой стоимости социальной инфраструктуры. В крупных городах доступ к образованию, занятости и услугам выше, однако возрастает интенсивность межэтнических контактов и меняется среда воспроизводства традиционной культуры. В этом случае устойчивость этнического сообщества определяется сочетанием пространственных, демографических и социальных факторов.

Между крупными устойчивыми центрами и городскими узлами выделяется группа территорий с более неблагоприятной динамикой численности. Для ряда северных районов одновременно характерны периферийное положение и общая депопуляция.

Таким образом, пространственное положение может создавать противоречивое сочетание условий. Компактность и удаленность способны поддерживать часть этнокультурных практик, но одновременно ограничивать доступ к некоторым видам занятости, образования и услуг.

Отдельного внимания требуют ассимиляционные процессы. Для малочисленных этнических групп изменение численности между переписями не тождественно естественной убыли. Перепись фиксирует национальную принадлежность на основании самоопределения, поэтому на итоговое число могут влиять межэтнические браки, языковой сдвиг, изменение семейной идентичности и выбор национальности в разных переписях. Для тофаларов В. П. Кривоногов отмечал сокращение эндогамии и резкое уменьшение числа активных носителей языка [1]. В таком случае сохранение общей численности или ее умеренное снижение еще не означает сохранения прежней этнокультурной структуры сообщества.

Для эвенков процессы идентичности имеют иную пространственную конфигурацию. Широкий ареал и наличие нескольких крупных территориальных центров снижают зависимость всей группы от положения одного района, но одновременно формируют разные условия для сохранения языка и традиционных практик. Исследования эвенкийских сообществ вдоль Байкало-Амурской магистрали показывают, что инфраструктурное развитие и оседание населения сопровождались не только культурной ассимиляцией, но и появлением смешанных форм идентичности [15]. Поэтому изменение численности целесообразно рассматривать совместно с данными о языке, семейной структуре и характере этнической самоидентификации.

Итак, демографическая динамика тофаларов и эвенков включает как собственно процессы воспроизводства населения, так и изменения пространственного размещения и этнической идентичности. Данные переписей позволяют выявить общую территориальную картину, но не дают возможности надежно разделить эти механизмы. В дальнейшем их целесообразно дополнять периодическими выборочными социологическими и этнолингвистическими исследованиями в основных районах проживания, а также анализом материалов полевых обследований.

Сопоставление двух этнических групп показывает, что одинаковое направление изменения численности не означает одинаковой пространственной траектории. Для тофаларов основная часть населения сосредоточена в одной территории.

Поэтому изменения в Нижнеудинском районе практически напрямую отражаются на положении всего народа. Для эвенков ситуация иная. Их расселение включает несколько территориальных узлов, между которыми существенно различаются как численность, так и темпы ее изменения. Такая структура делает общую картину менее зависимой от одного муниципального образования, однако усиливает внутреннюю пространственную дифференциацию. В результате анализ только областных итогов скрывает различия между локальными центрами расселения и не позволяет увидеть территории, в которых сокращение имеет наиболее выраженный характер.

Стоит отметить, что пространственная концентрация сама по себе не может оцениваться как однозначно положительный или отрицательный процесс. Для малочисленной группы компактное проживание создает более благоприятные условия для повседневных контактов внутри сообщества, сохранения локальных культурных практик и передачи элементов традиционного уклада. Одновременно высокая концентрация повышает зависимость этнической группы от состояния одного локального рынка труда, транспортной доступности и качества социальной инфраструктуры.

Предложенная в статье типология позволяет перейти от перечня муниципальных показателей к выделению территорий с различным характером расселения и динамики. Для тофаларов различаются основное ядро, небольшие анклав и территории, где единичное присутствие перестало фиксироваться. Для эвенков выделяются крупные относительно устойчивые центры, районы с высокой убылью и городской узел с умеренным сокращением численности. Подобное разделение не заменяет детального анализа демографического поведения, но дает основу для выбора территорий, где необходимы дополнительные полевые исследования и более подробное изучение языковой и этнической идентичности.

Важным результатом является и различие между изменением численности и изменением территории расселения. Эти процессы не всегда совпадают. Небольшая группа может сохраняться в муниципальном образовании при существенном сокращении численности, а единичное появление представителей народа в другом районе еще не означает формирования устойчивого нового центра. Следовательно, при оценке пространственной динамики необходимо учитывать одновременно абсолютную численность, ее изменение и долю территории в общей численности этнической группы. Именно сочетание этих показателей позволяет отделить устойчивые ядра расселения от единичных и нестабильных анклавов.

Заключение

В подобных исследованиях присутствует ряд ограничений. В первую очередь перепись населения фиксирует этническое самоопределение и не позволяет напрямую разделить естественное движение, миграцию и изменение идентичности. Для малочисленных групп даже небольшое абсолютное изменение приводит к значительным относительным колебаниям. В удаленных территориях дополнительное значение имеет сезонная мобильность населения. Поэтому результаты переписного анализа целесообразно рассматривать в сочетании с материалами полевых, социологических и этнолингвистических исследований.

Тофалары представляют собой пример моноцентрической системы расселения, основой которой остается Нижнеудинский район. Такая концентрация поддерживает территориальную целостность сообщества, но одновременно повышает его зависимость от социально-демографической ситуации одной территории. Эвенки Иркутской области сохраняют полицентрическую систему расселения с несколькими крупными узлами. Для обеих групп пространственная динамика сопровождается процессами урбанизации, изменением хозяйственных практик и трансформацией этнической идентичности.

Для сохранения тофаларского населения важны поддержка социальной инфраструктуры Тофаларии, транспортной доступности и этнокультурных практик, а также возможности сохранения идентичности для жителей, переезжающих в города. Для эвенков существенное значение имеет поддержка традиционного природопользования и локальной социальной инфраструктуры в основных районах проживания. Переписную статистику целесообразно дополнять периодическими выборочными исследованиями демографического поведения, языка и этнической идентичности.

Проведенный анализ динамики численности тофаларов и эвенков Иркутской области на региональном и муниципальных уровнях позволил сделать следующие выводы.

За 2002–2021 гг. в анализируемом массиве численность тофаларов сократилась на 11,5%, эвенков – на 22,1%.

Тофалары характеризуются выраженной территориальной концентрацией в Нижнеудинском районе. Небольшая численность в других муниципальных образованиях формирует систему точечных анклавов, но не меняет доминирующей роли Тофаларии.

Эвенки сохраняют более широкую и полицентрическую систему расселения. Наиболее высокая концентрация отмечена в Катангском и Качугском районах, тогда как наиболее значительное сокращение в анализируемом периоде наблюдается в Мамско-Чуйском районе на фоне общей депопуляции территории.

Для тофаларов в Иркутске и Ангарске отмечена положительная динамика, которая может отражать частичное перераспределение населения. Численность эвенков в Иркутске сократилась, поэтому на основании рассматриваемых данных говорить о росте городского притока этой группы нельзя.

Полученные результаты могут быть использованы при корректировке региональных программ поддержки коренных малочисленных народов. Перспективным направлением дальнейших исследований является совместное использование переписных, социологических и этнолингвистических данных, позволяющее более точно разделять демографические, миграционные и ассимиляционные компоненты изменения численности.

Список литературы

1. Кривоногов, В. П. Современные тофалары (опыт интервальных исследований) // Новые исследования Тувы. 2016. № 3. EDN [WJGUUR](#).
2. Сирина, А. А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение: монография. Москва : Восточная литература, 2012. 604 с. ISBN 978-5-02-036521-6. EDN [RUNKHX](#).

3. Кудашкин, В. А. Жизненные стратегии эвенков Прибайкалья / В. А. Кудашкин, М. М. Бояринова // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2012. № 3(9). С. 136–140. EDN [RTDVER](#).

4. Давыдов, В. Н. Стратегии использования пространства и режимы автономности: отношения эвенков и государства на Северном Байкале // Этнография. 2018. № 2. С. 46–66. DOI [10.31250/2618-8600-2018-46-66](#). EDN [YTURWX](#).

5. Курьшинов, А. М. Трансформация традиционного хозяйства эвенков и тофов Иркутской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Историко-экономические исследования. 2006. Т. 7, № 2. С. 91–109. EDN [RZRLRR](#).

6. Седых, О. Г. Социальная поддержка представителей коренных малочисленных народов в Иркутской области / О. Г. Седых, К. Д. Ильина // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8, № 2. DOI [10.17150/2411-6262.2017.8\(2\).34](#). EDN [YSQLMX](#).

7. Ермакова, А. А. Проблемы материнства и детства у коренных малочисленных народов Иркутской области: проблемы и пути решения (вторая половина XX – начало XXI вв.) / А. А. Ермакова, В. А. Кудашкин // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 3. С. 117–120. EDN [PGYVRP](#).

8. Куклина, В. Дороги Саян: теоретизируя удаленность в Восточной Сибири / В. Куклина, Э. К. Холланд // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. 2024. № 2. С. 55–75. DOI [10.38161/2949-6152-2024-2-55-75](#). EDN [KGFYYL](#).

9. Рагулина, М. В. Подходы поведенческой временной географии в исследовании этносоциальных трансформаций (на примере эвенков тайги) // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 10. С. 16–18. DOI [10.24158/spp.2017.10.2](#). EDN [ZQLHVJ](#).

10. Калаврий, Т. Ю. Влияние промышленного освоения территории на традиционный образ жизни эвенков: в оценках населения / Т. Ю. Калаврий, А. Н. Слепцов // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2021. № 3(25). С. 23–37. EDN [NOQEDM](#).

11. Бобрышев, Д. В. Градостроительные факторы устойчивого развития территориальной рекреационной системы Нижнеудинского района Иркутской области / Д. В. Бобрышев, В. В. Усачева // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2024. Т. 14, № 1. С. 161–171. DOI [10.21285/2227-2917-2024-1-161-171](#). EDN [BSCR BX](#).

12. Фаузер, В. В. Коренные малочисленные народы Российского Севера в зеркале переписей населения // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ Сыктывкарского государственного университета. 2024. Т. 4, № 3. С. 288–305. DOI [10.34130/2070-4992-2024-4-3-288](#). EDN [BBZXUL](#).

13. Логинов, В. Г. Коренные малочисленные этносы Арктики: ретроспективный анализ демографического развития // Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы : Сборник научных статей. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2024. С. 229–240. DOI [10.17059/udf-2024-2-7](#). EDN [IWVIUB](#).

14. Логинов, В. Г. Региональные особенности социально-экономического развития коренных этносов и традиционных отраслей. Екатеринбург : Институт экономики Уральского отделения РАН, 2011. 217 с. ISBN 978-5-94646-337-9. EDN [UJCPIP](#).

15. Povoroznyuk, O. Ambiguous Entanglements: Infrastructure, Memory and Identity in Indigenous Evenki Communities along the Baikal–Amur Mainline // Social Anthropology. 2021. Pp. 1–42. DOI [10.1111/1469-8676.13032](#). EDN [KAMEXB](#).

Сведения об авторе

Мирязов Тимур Робертович, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: miryazov_timur@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9143-1740](#); РИНЦ SPIN-код: [3204-9894](#); Web of Science Researcher ID: [AAY-1530-2021](#); Scopus Author ID: [57209221088](#).

Статья поступила в редакцию 21.03.2026; принята в печать 01.06.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

THE DYNAMICS OF THE NUMBER OF TOFALARS AND EVENKS IN THE IRKUTSK REGION (2002–2021): SPATIAL ANALYSIS

Timur R. Miryazov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: miryazov_timur@mail.ru

For citation: Miryazov, T. R. The Dynamics of the Number of Tofalars and Evenks in the Irkutsk Region (2002–2021): Spatial Analysis. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 3. Pp. 162–177. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.10](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.10). (In Russ.)

Abstract. The subject of the study is the dynamics of population size and spatial settlement patterns of the Tofalars and Evenks in Irkutsk Oblast during the inter-census period from 2002 to 2021. The aim of the work is to conduct a spatial analysis of population changes of two indigenous small-numbered peoples at the regional and municipal levels and to stable types of territories according to the nature of their settlement. The working hypothesis is that ethnodemographic dynamics are determined not only by the general direction of demographic processes, but also by the specific features of the settlement system, remoteness of territories, urbanisation, and the preservation of traditional forms of nature use. The information base comprises official tables from the 2002 and 2021 All-Russian population censuses. Comparative statistical, cartographic, and typological methods were employed. For each municipality, absolute and relative changes in population, the share of the ethnic group in the population of the territory, and the share of the municipality in the regional population of the ethnic group were calculated. A decline in the population of both groups was found during the analysed inter-census period. The Tofalars are characterised by a pronounced concentration in Nizhneudinsky District and the presence of small urban and district enclaves. The settlement of the Evenks retains a polycentric pattern, with the largest numbers concentrated in Katangsky and Kachugsky districts. The scientific contribution of the work lies in the comparison of ethnodemographic dynamics with the spatial settlement structure at the municipal level and in the proposed typology of territories. The results can be used in the development of regional support measures for indigenous small-numbered peoples. The limitation of the study is related to the specifics of census data, which record ethnic self-identification and do not allow for separate assessment of the contributions of natural population change, migration, and shifts in identity. A promising direction is to supplement census materials with periodic field, sociological and ethnolinguistic studies.

Keywords: Tofalars, Evenks, indigenous small-numbered peoples, Irkutsk Oblast, population census, ethnodemographic dynamics, settlement, spatial analysis, municipalities, assimilation, ethnic identity

References

1. Krivonogov, V. P. Tofalars Today: An Attempt at Repeat Interval Study. *New Research of Tuva*. 2016. No. 3. (In Russ.).
2. Sirina, A. A. *Evenki i eveny v sovremennom mire: samosoznanie, prirodopolzovanie, mirovozzrenie [Evenks and Evens in the Modern World: Self-Awareness, Nature Management, Worldview]*: monograph. Moscow: Vostochnaya Literatura Publishing House, 2012. 604 p. ISBN 978-5-02-036521-6. (In Russ.).
3. Kudashkin, V. A., Boyarinova, M. M. Evenks' Life Strategies in Baikal Lakeside (Based on the Materials of Historical and Ethnographic Expedition). *Issues of Social-Economic Development of Siberia*. 2012. No. 3(9). Pp. 136–140. (In Russ.).
4. Davydov, V. N. Strategies of Using the Space and Autonomy Regimes: The Relations of Evenkis and the State in the Northern Baikal. *Etnografia*. 2018. No. 2. Pp. 46–66. DOI [10.31250/2618-8600-2018-46-66](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2018-46-66). (In Russ.).
5. Kuryshov, A. M. Transformatsiya traditsionnogo khozyaystva evenkov i tofov Irkutskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX vv. [Transformation of the Traditional Economy of Evenks and Tofs of Irkutsk Province in the Late 19th – Early 20th Centuries]. *Journal of Economic History and History of Economics*. 2006. Vol. 7, No. 2. Pp. 91–109. (In Russ.).
6. Sedykh, O. G., Ilina, K. D. Social Support of Representatives of Indigenous Low-Numbered Peoples in Irkutsk Oblast. *Baikal Research Journal*. 2017. Vol. 8, No. 2. DOI [10.17150/2411-6262.2017.8\(2\).34](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8(2).34). (In Russ.).
7. Ermakova, A. A., Kudashkin, V. A. The Problems of Motherhood and Childhood of Indigenous Peoples of the Irkutsk Region: Problems and Solutions (Second Half of the 20th Century – Beginning of the 21st Century). *Issues of Social-Economic Development of Siberia*. 2019. No. 3. Pp. 117–120. (In Russ.).

8. Kuklina, V., Holland, E. K. The Roads of the Sayan Mountains: Theorizing Remoteness in Eastern Siberia. *Periphery. Journal of the Peripheries Studies*. 2024. No. 2. Pp. 55–75. DOI [10.38161/2949-6152-2024-2-55-75](https://doi.org/10.38161/2949-6152-2024-2-55-75). (In Russ.).
9. Ragulina, M. V. Approaches of Behavioral Time Geography to the Study of Ethnic and Social Transformations: The Case of Taiga Evenki. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2017. No. 10. Pp. 16–18. DOI [10.24158/spp.2017.10.2](https://doi.org/10.24158/spp.2017.10.2). (In Russ.).
10. Kalavriy, T. Yu., Sleptsov, A. N. Influence of Industrial Development of the Territory on the Traditional Lifestyle of the Evenks: Population Survey. *Arctic XXI Century. Humanitarian Sciences*. 2021. No. 3(25). Pp. 23–37. (In Russ.).
11. Bobryshev, D. V., Usacheva, V. V. Urban Planning Factors in Sustainable Development of the Territorial Recreational System in Nizhneudinsky District of Irkutsk Oblast. *Proceedings of Universities. Investment. Construction. Real Estate*. 2024. Vol. 14, No. 1. Pp. 161–171. DOI [10.21285/2227-2917-2024-1-161-171](https://doi.org/10.21285/2227-2917-2024-1-161-171). (In Russ.).
12. Fauzer, V. V. Indigenous Peoples of the Russian North in the Mirror of Population Censuses. *Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 288–305. DOI [10.34130/2070-4992-2024-4-3-288](https://doi.org/10.34130/2070-4992-2024-4-3-288). (In Russ.).
13. Loginov, V. G. Indigenous Small Ethnic Groups of the Arctic: A Retrospective Analysis of Demographic Development. *Ustoychivost' demograficheskogo razvitiya: determinanty i resursy [Sustainability of Demographic Development: Determinants and Resources]*: Collection of scientific articles. Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch RAS, 2024. Pp. 229–240. DOI [10.17059/udf-2024-2-7](https://doi.org/10.17059/udf-2024-2-7). (In Russ.).
14. Loginov, V. G. *Regionalnye osobennosti sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya korennykh etnosov i traditsionnykh otrasley [Regional Features of Socio-Economic Development of Indigenous Ethnic Groups and Traditional Industries]*: monograph. Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch RAS, 2011. 217 p. ISBN 978-5-94646-337-9. (In Russ.).
15. Povoroznyuk, O. Ambiguous Entanglements: Infrastructure, Memory and Identity in Indigenous Evenki Communities along the Baikal–Amur Mainline. *Social Anthropology*. 2021. Pp. 1–42. DOI [10.1111/1469-8676.13032](https://doi.org/10.1111/1469-8676.13032).

Bio note

Timur R. Miryazov, Junior Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: miryazov_timur@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9143-1740](https://orcid.org/0000-0002-9143-1740); RSCI SPIN-code: [3204-9894](https://elibrary.ru/3204-9894); Web of Science Researcher ID: [AAY-1530-2021](https://orcid.org/AAY-1530-2021); Scopus Author ID: [57209221088](https://orcid.org/57209221088).

Received on 21.03.2026; accepted for publication 01.06.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.3.11](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.11)EDN [SSARSW](https://www.edn.ru/SSARSW)

Научная статья

АГЕНТ-ОРИЕНТИРОВАННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ В ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Павлов Н. М.*Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: nika.ss2203@mail.ru*

Для цитирования: Павлов, Н. М. Агент-ориентированное моделирование религиозных общин: возможности и ограничения применения в демографических исследованиях // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 3. С. 178–197. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.11](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.11). EDN [SSARSW](https://www.edn.ru/SSARSW).

Аннотация. Стремительное развитие вычислительной социологии и цифровой демографии обусловило рост интереса к агент-ориентированному моделированию (agent-based modeling, ABM) для анализа сложных социальных систем. Религиозные общины представляют собой многокомпонентные сети взаимодействий, в которых индивидуальные установки, нормативные предписания, социальный капитал и институциональные механизмы формируют нелинейную динамику коллективного поведения. Однако в отечественной демографической литературе такие общины практически не рассматриваются как объект агентного моделирования. В российской социологии религии накоплен значительный теоретический и эмпирический опыт изучения религиозности, который, стоит заметить, редко интегрируется в современные вычислительные подходы. Цель статьи – концептуализация возможностей и ограничений применения ABM для исследования религиозных общин в контексте демографической науки. На основе анализа отечественных и зарубежных публикаций рассматриваются методологические основания построения агентных моделей, формализация религиозного поведения, моделирование социальных взаимодействий и воспроизводства конфессиональных сообществ. Особое внимание уделяется интеграции ABM с социально-сетевым анализом, вычислительной демографией и теорией сложных адаптивных систем. В условиях демографического кризиса, старения населения и депопуляции сельских территорий изучение механизмов, определяющих устойчивость и воспроизводство религиозных общин, приобретает особую актуальность. Автор показывает, что использование агент-ориентированных моделей открывает новые возможности для анализа религиозной социализации, межпоколенческой передачи идентичности, брачных стратегий, репродуктивного поведения, миграции и устойчивости общин. Одновременно выявляются ограничения, связанные с операционализацией религиозности, эмпирической верификацией моделей и параметризацией агентов. Обосновывается гипотеза, что дальнейшее развитие ABM способно сформировать новое направление на стыке демографии, социологии религии и вычислительных наук – от описательного анализа к экспериментальному исследованию сценариев развития религиозных общин и прогнозированию их демографических последствий.

Ключевые слова: социология религии, религиозные общины, агент-ориентированное моделирование, вычислительная демография, социально-сетевой анализ, демографическое моделирование, религиозность, межпоколенческая передача, секуляризация, православный приход, репродуктивное поведение, брачные стратегии

Введение

Современная демография расширяет вычислительный арсенал: наряду со статистическими моделями агрегированных показателей все шире применяются подходы, моделирующие поведение индивидов и коллективные эффекты их взаимодействий. Это отражает переход от анализа агрегированных состояний к исследованию динамических систем, где макросоциальные закономерности возникают из множества локальных взаимодействий [1; 2].

Перспективный инструмент здесь – агент-ориентированное моделирование (АВМ), учитывающее неоднородность, социальные связи и эмерджентность эффектов [3; 4; 5]. АВМ уже активно используется для изучения демографических процессов – динамики населения, миграции, микро- и макросвязей [6; 7; 8; 9; 10; 11]. В то же время моделирование религиозных сообществ в этом ключе развито слабее, хотя религия влияет на репродуктивные установки, брачные стратегии и социальное влияние [12; 13].

Религиозные общины – устойчивые системы, где индивидуальное поведение формируется институциональными нормами, сетями и культурной трансмиссией. Сочетание индивидуального выбора и группового давления делает их идеальным объектом АВМ: численность, структура и социализация общины могут быть представлены как результат микроуровневых взаимодействий [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22].

В российской социологии религии накоплен богатый опыт изучения религиозности, ее структуры, секуляризации и воспроизводства [23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34]. К примеру, Р. А. Лопаткин дал критический обзор развития отрасли [25], М. Г. Писманик – социальные перспективы [26], а работы Е. А. Кублицкой и М. М. Назарова подчеркивают важность не только формальной принадлежности, но и содержания, и степени религиозности [28; 29; 30; 31].

Несмотря на потенциал АВМ, исследования религиозных процессов пока немногочисленны. Большинство моделей сосредоточено на динамике, секуляризации, социализации, конверсии и устойчивости [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 35; 36]. Значимый вклад внесли проекты Center for Mind and Culture¹ [17]. При этом демографическое измерение – воспроизводство общин, межпоколенческая передача идентичности, интеграция с демографическими данными – остается недостаточно проработанным [6; 7; 8; 9; 10; 11; 24].

Теоретико-методологические основания исследования

Агент-ориентированное моделирование как направление вычислительных социальных наук

Агент-ориентированное моделирование (АВМ) – вычислительный метод исследования сложных социальных систем, основанный на симуляции поведения автономных агентов и их взаимодействий. В нем макросоциальные закономерности трактуются как результат множества локальных взаимодействий, что соответствует логике «снизу вверх» и занимает важное место в вычислительной социальной науке [3; 4; 37; 38].

Агенты – программные единицы с заданными характеристиками и правилами – взаимодействуют друг с другом и со средой, порождая коллективные эффекты, не сводимые к свойствам отдельных агентов [39; 40; 41]. Гетерогенность и возможность задания структуры взаимодействий, в том числе через социальные сети, позволяют моделировать широкий круг процессов [42; 43; 44; 45]. Как отмечают М. У. Мэйси и Р. Уиллер, развитие вычислительной социологии и АВМ связано

¹ Modeling Religious Change // Center for Mind and Culture : [site]. URL: <https://mindandculture.org/projects/modeling-social-systems/modeling-religious-change/> (accessed on 19.03.2026).

с переходом «от факторов к акторам» – объяснение строится на моделировании действий и взаимодействий индивидуальных субъектов [46].

Ключевое отличие АВМ от статистических подходов – возможность исследовать механизмы возникновения макроэффектов через формализацию микроуровневых правил. Статистика выявляет связи между переменными, тогда как АВМ воспроизводит процессы, ведущие от индивидуальных действий к коллективным результатам [8; 9; 11]. Важен генеративный подход Дж. М. Эпштейна: объяснение феномена достигается через воспроизведение наблюдаемого макрорезультата в модели, построенной на взаимодействиях агентов [4].

Распространение АВМ в социальных науках обусловлено развитием вычислительных методов, программных средств и работой со сложными эмпирическими данными [5; 44; 47]. Агентные модели позволяют изучать нелинейную динамику, обратные связи, зависимость от начальных условий и последствия взаимодействий разнородных акторов [38; 45]. Важное преимущество – возможность вычислительных экспериментов и анализа альтернативных сценариев [41; 48].

В демографических исследованиях АВМ открывает новые возможности для анализа процессов, где агрегированные изменения складываются из индивидуальных решений и взаимодействий. Репродуктивное, брачное и миграционное поведение формируется в социальном контексте и зависит от характеристик индивида, его окружения и структуры связей. Агентный подход учитывает неоднородность и исследует связь микро- и макроуровней [1; 2; 6; 7; 8; 10]. Интеграция этих уровней делает АВМ перспективным для изучения религиозных общин – систем, где поведение формируется под влиянием институциональных норм, социальных связей и культурной трансмиссии.

Агентное моделирование в демографических исследованиях

Агентное моделирование (АВМ) широко применяется в вычислительной демографии. Как подчеркивает Ф. К. Биллари, интеграция микро- и макроуровней позволяет трактовать изменения численности и структуры населения как результат совокупных решений и взаимодействий гетерогенных акторов [1; 11]. Популяционные процессы предстают как сложные системы, где микровзаимодействия формируют макроуровневые закономерности [1; 2; 6; 11].

В моделировании рождаемости АВМ учитывает социальное окружение. Л. Бернарди выделяет каналы влияния соцсетей, межличностных взаимодействий и норм [12], что важно для формализации взаимовлияния агентов. Э. Бонабо отмечает, что АВМ исследует коллективные эффекты, возникающие из взаимодействий индивидов [40].

В миграционных исследованиях АВМ учитывает индивидуальные характеристики, соцсвязи и неопределенность [7; 8; 10]. Работы Дж. Бияка, Э. Сильвермана и соавторов используют АВМ для изучения механизмов миграции и оценки неопределенности прогнозов [7; 8; 10], рассматривая демографические прогнозы не как экстраполяцию, а как результат взаимодействий решений и внешних условий. Методологический потенциал АВМ в анализе многоуровневых социальных процессов подтверждается и смежными областями, например, исследованиями популяционного здоровья, где моделирование применяется для оценки влияния социальной среды на индивидуальные стратегии поведения [9].

Теоретическую базу для АВМ в демографии религии задают исследования Т. М. Джонсона и Б. Дж. Грима о религиозной демографии [49], М. Хоута о демографических методах [50], Т. Баудина о сложной связи религии и рождаемости [13]. Долгосрочные изменения рождаемости анализируются через концепции демографического перехода [51; 52; 53; 54; 55], а европейская секуляризация подчеркивает значимость когортного контекста [56].

Развитие агентной демографии требует объединения микро- и макроуровней [11]. Модели Дж. Бияка демонстрируют возможности воспроизведения и прогнозирования демографических процессов [7; 8; 10], создавая предпосылки для моделей, где демографические характеристики агентов связаны с их социальным окружением.

Изменение структуры населения также моделируется через совокупность индивидуальных жизненных траекторий [1; 2; 11]. Для демографии религии значима работа Е. В. Пруцковой о религиозной социализации [23], позволяющая моделировать связь религиозных норм с семейным поведением.

Семейная динамика – перспективная область АВМ: модели объединяют жизненные траектории, брачные и репродуктивные решения с социальным окружением [1; 2], что соответствует задаче интеграции уровней [11].

Для демографического моделирования важны механизмы распространения социальных норм. Основу заложили работы Р. Аксельрода по эволюции сотрудничества [41; 48; 57] и правила М. А. Новака для кооперативного поведения [35], позволяющие моделировать изменение установок под влиянием взаимодействий.

Для построения АВМ религиозных общин ценен опыт российской социологии религии в операционализации религиозности. Е. А. Кублицкая разработала подходы к изучению традиционной и нетрадиционной религиозности [27; 28], указала на учет различных компонентов [29; 30]. Ее работы в соавторстве с И. В. Лютенко раскрывают особенности и социокультурные ценности разных групп [58; 59]. Исследования студенческой молодежи связывают религиозность с ценностными ориентациями [31; 32], а Ю. Ю. Синелина обосновывает комплексные критерии религиозности [33; 34].

Таким образом, АВМ охватывает широкий спектр демографических процессов [1; 2; 7; 11]. Однако религиозные общины как объект АВМ проработаны слабее – существующие модели сосредоточены на динамике, секуляризации и устойчивости [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22], а работы по вычислительной демографии религии прямо указывают на необходимость их интеграции с демографическими процессами [16]. Соединение механизмов религиозной социализации, межпоколенческой передачи и социальных взаимодействий с семейным и демографическим поведением – перспективное направление.

Агентные модели религиозных процессов

АВМ в исследовании религиозных процессов – молодое, но активно развивающееся направление вычислительной социологии религии. За последние полтора десятилетия появились модели, охватывающие эволюцию убеждений, секуляризацию, динамику, устойчивость общин и распространение ритуалов. Компьютерное моделирование интегрирует фрагментарные теории и позволяет проводить эксперименты, невозможные в реальности [20].

Эволюция религии стала одним из первых объектов. Пионерские работы У. С. Бейнбриджа показали, что религиозные убеждения и практики – эмерджентный продукт когнитивных механизмов и социальной среды [60]. Эти теоретические прототипы заложили фундамент, доказав формализуемость религиозной динамики.

Секуляризация – центральная тема моделей Центра изучения разума и культуры. Р. Горе, К. Лемос, Ф. Л. Шульцс и У. Дж. Уайлдман предложили модель прогнозирования религиозности и экзистенциальной безопасности с эмпирической параметризацией [14]. И. Пуга-Гонсалес с соавторами соединили секуляризацию, безопасность и просоциальность [15]. Ф. Л. Шульцс и У. Дж. Уайлдман в проекте «Modeling Religious Change» используют искусственные общества и AI-агентов [17]. Модели трактуют секуляризацию как нелинейный процесс, зависящий от социальных взаимодействий и структуры связей [14; 15; 17].

Религиозная конверсия моделируется как процесс, связанный со взаимодействиями и устойчивостью идентичностей. Агентный подход анализирует религиозный выбор как результат характеристик агентов, окружения и структуры связей. Модели динамики исследуют устойчивость и изменение паттернов на популяционном уровне [14; 18], однако механизмы конверсии проработаны слабее, чем секуляризация и религиозный выход.

Устойчивость общин исследована Ч. Джо, Д. Х. Кимом и Дж. У. Ли на примере пресвитерианских церквей в Южной Корее с использованием эпидемиологической логики [22]. Для российских православных приходов Е. В. Пруцкова, М. Д. Байков и Н. М. Павлов показали значение межпоколенческой передачи и социальных связей для воспроизводства религиозности [24], что открывает путь к АВМ-сценариям.

Религиозные сети стали центральным объектом в моделях Ф. Л. Шульцса, У. Дж. Уайлдмана и коллег: агенты соединены социальными связями, религиозность формируется под когнитивным и социальным воздействием [14; 17]. Модель Р. Крагуна “Religious Exiting and Social Networks” показывает, что структура сетей и мировоззренческий плюрализм связаны с религиозным выходом [18]. Сети выступают каналами передачи убеждений и механизмами влияния и контроля.

Религиозный фундаментализм исследуется Дж. Фаном с соавторами: модель отслеживает религиозность в пространственно распределенной популяции с учетом эффектов «клубных благ». Фундаментализм может укореняться даже без внешних стимулов при структуре взаимодействий, создающей поляризацию [19]. Различия в религиозной вовлеченности могут быть связаны с семейными и репродуктивными стратегиями.

Распространение ритуалов как механизм культурной трансмиссии изучено В. Каше, Т. Гампейсом и З. Поспишилом: авторы сравнивают АВМ и системную динамику на примере раннехристианских трапез. Социальная функция ритуалов (сплоченность) и когнитивная привлекательность могут действовать разнонаправленно; АВМ позволяет разделить данные механизмы [21]. Для демографии это важно в качестве модели межпоколенческой и социальной передачи практик.

Для демографического поведения религиозных групп значимы исследования удовлетворенности жизнью верующих в зависимости от вовлеченности [61], связи

религиозности с отношением к труду [62], критического анализа индекса воцерковленности [74], адаптационного потенциала религиозных институтов [26] и дискуссии о секуляризме и постсекуляризме [63]. Современные теоретические подходы к анализу религии в условиях постсекулярного общества представлены в работе [64]. Базовый понятийный аппарат и теоретические основания для анализа религии как социального института заложены в классических работах по религиоведению [65]. Эти работы не являются АВМ, но дают эмпирическую основу для задания характеристик и правил агентов.

Цифровые религиозные сообщества – новое направление. Модели Р. Крагуна [18] и проект «Modeling Religious Change» [17] исследуют соцсети и искусственные общества. Симуляция позволяет экспериментировать с механизмами, невозпроизводимыми в реальности [17; 20], а цифровые сообщества – новые пространства формирования установок и связей.

Обзор показывает, что АВМ религиозных процессов охватывает секуляризацию, динамику, выход, фундаментализм, устойчивость и культурную трансмиссию [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 60]. Тем не менее демографическое измерение – воспроизводство общин, межпоколенческая передача, влияние сетей на семейные и репродуктивные стратегии – остается слабо разработанным. У. Дж. Уайлдман, Ф. Л. Шульц и С. И. Диалло ставят вопрос о вычислительной демографии религии [16], но большинство моделей сосредоточено на изменении религиозности и социальных взаимодействиях.

Эмпирические исследования И. В. Забаева, Д. А. Орешинной и Е. В. Пруцковой отражают значение социального капитала и сетей в православных общинах [66]. Е. В. Пруцкова, М. Д. Байков и Н. М. Павлов подчеркивают роль семьи и общины в межпоколенческой передаче [24], а М. Д. Байков рассматривает религиозные организации как институциональных акторов семейно-демографической политики [67]. Совокупность названных работ создает эмпирическую базу для АВМ, где религиозность, семейная структура, межпоколенческая передача и социальные связи предстают как взаимосвязанные характеристики агентов и их окружения.

Результаты и обсуждение

Потенциал применения АВМ для демографии религии

Обзор показывает, что агент-ориентированное моделирование активно используется в демографии и анализе религиозных процессов, но на их пересечении потенциал реализован частично. Здесь представлена авторская концепция применения АВМ для демографических процессов в религиозных общинах. Общины рассматриваются как сложные системы, где демографическое воспроизводство (рождаемость, брачность, миграция, межпоколенческая передача) связано с религиозной социализацией, сетевыми взаимодействиями и институциональными механизмами [2; 6; 16].

Центральный элемент – моделирование воспроизводства общины как результата индивидуального поведения и социальных взаимодействий. Агенты имеют не только религиозные, но и демографические параметры: возраст, пол, семейный статус, число детей, миграционный статус. Воспроизводство возникает

из репродуктивного поведения, социализации и структуры связей. Исследования православных приходов подтверждают значимость сетей и социального капитала [66; 68].

Моделирование межпоколенческой передачи религиозности – перспективное направление. Успешность передачи детям зависит от религиозной практики родителей, семейного окружения и включенности в общину [24]. В АВМ религиозная установка ребенка формализуется через характеристики родителей, семьи, ближайшего окружения и взаимодействия с общиной, учитывая вертикальную передачу и влияние широких сетей [24; 69].

Религиозная социализация как культурная трансмиссия сочетает вертикальные и горизонтальные каналы. Исследования связывают религиозность с нормами и ценностями [23], а сетевые исследования – с поддержанием вовлеченности [66; 68]. В АВМ религиозность – динамическая характеристика, изменяющаяся под влиянием семьи, сверстников, друзей, членов общины и институциональных акторов.

Конверсия и религиозный выход влияют на численность и состав общин. Модели показывают связь религиозной динамики со структурой сетей и межгрупповыми взаимодействиями [14; 18]. Модель Р. Крагуна позволяет анализировать выход в условиях мировоззренческого плюрализма [18]. Для прихода можно моделировать переходы между уровнями вовлеченности, калибруя вероятности на эмпирических данных.

Миграция интегрируется в АВМ с учетом индивидуальных характеристик, соцсвязей и неопределенности [7; 8; 10]. В демографии религии миграционные решения связываются с принадлежностью, включенностью в общину и окружением. Эмпирические данные о молодежи позволяют учитывать связь религиозности с миграционными и политическими ориентациями [70].

Брачные стратегии – ключевой механизм воспроизводства. В модели различаются внутригрупповые и смешанные браки, вероятность которых зависит от религиозности, возраста, семейного окружения и сетей. Влияние брачных стратегий на идентичность – проверяемая гипотеза. Эмпирическую основу дают исследования семейных ценностей разных групп [59] и межпоколенческой передачи [24].

Рождаемость моделируется как результат установок, семейной структуры, религиозности и окружения. Связь религии и рождаемости зависит от социального и институционального контекста [13], поэтому в АВМ религиозность – лишь один из факторов, взаимодействующий с брачными стратегиями, нормами, ресурсами и поддержкой общины.

Социальные сети – ключевой механизм, связывающий религиозную и демографическую динамику. Их плотность, сила связей, центральность и структурные разрывы определяют распространение норм и моделей поведения [69; 71]. Исследования приходов позволяют эмпирически анализировать сети [66; 68], а работа Н. М. Павлова применяет сетевой анализ к православному приходу [72]. АВМ идет дальше: моделирует изменение сетей во времени и их влияние на демографическое поведение.

Изменение численности общины в модели – результат рождаемости, смертности, миграции, вступлений, выходов и изменения вовлеченности. Это позволяет перейти от статике к динамике и проводить сценарные эксперименты (работа

с молодежью, поддержка семей, приходские инициативы, изменение сетей). Сценарии – результаты моделирования, а не прямые прогнозы.

Религиозная мобильность, новые общины и пространственная динамика также могут быть включены. АВМ позволяет учитывать индивидуальные решения и взаимодействия на макроуровне [2; 7; 8], моделируя перемещение агентов между общинами и пространственную концентрацию.

Концепция открывает перспективы для формальной модели на основе эмпирических данных по российским приходам, интеграции с сетевым анализом и сценарных экспериментов. Важно соединить данные об индивидах и структуре связей. Исследования приходов демонстрируют возможность анализа сетей [66; 68; 72], а работы по передаче религиозности – операционализацию семейных механизмов [24].

Отдельное направление – взаимодействие религиозных организаций и демографической политики. М. Д. Байков показывает, что религиозные организации – институциональные акторы, влияющие на установки и практики [67]. В АВМ приход выступает не только как совокупность связей, но и как институциональный актор через социальную поддержку, образование, проповедь. Это дает возможность исследовать условия, при которых институциональные воздействия меняют индивидуальные стратегии и демографическую динамику общины.

Предлагается формальная спецификация модели демографической динамики православного прихода с несколькими типами агентов: индивиды с демографическими и религиозными параметрами; семьи как уровень принятия репродуктивных и брачных решений в условиях сохранения религиозности и передачи религиозности, институциональные акторы (приход). Структура соответствует принципу АВМ, где макрохарактеристики – результат взаимодействий гетерогенных агентов [3; 4; 40; 43].

Атрибуты индивидов: возраст, пол, семейный статус, число детей, миграционный статус, конфессия и уровень религиозности (многомерный: когнитивный, поведенческий, социальный), что соответствует российским исследованиям [30; 33]. Социальные сети задаются связями с родственниками, друзьями, соседями, членами общины с интенсивностью и частотой [66; 68; 72].

Правила взаимодействия: уровень религиозности меняется под влиянием семьи, контактов и институтов; решения о браке, миграции, рождении детей – на основе характеристик и окружения; возрастная динамика (ежегодное обновление, семейные состояния, рождаемость, миграция, смертность). Вероятности калибруются эмпирически, влияние религиозности – проверяемый параметр.

Стартовые условия – на основе эмпирических данных о приходах [24; 66; 68; 72]. Для калибровки – байесовские методы [8]. Источники: опросы прихожан, сетевой анализ, демографическая статистика. Детализация модели должна соответствовать эмпирическим данным; параметры без надежных наблюдений не интерпретируются как факты.

Потенциал АВМ для демографии религии – в объединении уровней: индивидуальные решения, семейная передача, сети и институциональное воздействие. В отличие от изолированных моделей, агентный подход исследует их взаимное

формирование. Концепция – основа для формальной модели, калибровки и сценарных экспериментов.

Ограничения агентного моделирования

Несмотря на эвристический потенциал АВМ, его применение требует учета методологических ограничений. Любая агентная модель – упрощенное описание реальности, и интерпретация результатов зависит от обоснованности предположений, структуры, параметров и верификации [4; 5; 6; 51; 73; 74]. В демографии важно согласовать микро- и макроуровни [1; 2; 6; 7; 8], поэтому АВМ следует использовать как инструмент анализа механизмов и сравнения сценариев, а не точных прогнозов.

Ключевая проблема – калибровка и валидация. Нужны данные для параметризации и проверки [7; 51; 73; 74]. В демографии многие процессы многофакторны, связь микро-макро не прямая [6; 8; 10; 11]. Для религиозных общин сложность в операционализации социализации, передачи и сетей. По российским приходам есть социологические исследования [23; 24; 66; 68; 72], однако они используют разные единицы и показатели, не образуя единого массива для калибровки всех параметров.

Упрощение поведения неизбежно: сложные процессы сводятся к конечному набору правил [5; 39; 42; 43]. Религиозное поведение связано с установками, взаимодействиями, нормами, семьей, институтами [16; 20; 21; 60]. Преимущество АВМ – возможность задавать разные типы агентов и проверять последствия допущений [6; 39; 74]. Упрощение – необходимое условие формализации.

Сложность формализации религиозного поведения – специфическое ограничение. Модели используют механизмы социального влияния, просоциальности, безопасности, секуляризации [14; 15; 18; 19; 60], но ни один не исчерпывает религиозность. Вычислительный подход требует четкого определения представленных аспектов [16; 17; 20]; результат – следствие конкретной формализации.

Неоднозначность понятия религиозности – серьезное препятствие. Российские исследования требуют разграничения самоидентификации, критериев [27; 28; 30; 33], различий между формальной принадлежностью, практикой и включенностью [28; 30]. Выбор операционализации влияет на структуру и интерпретацию. Виртуализация расширяет коммуникации за пределы прихода [77]; модель, ориентированная лишь на физические взаимодействия, может упускать современные механизмы социализации.

Моделирование субъективного и смыслового измерения религиозного опыта ограничено: можно формализовать изменение уровня, влияние, обращение, выход, но не сам опыт [14; 16; 17; 60]. Такие характеристики вводятся через операционализируемые показатели поведения и установок, избегая отождествления индикатора с опытом.

Этические ограничения связаны с данными об убеждениях, связях и поведении. Вычислительная социология требует прозрачности [37; 38; 44]. Важно минимизировать идентификацию участников, разграничивать эмпирические данные и модельные характеристики, чтобы агенты не воспринимались как точные копии людей.

Интерпретация результатов сложна: один макроэффект может быть обусловлен несколькими механизмами (демографические изменения, миграция, передача, сети, секуляризация) [6; 7; 8; 13; 15; 18; 56]. Воспроизведение тренда не доказывает причинность заложенного механизма [6; 7; 8]. Нужны альтернативные спецификации, анализ чувствительности, сопоставление с независимыми данными [7; 51; 73; 74].

Неполнота и неоднородность российских данных – дополнительное ограничение. Есть данные по передаче [23; 24], сетям [68; 72], социальному капиталу [66], ориентациям молодежи [31; 70], но они различаются по выборкам, единицам, периодам. Их объединение требует гармонизации, а результаты отдельных приходов не экстраполируются на все общество.

Временной горизонт: многие процессы длятся поколениями (передача, репродуктивное поведение, демографический переход, секуляризация) [11; 12; 13; 52; 55; 56; 75]. Длительная симуляция требует предположений о стабильности правил; чем дальше горизонт, тем выше неопределенность. Важны анализ неопределенности и проверка чувствительности [7; 8; 10].

Неопределенность долгосрочных сценариев: даже хорошо калиброванная модель не может учесть все будущие изменения. АВМ следует использовать для исследования механизмов и сравнения сценариев, а не точного прогноза [1; 2; 7; 8], различая воспроизведение прошлого и прогнозирование [7].

Таким образом, ограничения особенно существенны в демографии религии из-за неполноты эмпирических данных, многомерности религиозности, сложности формализации, неоднозначности причинности и высокой неопределенности. АВМ – инструмент анализа механизмов, проверки гипотез и сценарных экспериментов. Наиболее продуктивно сочетание с демографическим анализом, социологией религии и сетевым анализом [1; 2; 6; 8; 38; 66; 68; 72].

Заключение

Агент-ориентированное моделирование (АВМ) – перспективное дополнение к традиционным демографическим и социологическим методам, позволяющее исследовать, как индивидуальные решения и взаимодействия формируют макросоциальные закономерности [3; 4; 6]. В отличие от статистических подходов, АВМ формализует механизмы поведения и их динамику [5; 6; 39; 46], не заменяя, а дополняя их инструментом проверки гипотез и сценарных экспериментов [1; 2; 7; 8]. Это особенно ценно для религиозных общин, где индивидуальное поведение, социальные связи, межпоколенческая передача и институциональная среда взаимосвязаны [16; 20; 21].

В демографии религии АВМ позволяет моделировать траектории развития общин при изменении агентов, сетей и внешних условий. Существующие модели охватывают динамику религиозности, секуляризацию, безопасность, просоциальность и религиозный выход [14; 15; 18; 19; 60], что дает возможность изучать условия возникновения различных коллективных результатов.

Для российских православных приходов перспективно моделирование взаимосвязи демографического поведения, передачи религиозности и структуры сетей. Исследования подтверждают значимость семьи и общины [23; 24], а сетевой анализ

описывает приходские связи и социальный капитал [66; 68; 72]. АВМ позволяет объединить эти данные, исследуя совместное влияние индивидуальных решений, социализации и приходской сети на воспроизводство общины, включая институциональный контекст [67].

Преимущество АВМ – исследование нелинейных эффектов и эмерджентных свойств, возникающих из взаимодействий агентов [3; 4; 6; 45]. Для общин это важно при изучении сетей, распространения норм и коллективных практик. Социальные связи влияют на установки, структура сети – на распространение влияния [66; 68; 69; 71], а межпоколенческая передача связывает семейные взаимодействия с долгосрочной динамикой [23; 24]. Так, АВМ соединяет микроуровневые процессы с макроизменениями численности и устойчивости общин.

Однако ограничения требуют осторожности: неполнота данных, неопределенность параметров, сложности калибровки и упрощение поведения ограничивают точное прогнозирование [6; 7; 8; 10]. Даже малые различия в предположениях могут менять долгосрочные траектории [7; 8], поэтому ценность АВМ – в выявлении механизмов и сравнении сценариев, а не в единственном прогнозе.

Перспективное направление – разработка эмпирически обоснованной модели российских приходов на основе данных о передаче религиозности [23; 24], сетях [68; 72], социальном капитале [66] и самоидентификации групп [28; 30; 31]. Интеграция с сетевым анализом позволит перейти от совокупности независимых агентов к структурированной социальной системе [66; 68; 69].

Важно сочетать количественное моделирование с качественными исследованиями, особенно для религиозной тематики, где мотивация и субъективный опыт трудно формализуемы [16; 20; 21]. Качественные данные уточняют типы агентов и правила, а АВМ – исследует долгосрочные последствия. Это снижает риск упрощения и сохраняет преимущества формальной модели.

Расширение модели за пределы прихода (сравнение городских и сельских общин, учет цифровых форм взаимодействия) позволит учитывать неоднородность и виртуализацию [72; 77], что важно для современных механизмов социализации.

Обеспечение воспроизводимости требует подробного документирования структуры, агентов, правил, параметров и процедур [51; 73; 74]. Это необходимо для сопоставимости и накопления знания в междисциплинарной области.

АВМ обладает значительным потенциалом для демографии религии, связывая индивидуальные характеристики, решения, взаимодействия и институциональный контекст с долгосрочной динамикой общин [1; 2; 6; 16]. Для российских приходов перспективна модель, объединяющая демографические параметры, передачу религиозности, семейные отношения и сети. Применять АВМ следует в сочетании с демографической статистикой, социологией, сетевым анализом и качественными методами, что создает основу для изучения воспроизводства, устойчивости и трансформации религиозных сообществ.

Список литературы

1. Agent-Based Computational Modelling: Applications in Demography, Social, Economic and Environmental Sciences / Ed. by F. C. Billari, T. Fent, A. Prskawetz, J. Scheffran. Heidelberg : Physica-Verlag, 2006. 226 p. ISBN 978-3-7908-1640-2. DOI [10.1007/3-7908-1721-X](https://doi.org/10.1007/3-7908-1721-X).

2. Agent-Based Modelling in Population Studies: Concepts, Methods and Applications / Ed. by A. Grow, J. Van Bavel. Cham : Springer, 2017. 513 p. ISBN 978-3-319-32281-0. DOI [10.1007/978-3-319-32283-4](https://doi.org/10.1007/978-3-319-32283-4).
3. Epstein, J. M. Growing Artificial Societies: Social Science from the Bottom Up / J. M. Epstein, R. Axel. Washington, DC : Brookings Institution Press ; Cambridge, MA : MIT Press, 1996. 208 p. ISBN 978-0-262-55025-3. DOI [10.7551/mitpress/3374.001.0001](https://doi.org/10.7551/mitpress/3374.001.0001).
4. Epstein, J. M. Generative Social Science: Studies in Agent-Based Computational Modeling. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2006. 356 p. ISBN 978-0-691-12547-3. DOI [10.1515/9781400842872](https://doi.org/10.1515/9781400842872).
5. Gilbert, N. Simulation for the Social Scientist / N. Gilbert, K. G. Troitzsch. 2nd ed. Maidenhead : Open University Press, 2005. 295 p. ISBN 978-0-335-21600-0.
6. Van Bavel, J. Introduction: Agent-Based Modelling as a Tool to Advance Evolutionary Population Theory / J. Van Bavel, A. Grow // Agent-Based Modelling in Population Studies: Concepts, Methods and Applications / eds. A. Grow, J. Van Bavel. Cham : Springer, 2017. Pp. 3–27. DOI [10.1007/978-3-319-32283-4_1](https://doi.org/10.1007/978-3-319-32283-4_1).
7. Silverman, E. When Demography Met Social Simulation: A Tale of Two Modelling Approaches / E. Silverman, J. Bijak, J. Hilton, V. D. Cao, J. Noble // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. 2013. Vol. 16, № 4. Article 9. DOI [10.18564/jasss.2327](https://doi.org/10.18564/jasss.2327).
8. Bijak, J. Towards Bayesian Model-Based Demography: Agency, Complexity and Uncertainty in Migration Studies / J. Bijak, P. A. Higham, J. Hilton, et al. Cham : Springer, 2021. 263 p. ISBN 978-3-030-83039-7. DOI [10.1007/978-3-030-83039-7](https://doi.org/10.1007/978-3-030-83039-7).
9. Silverman, E. Situating Agent-Based Modelling in Population Health Research / E. Silverman, U. Gostoli, S. Picascia, et al. // Emerging Themes in Epidemiology. 2021. Vol. 18, № 1. Pp. 1–15. DOI [10.1186/s12982-021-00102-7](https://doi.org/10.1186/s12982-021-00102-7).
10. Bijak, J. Reforging the Wedding Ring: Exploring a Semi-Artificial Model of Population for the United Kingdom with Gaussian Process Emulators / J. Bijak, J. Hilton, E. Silverman, V. D. Cao // Demographic Research. 2013. Vol. 29, Article 27. Pp. 729–766. DOI [10.4054/DemRes.2013.29.27](https://doi.org/10.4054/DemRes.2013.29.27).
11. Billari, F. C. Integrating Macro- and Micro-Level Approaches in the Explanation of Population Change // Population Studies. 2015. Vol. 69, № S1. Pp. S11–S20. DOI [10.1080/00324728.2015.1009712](https://doi.org/10.1080/00324728.2015.1009712).
12. Bernardi, L. Channels of Social Influence on Reproduction // Population Research and Policy Review. 2003. Vol. 22, № 5–6. Pp. 527–555. DOI [10.1023/B:POPU.0000020892.15221.44](https://doi.org/10.1023/B:POPU.0000020892.15221.44).
13. Baudin, T. Religion and Fertility: The French Connection // Demographic Research. 2015. Vol. 32. Article 13. Pp. 397–420. DOI [10.4054/DemRes.2015.32.13](https://doi.org/10.4054/DemRes.2015.32.13).
14. Gore, R. Forecasting Changes in Religiosity and Existential Security with an Agent-Based Model / R. Gore, C. Lemos, F. L. Shults, W. J. Wildman // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. 2018. Vol. 21, № 1. Article 4. DOI [10.18564/jasss.3596](https://doi.org/10.18564/jasss.3596).
15. Puga-Gonzalez, I. The Rise and Fall of Religion: An Agent-Based Model of Secularisation, Security and Prosociality / I. Puga-Gonzalez, F. L. Shults, R. Gore, K. Talmont-Kaminski // PLOS ONE. 2025. Vol. 20, № 11. Article e0327674. DOI [10.1371/journal.pone.0327674](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0327674).
16. Wildman, W. J. Computational Demography of Religion: A Proposal / W. J. Wildman, F. L. Shults, S. Y. Diallo // Advances in Social Simulation / eds. P. Ahrweiler, M. Neumann. Cham : Springer, 2021. Pp. 169–180. DOI [10.1007/978-3-030-61503-1_16](https://doi.org/10.1007/978-3-030-61503-1_16).
17. Gore, R. Forecasting Changes in Religiosity and Existential Security with an Agent-Based Model / R. Gore, C. Lemos, F. L. Shults, W. J. Wildman // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. 2018. Vol. 21, № 1. Article 4. DOI [10.18564/jasss.3596](https://doi.org/10.18564/jasss.3596).
18. Cragun, R. Religious Exiting and Social Networks: Computer Simulations of Religious/Secular Pluralism / R. Cragun, K. McCaffree, I. Puga-Gonzalez, W. Wildman, F. L. Shults // Secularism and Nonreligion. 2021. Vol. 10, № 1. Article 2. DOI [10.5334/snrl.129](https://doi.org/10.5334/snrl.129).
19. Fan, J. A Simulation Study of How Religious Fundamentalism Takes Root / J. Fan, D. Friedman, J. Gair, et al. // Journal of Economic Behavior & Organization. 2021. Vol. 192. Pp. 465–481. DOI [10.1016/j.jebo.2021.10.017](https://doi.org/10.1016/j.jebo.2021.10.017).
20. Teehan, J. Religion, Empathy, and Cooperation: A Case Study in the Promises and Challenges of Modeling and Simulation / J. Teehan, F. L. Shults // Journal for the Cognitive Science of Religion. 2019. Vol. 6, № 1–2. Pp. 103–120. DOI [10.1558/jcsr.38670](https://doi.org/10.1558/jcsr.38670).

21. Kaše, V. Modeling Cultural Transmission of Rituals in Silico: The Advantages and Pitfalls of Agent-Based vs. System Dynamics Models / V. Kaše, T. Hampejs, Z. Pospíšil // Journal of Cognition and Culture. 2018. Vol. 18, № 5. Pp. 483–507. DOI [10.1163/15685373-12340041](https://doi.org/10.1163/15685373-12340041).
22. Jo, C. Sustainability of Religious Communities / C. Jo, D. H. Kim, J. W. Lee // PLOS ONE. 2021. Vol. 16, № 5. Article e0250718. DOI [10.1371/journal.pone.0250718](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0250718).
23. Пруцкова, Е. В. Религиозная социализация: связь религиозности с нормами и ценностями. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2024. 256 с. ISBN 978-5-7429-1599-7.
24. Пруцкова, Е. В. Семья и община: межпоколенческая передача религиозности на приходах Русской Православной Церкви / Е. В. Пруцкова, М. Д. Байков, Н. М. Павлов // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 50–63. DOI [10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-3). EDN [DKEDGQ](https://www.edn.ru/DKEDGQ).
25. Лопаткин, Р. А. Социология религии в России: опыт прошлого и современные проблемы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. Т. 28, № 4. С. 266–272. EDN [PFGRPB](https://www.edn.ru/PFGRPB).
26. Писманик, М. Г. Этюды о социальных перспективах отечественной религиозности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 1–25. EDN [QBTSLV](https://www.edn.ru/QBTSLV).
27. Кублицкая, Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95–103. EDN [BGWJUG](https://www.edn.ru/BGWJUG).
28. Кублицкая, Е. А. Особенности религиозности в современной России / Е. А. Кублицкая // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 96–107. EDN [JZFQOZ](https://www.edn.ru/JZFQOZ).
29. Кублицкая, Е. А. Динамика религиозности в современной России (по данным исследований в столичном регионе) / Е. А. Кублицкая, М. М. Назаров // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, № 11. С. 1120–1127. DOI [10.31857/S0869-58738911120-1127](https://doi.org/10.31857/S0869-58738911120-1127). EDN [RNDVMC](https://www.edn.ru/RNDVMC).
30. Кублицкая, Е. А. Методолого-методический анализ соотношения религиозной и конфессиональной самоидентификаций (на примере изучаемых субъектов РФ) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 1. С. 11–27. DOI [10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2). EDN [XIPWEA](https://www.edn.ru/XIPWEA).
31. Кублицкая, Е. А. Основные ценности консолидации российского общества в представлениях религиозной и нерелигиозной студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 2. С. 21–42. DOI [10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3). EDN [LKKNQB](https://www.edn.ru/LKKNQB).
32. Андреева, Л. А. Религиозность студенческой молодежи. Опыт сопоставления с религиозностью россиян / Л. А. Андреева, Л. К. Андреева // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 95–98. EDN [LNFOQW](https://www.edn.ru/LNFOQW).
33. Синелина, Ю. Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 89–96.
34. Синелина, Ю. Ю. Религия в современном мире // Наука. Культура. Общество. 2013. Т. 19, № 1. С. 101–117. EDN [GDODDK](https://www.edn.ru/GDODDK).
35. Nowak, M. A. Five Rules for the Evolution of Cooperation // Science. 2006. Vol. 314, № 5805. Pp. 1560–1563. DOI [10.1126/science.1133755](https://doi.org/10.1126/science.1133755).
36. Lofland, J. Becoming a World-Saver: A Theory of Conversion to a Deviant Perspective / J. Lofland, R. Stark // American Sociological Review. 1965. Vol. 30, № 6. Pp. 862–875. DOI [10.2307/2090965](https://doi.org/10.2307/2090965).
37. Lazer, D. Computational Social Science / D. Lazer, A. Pentland, L. Adamic, et al. // Science. 2009. Vol. 323, № 5915. Pp. 721–723. DOI [10.1126/science.1167742](https://doi.org/10.1126/science.1167742).
38. Conte, R. Manifesto of Computational Social Science / R. Conte, N. Gilbert, G. Bonelli, et al. // European Physical Journal Special Topics. 2012. Vol. 214. Pp. 325–346. DOI [10.1140/epjst/e2012-01697-8](https://doi.org/10.1140/epjst/e2012-01697-8).
39. Macal, C. M. Tutorial on Agent-Based Modeling and Simulation / C. M. Macal, M. J. North // Journal of Simulation. 2010. Vol. 4, № 3. Pp. 151–162. DOI [10.1057/jos.2010.3](https://doi.org/10.1057/jos.2010.3).
40. Bonabeau, E. Agent-Based Modeling: Methods and Techniques for Simulating Human Systems / E. Bonabeau // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2002. Vol. 99, Suppl. 3. Pp. 7280–7287. DOI [10.1073/pnas.082080899](https://doi.org/10.1073/pnas.082080899).
41. Axelrod, R. The Complexity of Cooperation: Agent-Based Models of Competition and Collaboration / R. Axelrod. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1997. 232 p. ISBN 978-0-691-01568-2. DOI [10.1515/9781400822300](https://doi.org/10.1515/9781400822300).

42. *Wilensky, U.* An Introduction to Agent-Based Modeling: Modeling Natural, Social, and Engineered Complex Systems with NetLogo / U. Wilensky, W. Rand. Cambridge, MA ; London : The MIT Press, 2015. 482 p. ISBN 978-0-262-73189-8.
43. *Railsback, S. F.* Agent-Based and Individual-Based Modeling: A Practical Introduction / S. F. Railsback, V. Grimm. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2012. 329 p. ISBN 978-0-691-13674-5.
44. *Simulating Social Complexity: A Handbook* / Ed. by B. Edmonds, R. Meyer. 2nd ed. Cham : Springer International Publishing, 2017. VII, 838 p. ISBN 978-3-319-66947-2. DOI [10.1007/978-3-319-66948-9](https://doi.org/10.1007/978-3-319-66948-9).
45. *Social Self-Organization: Agent-Based Simulations and Experiments to Study Emergent Social Behavior* / Ed. by D. Helbing. Berlin ; Heidelberg : Springer, 2012. 340 p. ISBN 978-3-642-24003-4. DOI [10.1007/978-3-642-24004-1](https://doi.org/10.1007/978-3-642-24004-1).
46. *Macy, M. W.* From Factors to Actors: Computational Sociology and Agent-Based Modeling / M. W. Macy, R. Willer // *Annual Review of Sociology*. 2002. Vol. 28. Pp. 143–166. DOI [10.1146/annurev.soc.28.110601.141117](https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.141117).
47. *Abar, S.* Agent-Based Modelling and Simulation Tools: A Review of the State-of-the-Art Software / S. Abar, G. K. Theodoropoulos, P. Lemariner, G. M. P. O'Hare // *Computer Science Review*. 2017. Vol. 24. Pp. 13–33. DOI [10.1016/j.cosrev.2017.03.001](https://doi.org/10.1016/j.cosrev.2017.03.001).
48. *Axelrod, R.* Advancing the Art of Simulation in the Social Sciences // *Complexity*. 1997. Vol. 3, № 2. Pp. 16–22. DOI [10.1002/\(SICI\)1099-0526\(199711/12\)3:2<16::AID-CPLX4>3.0.CO;2-K](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-0526(199711/12)3:2<16::AID-CPLX4>3.0.CO;2-K).
49. *Johnson, T. M.* Religious Demography as an Emerging Discipline / T. M. Johnson, B. J. Grim // *The World's Religions in Figures: An Introduction to International Religious Demography* / Ed. by T. M. Johnson, B. J. Grim. Chichester : Wiley-Blackwell, 2013. Pp. 143–162. ISBN 978-1-118-32300-7. DOI [10.1002/9781118555767.ch6](https://doi.org/10.1002/9781118555767.ch6).
50. *Hout, M.* Demographic Methods for the Sociology of Religion // *Handbook of the Sociology of Religion* / Ed. by M. Dillon. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. Pp. 79–84. ISBN 978-0-511-80796-1. DOI [10.1017/CBO9780511807961.006](https://doi.org/10.1017/CBO9780511807961.006).
51. *Grimm, V.* The ODD Protocol: A Review and First Update / V. Grimm, U. Berger, D. L. DeAngelis, J. G. Polhill, J. Giske, S. F. Railsback // *Ecological Modelling*. 2010. Vol. 221, № 23. Pp. 2760–2768. DOI [10.1016/j.ecolmodel.2010.08.019](https://doi.org/10.1016/j.ecolmodel.2010.08.019).
52. *Lee, R.* The Demographic Transition: Three Centuries of Fundamental Change // *Journal of Economic Perspectives*. 2003. Vol. 17, № 4. Pp. 167–190. DOI [10.1257/089533003772034943](https://doi.org/10.1257/089533003772034943).
53. *Caldwell, J. C.* *Theory of Fertility Decline*. London ; New York : Academic Press, 1982. 386 p. ISBN 0-12-155080-X.
54. *Coale, A. J.* The Demographic Transition Reconsidered // *International Population Conference, Liège, 1973*. Vol. 1. Liège : International Union for the Scientific Study of Population, 1973. Pp. 53–72.
55. *Lesthaeghe, R.* The Unfolding Story of the Second Demographic Transition // *Population and Development Review*. 2010. Vol. 36, № 2. Pp. 211–251. DOI [10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x).
56. *Voas, D.* Secularization in Europe: Religious Change between and within Birth Cohorts / D. Voas, S. Doebler // *Religion and Society in Central and Eastern Europe*. 2011. Vol. 4, № 1. Pp. 39–62.
57. *Axelrod, R.* *The Evolution of Cooperation*. New York : Basic Books, 1984. 241 p. ISBN 978-0-465-02121-5.
58. *Кублицкая, Е. А.* Традиционная религиозность и нетрадиционные религиозные учения в жизни российской молодежи: социально-педагогические аспекты / Е. А. Кублицкая, И. В. Лютенко // *ЦИТИСЭ*. 2019. № 5 (22). С. 478–493. DOI [10.15350/24097616.2019.5.44](https://doi.org/10.15350/24097616.2019.5.44). EDN [BWYSYK](https://www.edn.ru/BWYSYK).
59. *Кублицкая, Е. А.* Социокультурные и семейные ценности россиян с нетрадиционными религиозными взглядами (на примере Москвы и Белгородской области) / Е. А. Кублицкая, И. В. Лютенко // *Научный результат. Социология и управление*. 2024. Т. 10, № 4. С. 5–30. DOI [10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-1](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-1). EDN [ROOPFD](https://www.edn.ru/ROOPFD).
60. *Bainbridge, W. S.* Artificial Intelligence Models of Religious Evolution // *Evolution, Religion and Cognitive Science* / Ed. by F. Watts, L. P. Turner. Oxford : Oxford University Press, 2014. Pp. 219–237. ISBN 978-0-19-151244-5. DOI [10.1093/acprof:oso/9780199688081.003.0012](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199688081.003.0012).

61. Дивисенко, К. С. Влияние конфессиональной принадлежности и воцерковленности на удовлетворенность жизнью верующих / К. С. Дивисенко, О. В. Дивисенко // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10, № 1. С. 99–114. DOI [10.21638/11701/spbu12.2017.107](https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.107). EDN [ZDAXSF](#).
62. Ефремова, М. В. Исследование взаимосвязи религиозности с показателями отношения к работе: на примере православия и ислама / М. В. Ефремова, М. А. Лазуткина // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2013. № 1 (21). С. 27–34. EDN [RIDWYF](#).
63. Православие и современность: проблемы секуляризма и постсекуляризма / М. Ю. Смирнов, Ю. Ю. Синелина, А. И. Кырлежев [и др.]. Москва : Новоспасский монастырь, 2015. 456 с. ISBN 978-5-9906510-0-5. EDN [WMPZRD](#).
64. Узланер, Д. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке / Д. Узланер. Москва : Издательство Института Гайдара, 2020. 416 с. ISBN 978-5-93255-581-1.
65. Угринович, Д. М. Введение в религиоведение / Д. М. Угринович. Москва : Мысль, 1985. 270 с.
66. Забаев, И. В. Социальный капитал русского православия в начале XXI в.: исследование с помощью методов социально-сетевого анализа / И. В. Забаев, Д. А. Орешина, Е. В. Пруцкова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. Т. 32, № 1. С. 40–66. EDN [SBNPHF](#).
67. Байков, М. Д. Институциональная роль религиозных организаций в семейно-демографической политике Российской Федерации // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 3. С. 242–256. DOI [10.18413/2408-9338-2026-12-3-1-5](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2026-12-3-1-5). EDN [FDOGNW](#).
68. Забаев, И. В. Социальная сеть православной приходской общины: возможности применения анализа социальных сетей в социологии религии / И. В. Забаев, Е. В. Пруцкова // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2013. № 4 (48). С. 120–136. EDN [RCKLEF](#).
69. Granovetter, M. S. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78, № 6. Pp. 1360–1380. DOI [10.1086/225469](https://doi.org/10.1086/225469).
70. Кублицкая, Е. А. Миграционные и социально-политические ориентации религиозной и нерелигиозной студенческой молодежи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 164–184. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.10](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.10). EDN [LKKNQB](#).
71. Burt, R. S. Structural Holes: The Social Structure of Competition. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1992. 313 p. ISBN 978-0-674-84372-1. DOI [10.4159/9780674029095](https://doi.org/10.4159/9780674029095).
72. Павлов, Н. М. Социально-сетевой анализ православного прихода как формы локальной социальной организации / Н. М. Павлов // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 1. С. 140–156. DOI [10.19181/nko.2026.32.1.10](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.10). EDN [GUGTKJ](#).
73. Grimm, V. A Standard Protocol for Describing Individual-Based and Agent-Based Models / V. Grimm, U. Berger, F. Bastiansen, et al. // Ecological Modelling. 2006. Vol. 198, № 1–2. Pp. 115–126. DOI [10.1016/j.ecolmodel.2006.04.023](https://doi.org/10.1016/j.ecolmodel.2006.04.023).
74. Grimm, V. The ODD Protocol for Describing Agent-Based and Other Simulation Models: A Second Update to Improve Clarity, Replication, and Structural Realism / V. Grimm, S. F. Railsback, C. E. Vincenot, et al. // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. 2020. Vol. 23, № 2. Article 7. DOI [10.18564/jasss.4259](https://doi.org/10.18564/jasss.4259).
75. Bongaarts, J. Human Population Growth and the Demographic Transition // Philosophical Transactions of the Royal Society. 2009. Vol. 364, № 1532. Pp. 2985–2990. DOI [10.1098/rstb.2009.0137](https://doi.org/10.1098/rstb.2009.0137).
76. Лебедев, С. Д. Тесный путь не туда? / С. Д. Лебедев, В. В. Сухоруков // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 118–126. EDN [PMKWKP](#).
77. Лебедев, С. Д. Виртуализация религиозного сообщества как ключ к пониманию эволюции социологических концепций религиозности // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4, № 3. С. 85–104. DOI [10.24833/2541-8831-2020-3-15-85-104](https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-3-15-85-104). EDN [FDKHAO](#).

Сведения об авторе

Павлов Никита Михайлович, младший научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nika.ss2203@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-4799-7832](https://orcid.org/0000-0003-4799-7832); РИНЦ SPIN-код: [1067-4861](#); Web of Science Researcher ID: [PQB-1692-2026](#).

Статья поступила в редакцию 19.04.2026; принята в печать 29.06.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

AGENT-BASED MODELING OF RELIGIOUS COMMUNITIES: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS OF APPLICATION IN DEMOGRAPHIC RESEARCH

Nikita M. Pavlov

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: nika.ss2203@mail.ru

For citation: Pavlov, N. M. Agent-Based Modeling of Religious Communities: Opportunities and Limitations of Application in Demographic Research. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 3. Pp. 178–197. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.11](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.11). (In Russ.)

Abstract. The rapid development of computational sociology and digital demography has generated growing interest in agent-based modeling (ABM) for the analysis of complex social systems. Religious communities represent multi-component networks of interactions in which individual attitudes, normative prescriptions, social capital, and institutional mechanisms shape the non-linear dynamics of collective behavior. However, in the domestic demographic literature, such communities are virtually never considered as an object of agent-based modeling. Russian sociology of religion has accumulated considerable theoretical and empirical experience in the study of religiosity, yet this experience is rarely integrated into contemporary computational approaches. The aim of the article is to conceptualize the opportunities and limitations of applying ABM to the study of religious communities in the context of demographic science. Drawing on an analysis of Russian and foreign publications, the article examines the methodological foundations for constructing agent-based models, the formalization of religious behavior, and the modeling of social interactions and the reproduction of confessional communities. Particular attention is paid to the integration of ABM with social network analysis, computational demography, and the theory of complex adaptive systems. In the context of the demographic crisis, population ageing, and depopulation of rural areas, the study of the mechanisms determining the resilience and reproduction of religious communities acquires particular relevance. The author demonstrates that the use of agent-based models opens up new opportunities for analyzing religious socialization, intergenerational transmission of identity, marriage strategies, reproductive behavior, migration, and community resilience. At the same time, limitations are identified relating to the operationalization of religiosity, empirical verification of models, and parameterization of agents. The hypothesis is substantiated that the further development of ABM is capable of forming a new direction at the intersection of demography, sociology of religion, and computational sciences—moving from descriptive analysis to experimental investigation of scenarios for the development of religious communities and forecasting their demographic consequences.

Keywords: sociology of religion, religious communities, agent-based modeling, computational demography, social network analysis, demographic modeling, religiosity, intergenerational transmission, secularization, Orthodox parish, reproductive behavior, marriage strategies

References

1. *Agent-Based Computational Modelling: Applications in Demography, Social, Economic and Environmental Sciences*. Ed. by F. C. Billari, T. Fent, A. Prskawetz, J. Scheffran. Heidelberg: Physica-Verlag, 2006. 226 p. ISBN 978-3-7908-1640-2. DOI [10.1007/3-7908-1721-X](https://doi.org/10.1007/3-7908-1721-X).
2. *Agent-Based Modelling in Population Studies: Concepts, Methods and Applications* / Ed. by A. Grow, J. Van Bavel. Cham: Springer, 2017. 513 p. ISBN 978-3-319-32281-0. DOI [10.1007/978-3-319-32283-4](https://doi.org/10.1007/978-3-319-32283-4).
3. Epstein, J. M., Axtell, R. *Growing Artificial Societies: Social Science from the Bottom Up*. Washington, DC: Brookings Institution Press; Cambridge, MA: MIT Press, 1996. 208 p. ISBN 978-0-262-55025-3. DOI [10.7551/mitpress/3374.001.0001](https://doi.org/10.7551/mitpress/3374.001.0001).
4. Epstein, J. M. *Generative Social Science: Studies in Agent-Based Computational Modeling*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006. 356 p. ISBN 978-0-691-12547-3. DOI [10.1515/9781400842872](https://doi.org/10.1515/9781400842872).
5. Gilbert, N., Troitzsch, K. G. *Simulation for the Social Scientist*. 2nd ed. Maidenhead: Open University Press, 2005. 295 p. ISBN 978-0-335-21600-0.
6. Van Bavel, J., Grow, A. Introduction: Agent-Based Modelling as a Tool to Advance Evolutionary Population Theory. *Agent-Based Modelling in Population Studies: Concepts, Methods and Applications* / Ed. by A. Grow, J. Van Bavel. Cham: Springer, 2017. Pp. 3–27. DOI [10.1007/978-3-319-32283-4_1](https://doi.org/10.1007/978-3-319-32283-4_1).

7. Silverman, E., Bijak, J., Hilton, J., Cao, V. D., Noble, J. When Demography Met Social Simulation: A Tale of Two Modelling Approaches. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2013. Vol. 16, No. 4. Article 9. DOI [10.18564/jasss.2327](https://doi.org/10.18564/jasss.2327).
8. Bijak, J., Higham, P. A., Hilton, J., et al. *Towards Bayesian Model-Based Demography: Agency, Complexity and Uncertainty in Migration Studies*. Cham: Springer, 2021. 263 p. ISBN 978-3-030-83039-7. DOI [10.1007/978-3-030-83039-7](https://doi.org/10.1007/978-3-030-83039-7).
9. Silverman, E., Gostoli, U., Picascia, S., et al. Situating Agent-Based Modelling in Population Health Research. *Emerging Themes in Epidemiology*. 2021. Vol. 18, No. 1. Pp. 1–15. DOI [10.1186/s12982-021-00102-7](https://doi.org/10.1186/s12982-021-00102-7).
10. Bijak, J., Hilton, J., Silverman, E., Cao, V. D. Reforging the Wedding Ring: Exploring a Semi-Artificial Model of Population for the United Kingdom with Gaussian Process Emulators. *Demographic Research*. 2013. Vol. 29, Article 27. Pp. 729–766. DOI [10.4054/DemRes.2013.29.27](https://doi.org/10.4054/DemRes.2013.29.27).
11. Billari, F. C. Integrating Macro- and Micro-Level Approaches in the Explanation of Population Change. *Population Studies*. 2015. Vol. 69, No. S1. Pp. S11–S20. DOI [10.1080/00324728.2015.1009712](https://doi.org/10.1080/00324728.2015.1009712).
12. Bernardi, L. Channels of Social Influence on Reproduction. *Population Research and Policy Review*. 2003. Vol. 22, No. 5–6. Pp. 527–555. DOI [10.1023/B:POPU.0000020892.15221.44](https://doi.org/10.1023/B:POPU.0000020892.15221.44).
13. Baudin, T. Religion and Fertility: The French Connection. *Demographic Research*. 2015. Vol. 32, Article 13. Pp. 397–420. DOI [10.4054/DemRes.2015.32.13](https://doi.org/10.4054/DemRes.2015.32.13).
14. Gore, R., Lemos, C., Shults, F. L., Wildman, W. J. Forecasting Changes in Religiosity and Existential Security with an Agent-Based Model. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2018. Vol. 21, No. 1. Article 4. DOI [10.18564/jasss.3596](https://doi.org/10.18564/jasss.3596).
15. Puga-Gonzalez, I., Shults, F. L., Gore, R., Talmont-Kaminski, K. The Rise and Fall of Religion: An Agent-Based Model of Secularisation, Security and Prosociality. *PLOS ONE*. 2025. Vol. 20, No. 11. Article e0327674. DOI [10.1371/journal.pone.0327674](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0327674).
16. Wildman, W. J., Shults, F. L., Diallo, S. Y. Computational Demography of Religion: A Proposal. *Advances in Social Simulation* / Ed. by P. Ahrweiler, M. Neumann. Cham: Springer, 2021. Pp. 169–180. DOI [10.1007/978-3-030-61503-1_16](https://doi.org/10.1007/978-3-030-61503-1_16).
17. Gore, R., Lemos, C., Shults, F. L., Wildman, W. J. Forecasting Changes in Religiosity and Existential Security with an Agent-Based Model. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2018. Vol. 21, No. 1. Article 4. DOI [10.18564/jasss.3596](https://doi.org/10.18564/jasss.3596).
18. Cragun, R., McCaffree, K., Puga-Gonzalez, I., Wildman, W., Shults, F. L. Religious Exiting and Social Networks: Computer Simulations of Religious/Secular Pluralism. *Secularism and Nonreligion*. 2021. Vol. 10, No. 1. Article 2. DOI [10.5334/snrl.129](https://doi.org/10.5334/snrl.129).
19. Fan, J., Friedman, D., Gair, J., et al. A Simulation Study of How Religious Fundamentalism Takes Root. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2021. Vol. 192. Pp. 465–481. DOI [10.1016/j.jebo.2021.10.017](https://doi.org/10.1016/j.jebo.2021.10.017).
20. Teehan, J., Shults, F. L. Religion, Empathy, and Cooperation: A Case Study in the Promises and Challenges of Modeling and Simulation. *Journal for the Cognitive Science of Religion*. 2019. Vol. 6, No. 1–2. Pp. 103–120. DOI [10.1558/jcsr.38670](https://doi.org/10.1558/jcsr.38670).
21. Kaše, V., Hampejs, T., Pospíšil, Z. Modeling Cultural Transmission of Rituals in Silico: The Advantages and Pitfalls of Agent-Based vs. System Dynamics Models. *Journal of Cognition and Culture*. 2018. Vol. 18, No. 5. Pp. 483–507. DOI [10.1163/15685373-12340041](https://doi.org/10.1163/15685373-12340041).
22. Jo, C., Kim, D. H., Lee, J. W. Sustainability of Religious Communities. *PLOS ONE*. 2021. Vol. 16, No. 5. Article e0250718. DOI [10.1371/journal.pone.0250718](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0250718).
23. Prutskova, E. V. *Religioznaya sotsializatsiya: svyaz' religioznosti s normami i tsennostyami* [Religious Socialization: The Relationship of Religiosity with Norms and Values]. Moscow: PSTGU Publishing House, 2024. 256 p. ISBN 978-5-7429-1599-7. (In Russ.).
24. Prutskova, E. V., Baikov, M. D., Pavlov, N. M. Family and Community: Intergenerational Transmission of Religiosity in Parishes of the Russian Orthodox Church. *Research Result. Sociology and Management*. 2024. Vol. 10, No. 4. Pp. 50–63. DOI [10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-3). (In Russ.).
25. Lopatkin, R. A. Sociology of Religion in Russia: Past Experience and Contemporary Problems. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2010. Vol. 28, No. 4. Pp. 266–272. (In Russ.).

26. Pismanik, M. G. Studies on the Social Prospects of Domestic Religiosity. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2010. No. 3. Pp. 1–25. (In Russ.).
27. Kublitskaya, E. A. Traditional and Non-Traditional Religiosity: An Experience of Sociological Study. *Sociological Studies*. 1990. No. 5. Pp. 95–103. (In Russ.).
28. Kublitskaya, E. A. Features of Religiosity in Modern Russia. *Sociological Studies*. 2009. No. 4. Pp. 96–107. (In Russ.).
29. Kublitskaya, E. A., Nazarov, M. M. The Dynamics of Religiosity in Modern Russia Based on Studies in the Metropolitan Area. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2019. Vol. 89, No. 6. Pp. 608–614. DOI [10.31857/S0869-587389111120-1127](https://doi.org/10.31857/S0869-587389111120-1127) (In Russ.).
30. Kublitskaya, E. A. Methodological and Methodical Analysis of the Relationship between Religious and Confessional Self-Identifications (Based on the Studied Subjects of the Russian Federation). *Research Result. Sociology and Management*. 2024. Vol. 10, No. 1. Pp. 11–27. DOI [10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2). (In Russ.).
31. Kublitskaya, E. A. Basic Values of Consolidation of Russian Society in the Perceptions of Religious and Non-Religious Student Youth. *Research Result. Sociology and Management*. 2023. Vol. 9, No. 2. Pp. 21–42. DOI [10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3). (In Russ.).
32. Andreeva, L. A., Andreeva, L. K. Religiosity of Student Youth. Experience of Comparison with the Religiosity of Russians. *Sociological Studies*. 2010. No. 9. Pp. 95–98. (In Russ.).
33. Sinelina, Yu. Yu. On Criteria for Determining the Religiosity of the Population. *Sociological Studies*. 2001. No. 7. Pp. 89–96. (In Russ.).
34. Sinelina, Yu. Yu. Religion in the Modern World. *Science. Culture. Society*. 2013. Vol. 19, No. 1. Pp. 101–117. (In Russ.).
35. Nowak, M. A. Five Rules for the Evolution of Cooperation. *Science*. 2006. Vol. 314, No. 5805. Pp. 1560–1563. DOI [10.1126/science.1133755](https://doi.org/10.1126/science.1133755).
36. Lofland, J., Stark, R. Becoming a World-Saver: A Theory of Conversion to a Deviant Perspective. *American Sociological Review*. 1965. Vol. 30, No. 6. Pp. 862–875. DOI [10.2307/2090965](https://doi.org/10.2307/2090965).
37. Lazer, D., Pentland, A., Adamic, L., et al. Computational Social Science. *Science*. 2009. Vol. 323, No. 5915. Pp. 721–723. DOI [10.1126/science.1167742](https://doi.org/10.1126/science.1167742).
38. Conte, R., Gilbert, N., Bonelli, G., et al. Manifesto of Computational Social Science. *European Physical Journal Special Topics*. 2012. Vol. 214. Pp. 325–346. DOI [10.1140/epjst/e2012-01697-8](https://doi.org/10.1140/epjst/e2012-01697-8).
39. Macal, C. M., North, M. J. Tutorial on Agent-Based Modeling and Simulation. *Journal of Simulation*. 2010. Vol. 4, No. 3. Pp. 151–162. DOI [10.1057/jos.2010.3](https://doi.org/10.1057/jos.2010.3).
40. Bonabeau, E. Agent-Based Modeling: Methods and Techniques for Simulating Human Systems. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2002. Vol. 99, Suppl. 3. Pp. 7280–7287. DOI [10.1073/pnas.082080899](https://doi.org/10.1073/pnas.082080899).
41. Axelrod, R. *The Complexity of Cooperation: Agent-Based Models of Competition and Collaboration*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. 232 p. ISBN 978-0-691-01568-2. DOI [10.1515/9781400822300](https://doi.org/10.1515/9781400822300).
42. Wilensky, U., Rand, W. *An Introduction to Agent-Based Modeling: Modeling Natural, Social, and Engineered Complex Systems with NetLogo*. Cambridge, MA; London: The MIT Press, 2015. 482 p. ISBN 978-0-262-73189-8.
43. Railsback, S. F., Grimm, V. *Agent-Based and Individual-Based Modeling: A Practical Introduction*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012. 329 p. ISBN 978-0-691-13674-5.
44. *Simulating Social Complexity: A Handbook* / Ed. by B. Edmonds, R. Meyer. 2nd ed. Cham: Springer International Publishing, 2017. VII, 838 p. ISBN 978-3-319-66947-2. DOI [10.1007/978-3-319-66948-9](https://doi.org/10.1007/978-3-319-66948-9).
45. *Social Self-Organization: Agent-Based Simulations and Experiments to Study Emergent Social Behavior* / Ed. by D. Helbing. Berlin; Heidelberg: Springer, 2012. 340 p. ISBN 978-3-642-24003-4. DOI [10.1007/978-3-642-24004-1](https://doi.org/10.1007/978-3-642-24004-1).
46. Macy, M. W., Willer, R. From Factors to Actors: Computational Sociology and Agent-Based Modeling. *Annual Review of Sociology*. 2002. Vol. 28. Pp. 143–166. DOI [10.1146/annurev.soc.28.110601.141117](https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.141117).
47. Abar, S., Theodoropoulos, G. K., Lemarini, P., O'Hare, G. M. P. Agent-Based Modelling and Simulation Tools: A Review of the State-of-the-Art Software. *Computer Science Review*. 2017. Vol. 24. Pp. 13–33. DOI [10.1016/j.cosrev.2017.03.001](https://doi.org/10.1016/j.cosrev.2017.03.001).

48. Axelrod, R. Advancing the Art of Simulation in the Social Sciences. *Complexity*. 1997. Vol. 3, No. 2. Pp. 16–22. DOI [10.1002/\(SICI\)1099-0526\(199711/12\)3:2<16::AID-CPLX4>3.0.CO;2-K](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-0526(199711/12)3:2<16::AID-CPLX4>3.0.CO;2-K).
49. Johnson, T. M., Grim, B. J. Religious Demography as an Emerging Discipline. *The World's Religions in Figures: An Introduction to International Religious Demography* / Ed. by T. M. Johnson, B. J. Grim. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. Pp. 143–162. ISBN 978-1-118-32300-7. DOI [10.1002/9781118555767.ch6](https://doi.org/10.1002/9781118555767.ch6).
50. Hout, M. Demographic Methods for the Sociology of Religion. *Handbook of the Sociology of Religion* / Ed. by M. Dillon. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. Pp. 79–84. ISBN 978-0-511-80796-1. DOI [10.1017/CBO9780511807961.006](https://doi.org/10.1017/CBO9780511807961.006).
51. Grimm, V., Berger, U., DeAngelis, D. L., Polhill, J. G., Giske, J., Railsback, S. F. The ODD Protocol: A Review and First Update. *Ecological Modelling*. 2010. Vol. 221, No. 23. Pp. 2760–2768. DOI [10.1016/j.ecolmodel.2010.08.019](https://doi.org/10.1016/j.ecolmodel.2010.08.019).
52. Lee, R. The Demographic Transition: Three Centuries of Fundamental Change. *Journal of Economic Perspectives*. 2003. Vol. 17, No. 4. Pp. 167–190. DOI [10.1257/089533003772034943](https://doi.org/10.1257/089533003772034943).
53. Caldwell, J. C. *Theory of Fertility Decline*. London; New York: Academic Press, 1982. 386 p. ISBN 0-12-155080-X.
54. Coale, A. J. The Demographic Transition Reconsidered. *International Population Conference, Liège*, 1973. Vol. 1. Liège: International Union for the Scientific Study of Population, 1973. Pp. 53–72.
55. Lesthaeghe, R. The Unfolding Story of the Second Demographic Transition. *Population and Development Review*. 2010. Vol. 36, No. 2. Pp. 211–251. DOI [10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x).
56. Voas, D., Doebler, S. Secularization in Europe: Religious Change between and within Birth Cohorts. *Religion and Society in Central and Eastern Europe*. 2011. Vol. 4, No. 1. Pp. 39–62.
57. Axelrod, R. *The Evolution of Cooperation*. New York: Basic Books, 1984. 241 p. ISBN 978-0-465-02121-5.
58. Kublitskaya, E. A., Lyutenko, I. V. Traditional Religiosity and Non-Traditional Religious Teachings in the Life of Russian Youth: Social and Pedagogical Aspects. *CITISE*. 2019. No. 5 (22). Pp. 478–493. DOI [10.15350/24097616.2019.5.44](https://doi.org/10.15350/24097616.2019.5.44). (In Russ.).
59. Kublitskaya, E. A., Lyutenko, I. V. Sociocultural and Family Values of Russians with Non-Traditional Religious Views (Based on the Example of Moscow and Belgorod Oblast). *Research Result. Sociology and Management*. 2024. Vol. 10, No. 4. Pp. 5–30. DOI [10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-1](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-1). (In Russ.).
60. Bainbridge, W. S. Artificial Intelligence Models of Religious Evolution. *Evolution, Religion and Cognitive Science* / Ed. by F. Watts, L. P. Turner. Oxford: Oxford University Press, 2014. Pp. 219–237. ISBN 978-0-19-151244-5. DOI [10.1093/acprof:oso/9780199688081.003.0012](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199688081.003.0012).
61. Divisenko, K. S., Divisenko, O. V. Influence of Confessional Affiliation and Church Attendance on Life Satisfaction of Believers. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. 2017. Vol. 10, No. 1. Pp. 99–114. DOI [10.21638/11701/spbu12.2017.107](https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.107). (In Russ.).
62. Efremova, M. V., Lazutkina, M. A. Study of the Relationship between Religiosity and Work Attitudes: The Example of Orthodoxy and Islam. *Bulletin of KRAESC. Humanitarian Sciences*. 2013. No. 1 (21). Pp. 27–34. (In Russ.).
63. *Pravoslaviye i sovremennost': problemy sekulyarizma i postsekulyarizma* [Orthodoxy and Modernity: Problems of Secularism and Post-Secularism] / M. Yu. Smirnov, Yu. Yu. Sinelina, A. I. Kyrlezhev [et al.]. Moscow: Novospassky Monastery, 2015. 456 p. ISBN 978-5-9906510-0-5. (In Russ.).
64. Uzmaner, D. *Postsekulyarnyy povорот. Kak myslit' o religii v XXI veke* [The Post-Secular Turn. How to Think about Religion in the 21st Century]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2020. 416 p. ISBN 978-5-93255-581-1. (In Russ.).
65. Ugrinovich, D. M. *Vvedenie v religiovedenie* [Introduction to Religious Studies]. Moscow: Mysl, 1985. 270 p. (In Russ.).
66. Zabaev, I. V., Oreshina, D. A., Prutskova, E. V. Social Capital of Russian Orthodoxy at the Beginning of the 21st Century: A Study Using Social Network Analysis Methods. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2014. Vol. 32, No. 1. Pp. 40–66. (In Russ.).
67. Baikov, M. D. Institutional Role of Religious Organizations in Family and Demographic Policy of the Russian Federation. *Research Result. Sociology and Management*. 2026. Vol. 12, No. 3. Pp. 242–256. DOI [10.18413/2408-9338-2026-12-3-1-5](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2026-12-3-1-5). (In Russ.).

68. Zabaev, I. V., Prutskova, E. V. Social Network of the Orthodox Parish Community: Possibilities of Applying Social Network Analysis in the Sociology of Religion. *St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*. 2013. No. 4 (48). Pp. 120–136. (In Russ.).
69. Granovetter, M. S. The Strength of Weak Ties. *American Journal of Sociology*. 1973. Vol. 78, No. 6. Pp. 1360–1380. DOI [10.1086/225469](https://doi.org/10.1086/225469).
70. Kublitskaya, E. A. Migration and Socio-Political Orientations of Religious and Non-Religious Student Youth. *Science. Culture. Society*. 2023. Vol. 29, No. 3. Pp. 164–184. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.10](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.10). (In Russ.).
71. Burt, R. S. *Structural Holes: The Social Structure of Competition*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 313 p. ISBN 978-0-674-84372-1. DOI [10.4159/9780674029095](https://doi.org/10.4159/9780674029095).
72. Pavlov, N. M. Social Network Analysis of the Orthodox Parish as a Form of Local Social Organization. *Science. Culture. Society*. 2026. Vol. 32, No. 1. Pp. 140–156. DOI [10.19181/nko.2026.32.1.10](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.10). (In Russ.).
73. Grimm, V., Berger, U., Bastiansen, F., et al. A Standard Protocol for Describing Individual-Based and Agent-Based Models. *Ecological Modelling*. 2006. Vol. 198, No. 1–2. Pp. 115–126. DOI [10.1016/j.ecolmodel.2006.04.023](https://doi.org/10.1016/j.ecolmodel.2006.04.023).
74. Grimm, V., Railsback, S. F., Vincenot, C. E., et al. The ODD Protocol for Describing Agent-Based and Other Simulation Models: A Second Update to Improve Clarity, Replication, and Structural Realism. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2020. Vol. 23, No. 2. Article 7. DOI [10.18564/jasss.4259](https://doi.org/10.18564/jasss.4259).
75. Bongaarts, J. Human Population Growth and the Demographic Transition. *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. 2009. Vol. 364, No. 1532. Pp. 2985–2990. DOI [10.1098/rstb.2009.0137](https://doi.org/10.1098/rstb.2009.0137).
76. Lebedev, S. D., Sukhorukov, V. V. Tesny put' ne tuda? [A Narrow Path to Nowhere?]. *Sociological Studies*. 2013. No. 1. Pp. 118–126. (In Russ.).
77. Lebedev, S. D. Virtualization of the Religious Community as a Key to Understanding the Evolution of Sociological Concepts of Religiosity. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*. 2020. Vol. 4, No. 3. Pp. 85–104. DOI [10.24833/2541-8831-2020-3-15-85-104](https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-3-15-85-104). (In Russ.).

Bio note

Nikita M. Pavlov, Junior Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nika.ss2203@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-4799-7832](https://orcid.org/0000-0003-4799-7832); RSCI SPIN-code: [1067-4861](https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorid=1067-4861); Web of Science Researcher ID: [PQB-1692-2026](https://orcid.org/PQB-1692-2026).

Received on 19.04.2026; accepted for publication 29.06.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

DOI [10.19181/demis.2026.6.3.12](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.12)

EDN [QVGAZD](https://edn.vvga.ru/EDN/QVGAZD)

Научная статья

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И СЕМЕЙНАЯ ПОДДЕРЖКА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ МЕХАНИЗМОВ В КИТАЕ

Воробьева О. Д.

МГУ имени М. В. Ломоносова; Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

E-mail: 89166130069@mail.ru

Сун Сюань

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: songxiuyan1004@gmail.com

Для цитирования: Воробьева, О. Д. Институциональная теория и семейная поддержка: взаимодействие государственной политики и внутрисемейных механизмов в Китае / О. Д. Воробьева, Сюань Сун // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 3. С. 198–211. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.12](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.12). EDN [QVGAZD](https://edn.vvga.ru/EDN/QVGAZD).

Аннотация. В статье анализируется трансформация института семьи в Китайской Народной Республике (КНР) через призму институциональной теории и механизмов государственной поддержки. Это и составляет предмет научной работы, в которой рассматривается эволюция подходов от жесткого контроля рождаемости к пронаталистскому курсу и стратегии «рефамилизации». Цель исследования – уделить особое внимание противоречию между официальными политическими директивами и реальными адаптивными стратегиями домохозяйств в условиях демографического старения и урбанизации. В основу анализа положена гипотеза о появившейся на протяжении последних десятилетий дисфункции текущей модели социальной поддержки. Используются нормативные документы и данные социологических опросов, на основе которых выявляются противоречия между современными запросами общества и социальной реальностью в отношении поддержки пожилых людей. Впервые показано, что трансформация семейной структуры, кризис традиционной этики «сяо» и растущие издержки воспитания детей создают системный вызов, на который государство пока не дает адекватного ответа. Перспективы преодоления кризиса видятся не в возврате к патриархальной модели, а в формировании гибридной системы, где государственная поддержка не заменяет, а дополняет и усиливает внутренние ресурсы семьи. Предлагаются пути гармонизации государственных ресурсов и внутрисемейного потенциала ухода.

Ключевые слова: семейная политика, Китай, институциональная теория, демографический переход, поддержка рождаемости, старение населения, рефамилизация

Введение

Современная демографическая ситуация в Китайской Народной Республике представляет собой уникальный кейс для социологического и управленческого анализа: в стране в сжатые исторические сроки произошел переход от традиционной

модели расширенного воспроизводства к суженному. Глубинная трансформация социально-экономического уклада, сопряженная с длительным периодом реализации жесткой политики планирования рождаемости, привела к фундаментальным изменениям в структуре семьи как базового социального института. Семья в Китае традиционно выступала не просто ячейкой общества, а центральным элементом системы социального обеспечения, выполняя функции, которые в западных моделях государства всеобщего благосостояния часто делегируются публичным институтам.

Теоретические основы

Современные исследования семейной политики в мировой демографии свидетельствуют о существенном расширении ее содержания. Если ранее государственное воздействие на семью рассматривалось преимущественно в контексте воспроизводства населения, материальной поддержки семей с детьми и стимулирования рождаемости, то в условиях устойчивой низкой рождаемости все большее значение приобретают оплачиваемые отпуска, услуги по уходу за детьми, меры по согласованию профессиональной и семейной жизни, поддержка семейного ухода. А. Н. Gauthier и S. Gietel-Basten отмечают, что цели и эффективность подобных мер существенно различаются между странами и зависят от сложившихся институциональных, социально-экономических и демографических условий [1]. Поэтому соответствующая сегодняшнему дню семейная политика не представляет собой универсальный набор инструментов: ее содержание определяется этапом демографического развития, особенностями системы социальной защиты, рынка труда и национальными представлениями о распределении ответственности между государством и семьей.

Национальные различия отчетливо проявляются в европейских странах. К. А. Субхангулова показывает, что государства Центральной и Восточной Европы, несмотря на сходные проблемы низкой рождаемости и естественной убыли населения, используют различные комбинации материальной поддержки, отпусков по уходу и услуг для семей с детьми, что связано с экономическими возможностями, историческими траекториями и особенностями социальной политики [2]. Сравнение России, Польши и Венгрии также показывает, что близкие пронаталистские цели не приводят к формированию идентичных моделей поддержки: используемые инструменты различаются как по механизмам воздействия, так и по социальным последствиям [3]. Тем самым современная европейская дискуссия постепенно смещается от оценки отдельных финансовых стимулов к анализу комплексных условий семейной жизни — доступности услуг, положения родителей на рынке труда и возможности сочетать профессиональные и семейные обязанности.

Своя институциональная траектория характерна для стран Восточной Азии, где исключительно низкая рождаемость сочетается с высокой интенсивностью занятости и сохраняющейся культурной значимостью брака и семейной ответственности. S. Yuu отмечает, что даже в рамках данного региона национальные модели существенно различаются: Республика Корея в большей степени расширяет доступность семейной поддержки, тогда как Япония и Сингапур длительное время использовали более селективные механизмы. Вместе с тем общей тенденцией последних лет

становится переход от отдельных пронаталистских стимулов к более комплексной системе поддержки семьи [4]. Исследование S. Wang и H. Dong на материалах Сингапура подтверждает возрастающую роль трудовых институтов: гибкие формы занятости и снижение конфликта между работой и семейными обязанностями способны положительно влиять на репродуктивные намерения, особенно женщин [5]. Таким образом, даже общества со сходными демографическими проблемами и культурными предпосылками формируют различные институциональные ответы.

Демографическое старение еще больше расширяет содержание современной семейной политики. Увеличение продолжительности жизни приводит к тому, что поколения репродуктивного возраста одновременно несут ответственность за воспитание детей и помощь стареющим родителям. E. Lazzari и V. Zurla обращают внимание на то, что принятие на себя обязанностей по уходу за пожилыми родителями может снижать репродуктивные ожидания взрослых детей, поскольку семейные временные и материальные ресурсы оказываются ограниченными [6]. В результате проблемы рождаемости, родительства и поддержки пожилых нельзя рассматривать как полностью изолированные направления социальной политики. Современная семейная политика все в большей степени должна учитывать распределение ресурсов и обязанностей между поколениями на протяжении жизненного цикла семьи.

Китайская семейная политика развивается в рамках специфической институциональной траектории. В отличие от большинства европейских стран, в КНР в течение длительного периода государственное воздействие было ориентировано на прямое административное регулирование репродуктивного поведения, тогда как переход к политике двух, а затем трех детей потребовал принципиальной смены целей – от ограничения рождаемости к формированию условий ее поддержки. Чжан Жуйцзюань и соавторы отмечают, что современная китайская политика постепенно расширяется от регулирования собственно рождения к поддержке беременности, ухода за детьми и их воспитания, хотя различные элементы данной системы остаются развитыми неравномерно [7]. Ду Ян, Чэн Цзе и Цюй Юэ подчеркивают необходимость более согласованного распределения ответственности между различными уровнями государства и указывают на конфликт между рождением детей и положением женщин на рынке труда как одно из важных институциональных ограничений [8].

Однако специфика современной китайской ситуации определяется не только устойчиво низкой рождаемостью. Ян Цзюйхуа связывает изменение возможностей семейной поддержки с уменьшением размеров домохозяйств, сокращением числа совместно проживающих поколений, распространением семей «пустого гнезда», старением семейного состава и диверсификацией форм семьи [9]. В этих условиях уменьшается ресурсная база традиционных внутрисемейных механизмов поддержки. Исследование Сунь Цзюаньцзюань, Тянь Цзяинь и Чэнь Юйсинь демонстрирует, что развитие услуг по уходу за пожилыми родителями способно частично замещать отдельные виды инструментальной помощи взрослых детей, но не устраняет значения семьи как субъекта межпоколенческой поддержки [10]. Цай Юймэй и Чэнь Гун, в свою очередь, выявляют связь между нагрузкой по уходу за старшим поколением и откладыванием рождения первого ребенка, что свидетельствует

о конкуренции за ограниченные ресурсы внутри домохозяйства [11]. Следовательно, низкая рождаемость и демографическое старение в Китае образуют взаимосвязанный комплекс проблем, требующий согласования политики поддержки детей, занятости, социального обеспечения и ухода за пожилыми.

Для объяснения указанных процессов в настоящем исследовании используется институциональный подход, согласно которому поведение семьи формируется во взаимодействии формальных и неформальных институтов. Формальные институты – государственная политика, законодательство и система социальной поддержки – задают нормативные и ресурсные рамки семейного поведения, тогда как неформальные институты, включая культурные нормы и представления о межпоколенческой ответственности, определяют способы распределения обязанностей внутри семьи [12]. Одновременно демографическая трансформация изменяет саму структуру и ресурсные возможности домохозяйства: снижение рождаемости, индивидуализация семейного поведения и изменение межпоколенческих отношений создают новые ограничения для традиционной модели семейной поддержки [13].

Таким образом, семейная политика может рассматриваться как исторически изменяющаяся и национально специфичная институциональная система, формирующаяся под воздействием демографических, экономических, политических и социокультурных условий. Применительно к Китаю центральное противоречие заключается в том, что государство переходит от политики ограничения репродуктивной функции семьи к политике ее поддержки в условиях, когда структура, ресурсы и модели поведения самой семьи уже существенно изменились. Поэтому ключевым для анализа становится вопрос о том, каким образом государственные институты могут не только регулировать семейное поведение, но и дополнять ограниченные внутрисемейные ресурсы, сохраняя потенциал межпоколенческой поддержки. Данная теоретическая позиция позволяет перейти к рассмотрению институциональной трансформации взаимодействия государства и семьи в КНР.

Институциональная трансформация семейной поддержки в Китае

В современных условиях наблюдается институциональный парадокс: государство, ранее стремившееся ограничить репродуктивную функцию семьи, в настоящее время вынуждено искать механизмы ее поддержки и стимулирования, что происходит в условиях инерции социальных установок и структурных ограничений. В рамках институциональной теории семья рассматривается как субъект, встроенный в сложную систему взаимодействий с государством и рынком. Исследователи признают, что демографическая политика Китая изменялась от контроля численности населения к поощрению рождаемости, но само решение о рождении ребенка и уходе за пожилыми родственниками принимается внутри семьи и зависит от множества эндогенных и экзогенных факторов [14, с. 93]. Для понимания динамики взаимодействия государственной политики и внутрисемейных механизмов целесообразно систематизировать этапы эволюции отношения государства к институту семьи в КНР (табл. 1).

Таблица 1

Эволюция подходов государства к регулированию института семьи в КНР

Table 1

Evolution of government approaches to regulating the institution of family in China

Временной период	Характеристика этапа	Ключевые институциональные установки	Доминирующая парадигма
1950–1970-е гг.	Поощрение рождаемости с последующим переходом к мягкому контролю	Семья как источник трудовых ресурсов. Коллективистские механизмы поддержки	Традиционная / Раннеиндустриальная
1979–2013 гг.	Жесткое планирование рождаемости	Политика «Одна семья — один ребенок». Административный контроль репродуктивного поведения	Контроль и сдерживание (Дефамилизация)
2013–2015 гг.	Частичная либерализация	Политика «Двух детей для супругов, где один — единственный ребенок»	Переходная / Корректирующая
2016–2021 гг.	Универсальная политика двух детей	Политика «Всеобщего второго ребенка». Начало формирования мер поддержки	Стимулирование (Начало рефамилизации)
С 2021 г. по наст. время	Политика трех детей и активная поддержка	Комплексная оптимизация политики рождаемости. Акцент на снижении издержек семьи	Пронатализм и всесторонняя поддержка

Источник: составлено авторами по материалам [14]

Результаты и обсуждение

После перехода к политике трех детей государственная поддержка постепенно вышла за рамки изменения допустимого числа рождений. Поправки к Закону о народонаселении и планировании семьи 2021 г. предусматривают меры в сфере финансовой, налоговой, страховой, образовательной, жилищной и трудовой поддержки семей, развитие общедоступной системы ухода за детьми раннего возраста и возможность введения родительских отпусков на региональном уровне. Тем самым институциональный акцент был смещен с административного регулирования рождаемости на снижение издержек рождения и воспитания детей.

Реализация таких мер постепенно приобретает более конкретный характер. С 2025 г. введена общенациональная система пособий по уходу за детьми в возрасте до трех лет с базовым размером 3600 юаней в год на каждого ребенка; предусмотрены как онлайн-, так и офлайн-механизмы подачи заявлений и последующего предоставления выплат. В 2026 г. Министерство здравоохранения КНР сообщило о продолжении реализации программы и продлении сроков подачи заявлений для части семей, что свидетельствует о переходе отдельных мер от нормативного закрепления к практическому функционированию. В то же время наличие новых инструментов само по себе пока не позволяет говорить об устойчивом демографическом эффекте.

Нынешний этап характеризуется поиском баланса между государственным патернализмом и субсидиарной ответственностью семьи. Государство признает, что социализированная модель ухода не может полностью заместить внутрисемейные механизмы солидарности. Семейный уход обладает естественными преимуществами и культурной легитимностью, однако его ресурсная база истощена структурными изменениями и рыночным давлением [15, с. 99]. Институциональная теория в данном контексте служит инструментом для анализа того, как государственные интервенции могут не замещать, а дополнять и усиливать внутренние ресурсы домохозяйств.

Структурные трансформации китайской семьи и кризис традиционных механизмов поддержки

Глубинная трансформация демографического ландшафта Китая привела к фундаментальным изменениям в архитектуре семейных связей. Современная статистика подтверждает сохранение обозначенных демографических ограничений. По данным Государственного статистического управления КНР, в 2025 г. в стране родилось 7,92 млн человек, коэффициент рождаемости составил 5,63‰, а естественный прирост населения снизился до -2,41‰. Одновременно численность населения в возрасте 60 лет и старше достигла 323,38 млн человек, или 23,0% населения, а доля лиц в возрасте 65 лет и старше составила 15,9%. С учетом вышеизложенного констатируем: расширение мер поддержки рождаемости происходит одновременно с дальнейшим углублением старения населения и сокращением демографической базы внутрисемейной поддержки. Традиционная модель расширенной семьи уступает место нуклеарным формам, что создает серьезные вызовы для устойчивости межпоколенческой поддержки. Согласно данным переписей населения, средний размер домохозяйства в КНР неуклонно сокращается, достигнув показателя менее трех человек [14, с. 93]. Наиболее острой проблемой стало формирование семейной структуры типа «4-2-1» (четыре прародителя, два родителя, один ребенок), создающей ситуацию «перевернутой пирамиды» заботы. Для анализа ресурсного дефицита целесообразно рассмотреть распределение функциональной нагрузки между государством и семьей (табл. 2).

Таблица 2

Распределение функциональной нагрузки в системе поддержки уязвимых членов семьи (модель «ресурсы – услуги»)

Table 2

Distribution of functional workload in the support system for vulnerable family members (resources-services model)

Тип ресурса / Услуги	Роль семьи (Традиционная и текущая)	Роль государства (Институциональная задача)	Текущие дисфункции взаимодействия
Финансовый капитал	Основной источник дохода для сельских пожилых и детей. Прямые трансферты	Пенсионное обеспечение, пособия, налоговые вычеты	Низкий уровень пенсий в селе вынуждает пожилых полагаться на детей [16, с. 69]
Человеческий капитал (Уход)	Физический уход и присмотр за детьми. Труд бабушек и дедушек	Развитие сети учреждений по уходу, подготовка кадров	Дефицит доступных госучреждений. Недостаточная квалификация семейных опекунов [15, с. 102]
Эмоциональная поддержка	Психологический комфорт, сохранение привычной среды («старение на дому»)	Создание инклюзивной среды, клубы для пожилых	Государство практически не участвует в обеспечении эмоционального благополучия
Временной ресурс	Затраты времени членов семьи на уход в ущерб работе	Введение гибких графиков, отпусков по уходу	Отсутствие эффективных механизмов баланса «работа – семья»

Источник: составлено авторами по материалам [15; 16]

В таком контексте научный дискурс в Китае все чаще обращается к необходимости «рефамилизации» – стратегии, направленной на возвращение семье части функций по уходу, но при условии мощной государственной подпитки [17, с. 75]. Это

подразумевает создание институциональной среды, в которой выполнение семейных обязанностей не ведет к социальному исключению или бедности.

Экономический детерминизм и трансформация репродуктивного поведения

Переход китайского общества к постиндустриальной фазе сопровождается сдвигом в мотивации репродуктивного поведения, где доминирует экономическая рациональность. Ребенок становится объектом значительных финансовых вложений с отложенной отдачей. Исследования подтверждают разрыв между репродуктивными намерениями и реальным поведением: значительная часть семей отказывается от рождения второго или третьего ребенка, руководствуясь прагматичными соображениями [17, с. 71]. Исторический контекст политики «одна семья – один ребенок» сформировал устойчивые социальные стереотипы, сместив акцент с количества детей на качество их воспитания [18].

Специфика модернизации китайской семьи определяется сочетанием активной роли государства и сохраняющегося влияния традиционных конфуцианских ценностей на семейное поведение [19]. Вместе с тем трансформация внутрисемейных ролей, ослабление патриархальной иерархии и изменение представлений о семейной ответственности ограничивают эффективность опоры исключительно на традиционные механизмы без достаточной экономической и институциональной поддержки [20, с. 101]. Факторы, сдерживающие реализацию политики «трех детей», можно систематизировать по уровням институционального сопротивления (табл. 3).

Таблица 3

Уровни институционального сопротивления реализации пронаталистской политики в КНР

Table 3

Levels of institutional resistance to the implementation of pro-natalist policies in China

Уровень анализа	Характер противоречия	Проявление в социальных практиках
Макроуровень	Разрыв между декларациями и бюджетом	Недостаточные инвестиции в социальную инфраструктуру детства при провозглашении курса на поддержку рождаемости
Мезоуровень	Конфликт интересов рынка и семьи	Дискриминация женщин, культура переработок («996»), отсутствие гибких форм занятости
Микроуровень	Трансформация ценностей	Выбор стратегии DINK, откладывание брака, восприятие многодетности как снижения качества жизни

Источник: составлено авторами по материалам [17; 21]

Особый интерес представляет попытка государства осуществить «пронаталистский поворот», опираясь на возврат к традиционным ценностям. Однако эксперты отмечают, что в условиях завершенного демографического перехода призывы к традиционности наталкиваются на новую социальную реальность [21, с. 58].

Административно-управленческие механизмы реализации семейной политики

Анализ институциональной среды семейной поддержки в Китае выявляет высокую степень фрагментарности управления. Политика поддержки семьи распределена между множеством ведомств, что приводит к отсутствию единой системы и преобладанию «экстренных» мер над профилактическими [22, с. 124]. Система

настроена на реакцию в кризисных ситуациях, в то время как «обычная» семья выпадает из поля зрения государственной поддержки [15, с. 104].

Ключевой проблемой является несоответствие между законодательными императивами и реальными возможностями правоприменения. Попытка юридически закрепить моральную обязанность детей посещать родителей (Закон о защите прав пожилых) свидетельствует о кризисе неформальных институтов, но без экономической базы подобные нормы остаются декларативными. Структура применяемых управленческих инструментов представлена в табл. 4.

Таблица 4

Классификация инструментов государственной политики поддержки семейного ухода в КНР

Table 4

Classification of government policy instruments to support family care in China

Категория инструментов	Содержание и механизмы реализации	Ограничения и дисфункции
Нормативно-правовые	Законы о защите прав пожилых, женщин и детей. Введение «отпуска по уходу за родителями»	Отсутствие жестких санкций за неисполнение. Слабая правовая защита опекунов
Финансово-экономические	Система минимального обеспечения, налоговые вычеты, субсидии	Ориентация на адресную помощь беднейшим слоям. Недостаточный размер льгот для среднего класса
Сервисные	Развитие сети столовых для пожилых, дневных стационаров, интеграция медицины и ухода	Территориальное неравенство: дефицит услуг в сельских и западных районах
Социокультурные	Пропаганда семейных ценностей, поощрение «образцовых семей»	Низкая эффективность в условиях доминирования рыночных ценностей

Источник: составлено авторами по материалам [18; 19]

Итак, административно-управленческая система КНР находится в стадии поиска эффективной модели. Переход от директивного управления к созданию благоприятной среды требует перестройки межведомственного взаимодействия и смещения фокуса с контроля численности населения на повышение качества жизни домохозяйств.

Специфика семейной поддержки на сельских и городских территориях

Институциональный анализ выявляет глубокую дихотомию между городскими и сельскими моделями, обусловленную системой «хукоу» и неравномерностью развития. В сельской местности, где традиционные устои подвергаются эрозии из-за оттока населения, формируется специфическая уязвимость. Феномен «оставленных» пожилых людей и детей стал прямым следствием стратегии выживания сельских домохозяйств. Финансовый капитал от денежных переводов мигрантов часто недостаточен для компенсации утраченного социального капитала [23, с. 3]. Различия в механизмах функционирования семейной поддержки представлены в табл. 5.

Таблица 5

Сравнительная характеристика моделей семейной поддержки в городской и сельской местности КНР

Table 5

Comparative characteristics of family support models in urban and rural areas of China

Критерий сравнения	Городская модель	Сельская модель
Структура семьи	Нуклеарная, высокая доля DINK	Расширенная, фрагментированная миграцией
Источник дохода пожилых	Пенсии, активы	Помощь детей, минимальные пособия, приусадебное хозяйство
Стратегия ухода за детьми	Интенсивное родительство, инвестиции в образование	Делегированное родительство (воспитание прауродителями)
Институциональные дефициты	Нехватка яслей, проблема баланса «работа – семья»	Дефицит медицинских услуг и ухода

Источник: составлено авторами по материалам [15; 16; 18]

Преодоление дуализма в системе социальной защиты и обеспечение равного доступа к базовым услугам ухода независимо от места проживания становится важнейшим условием для восстановления функциональности института семьи.

Перспективы развития институциональной системы семейной поддержки

Проведенный анализ позволяет констатировать, что Китай находится в точке бифуркации. Сложившаяся система поддержки оказывается неспособной эффективно компенсировать издержки семьи в условиях рынка. Ключевой вывод заключается в том, что возврат к традиционной модели семейной солидарности невозможен без масштабных государственных инвестиций. Задача государства состоит в создании среды, где выбор в пользу многодетности и заботы о старшем поколении становится экономически рациональным [17, с. 77]. Для преодоления дисфункций необходима комплексная модернизация (табл. 6).

Таблица 6

Стратегические направления совершенствования системы семейной поддержки в КНР

Table 6

Strategic Directions for Improving the Family Support System in China

Направление политики	Целевые ориентиры и механизмы	Ожидаемый эффект
Управленческая интеграция	Создание единого координационного органа	Устранение фрагментарности, целостная стратегия
Экономическая декоммодификация	Прогрессивные налоговые вычеты, субсидирование жилья	Снижение «налога на родительство» и рисков бедности
Сервисная трансформация	Сеть яслей, система долговременного ухода	Снижение нагрузки на женщин, баланс «карьера – семья»
Правовая защита	Защита прав работников с семейными обязанностями	Легитимизация домашнего труда, снижение дискриминации

Источник: составлено авторами по материалам [17; 23]

Реализация предложенных мер требует смены управленческой парадигмы: от восприятия семьи как инструмента решения государственных задач к партнерской модели, где государство инвестирует в устойчивость домохозяйств. В этой

связи Вэй Жочжу подчеркивает, что эффективность управления семейной политикой напрямую зависит от учета социокультурных факторов и специфики ментальности, однако в условиях модернизации традиционные регуляторы (такие как «сяо») должны быть подкреплены современными институтами социального обеспечения [22, с. 185].

Заключение

Проведенный анализ демонстрирует фундаментальное противоречие современной семейной политики Китая: переход к пронаталистской модели осуществляется преимущественно административными методами, унаследованными от предыдущего этапа, тогда как новая демографическая реальность требует сложных экономических и социальных механизмов поддержки. Трансформация семейной структуры, кризис традиционной этики «сяо» и растущие издержки воспитания детей создают системный вызов, на который государство пока не дает адекватного ответа.

Перспективы преодоления кризиса видятся не в возврате к патриархальной модели, а в формировании гибридной системы, где государственная поддержка не заменяет, а усиливает внутренние ресурсы семьи. Основными направлениями такой политики должны стать финансовая декоммодификация родительства, развитие инфраструктуры ухода и эффективная правовая защита семей с детьми.

Таким образом, устойчивость социальной системы Китая будет зависеть от способности государства перейти от логики контроля к стратегии партнерства, создающей условия, при которых демографические интересы общества совпадают с рациональным выбором отдельной семьи.

Список литературы

1. Gauthier, A. H. Family Policies in Low Fertility Countries: Evidence and Reflections / A. H. Gauthier, S. Gietel-Basten // Population and Development Review. 2024. DOI [10.1111/padr.12691](https://doi.org/10.1111/padr.12691). EDN [IVEMFY](https://www.edn.ru/IVEMFY).
2. Субхангулова, К. А. Семейная политика в странах Центральной и Восточной Европы в 2000–2020-х годах // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 44–61. DOI [10.17323/demreview.v11i2.21826](https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21826). EDN [QNFTPU](https://www.edn.ru/QNFTPU).
3. Cook, L. J. Trying to Reverse Demographic Decline: Pro-Natalist and Family Policies in Russia, Poland and Hungary / L. J. Cook, E. R. Iarskaia-Smirnova, V. A. Kozlov // Social Policy and Society. 2023. Vol. 22, № 2. Pp. 355–375. DOI [10.1017/s1474746422000628](https://doi.org/10.1017/s1474746422000628). EDN [WMZDIK](https://www.edn.ru/WMZDIK).
4. Ryu, S. Unravelling Variations in 21st Century East Asia's Pronatalist Family Policy through the Lens of Inclusiveness // Journal of International and Comparative Social Policy. 2025. Vol. 40, № 3. Pp. 303–321. DOI [10.1017/ics.2025.7](https://doi.org/10.1017/ics.2025.7).
5. Wang, S. Flexible Working Arrangements and Fertility Intentions: A Survey Experiment in Singapore / S. Wang, H. Dong // European Journal of Population. 2024. Vol. 40, № 1. P. 33. DOI [10.1007/s10680-024-09719-1](https://doi.org/10.1007/s10680-024-09719-1). EDN [WKPQCU](https://www.edn.ru/WKPQCU).
6. Lazzari, E. The Effect of Parental Caregiving on the Fertility Expectations of Adult Children / E. Lazzari, V. Zurla // European Journal of Population. 2024. Vol. 40, № 1. P. 35. DOI [10.1007/s10680-024-09724-4](https://doi.org/10.1007/s10680-024-09724-4). EDN [NIRBOF](https://www.edn.ru/NIRBOF).
7. 张瑞娟、高秀娟、刘金菊、肖婷：《中国生育支持政策：现状与展望》、《人口学刊》。2025年。第47卷、第3期、第45–86页。DOI [10.16405/j.cnki.1004-129X.2025.03.002](https://doi.org/10.16405/j.cnki.1004-129X.2025.03.002).
8. 都阳、程杰、曲玥：《生育支持政策的中央事权与顶层设计》、《人口研究》。2024年。第48卷、第2期、第3–16页。

9. 杨菊华：《家庭结构八大转变与政策回应》、《人口学刊》。2025年。第47卷、第1期、第33-48页。
10. 孙鹃娟、田佳音、陈雨欣：《替代还是补充？居家养老服务对中国老年人代际支持的影响效应》、《人口研究》。2023年。第47卷、第6期、第35-50页。
11. 蔡玉梅、陈功：《家庭养老压力对初育年龄的影响》、《人口学刊》。2025年。第47卷、第3期、第37-49页。DOI [10.16405/j.cnki.1004-129X.2025.03.003](#).
12. North, D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 152 p. DOI [10.1017/CBO9780511808678](#). ISBN 978-0-521-39734-6.
13. Lesthaeghe, R. The Second Demographic Transition, 1986–2020: Sub-Replacement Fertility and Rising Cohabitation – A Global Update // Genus. 2020. Vol. 76, No. 1. P. 10. DOI [10.1186/s41118-020-00077-4](#). EDN [DKYYGB](#).
14. 鲁全：《中国的家庭结构变迁与家庭生育支持政策研究》、《中共中央党校(国家行政学院)学报》。2021年。第25卷、第5期、第93-99页。
15. 郭林、高姿姿：《“老有所养”家庭支持政策体系的完善——基于“资源-服务”视域下的家庭养老功能》、《中国行政管理》。2022年。第10期、第99-108页。
16. 白维军、李辉：《“老有所养”家庭支持政策体系的构建》、《中州学刊》。2020年。第7期、第69-75页。
17. 吕红平、邹超：《实施“全面两孩”后家庭支持政策改革与完善研究》、《人口与发展》。2018年。第24卷、第2期、第71-78页。
18. Майстренко, Г. А. Семейная политика КНР: исторический ракурс и современное состояние / Г. А. Майстренко, А. Г. Майстренко // Образование и право. 2019. № 8. С. 330–334. EDN [DZYAEJ](#).
19. Кашина, М. А. Модернизация семьи в России и Китае: роль государства // Управленческое консультирование. 2020. № 8(140). С. 175–190. DOI [10.22394/1726-1139-2020-8-175-190](#). EDN [XKCLKY](#).
20. Кузьменко, Е. Б. Особенности взаимоотношений в китайской семье / Е. Б. Кузьменко, И. А. Скворцова, Н. С. Терешкова // Молодой ученый. 2015. № 19(99). С. 99–102. EDN [UMIPJE](#).
21. Сивинцева, О. В. Проналистский поворот в Китае: возврат к традиционным семейным ценностям или новая реальность? // Вестник Пермского университета. Политология. 2019. Т. 13, № 3. С. 54–67. DOI [10.17072/2218-1067-2019-3-54-67](#). EDN [BUQPHC](#).
22. Вэй, Ж. Семейная политика в КНР (управленческий аспект) : специальность 22.00.08 «Социология управления» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук, 2019. 203 с. EDN [GFXQBZ](#).
23. 李树茁、徐洁、左冬梅、曾卫红：《农村老年人的生计、福祉与家庭支持政策——一个可持续生计分析框架》、《当代经济科学》。2017年。第39卷、第4期、第1-10页。

Сведения об авторах

Воробьева Ольга Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры демографии, Высшая школа современных социальных наук (факультет), МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 89166130069@mail.ru; ORCID:0000-0003-1304-3715; ПИНЦ SPIN-код: [6059-0372](#);
Web of Science Researcher ID: [H-9920-2016](#); Scopus Author ID: [57202602806](#).

Сун Сюань, аспирант, кафедра демографии, Высшая школа современных социальных наук (факультет), МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: songxiuyan1004@gmail.com; ORCID:0009-0009-8980-2934.

Статья поступила в редакцию 30.03.2026; принята в печать 06.07.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

INSTITUTIONAL THEORY AND FAMILY SUPPORT: THE INTERACTION OF STATE POLICY AND INTRA-FAMILY MECHANISMS IN CHINA

Olga D. Vorobyeva

*Lomonosov Moscow State University; Institute of Social Demography FCTAS RAS,
Moscow, Russia*

E-mail: 89166130069@mail.ru

Xiuyan Song

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: songxiuyan1004@gmail.com

For citation: Vorobyeva, O. D., Song, X. Institutional Theory and Family Support: The Interaction of State Policy and Intra-Family Mechanisms in China. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 3. Pp. 198–211. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.12](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.12). (In Russ.)

Abstract. The article examines the transformation of the family institution in the People's Republic of China through the lens of institutional theory and state support mechanisms. This constitutes the subject of the study. It traces the evolution of policy approaches from strict birth control to a pro-natalist orientation and the strategy of “refamilialisation”. The aim of the research is to focus on the tension between official policy directives and the actual adaptive strategies of households against the backdrop of demographic ageing and urbanisation. The study is premised on the hypothesis that the current model of social support has become dysfunctional over recent decades. Drawing on normative documents and sociological survey data, the article reveals contradictions between contemporary societal demands and social realities regarding support for the elderly. For the first time, it is shown that the transformation of family structure, the crisis of traditional xiao (filial) ethics, and rising costs of child-rearing constitute a systemic challenge to which the state has not yet provided an adequate response. The prospects for overcoming this crisis are seen not in a return to the patriarchal model, but in the formation of a hybrid system in which state support does not replace, but rather complements and strengthens the family's internal resources. The article proposes ways to harmonise public resources with the intra-familial care potential.

Keywords: family policy, China, institutional theory, demographic transition, fertility support, population aging, refamilization

References

1. Gauthier, A. H., Gietel-Basten, S. Family Policies in Low Fertility Countries: Evidence and Reflections. *Population and Development Review*. 2024. DOI [10.1111/padr.12691](https://doi.org/10.1111/padr.12691).
2. Subkhangulova, K. A. Family Policy in Central and Eastern European Countries in the 2000–2020-s. *Demographic Review*. 2024. Vol. 11, No. 2. Pp. 44–61. DOI [10.17323/demreview.v11i2.21826](https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21826). (In Russ.).
3. Cook, L. J., Iarskaia-Smirnova, E. R., Kozlov, V. A. Trying to Reverse Demographic Decline: Pro-Natalist and Family Policies in Russia, Poland and Hungary. *Social Policy and Society*. 2023. Vol. 22, No. 2. Pp. 355–375. DOI [10.1017/S1474746422000628](https://doi.org/10.1017/S1474746422000628).
4. Ryu, S. Unravelling Variations in 21st Century East Asia's Pronatalist Family Policy through the Lens of Inclusiveness. *Journal of International and Comparative Social Policy*. 2025. Vol. 40, No. 3. Pp. 303–321. DOI [10.1017/ics.2025.7](https://doi.org/10.1017/ics.2025.7).
5. Wang, S., Dong, H. Flexible Working Arrangements and Fertility Intentions: A Survey Experiment in Singapore. *European Journal of Population*. 2024. Vol. 40. No. 1. P. 33. DOI [10.1007/s10680-024-09719-1](https://doi.org/10.1007/s10680-024-09719-1).
6. Lazzari, E., Zurla, V. The Effect of Parental Caregiving on the Fertility Expectations of Adult Children. *European Journal of Population*. 2024. Vol. 40. No. 1. P. 35. DOI [10.1007/s10680-024-09724-4](https://doi.org/10.1007/s10680-024-09724-4).
7. Zhang Ruijuan, Gao Xiujuan, Liu Jinju, Xiao Ting. Zhōngguó shēngyù zhīchí zhèngcè: xiànzhuàng yǔ zhǎnwàng [China's Fertility Support Policies: Current Situation and Prospects]. *Rénkǒu xuékān* [Population Journal]. 2025. Vol. 47, No. 3. Pp. 45–86. DOI [10.16405/j.cnki.1004-129X.2025.03.002](https://doi.org/10.16405/j.cnki.1004-129X.2025.03.002). (In Chinese).

8. Du Yang, Cheng Jie, Qu Yue. Shēngyù zhíchí zhèngcè de zhōngyāng shìquán yǔ dǐngcéng shèjì [Pro-natalist Policies: Central Government Responsibilities and Top-Level Design]. *Rénkǒu yánjiū* [Population Research]. 2024. Vol. 48, No. 2. Pp. 3–16. (In Chinese).
9. Yang Juhua. Jiāting jiégòu bā dà zhuǎnbiàn yǔ zhèngcè huíyìng [Structural Transformation of the Chinese Family and Policy Responses]. *Rénkǒu xuékān* [Population Journal]. 2025. Vol. 47, No. 1. Pp. 33–48. DOI 10.16405/j.cnki.1004-129X.2025.01.003. (In Chinese).
10. Sun Juanjuan, Tian Jiayin, Chen Yuxin. Tídài háishì bǔchōng? Jūjiā yǎnglǎo fúwù duì Zhōngguó lǎoniánrén dài jì zhíchí de yǐngxǐǎng xiàoyìng [Substitute or Supplement? The Impact of Home-based Care Services on Intergenerational Support of Chinese Older People]. *Rénkǒu yánjiū* [Population Research]. 2023. Vol. 47, No. 6. Pp. 35–50. (In Chinese).
11. Cai Yumei, Chen Gong. Jiāting yǎnglǎo yǎli duì chūyǐ niánlíng de yǐngxǐǎng [The Influence of Family Caregiving Pressure on the Age at First Childbearing]. *Rénkǒu xuékān* [Population Journal]. 2025. Vol. 47, No. 3. Pp. 37–49. DOI 10.16405/j.cnki.1004-129X.2025.03.003. (In Chinese).
12. North, D. C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 p. DOI 10.1017/CBO9780511808678. ISBN 978-0-521-39734-6.
13. Lesthaeghe, R. The Second Demographic Transition, 1986–2020: Sub-Replacement Fertility and Rising Cohabitation – A Global Update. *Genus*. 2020. Vol. 76. Article 10. DOI 10.1186/s41118-020-00077-4.
14. Lu Quan. Zhōngguó de jiāting jiégòu biànciān yǔ jiāting shēngyù zhíchí zhèngcè yánjiū [Research on Changes in China's Family Structure and Family Fertility Support Policies]. *Zhōnggòng Zhōngyāng Dǎngxiào (Guójiā Xíngzhèng Xuéyuàn) xuébào* [Journal of the Party School of the Central Committee of the C.P.C. (Chinese Academy of Governance)]. 2021. Vol. 25, No. 5. Pp. 93–99. (In Chinese).
15. Guo Lin, Gao Zizi. “Lǎo yǒu suǒ yǎng” jiāting zhíchí zhèngcè tǐxì de wánshàn: jīyú “zīyuán-fúwù” shìyù xià de jiāting yǎnglǎo gōngnéng [Improving the Family Support Policy System for “Providing for the Elderly”: Family Old-Age Support Functions from a “Resources–Services” Perspective]. *Zhōngguó xíngzhèng guǎnlǐ* [Chinese Public Administration]. 2022. No. 10. Pp. 99–108. (In Chinese).
16. Bai Weijun, Li Hui. “Lǎo yǒu suǒ yǎng” jiāting zhíchí zhèngcè tǐxì de gòujiàn [Building a Family Support Policy System for “Providing for the Elderly”]. *Zhōngzhōu xuékān* [Academic Journal of Zhongzhou]. 2020. No. 7. Pp. 69–75. (In Chinese).
17. Lü Hongping, Zou Chao. Shíshí “quánmiàn liǎng hái” hòu jiāting zhíchí zhèngcè gǎigé yǔ wánshàn yánjiū [Research on the Reform and Improvement of Family Support Policies after the Implementation of the “Universal Two-Child” Policy]. *Rénkǒu yǔ fāzhǎn* [Population & Development]. 2018. Vol. 24, No. 2. Pp. 71–78. (In Chinese).
18. Maistrenko, G. A., Maistrenko, A. G. Family Policy of the PRC: Historical View and Present Condition. *Education and Law*. 2019. No. 8. Pp. 330–334. (In Russ.).
19. Kashina, M. A. Modernization of Family in Russia and China: The Role of the Government. *Administrative Consulting*. 2020. No. 8(140). Pp. 175–190. DOI 10.22394/1726-1139-2020-8-175-190. (In Russ.).
20. Kuzmenko, E. B., Skvortsova, I. A., Tereshkova, N. S. Osobennosti vzaimootnosheniy v kitayskoy sem'ye [Features of Relationships in the Chinese Family]. *Moloday Uchenyy* [Young Scientist]. 2015. No. 19 (99). Pp. 99–102. (In Russ.).
21. Sivintseva, O. V. Pronatalist Turn in China: A Return to Traditional Family Values or a New Reality? *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2019. Vol. 13, No. 3. Pp. 54–67. DOI 10.17072/2218-1067-2019-3-54-67. (In Russ.).
22. Wei, Z. *Semeynaya politika v KNR (upravlencheskiy aspekt)* [Family Policy in the PRC (Managerial Aspect)]: specialty 22.00.08 “Sociology of Management”: dissertation for the degree of candidate of sociological sciences, 2019. 203 p. (In Russ.).
23. Li Shuzhuo, Xu Jie, Zuo Dongmei, Zeng Weihong. Nóngcūn lǎoniánrén de shēngjì, fúzhǐ yǔ jiāting zhíchí zhèngcè: yī gè kě chíxù shēngjì fēnxī kuàngjià [Livelihood and Wellbeing of Rural Elderly and Family Support Policy: A Sustainable Livelihood Framework]. *Dāngdài jīngjì kēxué* [Modern Economic Science]. 2017. Vol. 39, No. 4. Pp. 1–10. (In Chinese).

Bio notes

Olga D. Vorobyeva, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor, Department of Demography, Higher School of Modern Social Sciences (Faculty), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 89166130069@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-1304-3715](https://orcid.org/0000-0003-1304-3715); RSCI SPIN-code: [6059-0372](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=H-9920-2016); Web of Science Researcher ID: [H-9920-2016](https://orcid.org/H-9920-2016); Scopus Author ID: [57202602806](https://orcid.org/57202602806).

Song Xiuyan, Postgraduate Student, Department of Demography, Higher School of Modern Social Sciences (Faculty), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: songxiuyan1004@gmail.com; ORCID ID: [0009-0009-8980-2934](https://orcid.org/0009-0009-8980-2934).

Received on 30.03.2026; accepted for publication 06.07.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.3.13](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.13)

EDN [PIZOGQ](https://edn.pizogq.ru)

Научная статья

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ УПРАВЛЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ В РОССИИ В 2000–2025 ГГ.

Яник А. А.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: yanik-andrey@idrras.ru

Попова С. М.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: popova-svetlana@idrras.ru

Карпова С. Ф.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: karpova2@yandex.ru

Для цитирования: Яник, А. А. Особенности становления институционально-правовых основ управления демографическим развитием в России в 2000–2025 гг. / А. А. Яник, С. М. Попова, С. Ф. Карпова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 3. С. 212–236. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.13](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.13). EDN [PIZOGQ](https://edn.pizogq.ru).

Аннотация. Публикация посвящена результатам анализа динамики и особенностей развития институционально-правовых основ системы управления демографической сферой в Российской Федерации в период 2000–2025 гг. Цель исследования – оценить, адекватно ли состояние права отражает потребности управления демографическим развитием. Гипотеза заключается в том, что отсутствие в Конституции РФ норм, непосредственно содержащих термин «демография» или его производные, привело к более длительному процессу «осмысления» правом демографической проблематики как специального направления правового регулирования, что сказывается и на системности становления механизмов управления демографическим развитием. Проведенный методами юридической статистики анализ выборки правовых источников позволил выделить несколько периодов в становлении правового обеспечения механизмов управления демографическим развитием Российской Федерации, различающихся содержанием и темпами роста количества актов. Для содержательного анализа нормативных источников применялись подходы юридической семантики. В работе также использованы различные сравнительные методы, включая сравнительный анализ процессов развития правовых основ и государственной политики в области управления демографическим развитием Российской Федерации. Результаты исследования показали, что развитие специализированного демографического законодательства происходит главным образом путем легализации управленческой практики, а единообразно понимаемый юридический лексикон, имеющий отношение к вопросам демографии, еще не сложился. Отсутствие правовой определенности в части, касающейся демографических понятий, содержит риски, препятствующие единообразному пониманию и применению соответствующих норм на практике. Исследование позволяет сделать вывод о том, что осмысление на высшем политическом уровне острой актуальности демографических вызовов для перспектив достижения национальных целей развития стимулирует процессы коэволюции собственно управленческих механизмов и специализированного правового обеспечения системы стратегического управления демографическими изменениями. Для ускорения адаптации отечественного права к новым демографическим реалиям, повышения системности и качества правового обеспечения проактивного управления демографическим развитием необходимо разработать стратегию, которая определит цели, задачи и пути совершенствования правового регулирования в этой сфере.

Ключевые слова: юридическая статистика, демография, регулирование демографических процессов, демографическая политика, адаптация правового регулирования, управление демографическим развитием

Введение

Демографические вызовы являются одними из самых актуальных для России в настоящее время и останутся таковыми в ближайшие десятилетия. Руководство страны поставило задачу переломить тенденцию сокращения населения, постоянно совершенствуя механизмы регулирования демографической сферы¹.

Управление демографическими изменениями – сложная государственная задача, решение которой требует наличия системной юридической базы и эффективных институционально-правовых механизмов. Для того, чтобы нужные инструменты были успешно сформированы и могли результативно влиять на демографическую сферу, необходимо глубокое научное понимание взаимозависимостей между объективной реальностью и правом. Несомненно, чтобы те или иные общественные отношения, различные феномены или процессы могли быть урегулированы правовым образом, они должны быть «увидены» правом: иными словами, воплотиться в соответствующих правовых категориях, моделях, стать предметом регулирования. В свою очередь, правовые новеллы, перспективные замыслы законодателей могут творить новые отношения, управлять реальностью.

Принятие в 1993 г. новой Конституции РФ положило начало становлению современной российской государственности в соответствии с установленными в Основном законе принципами и «должными моделями будущего». Как известно, наряду с учредительной, регулятивной, охранительной, стабилизирующей функциями, Конституция играет целеполагающую и конструктивную роль, закрепляя стратегические цели развития общества и государства и устанавливая принципы формирования и развития новых институтов (иначе говоря, «дает нормативный прогноз для развития общественных отношений») [1, с. 17]. Как неоднократно подчеркивал Конституционный суд РФ, все более усиливающееся «и во многих отношениях являющееся преобразующим – влияние конституционных предписаний на отраслевое регулирование (конституционализация)» есть характеристика современных правовых систем². Таким образом, положения Конституции РФ – это «план» и стимул для целенаправленной трансформации прежних реалий жизни в конституционно должном направлении.

Анализ показывает, что Основной закон России закрепил базовые принципы для развития и правового регулирования различных сфер общественных отношений, прямо или косвенно связанных с демографическим развитием страны. Речь идет, к примеру, о таких направлениях, как семейная политика, защита женщин,

¹ Путин ждет от правительства решений для перелома негативной тенденции в демографии // Интерфакс : [сайт]. 08.12.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1062021> (дата обращения: 31.01.2026); Заседание Совета по реализации государственной демографической и семейной политики // Президент России : [сайт]. 23.10.2025. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/7827> (дата обращения: 31.01.2026); Распоряжение Правительства Российской Федерации от 01 октября 2021 г. № 2765-р [Об утверждении Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/608894613> (дата обращения: 31.01.2026).

² Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» Санкт-Петербург, 2021. С. 3 // Конституционный суд Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://www.ksrf.ru/about/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf> (дата обращения: 31.01.2026).

материнства и детства, здравоохранение, социальная поддержка различных слоев населения и др.

Так, уже в самих Основах конституционного строя (в статье 7) закреплён социальный характер государства, а также указано, что в Российской Федерации «обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан»³. В статье 114 (пункт 1, подпункт «в») указаны полномочия Правительства РФ по проведению единой социально ориентированной политики укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных ценностей, а пункт 4 статьи 67.1 декларирует, что «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России»⁴.

Однако сам термин «демография» и производные от него отсутствуют в тексте Конституции РФ. Соответственно, в первые годы становления правовой системы и государственных институтов новой России специальный демографический дискурс практически не был отражён во вновь принимаемых актах.

Например, анализ базы документов за 1994 год, содержащихся в системе «Консультант Плюс», показал, что упоминание термина, имеющего отношение к демографии, во всем массиве федеральных правовых актов встречается лишь единственный раз – в Положении о Министерстве Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике, где среди основных задач упоминается «разработка мер по селективной государственной поддержке регионов с наиболее сложными, социально-экономическими, демографическими и экологическими условиями»⁵.

Очевидно, что в данном случае термин, прямо касающийся демографии, «вошёл» в правовую лексику не вследствие воплощения проективных установлений Конституции РФ, а из объективных реалий жизни и потребностей государственного управления.

Исходная посылка исследования – позиция, согласно которой регулирование демографической сферы достаточно долгое время не было специализированным именно в силу отсутствия этой категории в базовом акте, заложившем основу становления правовой системы и государственных институтов новой России, и являлось своего рода суммой от реализации конституционных установлений, касающихся самых разных аспектов, прямо или косвенно влияющих на демографическое развитие страны.

Соответственно, в контексте совершенствования механизмов государственного управления демографической сферой целесообразно рассмотреть динамику «проникновения» демографического дискурса в систему права, процессы оформления демографических реалий в правовых категориях. То есть исследовать, как право стало «осознавать» наличие демографии как отдельной, специальной, комплексной

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 30.01.2026).

⁴ Там же.

⁵ Постановление Правительства РФ от 11 апреля 1994 г. № 312 «Об утверждении положения о Министерстве Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике» // Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/9855/> (дата обращения: 30.01.2026).

сферы, требующей особого внимания законодателей и целенаправленного государственного регулирования соответствующими правовыми методами и институционально-правовыми механизмами.

Обзор научной литературы

Использование количественных методов в анализе законодательства – подход, хорошо известный в России и за рубежом. Выявление социально-экономических и политических последствий применения актов, регулирующих различные сферы общественных отношений, требуют научного измерения явлений, связанных как с правоприменением, так и с динамикой развития самой правовой базы. В количественных юридических исследованиях особое внимание уделяется числовым данным и статистическому анализу для выявления правовых закономерностей и проверки гипотез [2].

Отечественных работ, посвященных юридико-статистическим (количественным) исследованиям правовых актов в контексте демографической тематики, на текущий момент обнаружить не удалось. Тем не менее методы юридической статистики активно используются российскими учеными для исследования иных предметных областей. В качестве примера можно привести монографию С. Н. Шевердяева, который проанализировал эволюцию конституционного законодательства Российской Федерации за 35 лет (1988–2023 гг.), уделив особое внимание отслеживанию генезиса правовых институтов, нашедшего свое выражение в нормативных правовых актах [3].

В отчете по итогам выполненного Центром стратегических разработок статистического анализа федерального законодательства за 1993–2016 гг. представлены как сами результаты количественных наблюдений, так и обсуждение выявленных закономерностей⁶. Показано, что процессы формирования нормативной базы по различным правовым отраслям имеют собственную внутреннюю логику развития, не совпадающую с общей динамикой принятия новых законов.

В публикации авторов 2019 г. количественный анализ федеральных конституционных законов и федеральных законов (1994–2018 гг.) был использован для оценки темпов и качества воплощения «конституционного плана» в текущих правовых реалиях [4]. Особое внимание уделялось динамике принятия законов, прямо предполагаемых нормами Конституции РФ, и законов о поправках к ним.

Что касается литературы, посвященной проблемам государственного управления демографическим развитием, то она является крайне обширной и многообразной. В нашей стране труды по вопросам управления развитием народонаселения появились еще в конце 1960–1970-х годов [5; 6; 7]. В массиве релевантных публикаций, помимо результатов анализа собственно правовой компоненты [напр., 8; 9; 10; 11], дискутируются вопросы совершенствования различных элементов системы стратегического управления демографическим развитием (включая ее институционально-правовое обеспечение) [напр., 12; 13; 14], а также изучение взаимовлияния

⁶ Статистический анализ федерального законодательства. М. : Центр стратегических разработок. 2017. 58 с. // Центр стратегических разработок : [сайт]. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/371/371fc15ff3ce66708fa55ccc9e33f48f.pdf> (дата обращения: 31.01.2026).

последствий регулирующих воздействий государства в различных сферах (экономика, экология, социальная защита, здравоохранение, образование) на демографические процессы и наоборот [напр., 15; 16]

Современные примеры учета демографической, социально-экономической и экологической компонент в системном моделировании перемен подтверждают связь между изменением народонаселения и экономическим развитием [17]. Причем эта связь носит сильный, но опосредованный характер (путем влияния роста дохода государства в расчете на душу населения через укрепление системы здравоохранения и повышение общего благополучия на показатели рождаемости и смертности). Использование инновационных цифровых технологий дает пример более изощренного системного учета ключевых факторов (качества образования и медицинского обслуживания, учета гендерного равенства, экологической устойчивости, проводимой миграционной политики и условий технологического прогресса) на динамику народонаселения.

В частности, в КНР с целью выявления ключевых факторов, влияющих на устойчивый демографический рост, и формирования на этой основе научных рекомендаций для выбора приоритетов текущих демографических и социо-экономических изменений был проведен многомерный анализ масштабной базы цифровых данных, имеющихся в распоряжении органов государственной власти с привлечением возможностей технологий AI (использовались большие языковые модели (LLM), системы глубинного обучения, модели комплексного сетевого анализа и агент-ориентированные модели) [18].

В целом можно утверждать, что в фокусе современного научного дискурса, посвященного тематике управления демографическими изменениями, находятся холистические подходы, рассматривающие исследуемый объект как целостное образование и связанные с выходом за пределы традиционных демографических метрик, которые анализируются во взаимосвязи с широким социально-экономическим, историко-культурным, психологическим контекстом и соответствующими показателями. К примеру, экспертами-финансистами доказано влияние демографических изменений на государственные доходы, а также зависимость демографической политики от эффективности использования бюджета, что, в свою очередь, связано с наличием или отсутствием хорошо организованных мер государственного воздействия на демографическую ситуацию⁷.

Методология и методы исследования, источники информации

Для выявления количественных закономерностей, тенденций и взаимосвязей деятельности органов публичной власти по управлению изменениями в демографической сфере при достижении национальных целей развития применены методы юридико-статистического анализа. Объектом исследования выступили нормативно-правовые акты (указы Президента Российской Федерации, постановления

⁷ Fiscal Policy. How to Assess Fiscal Implications of Demographic Shifts: A Granular Approach. Washington, DC: International Monetary Fund, 2016. 24 p. // International Monetary Fund : [site]. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/howtonotes/2016/howtonote1602.pdf> (accessed on 31.01.2026).

и распоряжения Правительства Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы), принятые, измененные или утратившие силу в период 2000–2025 гг.

В качестве источника данных использована подсистема «Российское законодательство. Расширенная версия» справочно-поисковой системы СПС «Консультант Плюс». За указанный период расширенная версия включала в себя (на момент анализа) 42232 документа федеральных органов государственной власти, в том числе 10813 федеральных законов, включая законы о внесении изменений и дополнений, а также акты, которые уже утратили силу, не применяются или отменены.

Предварительный анализ показал, что терминологическое отражение в законодательстве вопросов воспроизводства населения, его возрастной структуры, социальных связей, популяционной динамики, как и упоминание связанных с этой тематикой регулирующих мер органов публичной власти, отличаются лексическим многообразием, но малым синтаксическим расстоянием между словами. Как правило, это простые лексические конструкции с прилагательным «демографический»: «демографическая политика», «демографическая ситуация», «демографический фактор», «демографические риски», «демографическое состояние» и т. п.

Для формирования тематической подборки документов и анализа ее статистических характеристик использовались параметры поиска с интервалом дат за календарный год (с 1 января по 31 декабря выбранного года), указания вида документа (федеральный закон, указ, постановление, распоряжение), наименования принявшего акт федерального органа государственной власти (Президент РФ, Правительство РФ), а кроме того, с дополнительным поисковым критерием в виде ключевого слова «демография» с любым расширением – как в названии, так и в тексте документа. Поиск и формирование выборки для федеральных законов, нормативных правовых актов, принятых Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации, проводился отдельно.

Помимо тематической выборки, для анализа статистических характеристик изменений законодательства был сформирован временной ряд количества принятых нормативных правовых актов (нарастающим итогом по годам, в том числе с учетом отмененных или утративших силу актов). Указанный временной ряд продемонстрировал характерный геометрический рост, близкий к логистической кривой. Дальнейший частотный анализ распределения (диаграмма Парето) позволил выделить несколько временных интервалов (по годам) по степени их влияния на динамику изменений ряда. Для определения динамики изменения количества нормативных правовых актов в процентах рассчитывался показатель совокупного среднегодового темпа роста (Compound Annual Growth Rate, CAGR) для выделенных интервалов⁸.

Для содержательного анализа нормативных источников применялись подходы юридической семантики. В работе также использованы различные сравнительные методы, включая сравнительный анализ процессов развития правовых основ и го-

⁸ CAGR широко используется для описания коэффициента геометрической прогрессии, который позволяет анализировать динамику различных процессов. Например, в экономике CAGR позволяет оценивать постоянную норму прибыли в течение определенного периода.

сударственной политики в области управления демографическим развитием Российской Федерации.

Результаты

По результатам поиска в подсистеме «Российское законодательство. Расширенная версия» справочно-поисковой системы СПС «Консультант Плюс» выявлено 605 нормативных правовых актов, содержащих в названии и тексте упоминание термина «демография» в разных вариантах. Состав полученной выборки приведен в таблице 1.

Актов, в которых терминологическая основа «демогр*» прямо упоминается в названии документа, выявлено 125. По состоянию на 1 декабря 2025 г. четверть нормативных правовых актов (24,96%) из состава полученной выборки утратили силу, не применялись или были отменены. Среди них более двух третей – это документы, изданные Правительством РФ (постановления и распоряжения), которые носили оперативный распорядительный характер.

Таблица 1

Состав тематической выборки актов федеральных органов государственной власти РФ, содержащих термин «демогр*», 2000–2025 гг.

Table 1

The composition of the thematic sample of acts of federal government bodies of the Russian Federation containing the term “demogr*”, 2000–2025

Вид акта	Количество
Федеральный закон	109
Указ Президента РФ	30
Постановление Правительства РФ	267
Распоряжение Правительства РФ	199
Всего	605

Источник: составлено авторами на основе анализа данных СПС «Консультант Плюс»

Динамика принятия актов Президента и Правительства РФ по годам анализируемого периода (2000–2025 гг.) отображена на рис. 1.

На рис. 2 представлена динамика принятия по годам различных видов нормативных правовых актов Президента и Правительства РФ, имеющих отношение к демографической проблематике.

Рис. 3 визуализирует динамику роста (нарастающим итогом) количества принятых и отмененных актов Президента и Правительства РФ, содержащих упоминание термина «демография» и его производных.

Анализ диаграмм, визуализирующих динамику принятия актов Президента и Правительства РФ, содержащих упоминание термина «демография» и его производных, позволили выделить три различающихся «интенсивностью» появления документов хронологических интервалов: 2000–2008 гг.; 2009–2018 гг. и 2019–2025 гг.

Для указанных интервалов были рассчитаны среднегодовые темпы роста (CAGR) количества принятых нормативных правовых актов (см. табл. 2).

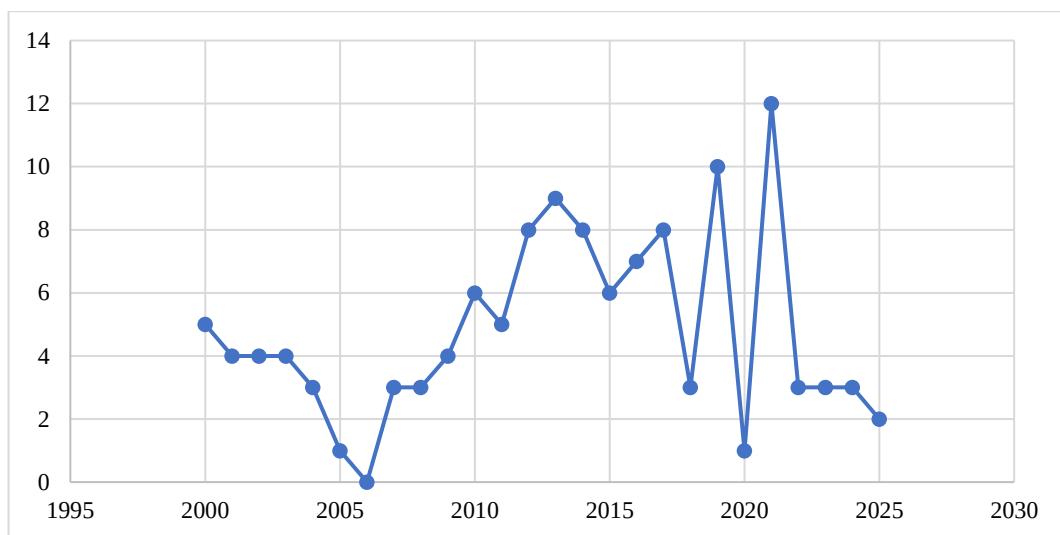

Рис. 1. Количество актов с термином «демография» и его производными, принятых Президентом и Правительством РФ за год, 2000–2025 гг.

Fig. 1. The number of acts with the term “demography” and its derivatives adopted by the President and the Government of the Russian Federation per year, 2000–2025

Источник: составлено авторами на основе анализа данных СПС «Консультант Плюс»

Рис. 2. Количество различных видов актов с термином «демография» и его производными, принятых Президентом и Правительством РФ по годам, 2000–2025 гг.

Fig. 2. The number of different types of acts with the term “demography” and its derivatives, adopted by the President and the Government of the Russian Federation by year, 2000–2025

Источник: составлено авторами на основе анализа данных СПС «Консультант Плюс»

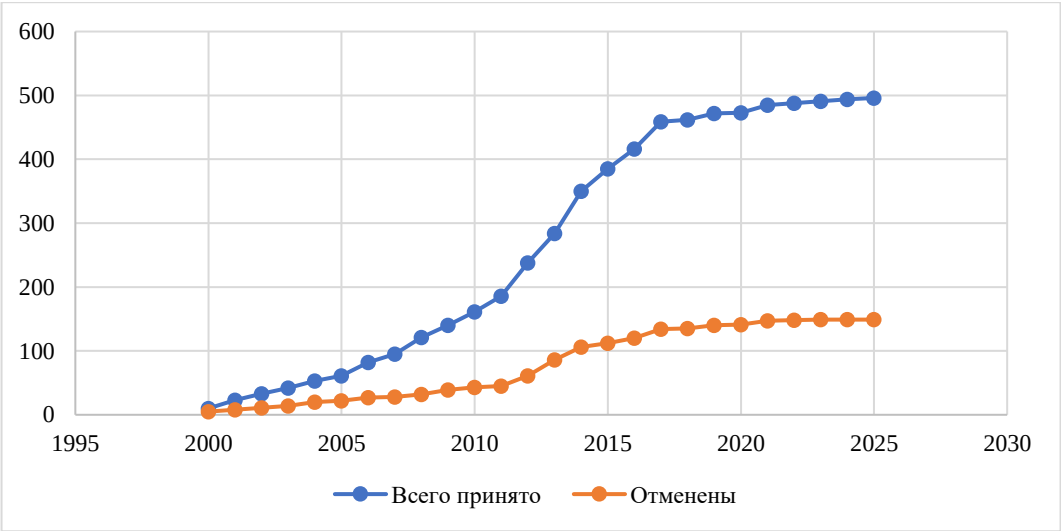

Рис. 3. Количество принятых и отмененных актов Президента и Правительства РФ, содержащих термин «демография» и его производные (нарастающим итогом), 2000–2025 гг.

Fig. 3. The number of adopted and cancelled acts of the President and the Government of the Russian Federation containing the term “demography” and its derivatives (cumulative total), 2000–2025

Источник: составлено авторами на основе анализа данных СПС «Консультант Плюс»

Таблица 2

Среднегодовые темпы роста количества принятых актов Президента и Правительства РФ, содержащих термин «демогр*»

Table 2

Average annual growth rate of the number of acts adopted by the President and the Government of the Russian Federation containing the term “demogr*”

Временной интервал (годы)	Среднегодовые темпы роста количества актов (%)	
	действующих по настоящее время	с учетом отмененных
2000–2008	30,20	35,06
2009–2018	12,68	12,47
2019–2025	0,87	0,74

Источник: составлено авторами на основе анализа данных СПС «Консультант Плюс»

Семантический анализ полученной выборки документов показал, что правовая система на текущий момент «оперирует» примерно тремя десятками понятий, которые описывают различные явления и процессы как в сфере демографии, так и в области управления демографическим развитием, но не имеют, за редким исключением, закрепленного в актах точного юридического определения.

В таблице 3 представлены используемые понятия (и производные от них), сгруппированные по тематическим кластерам.

Таблица 3

**Демографически ориентированный лексикон нормативных правовых актов РФ
(примеры)**

Table 3

**Demographically oriented lexicon of regulatory legal acts of the Russian Federation
(examples)**

Тематические группы	Основные понятия, используемые в актах	Производные от основных понятий (уточнения, разъяснения)
Безопасность	Демографические риски	-
	Социально-демографические проблемы	-
Структура общества	Демографический и социальный состав общества	-
	Основные социально-демографические группы населения (СДГ)	Для основных СДГ рассчитывается прожиточный минимум и потребительская корзина
	Демографический фактор ⁹	Демографические факторы (напр., пол, возраст) Рост числа обучающихся, вызванный демографическим фактором
	Демографические особенности (применительно к отдельным группам граждан – прим. Авт.)	Демографические особенности участников Фонда социальных сбережений
Демографическая статика	Демографическая ситуация	-
	Демографическое состояние	-
Демографическая динамика	Демографическое развитие	Динамика демографического развития Устойчивость демографического развития Перспективы демографического развития Направления демографического развития (смертность, рождаемость, миграция) Показатели демографического развития
	Демографические тенденции	-
	Демографические процессы	Динамика демографических процессов Управление демографическими процессами
Демографические результаты	Демографический кризис	-
	Демографические потери	Экономические потери от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения
Государственное управление демографическим развитием	Демографический прогноз	-
	Концепция демографического развития	-
	Демографическая политика	-
	Политика народосбережения	-
	Проект «Демография»	-
	Региональные демографические программы	-

Источник: составлено авторами на основе анализа данных СПС «Консультант Плюс»

⁹ Демографический фактор – термин для обозначения зависимости темпов и пропорций общественного развития или его отдельных экономических параметров от численности, темпов роста, возрастно-половой структуры и семейного состава населения, его размещения, интенсивности отдельных демографических процессов.

Обсуждение

Выделенные по итогам анализа хронологические интервалы, отличающиеся темпами роста количества нормативных правовых актов, прямо или косвенно относящихся к демографической проблематике, соответствуют логике формирования и совершенствования механизмов правового обеспечения системы управления демографическим развитием.

В зависимости от выбора контекста, в рамках которого интерпретируются полученные результаты, можно сформулировать следующие объяснения причин выявленных различий.

В координатах правовой науки период 2000–2009 гг., отличающийся самыми высокими темпами роста массива нормативных правовых актов (CAGR более 30%), можно считать начальным этапом адаптации права к росту актуальности демографических вызовов и секьюритизации демографической политики. Иными словами, этот период отражает процессы законодательного «осмысления» демографической сферы как специфического предмета правового регулирования, создания концептуальных основ для управления непосредственно демографическим развитием и юридического оформления соответствующих управленческих механизмов. Одновременно продолжалось совершенствование правовой базы по различным направлениям, прямо или косвенно влияющим на демографическую ситуацию и ее изменение (вопросы социально-экономического развития, регулирования миграции, переселения соотечественников, молодежной политики и пр.).

Период 2009–2018 гг. (CAGR более 12%) – дальнейшее закрепление в праве системного управления демографической сферой, операционализация концептуальных подходов, конкретизация и юридическое оформление иерархической системы и механизмов стратегического управления демографическим развитием (стратегии, национальные проекты, государственные программы; планы мероприятий; цели национального развития).

В период 2018–2025 гг. система стратегического управления «выходит на рабочий режим»: темпы «насыщения» правовой системы новыми актами резко снижаются (CAGR менее 1%), документы стандартизуются, разнообразные практические инструменты и мероприятия концентрируются в рамках немногочисленных многоуровневых комплексных инструментов – единых планов и стратегий действий.

В координатах государственного управления выявленные хронологические периоды можно интерпретировать следующим образом:

2000–2009 гг. – период выработки политических моделей государственного регулирования;

2009–2018 гг. – период разработки систем мониторинга и учета региональных особенностей;

2018–2025 гг. – период стратегического планирования желательных демографических изменений.

В таблице 4 представлена архитектура базовых актов, последовательно формирующих единую систему стратегического управления демографическим развитием России.

Таблица 4

Базовые акты, поэтапно формирующие институционально-правовые механизмы единой системы стратегического управления демографическим развитием Российской Федерации, 2000–2025 гг.

Table 4

Basic acts that gradually form the institutional and legal mechanisms of a unified system of strategic management of the demographic development of the Russian Federation, 2000–2025

Этап выработки политических моделей (2000–2008 гг.)	
2000	План действий Правительства РФ в области социальной политики и модернизации экономики на 2000–2001 гг.
2001	Концепция демографического развития РФ на период до 2015 г.
2002	Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2013 года»
2003	Концепция регулирования миграционных процессов в РФ
2004	Распоряжение Правительства Москвы от 16 апреля 2004 г. № 715-РП «О государственном заказе на разработку Комплексной целевой программы регулирования демографических процессов в городе Москве и проведение открытого конкурса юридических лиц на право заключения контракта на выполнение работ»
2005	Постановление Правительства Москвы от 28 июня 2005 г. № 482-ПП «О Концепции демографического развития города Москвы»
2006	Совет при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике Стратегия государственной молодежной политики в РФ Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом
2007	Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г.
2008	Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г.
Этап разработки систем мониторинга и учета региональных особенностей (2009–2018 гг.)	
2009	Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ
2010	Комиссия при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике (2010–2012 гг.) Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г. Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г. Концепция устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2020 г. Система федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения
2011	План мероприятий по реализации в 2011–2015 гг. Концепции демографической политики на период до 2025 г. Стратегия социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 г. Стратегия социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 г. Стратегия социально-экономического развития Центрального федерального округа на период до 2020 г. Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 г. Стратегия социально-экономического развития Приволжского федерального округа на период до 2020 г.
2012	Совет при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике (2012–2016 гг.) Меры по реализации демографической политики РФ ¹⁰ Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы РФ Правила разработки Государственного доклада о положении детей и семей, имеющих детей, в РФ
2013	Программа развития перинатальных центров в РФ
2014	Концепция государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г. Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.
2015	Стратегия устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 г.
2016	Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г.

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2012 г. № 606 (ред. от 13.01.2023) «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35270> (дата обращения: 31.01.2026).

Продолжение таблицы 4

2017	Концепция демографической политики Дальнего Востока на период 2025 г.
2018	Основы государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 г.
Национальные цели развития на период до 2024 г.	
Этап реализации подходов стратегического планирования (2019–2025 гг.)	
2019	Национальный проект «Демография» (2019–2024 гг.)
2020	Национальные цели развития на период до 2030 г.
2021	Единый план по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г.
2022	Профессиональный стандарт «Демограф» ¹¹
2023	Методические рекомендации по оценке демографического потенциала субъекта Российской Федерации и разработке региональных программ по повышению рождаемости ¹²
2024	Национальные цели развития РФ на период до 2030 г. и на перспективу 2036 г. Совет при Президенте РФ по реализации государственной демографической и семейной политики
2025	Единый план по достижению национальных целей развития РФ до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в РФ до 2036 г.

Источник: составлено авторами на основе анализа данных Официального интернет-портала правовой информации¹³

Тематика периодизации становления и развития системы управления демографической сферой привлекает многих авторов. Поскольку для выявления этапов избираются разные подходы, это ведет к различиям в определении хронологических границ и интерпретации содержания. К примеру, М. А. Зырянова и Л. А. Попова в основу периодизации семейной и демографической политики в постсоветской России положили синхронизацию принимаемых мер с демографической динамикой, уделив внимание изменению механизмов поддержки материнства, многодетных семей, стимулированию рождаемости. Нарастание мероприятий демографической политики в начале 2010-х гг. объясняется ими реакцией государства на ухудшение возрастной структуры женщин репродуктивных возрастов, а в 2016 г. – на новую волну депопуляции. Авторы особо выделяют середину 2000-х гг. (2006–2007 гг.) как начало активизации «просемейной демографической политики», а федеральная семейная политика приобрела демографический характер, «стала иметь пронаталистское направление» [19].

Наблюдаемые в ходе исследования процессы «проникновения» демографии в право и, соответственно, «осмысления» правом демографической специфики, создания и юридического закрепления рождающихся в практике принципов, методов и инструментов управления демографическими изменениями находятся в стадии творческого развития, в том числе с использованием итеративных технологий,

¹¹ Приказ Минтруда России от 08 июня 2022 г. № 346н «Об утверждении профессионального стандарта "Демограф"» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-mintruda-rossii-ot-08062022-n-346n-ob-utverzhdenii/> (дата обращения: 31.01.2026).

¹² Приказ Минтруда России от 05 мая 2023 г. № 436 (ред. от 08.12.2023) «Об утверждении Методических рекомендаций по оценке демографического потенциала субъекта Российской Федерации и разработке региональных программ по повышению рождаемости» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-mintruda-rossii-ot-05052023-n-436-ob-utverzhdenii/> (дата обращения: 31.01.2026).

¹³ Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 31.01.2026).

помогающих совершенствовать возникающие институционально-правовые механизмы методом «проб и ошибок».

Безусловно, необходимо время, чтобы накопились данные, позволяющие оценивать эффективность механизмов стратегического управления демографическим развитием страны, поскольку «отклик» объекта управления может занимать десятилетия. Тем не менее уже сейчас можно видеть, что государство оперативно (с исторической точки зрения) стремится адаптировать институционально-правовые механизмы к быстро меняющейся внешней и внутренней ситуации, для того чтобы обеспечивать достижение национальных целей развития при любых обстоятельствах. Этому способствует развитие подходов доказательной политики и повышение качества научного обеспечения системы государственного стратегического управления.

Например, ретроспективный анализ различных содержащихся в нормативных правовых актах концептуальных положений, имеющих отношение к демографической политике, свидетельствует о достаточно быстром переходе от узконаправленного пронаталистского понимания ее сути к осознанию комплексного, многоуровневого характера системы проактивного управления демографическим развитием и ее глубокой взаимосвязи со всеми стратегиями и политиками национального развития. Так, в регулирующих документах последних лет все более детально описываются проблемные ситуации, требующие решения; излагаются причины демографических проблем и прогнозируемые следствия для общества, государства и экономики; показываются связи между демографическим и социально-экономическим развитием, демографической и национальной безопасностью.

Если в 2007 г. в описательной части Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г. содержались самые общие формулировки (демографическая ситуация и ее проблемы обусловлены особенностями социально-экономического развития страны), то в 2025 г. в правительственной Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года (далее – Стратегия действий-2036) дана более детальная, научно обоснованная, многомерная картина¹⁴.

В частности, показана включенность Российской Федерации в глобальный демографический контекст («Российская Федерация входит в первую десятку стран мира по численности населения, является одной из основных стран, принимающих население других стран в рамках миграционных процессов. Социально-демографическое развитие Российской Федерации оказывает влияние на мировое народонаселение»¹⁵).

Зафиксирована роль России, как мирового идеологического центра «поддержки традиционных духовно-нравственных ценностей, среди которых особая роль отведена традиционным семейным ценностям. В Российской Федерации

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ от 15 марта 2025 г. № 615-р [Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года]// Официальное опубликование правовых актов: [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503240023> (дата обращения: 31.01.2026).

¹⁵ Там же.

крепкая семья находится под особой охраной и защитой со стороны общества и государства»¹⁶.

Констатируется, что «Российская Федерация, как и все страны, проходит этап демографического перехода, который характеризуется такими тенденциями, как снижение уровня рождаемости, отдаление вступления в брак и деторождения на более поздний период, переход к малодетным и однопоколенным моделям семьи, старение населения»¹⁷. В результате началась вторая волна депопуляции – с 2017 г. происходит естественная убыль населения.

В цитируемой Стратегии действий-2036 системно перечислены факторы, влияющие на снижение рождаемости:

- негативное влияние демографических волн;
- изменение ценностных установок и модели жизненного цикла у молодежи (приоритет профессиональной реализации и достижения финансовой самостоятельности перед ценностями создания семьи и деторождения);
- влияние урбанизации и неблагоприятные условия для рождаемости в сельской местности;
- снижение реальных доходов семей и исчерпание потенциала влияния социальных мер в поддержку деторождения.

Отмечена «высокая дифференциация уровня рождаемости между субъектами Российской Федерации»¹⁸.

Комплексно показаны актуальные социодемографические вызовы и их возможные последствия для экономики и общества (старение населения, проблемы в области сбережения здоровья и самосохранительного поведения граждан, недостаточность социальной поддержки семей и детей в особых жизненных ситуациях и т. д.).

Следствием такой глубокой проработки «мотивировочной части» принятого акта является аргументированное доказательство необходимости соединения в единый комплекс мер специализированных государственных политик – в области поддержки семьи, детей, заботы о старшем поколении, как и мероприятий во всех сферах, прямо или косвенно «влияющих на рождаемость, смертность, ожидаемую продолжительность жизни при рождении, качество жизни семей с детьми, включая экономическую, жилищную политику, пространственное развитие Российской Федерации»¹⁹. При этом важнейшим требованием оказывается учет разнообразия национальных и социокультурных традиций народов России.

Таким образом, полученные результаты позволяют наблюдать феномен адаптации отечественного права и системы государственного управления к росту актуальности демографических вызовов и их последствий. Короче говоря, изучение адаптивных возможностей права, политики и управления – предмет пристального

¹⁶ Распоряжение Правительства РФ от 15 марта 2025 г. № 615-р [Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года]// Официальное опубликование правовых актов: [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503240023> (дата обращения: 31.01.2026).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

внимания теоретиков и практиков, поскольку вызовы быстро меняющегося мира повышают требования к способности национальных правовых систем и механизмов управления не только эффективно реагировать на новое, но и действовать на опережение, создавая конкурентные преимущества для позитивного развития новых сфер общественных отношений и целых отраслей экономики²⁰ и предупреждая возможные негативные последствия тех или иных явлений.

Существует большой мультидисциплинарный массив отечественной и зарубежной литературы эмпирической и теоретической направленности, посвященный указанной проблематике [см., напр., 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28]. Применительно к интерпретации результатов проведенного исследования важной является констатация этапности адаптации права: поначалу право «приспосабливается» к новым явлениям, исследует их в поиске принципов и моделей регулирования, сочетая теоретическое осмысление предмета регулирования с анализом новой юридической и управленческой практики. И как следствие, происходит развитие самого права, «его самоактуализация и самореализация» [29, с. 57]. Именно эту тенденцию показывают результаты исследования, т. е. динамику итерационного становления специализированного направления в деятельности государства – управление демографическими изменениями и соответствующих институционально-правовых механизмов.

Семантический анализ полученной выборки актов позволил сформировать своего рода «демографически ориентированный» словарь терминов, которым оперирует современное российское право. Исследования выявили, что, помимо разнообразия как самих используемых понятий, так и контекстов, в которых они употребляются, на текущий момент отсутствуют их четкие правовые определения. В табл. 5 приведены примеры контекстов и некоторых «попыток» конкретизации демографических понятий/явлений в праве.

Таблица 5

Примеры попыток конкретизации правом демографических понятий

Table 5

Examples of attempts to concretize demographic concepts in law

Понятие	Контекст и/или описание
Демографическая ситуация	Понятие формируется через различные описания с использованием следующих топики: показатели рождаемости, смертности (включая младенческую смертность, причины смертности в различных возрастах), ожидаемой продолжительности жизни (в том числе при рождении), сокращения численности населения и др. Подчеркивается взаимосвязь с национальной безопасностью и перспективами развития страны. Ухудшение показателей, имеющих отношение к характеристикам демографической ситуации в России и мире, – источник вызовов, угроз и рисков. Концепция государственной безопасности РФ (2000): «Последствиями глубокого социального кризиса являются резкое сокращение рождаемости и средней продолжительности жизни в стране, деформация демографического и социального состава общества, подрыв трудовых ресурсов как основы развития производства, ослабление фундаментальной ячейки общества – семьи, снижение духовного, нравственного и творческого потенциала населения». Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. (2009): «Обостряется мировая демографическая ситуация».

²⁰ К примеру, цифровая экономика и финансы, космическая экономика, креативная индустрия.

Продолжение таблицы 5

Понятие	Контекст и/или описание
Демографическая ситуация	Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (2015): «Осложняются мировая демографическая ситуация, проблемы окружающей среды и продовольственной безопасности». Снижение численности населения (одна из характеристик демографической ситуации) – вызов для развития страны: «Снижение численности населения в 1990-х – начале 2000-х годов является одним из основных вызовов для долгосрочного развития России» ²¹ . Демографическая ситуация «... обусловлена социально-экономическими процессами...» и, в свою очередь, «...помимо демографических потерь, неблагоприятно скажется на основных показателях социально-экономического развития страны» ²² . Общая неблагоприятная демографическая ситуация усиливает «...риски возникновения дефицита кадров, в первую очередь для территорий с низким уровнем производительности труда и существенным оттоком населения» ²³ .
Демографический фактор	«...демографические факторы (напр., пол, возраст)» ²⁴
Демографическое развитие	«...направления демографического развития (смертность, рождаемость и миграцию)» ²⁵
Демографические риски	Демографические риски сопряжены «с динамикой роста населения страны, продолжением оттока населения из малых и средних населенных пунктов» ²⁶
Демографическая безопасность	Включает в качестве базовой составляющей народосбережение: «...народосбережение (является – Прим. авт.) - одной из базовых составляющих демографической безопасности Российской Федерации» ²⁷
Демографическая политика	«Демографическая политика РФ направлена на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения и улучшение на этой основе демографической ситуации в стране» ²⁸

²¹ Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 28.09.2018) [О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года] // Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/66158/> (дата обращения: 31.01.2026).

²² Указ Президента РФ от 09 октября 2007 г. № 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения: 31.01.2026).

²³ Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р [Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года] // Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/157308/> (дата обращения: 31.01.2026).

²⁴ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 21 февраля 2025 г. № 18 «О внесении изменений в требования к инструкции по медицинскому применению лекарственного препарата и общей характеристике лекарственного препарата для медицинского применения» // Правовой портал Евразийского экономического союза : [сайт]. URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/447/9912/> (дата обращения: 31.01.2026).

²⁵ Указ Президента РФ от 09 октября 2007 г. № 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения: 31.01.2026).

²⁶ Распоряжение Правительства РФ от 31 октября 2022 г. № 3268-р (ред. от 23.10.2025) [Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года] // Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/144066/> (дата обращения: 31.01.2026).

²⁷ Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 30 октября 2025 г. № 807 «Об утверждении Рекомендаций по поддержке студенческих семей» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1314390409> (дата обращения: 31.01.2026).

²⁸ Указ Президента РФ от 09 октября 2007 г. № 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения: 31.01.2026).

Продолжение таблицы 5

Понятие	Контекст и/или описание
Демографическая политика	«Целью государственной демографической политики является снижение темпов естественной убыли населения, стабилизация численности населения и создание условий для ее роста, а также повышение качества жизни и увеличение ожидаемой продолжительности жизни»²⁹. <i>Демографическая политика – одно из приоритетных направлений государственной политики:</i> «Реализация демографической политики является одним из приоритетных направлений государственной политики...»³⁰. <i>Демографическая политика – часть комплексной государственной политики</i> (вместе с семейной политикой и политикой по поддержке многодетности), «направленной на создание дополнительных стимулов к рождению детей, инструментов всесторонней поддержки семьи на этапах создания семьи, рождения и воспитания детей, заботы о старшем поколении»³¹. «На преодоление демографических вызовов должны быть направлены мероприятия во всех сферах, влияющих на рождаемость, смертность, ожидаемую продолжительность жизни при рождении, качество жизни семей с детьми, включая экономическую, жилищную политику, пространственное развитие Российской Федерации»³². <i>Демографическая политика – не синоним политики народосбережения:</i> «Демографическая политика и политика народосбережения»³³. «Реализация демографической политики является одним из приоритетных направлений государственной политики, а народосбережение – одной из базовых составляющих демографической безопасности Российской Федерации»³⁴. «Основным приоритетом программы народосбережения Липецкой области является создание условий для реализации активной семейно-демографической политики, направленной на стабилизацию численности населения области и создание условий для ее роста»³⁵.

Источник: составлено авторами на основе анализа нормативно-правовых документов

Как видно из содержания табл. 5, конкретных юридических определений, которые обеспечивали бы единообразное понимание правом используемых демографических понятий, нет. Определения даются либо через целеполагание (целью «Х» является «У»), отсылочные положения («Х» является частью «У»), перечисление

²⁹ Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 28.09.2018) [О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года] // Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/66158/> (дата обращения: 31.01.2026).

³⁰ Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 30 октября 2025 г. № 807 «Об утверждении Рекомендаций по поддержке студенческих семей» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1314390409> (дата обращения: 31.01.2026).

³¹ Распоряжение Правительства РФ от 15 марта 2025 г. № 615-р [Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года] // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503240023> (дата обращения: 31.01.2026).

³² Там же.

³³ Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 28.09.2018) [О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года] // Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/66158/> (дата обращения: 31.01.2026).

³⁴ Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 30 октября 2025 г. № 807 «Об утверждении Рекомендаций по поддержке студенческих семей» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1314390409> (дата обращения: 31.01.2026).

³⁵ Распоряжение Правительства РФ от 06 сентября 2011 г. № 1540-р (ред. от 26.12.2014) [Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Центрального федерального округа до 2020 года] // Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/78940/> (дата обращения: 31.01.2026).

функций («X» выполняет следующие задачи...); перечисление связанных явлений («X» связано с «Y, Z...»), описательные примеры.

Необходимо отметить, что отсутствие правовой определенности в том, что касается понятий из сферы демографии, является источником рисков, поскольку как неоднократно разъяснял Конституционный Суд Российской Федерации, «без соблюдения общеправового критерия определенности, ясности и недвусмысленности правовой нормы невозможно ее единообразное понимание и, соответственно, применение»³⁶. Юридическая терминология должна адекватно отражать «природу и сущность определяемых правовых явлений», а формулировки не должны быть противоречивыми и непоследовательными³⁷. Несоблюдения этих требований проявляется в возникновении условий для нарушения конституционного равноправия граждан, утере доверия общества к государству: «Конституционное равноправие может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями»³⁸.

То обстоятельство, что демографические термины могут считаться общепринятыми, доступными для широкого понимания, не освобождает законодателя от обязанности «формулировать правовые предписания с достаточной степенью точности», при этом значение «оценочных или общепринятых понятий... должно быть доступно для восприятия и уяснения субъектами правоотношений либо непосредственно из содержания нормативного положения или из системы взаимосвязанных положений, рассчитанных на применение к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций, либо посредством выявления более сложной взаимосвязи правовых предписаний, в частности с помощью даваемых судами разъяснений» и не вызывать «разногласий у субъектов правоотношений»³⁹.

Повышение правовой определенности норм, касающихся демографического развития, будет не только обеспечивать «разумную стабильность правового регулирования» исключительно важной сферы общественных отношений, но также гарантировать «предсказуемость политики в социальной сфере, с тем чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего офици-

³⁶ См., к прим., Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июля 2001 г. № 11-П // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-05072001-n/> (дата обращения: 31.01.2026); Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2004 г. № 7-П // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-06042004-n/> (дата обращения: 31.01.2026); Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июня 2015 г. № 12-П // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-02062015-n/> (дата обращения: 31.01.2026).

³⁷ Постановление Конституционного суда от 25 июля 2001 г. № 12-П // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25072001-n/> (дата обращения: 31.01.2026).

³⁸ Там же.

³⁹ Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» Санкт-Петербург, 2021. С. 64 // Конституционный суд Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://www.ksrf.ru/about/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf> (дата обращения: 31.01.2026).

ально признанного статуса, приобретенных прав, действительности их государственной защиты, то есть в том, что приобретенное ими на основе действующего законодательства право будет уважаться властями и будет реализовано»⁴⁰.

Выводы

Демографические вызовы – один из ключевых факторов, влияющих на всех уровнях – от глобального до локального – на состояние и перспективы прогресса общества и экономики. Способность эффективно управлять демографическими изменениями для гарантированного достижения национальных целей развития – одно из главных конкурентных преимуществ государств в современном мире⁴¹. Для того, чтобы целенаправленно совершенствовать соответствующие институционально-правовые механизмы, нужны не только большие данные, позволяющие объективно оценивать эффекты регулятивного воздействия на общество и экономику, но и глубокое теоретическое осмысление самого феномена адаптации права, политики, систем управления к новым вызовам.

Процесс адаптации российского права к демографическим вызовам и потребностям общества в достижении и поддержании демографического благополучия на текущий момент не завершен. В итеративной манере происходит коэволюция правового обеспечения и систем государственного управления демографической сферой страны. Характерно, что развитие собственно права носит по большей части реактивный характер: стимулом для его актуализации является государственная практика (начиная с президентских инициатив и формулирования концептуальных подходов демографической политики и стратегии и заканчивая уточнением конкретных процедур и механизмов решения поставленных задач на различных исполнительских уровнях).

Незавершенность процесса адаптации отечественного права к вызовам современной демографической реальности выражается также в отсутствии сложившихся легальных дефиниций различных понятий, которыми оперирует практика управления демографическим развитием страны.

Представляется, что наряду с совершенствованием стратегий по реализации мер различных государственных политик, воздействующих на демографическую сферу, необходимо сформулировать стратегию развития правового обеспечения этого направления деятельности государства. Такое решение позволит ускорить адаптацию права к новым демографическим реалиям, обеспечит более системный и последовательный подход в создании благоприятных правовых условий и эффективных институционально-правовых механизмов для проактивного управления демографическими изменениями в Российской Федерации.

⁴⁰ Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» Санкт-Петербург, 2021. С. 66 // Конституционный суд Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://www.ksrf.ru/about/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf> (дата обращения: 31.01.2026).

⁴¹ Navigating Megatrends: The ICPD Programme of Action for a Sustainable Future. ICPD30 Think Piece: Demographic Change and Sustainability. NY: United Nations Population Fund, 2024. 32 p. // United Nations Population Fund : [site] URL: https://www.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/1.%20Demographic_Change_ICPD30_ThinkPiece_050724_FINAL_WEB.pdf (accessed on 31.01.2026).

Список литературы

1. Шахрай, С. М. Общество в период изменений: опыт конституционного строительства // Государственная служба. 2013. № 1 (81). С. 14–30. EDN [QAPZHL](#).
2. Bhat, P. I. Idea and Methods of Legal Research. New Delhi : Oxford University Press, 2020. 661 p. ISBN: 9780199098316. DOI [10.1093/oso/9780199493098.001.0001](#).
3. Швердяев, С. Н. Эволюция конституционного законодательства России 1988–2023 гг. : учебное пособие. Москва : Проспект, 2025. 368 с. ISBN 978-5-392-43566-1. EDN [BPFYRE](#).
4. Popova, S. The Russian Constitution of 1993 and the Constitutionalization of Federal Legislation: Data Analysis / S. Popova, A. Yanik // BRICS Law Journal. 2019. Vol. 6, No. 3. Pp. 128–161. DOI [10.21684/2412-2343-2019-6-3-128-161](#). EDN [SYTGMO](#).
5. Валентей, Д. И. Теория и политика народонаселения. Москва : Высшая школа, 1967. 184 с.
6. Управление развитием народонаселения в СССР : (Проблемы и перспективы) / [Д. И. Валентей, А. Я. Кваша, В. А. Сысенко и др.] ; Под ред. д-ра экон. наук А. Я. Кваши. Москва : Статистика, 1977. 219 с.
7. Основы управления развитием народонаселения / Д. И. Валентей, Г. П. Киселева, Н. В. Зверева и др.; Под ред. Н. В. Зверевой. Москва : Финансы и статистика, 1982. 190 с.
8. Данилова, С. В. Трансформация нормативного регулирования региональной демографической политики // Научные труды Вольного экономического общества России. 2025. Т. 254, № 4. С. 90–110. DOI [10.38197/2072-2060-2025-254-4-90-110](#). EDN [GIDLGS](#).
9. Rybakov, O. Yu. Family and Demographic Policy in the Vector of Ensuring National Security of Russia / O. Yu. Rybakov, T. K. Rostovskaya, O. S. Rybakova // Kutafin Law Review. 2025. Vol. 12, № 1. Pp. 1–18. DOI [10.17803/2713-0533.2025.1.31.001-018](#). EDN [ZXXOXU](#).
10. Леонова, В. В. Практика реализации и нормативно-правовое регулирование демографической политики на государственном уровне / В. В. Леонова, Н. А. Романович // Регион: системы, экономика, управление. 2024. № 3 (66). С. 165–170. DOI [10.22394/1997-4469-2024-66-3-165-170](#). EDN [LSYJTT](#).
11. Матвиенко, И. И. Федеральные инструменты демографической политики // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2021. № 2 (66). DOI [10.24412/1999-2645-2021-266-25](#). EDN [IATLET](#).
12. Вишневский, А. Г. Демография в национальных проектах: как определить приоритеты? // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 217, № 3. С. 100–119. EDN [QAKSJF](#).
13. Рыбаковский, Л. Л. Стратегия демографического развития России: ее детерминанты и многовекторный вектор / Л. Л. Рыбаковский, Н. И. Коженикова // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16, № 4. С. 9–20. DOI [10.19181/lsprr.2020.16.4.1](#). EDN [WBRSGU](#).
14. Гончарова, Н. П. Демографическая политика в современной России : особенности реализации и методика оценки результативности / Н. П. Гончарова, А. А. Еремин, Е. В. Тарасова. Москва-Берлин : Директмедиа Паблишинг, 2020. 149 с. ISBN 978-5-4499-0205-4. EDN [NNYBHF](#).
15. Калабихина, И. Е. Эффект от Программы переселения соотечественников на Дальний Восток на примере Хабаровского края / И. Е. Калабихина, Е. А. Бельницкая // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 112. С. 189–206. DOI [10.55959/MSU2070-1381-112-2025-189-206](#). EDN [ENKTTJ](#).
16. Кривенко, Н. В. Эффекты преобразований в региональной системе здравоохранения: вклад в здоровьесбережение населения / Н. В. Кривенко, А. В. Васильева // Народонаселение. 2025. Т. 28, № 1. С. 153–167. DOI [10.24412/1561-7785-2025-1-153-167](#). EDN [FLPIUH](#).
17. Zhanbayev, R. A. Demoethical Model of Sustainable Development of Society: A Roadmap towards Digital Transformation / R. A. Zhanbayev, M. Ifran, A. V. Shutaleva [et al.] // Sustainability. 2023. Vol. 15, № 16. Pp. 12478. DOI [10.3390/su151612478](#). EDN [JJZIRY](#).
18. Pang, F. Key Factors Influencing Sustainable Population Growth: A DEMATEL-ANP Combined Approach / Fei Pang, Guo Miao, Yingxu Li, Yun Shi // Heliyon. 2024. Vol. 10, № 21. Pp. e39404. DOI [10.1016/j.heliyon.2024.e39404](#). EDN [TQGYBC](#).

19. Зырянова, М. А. Периодизация развития семейной и демографической политики в постсоветской России / М. А. Зырянова, Л. А. Попова // Вопросы управления. 2021. № 6 (73). С. 38–52. DOI [10.22394/2304-3369-2021-6-38-52](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-6-38-52). EDN [KYymGH](https://www.edn.ru/kyymgh).
20. Lutz, W. Adaptation Versus Mitigation Policies on Demographic Change in Europe // Vienna Yearbook of Population Research, 2007. Vol. 5. Pp. 19–25. DOI [10.1553/populationyearbook2007s19](https://doi.org/10.1553/populationyearbook2007s19).
21. Creating Adaptive Policies: A Guide for Policymaking in an Uncertain World / Ed. by D. Swanson, S. Bhadwal. SAGE Publications India Pvt Ltd, 2009. 188 p. ISBN 978-81-321-0147-5. DOI [10.4135/9788132108245](https://doi.org/10.4135/9788132108245).
22. Bronen, R. Adaptive Governance and Institutional Strategies for Climate-Induced Community Relocations in Alaska / R. Bronen, F. S. Chapin // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2013. Vol. 110, № 23. Pp. 9320–9325. DOI [10.1073/pnas.1210508110](https://doi.org/10.1073/pnas.1210508110).
23. Carey, G. Adaptive Policies for Reducing Inequalities in the Social Determinants of Health / G. Carey, B. Crammond, E. Malbon, N. Carey // International Journal of Health Policy and Management. 2015. Vol. 4, № 11. Pp. 763–767. DOI [10.15171/ijhpm.2015.170](https://doi.org/10.15171/ijhpm.2015.170).
24. Cleaver, F. Understanding Process, Power, and Meaning in Adaptive Governance: A Critical Institutional Reading / F. Cleaver, L. Whaley // Ecology and Society. 2018. Vol. 23, № 2. Art. 49. Pp. 49–62. DOI [10.5751/ES-10212-230249](https://doi.org/10.5751/ES-10212-230249).
25. Janssen, M. Agile and Adaptive Governance in Crisis Response: Lessons from the COVID-19 Pandemic / M. Janssen, H. der Voort // International Journal of Information Management. 2020. Vol. 55, № 1. Art. 102180. DOI [10.1016/j.ijinfomgt.2020.102180](https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2020.102180).
26. Dahinden, M. Mitigation and Adaptation: Analyzing and Shaping Demographic Change / M. Dahinden, H. Groth // Handbook of Aging, Health and Public Policy. Singapore : Springer, 2023. Pp. 1–17. DOI [10.1007/978-981-16-1914-4_177-1](https://doi.org/10.1007/978-981-16-1914-4_177-1).
27. Попова, С. М. Адаптивная миграционная политика в условиях цифровой экономики (по материалам российско-китайского круглого стола) / С. М. Попова, М. Н. Храмова, Ч. Чжан // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 182–190. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.15](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.15). EDN [WysPGF](https://www.edn.ru/wyspgf).
28. Яник, А. А. Адаптивные методы управления на примере иммиграционной политики КНР в период пандемии COVID-19 // Мировая политика. 2020. № 4. С. 1–17. DOI [10.25136/2409-8671.2020.4.34542](https://doi.org/10.25136/2409-8671.2020.4.34542). EDN [hnamzQ](https://www.edn.ru/hnamzq).
29. Сидоренко, Э. Л. Адаптивные возможности российского права в условиях цифровой трансформации // Государственная служба. 2020. Т. 22, № 2 (124). С. 56–63. DOI [10.22394/2070-8378-2020-22-2-56-63](https://doi.org/10.22394/2070-8378-2020-22-2-56-63). EDN [oulxvw](https://www.edn.ru/oulxvw).

Сведения об авторах

Яник Андрей Александрович, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: yanik-andrey@idrras.ru; ORCID ID: [0000-0002-1599-6280](https://orcid.org/0000-0002-1599-6280); РИНЦ SPIN-код: [8555-6388](https://elibrary.ru/8555-6388); Web of Science Research ID: [C-1854-2016](https://orcid.org/C-1854-2016); Scopus Author ID: [57202891655](https://orcid.org/57202891655).

Попова Светлана Михайловна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: popova-svetlana@idrras.ru; ORCID ID: [0000-0002-1348-4492](https://orcid.org/0000-0002-1348-4492); РИНЦ SPIN-код: [2696-3358](https://elibrary.ru/2696-3358); Web of Science Research ID: [N-6922-2013](https://orcid.org/N-6922-2013); Scopus Author ID: [57201667811](https://orcid.org/57201667811).

Карпова Светлана Федоровна, младший научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: karpova2@yandex.ru; ORCID ID: [0009-0004-6771-4793](https://orcid.org/0009-0004-6771-4793); РИНЦ SPIN-код: [9221-6053](https://elibrary.ru/9221-6053).

Статья поступила в редакцию 05.02.2026; принята в печать 06.04.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

FEATURES OF THE FORMATION OF INSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS FOR GOVERNING DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN RUSSIA IN 2000–2025

Andrey A. Yanik

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: yanik-andrey@idrras.ru

Svetlana M. Popova

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: popova-svetlana@idrras.ru

Svetlana F. Karpova

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: karpova2@yandex.ru

For citation: Yanik, A. A., Popova, S. M., Karpova, S. F. Features of the Formation of Institutional and Legal Foundations for Governing Demographic Development in Russia in 2000–2025. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 3. Pp. 212–236. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.13](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.13). (In Russ.)

Abstract. The publication presents the results of an analysis of the dynamics and specific features of the development of the institutional and legal framework of the demographic management system in the Russian Federation during the period 2000–2025. The aim of the study is to assess whether the current state of law adequately reflects the needs of demographic development management. The hypothesis is that the absence in the Constitution of the Russian Federation of norms directly containing the term “demography” or its derivatives has led to a longer process of “comprehension” by law of demographic issues as a special area of legal regulation, which also affects the consistency in the formation of demographic development management mechanisms. An analysis of a sample of legal sources, conducted using methods of legal statistics, made it possible to identify several periods in the formation of the legal support for demographic development management mechanisms in the Russian Federation, which differ in content and the rate of growth in the number of acts. For substantive analysis of normative sources, approaches of legal semantics were applied. The work also employed various comparative methods, including a comparative analysis of the development processes of the legal framework and state policy in the field of demographic development management in the Russian Federation. The results of the study have shown that the development of specialised demographic legislation occurs mainly through the legalisation of management practices, and a uniformly understood legal lexicon relating to demographic issues has not yet taken shape. The lack of legal certainty regarding demographic concepts entails risks that impede a uniform understanding and application of the relevant norms in practice. The study allows the conclusion that the recognition at the highest political level of the acute relevance of demographic challenges for the prospects of achieving national development goals stimulates the processes of co-evolution of management mechanisms proper and the specialised legal support of the strategic management system for demographic changes. In order to accelerate the adaptation of domestic law to new demographic realities, and to enhance the consistency and quality of legal support for proactive demographic development management, it is necessary to develop a strategy that will define the goals, objectives, and ways to improve legal regulation in this area.

Keywords: legal statistics, demography, regulation of demographic processes, demographic policy, adaptation of legal regulation, demographic development management

References

1. Shakhrai, S. M. Society in Transition. Experience of Constitutional Arrangement. *Public Administration*. 2013. No 1 (81). Pp. 14–30. (In Russ.).
2. Bhat, P. I. Idea and Methods of Legal Research. New Delhi: Oxford University Press, 2020. 661 p. DOI [10.1093/oso/9780199493098.001.0001](https://doi.org/10.1093/oso/9780199493098.001.0001).

3. Sheverdyayev, S. N. *Evolutsiya konstitutsionnogo zakonodatel'stva Rossii 1988–2023 gg. [Evolution of the Constitutional Legislation of Russia 1988–2023]*: textbook. Moscow: Prospekt Publishing House, 2025. 368 p. ISBN 9785392437191. (In Russ.).
4. Popova, S., Yanik, A. The Russian Constitution of 1993 and the Constitutionalization of Federal Legislation: Data Analysis. *BRICS Law Journal*. 2019. Vol. 6, No. 3. Pp. 128–161. DOI [10.21684/2412-2343-2019-6-3-128-161](https://doi.org/10.21684/2412-2343-2019-6-3-128-161).
5. Valentey, D. I. *Teoriya i politika narodonaseleniya [Population Theory and Policy]*. Moscow: Vysshaya shkola Publishing House, 1967. 184 p. (In Russ.).
6. Valentey, D. I., Kvasha, A. Ya., Sysenko, V. A., et al. *Upravleniye razvitiyem narodonaseleniya v SSSR : (Problemy i perspektivy) [Population Development Management in the USSR: (Problems and Prospects)]*. Ed. by A. Ya. Kvasha. Moscow: Statistika Publishing House, 1977. 219 p. (In Russ.).
7. Valentey, D. I., Kiseleva, G. P., Zvereva, N. V., et al. *Osnovy upravleniya razvitiyem narodonaseleniya [Fundamentals of Population Development Management]*. Moscow: Finansy i statistika Publishing House, 1982. 190 p. (In Russ.).
8. Danilova, S. V. Transformation of Regulatory Regulation of Regional Demographic Policy. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2025. Vol. 254, No 4. Pp. 90–110. DOI [10.38197/2072-2060-2025-254-4-90-110](https://doi.org/10.38197/2072-2060-2025-254-4-90-110). (In Russ.).
9. Rybakov, O. Yu., Rostovskaya, T. K., Rybakova, O. S. Family and Demographic Policy in the Vector of Ensuring National Security of Russia. *Kutafin Law Review*. 2025. Vol. 12, No. 1. Pp. 1–18. DOI [10.17803/2713-0533.2025.1.31.001-018](https://doi.org/10.17803/2713-0533.2025.1.31.001-018).
10. Leonova, V. V., Romanovich, N. A. The Practice of Implementation and Regulatory Regulation of Demographic Policy at the State Level. *Region: Systems, Economics, Management*. 2024. No. 3. Pp. 165–170. DOI [10.22394/1997-4469-2024-66-3-165-170](https://doi.org/10.22394/1997-4469-2024-66-3-165-170). (In Russ.).
11. Matvienko, I. I. Federal Demographic Policy Instruments. *Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal*. 2021. No. 2. DOI [10.24412/1999-2645-2021-266-25](https://doi.org/10.24412/1999-2645-2021-266-25). (In Russ.).
12. Vishnevsky A. G. Demography in National Projects: How to Determine Priorities? *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2019. Vol. 217, No 3. Pp. 100–119 (In Russ.).
13. Rybakovsky L. L., Kozhevnikova N. I. The Strategy of Russia's Demographic Development: Its Determinants and Centuries-old Vector. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2020. Vol. 16, No. 4. Pp. 9–20. DOI [10.19181/lsprr.2020.16.4.1](https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.4.1). (In Russ.).
14. Goncharova, N. P., Eremin, A. A., Tarasova, E. V. *Demograficheskaya politika v sovremennoy Rossii : osobennosti realizatsii i metodika otsenki rezul'tativnosti [Demographic Policy in Modern Russia: Implementation Features and Performance Assessment Methods]*. Moscow-Berlin: Directmedia Publishing, 2020. 149 p. ISBN 978-5-4499-0205-4. (In Russ.).
15. Kalabikhina I. E., Belnitskaya E. A. The Effect of the State Program for the Resettlement of Compatriots to the Russian Far East: The Case of Khabarovsk Krai. *Public Administration. E-journal (Russia)*. 2025. No 112. Pp. 189–206. DOI [10.55959/MSU2070-1381-112-2025-189-206](https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-112-2025-189-206). (In Russ.).
16. Krivenko N. V., Vasilyeva A. V. Effects of the Transformations in the Regional Healthcare System: Contribution to Saving the Population Health. *Population*. 2025. Vol. 28, No. 1. Pp. 153–167. DOI [10.24412/1561-7785-2025-1-153-167](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-1-153-167). (In Russ.).
17. Zhanbayev, R. A., Irfan M., Shutaleva. A. V., Maksimov, D. G., Abdykadyrkyzy, R., Filiz, S. De-moethical Model of Sustainable Development of Society: A Roadmap towards Digital Transformation. *Sustainability*. 2023. Vol. 15, No. 16. Id. 12478. DOI [10.3390/su151612478](https://doi.org/10.3390/su151612478).
18. Fei Pang, Guo Miao, Yingxu Li, Yun Shi. Key Factors Influencing Sustainable Population Growth: A DEMATEL-ANP Combined Approach. *Heliyon*. 2024. Vol. 10, No 21. Id. e39404. DOI [10.1016/j.heliyon.2024.e39404](https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e39404).
19. Zyryanova, M. A., Popova, L. A. Periodization of Family and Demographic Policy Development in Post-Soviet Russia. *Management Issues*. No. 6. Pp. 38–52. DOI [10.22394/2304-3369-2021-6-38-52](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-6-38-52). (In Russ.).
20. Lutz, W. Adaptation Versus Mitigation Policies on Demographic Change in Europe. *Vienna Year-book of Population Research*, 2007. Pp. 19–25. DOI [10.1553/populationyearbook2007s19](https://doi.org/10.1553/populationyearbook2007s19).

21. Creating Adaptive Policies: A Guide for Policymaking in an Uncertain World. Ed. by D. Swanson, S. Bhadwal. SAGE Publications India Pvt Ltd, 2009. 188 p. DOI [10.4135/9788132108245](https://doi.org/10.4135/9788132108245). ISBN: 9788132101475.
22. Bronen, R., Chapin, F. S. Adaptive Governance and Institutional Strategies for Climate-Induced Community Relocations in Alaska. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2013. Vol. 110, № 23. Pp. 9320–9325. DOI [10.1073/pnas.1210508110](https://doi.org/10.1073/pnas.1210508110).
23. Carey, G., Crammond, B., Malbon, E., Carey, N. Adaptive Policies for Reducing Inequalities in the Social Determinants of Health. *International Journal of Health Policy and Management*. 2015. No. 4 (11). Pp. 763–767. DOI [10.15171/ijhpm.2015.170](https://doi.org/10.15171/ijhpm.2015.170).
24. Cleaver, F., Whaley, L. Understanding Process, Power, and Meaning in Adaptive Governance: A Critical Institutional Reading. *Ecology and Society*. 2018. No. 23(2). Pp. 49–62. DOI [10.5751/ES-10212-230249](https://doi.org/10.5751/ES-10212-230249).
25. Janssen, M., der Voort, H. Agile and Adaptive Governance in Crisis Response: Lessons from the COVID-19 Pandemic. *International Journal of Information Management*. 2020. Vol. 55, № 1. Art. 102180. DOI [10.1016/j.ijinfomgt.2020.10218](https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2020.10218).
26. Dahinden, M., Groth, H. Mitigation and Adaptation: Analyzing and Shaping Demographic Change. *Handbook of Aging, Health and Public Policy*. Springer, Singapore, 2023. Pp. 1–17. DOI [10.1007/978-981-16-1914-4_177-1](https://doi.org/10.1007/978-981-16-1914-4_177-1).
27. Popova, S. M., Khramova, M. N., Zhang Zhan. Adaptive Migration Policy under the Digital Economy (Based on the Materials of the Russian-Chinese Round Table) *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 2. Pp. 182–190. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.15](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.15). (In Russ.).
28. Yanik, A. A. Adaptive Management Methods (The Case-Study of China's Immigration Policy during the COVID-19 Pandemic Period). *World Politics*. 2020. No. 4. Pp. 1–17. DOI [10.25136/2409-8671.2020.4.34542](https://doi.org/10.25136/2409-8671.2020.4.34542). (In Russ.).
29. Sidorenko, E. L. Adaptive Capabilities of Russian Law in the Context of Digital Transformation. *Public Administration*. 2020. Vol. 22, No. 2. Pp. 56–63. DOI [10.22394/2070-8378-2020-22-2-56-63](https://doi.org/10.22394/2070-8378-2020-22-2-56-63). (In Russ.).

Bio notes

Andrey A. Yanik, Candidate of Technical Sciences, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: yanik-andrey@idrras.ru; ORCID ID: [0000-0002-1599-6280](https://orcid.org/0000-0002-1599-6280); RSCI SPIN-code: [8555-6388](https://elibrary.ru/8555-6388); Web of Science Research ID: [C-1854-2016](https://orcid.org/C-1854-2016); Scopus Author ID: [57202891655](https://orcid.org/57202891655).

Svetlana M. Popova, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: popova-svetlana@idrras.ru; ORCID ID: [0000-0002-1348-4492](https://orcid.org/0000-0002-1348-4492); RSCI SPIN-code: [2696-3358](https://elibrary.ru/2696-3358); Web of Science Research ID: [N-6922-2013](https://orcid.org/N-6922-2013); Scopus Author ID: [57201667811](https://orcid.org/57201667811).

Svetlana F. Karpova, Junior Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: karpova2@yandex.ru; ORCID ID: [0009-0004-6771-4793](https://orcid.org/0009-0004-6771-4793); RSCI SPIN-code: [9221-6053](https://elibrary.ru/9221-6053).

Received on 05.02.2026; accepted for publication 06.04.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.3.14](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.14)EDN [PUEBTS](https://puebts.ru)

Научная статья

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В КНР

Анге*Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: 842590721@qq.com***Смирнов А. В.***Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: sofetel@mail.ru***Лукашенко Е. А.***Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: ea-lukashenko@yandex.ru*

Для цитирования: Анге. Демографическая ситуация и демографическая политика в КНР / Анге, А. В. Смирнов, Е. А. Лукашенко // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 3. С. 237–254. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.14](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.14). EDN [PUEBTS](https://puebts.ru).

Аннотация. Демографическая политика Китая «одна семья – один ребенок», введенная в 1979 г. из-за опасений негативного влияния роста численности народонаселения на экономику, деформировала структуру населения страны. Вероятно, политика ограничений предотвратила от 100 до 400 млн рождений. Общий коэффициент рождаемости в КНР в 2025 г. составил 6,15 рождений на 1000 человек; с 1950 г. данный показатель уменьшился в 6,67 раза. В 2013 г. было разрешено иметь второго ребенка тем семьям, где оба родителя были единственными детьми в семьях своих родителей. Тем не менее только 1,69 млн китайских пар подали заявки на планирование рождения второго ребенка из 11 млн потенциальных семейных чет. В октябре 2015 г. вышло постановление правительства, разрешающее семьям иметь двоих детей с 2016 г.; кроме того, у китайцев появилась возможность зарегистрировать внебрачных детей. В 2016 г. после введения политики «двух детей» устойчивого роста рождаемости не произошло. В 2020 г. были практически сняты все ограничения на реализацию репродуктивных установок семей, а основными барьерами стали не политические, а экономические (рост стоимости воспитания детей) и социально-психологические (изменение ценностных установок, прежде всего молодежи). Политика «трех детей», объявленная в 2021 г., также не имела заметного эффекта. Возможно, у значительной доли китайцев сформировались установки на малодетность по разным причинам, и даже снятие ограничений не способствовало росту рождаемости.

Ключевые слова: Китай, КНР, депопуляция, демографическая политика КНР, одна семья – один ребенок, рождаемость в Китае, рождаемость в КНР

Введение

Китайская Народная Республика (КНР) долгое время была лидером по численности народонаселения. К концу 80-х гг. XX столетия один человек из 4,4 проживающих на Земле был китайцем, при этом более 80% населения страны проживало в сельской местности¹.

¹ India to overtake China as world's most populous country in April 2023 // UN DESA : [site]. URL: <https://www.un.org/en/desa/india-overtake-china-world-most-populous-country-april-2023-united-nations-projects> (accessed on 07.06.2026).

По данным переписей, в Китае в 1953 г. проживало 601,9 млн человек, в 1964 г. – 723,1 млн, в 1982 г. – 1008,2 млн человек [1]. В феврале 1995 г. численность населения КНР достигла 1,2 млрд человек. Госсовет страны принял «Программу работы по планированию семьи на 1995–2000 гг.», которая ужесточила контроль над рождаемостью среди населения сельской местности и мигрантов. Стратегической целью к 2040 г. провозглашался нулевой прирост населения [2]. В 2010 г. численность населения страны составила 1339,72 млн, а в 2020 г. – 1411,78 млн человек². В апреле 2023 г. самой населенной страной в мире стала Республика Индия³.

Во второй половине XX в. рост народонаселения Китая преимущественно рассматривался как проблема. Например, в трудах ученых из Института Дальнего Востока РАН, посвященных демографической ситуации в КНР, были использованы материалы китайской периодической печати: «Китайские эксперты указывают на «склонность» китайцев нарушать даже самые строгие планы в области деторождения в сторону их перевыполнения» или «...правительство уделяет пристальное внимание демографическим процессам, идущим в стране, четко осознавая, что демографические проблемы по существу представляют угрозу развитию» [2, с. 5–6].

Лю Чжэн, китайский демограф, директор Института по изучению проблем народонаселения Китайского Народного университета, выделял такие проблемы роста численности народонаселения: невозможность обеспечить рабочими местами все трудоспособное население страны (важно отметить, что после образования КНР произошла эмансипация женщин, которые стали активными игроками на рынке труда, выросла продолжительность жизни и, как следствие, увеличился период трудовой активности населения). Китайский демограф констатировал: «Если бы мы осуществляли соответствующую политику контроля численности населения в 50-х годах, численность населения к настоящему времени была бы гораздо меньшей. Внимательное отношение к воспроизводству рабочей силы и населению страны в целом способствовало бы экономии значительных средств для национального строительства и улучшения условий жизни населения» [1].

Лю Чжэн указывал на то, что быстрый рост численности населения после образования КНР связан со снижением смертности и отсутствием контроля над рождаемостью. Так, коэффициент смертности с 20‰ (период до 1949 г.) снизился до 10–18‰ в 1950-е гг., до 8–11‰ в 1960-е гг. и до 6–7‰ в 1970-е гг. Детская смертность упала с 200‰ (период до 1949 г.) до 71‰ менее чем за 10 лет [1].

В 1970-е гг. коэффициент детской смертности составлял 11–13‰ в городской местности и около 30‰ в сельской местности. Столь резкая трансформация смертности была связана с развитием системы здравоохранения и контроля над распространением инфекционных заболеваний, а также улучшением питания [1].

Уровень рождаемости до 1971 г. оставался высоким – 30‰. Высокую рождаемость Лю Чжэн объяснял небольшими затратами на воспитание ребенка с начала

² Main Data of the Seventh National Population Census // National Bureau of Statistics of China : [site]. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202105/t20210510_1817185.html (accessed on 07.06.2026).

³ India to overtake China as world's most populous country in April 2023 // UN DESA : [site]. URL: <https://www.un.org/en/desa/india-overtake-china-world-most-populous-country-april-2023-united-nations-projects> (accessed on 07.06.2026).

беременности и до 16-летия – 1600 юаней в сельской местности, 4800 юаней в малых городах и 6900 юаней в крупных городах. Важно отметить, что в 1970-е гг. в сельской местности преобладал ручной труд, поэтому рождение детей было необходимым условием для поддержания экономики семьи [1].

Лю Чжэн писал и о качестве населения: значительная доля детей (около 6–7 млн детей в возрасте до 14 лет) страдала наследственными заболеваниями по причине близкородственных браков. В 1980-е гг. лишь 93% детей ходили в начальную школу, 75,5% продолжали образование в средней школе I ступени и только 43,1% заканчивали данную ступень образования [1].

Небольшая доля населения получала высшее образование. В 1980 г. количество студентов составило 11,6 человек на 10 тыс. населения. Для сравнения: в США данный показатель был равен 523,6 чел. в 1975 г., в Японии – 205,2 чел. в 1976 г., в Югославии – 185 чел. в 1975 г. Лю Чжэн отмечал: «Низкое качество населения в настоящее время делает невозможным обеспечение различных отраслей народного хозяйства рабочей силой в достаточной мере, что вызывает необходимость ее подготовки с учетом потребностей модернизации» [1, с. 37–38]. Получается, что в 1970–1980-е гг. в Китае наблюдался «голод среди изобилия»: несмотря на самую большую по численности страну, качество населения сильно отставало.

Лю Чжэн предлагал ряд мер для повышения качества населения: увеличение расходов на образование и здравоохранение; контроль за генетикой родителей; улучшение ухода за детьми; повышение уровня культуры [1].

В свою очередь, Е. С. Баженова констатировала трансформацию китайской семьи с начала 1950-х гг. У женщин произошло повышение образовательного уровня, в результате они стали активными участниками производственных процессов, повысилась информированность населения в вопросах планировании семьи. Значимость детского труда в семейных доходах снижалась при возрастании издержек на образование и воспитание детей. Также исследователь отмечала влияние конфуцианства на желание иметь сыновей, а не дочерей [3].

Нередко в сельских районах рождение дочерей воспринималось как несчастье. В прессе сообщалось: «новорожденных девочек убивают, топят или оставляют без присмотра с тем, чтобы они умерли» [4, с. 20]. Поэтому в середине 1980-х гг. в сельской местности некоторых провинций разрешили иметь двух детей, если первый ребенок – девочка [5].

Подобные установки в совокупности с жесткой демографической политикой, проводимой с середины 1950-х гг. (повышение возраста вступления в брак, ориентация на однодетную семью, введение ограничений для многодетных семей и др.), дали результаты – темпы рождаемости снизились [3]. Как итог, «в конце 1950-х годов произошло быстрое снижение рождаемости – по официальным данным, с 34,0 ‰ в 1957 г. до 24,8 ‰ в 1959 г., закончившееся резким падением показателя – до 18,0 ‰ в кризисном 1961 г.» [4, с. 11].

В. П. Курбатов, ссылаясь на автора «Новой теории народонаселения» Ма Иньчу, утверждал о введении планового контроля за рождаемостью. В дальнейшем концепция Ма Иньчу подверглась критике и сравнению с теорией Мальтуса. В противопоставление «Новой теории народонаселения» приводились слова Мао Цзэдуна из работы «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа»

(1957), где он заявил, что «наша страна имеет шестисотмиллионное население... это объективный факт, это – наш капитал. В нашей стране людей много – это хорошо, но, конечно, сопряжено с трудностями» [4, с. 11]. Чтобы показать, насколько жесткие меры относительно контроля рождаемости в начале 1960-х гг. проводились в Китае, исследователь приводит слова профессора Р. Дюмона: «...В настоящее время третий ребенок в семье ни на что не имеет права: не имеет права родиться в клинике, не имеет права на промтовары, ни на продовольственные талоны» [4, с. 13].

В начале 1980-х гг. идеи Ма Иньчу снова становятся актуальными. В прессе сообщается: «...новая теория народонаселения <...> не имеет ничего общего с мальтузианством, она совершенно верна и предлагает весьма выгодное для Китая решение проблемы» [4, с. 13]. Но уже в конце 1980-х гг. начинают появляться сообщения о «наплыве серебряной волны», поскольку численность населения в старших возрастах стала увеличиваться [4].

За десятилетия политика «одна семья – один ребенок» сформировала семейную модель «4–2–1» (4 бабушки и дедушки, 2 родителя, 1 ребенок) [5]. Данная политика неизбежно привела к старению населения. На V пленарном заседании ЦК КПК XVIII созыва в 2015 г. было дано разрешение на рождение второго ребенка: «необходимо реализовать политику «Одна семья – два ребенка», а также следует принимать активные меры по реагированию на старение населения» [6]. По оценкам исследователей, китайцы все активнее перенимают западный опыт – желание получить хорошее образование, построить карьеру и обзавестись собственным жильем до создания семьи [5].

Результаты и обсуждение

Демографическая политика Китая

Демографическая политика с ориентацией на одного ребенка коренным образом изменила демографический баланс между поколениями в китайском обществе, последствия которого ощущаются в настоящее время. В 1979 г. правительство КНР ввело политику «одна семья – один ребенок» из-за опасений, что неконтролируемый рост населения может повлиять на экономическое развитие страны. Политика планирования семьи в Китае включала две составные части.

Во-первых, прямое ограничение рождаемости, которое реализовывалось через финансовые и трудовые инструменты (льготы) для тех, кто соблюдал правила, а также посредством штрафов для нарушителей и широкого распространения доступной контрацепции. В отдельные периоды применялись и более жесткие меры (аборты и стерилизация).

Во-вторых, изменение репродуктивных установок населения под влиянием пропаганды, повышения просвещения и уровня образования. Часть авторов считает, что политика ограничения рождаемости предотвратила от 100 до 400 млн рождений [7].

Однако важно отметить, что снижение рождаемости в КНР стало проявляться еще до введения политики «одна семья – один ребенок», что было обусловлено «повышением возраста вступления в брак, увеличением интервалов между рожденьями детей, формированием установок на малодетность в китайских семьях, прежде всего, в городах» [8, с. 121]. С учетом данного обстоятельства последствия политики

«одна семья – один ребенок» некоторые исследователи оценивают как сокращение рождаемости на 250 млн несостоявшихся рождений [9].

Максимум по количеству рожденных детей пришелся на 1950-е и 1960-е гг. С 1980-х гг. все больше людей по целому ряду экономических и иных причин самостоятельно принимали решение иметь одного или двух детей – независимо от проводившейся в стране политики «одна семья – один ребенок».

Вполне вероятно, что число нерожденных детей в результате абортот составляет от 20 до 30 млн человек [10]. Часть китайских демографов исходит из того, что низкий уровень рождаемости носит временный характер и что после снятия ограничений семьи быстро начнут заводить больше детей. В стратегическом докладе по демографии 2007 г., подготовленном более чем 300 экспертами, утверждалось, что низкая рождаемость обладает значительным «потенциалом для отскока», и содержалось предупреждение не ослаблять политику контроля над рождаемостью слишком быстро, даже несмотря на снижение показателей.

В 2013 г. в Китае начался процесс снятия ограничений на рождаемость: было разрешено иметь второго ребенка тем семьям, где оба родителя были единственными детьми в семьях своих родителей. Исследования китайских ученых показали, что только 1,69 млн китайских пар (15,4%) подали заявки на возможность рождения второго ребенка из 11 млн потенциальных супружеских союзов [11]. Это означало, что в китайском обществе сформировались достаточно распространенные установки на малодетность – на одного ребенка. Причем у городского населения это произошло раньше – в 1980-е гг. Что доказывали и социологические опросы.

Преимущественно на репродуктивное поведение оказывают влияние ценностные установки, уровень образования и доход. Последняя категория, по мнению исследователей, является определяющей в китайском обществе [12]. Чем больше ресурсов вкладывается в образование и карьеру (увеличивая вероятность высокого дохода), тем меньше времени и сил остается на рождение и воспитание детей [13; 14]. Но есть и альтернативная точка зрения: отдельные китайские исследователи полагают, что высокий уровень дохода коррелирует с высокой рождаемостью [15].

Государство начало постепенно ослаблять контроль над репродуктивным поведением граждан страны. В октябре 2015 г. вышло постановление правительства КНР, которое разрешило всем семьям иметь двоих детей с 2016 г.; также у китайцев появилась возможность зарегистрировать внебрачных детей.

В 2016 г., после введения политики «двух детей», устойчивого роста рождаемости не произошло, поскольку произошла глубокая трансформация репродуктивных установок населения.

В 2020 г. были сняты практически все ограничения на реализацию репродуктивных установок семей, при этом основными барьерами стали не политические, а экономические (рост стоимости воспитания детей) и социально-психологические (изменение ценностных установок, в первую очередь у молодежи) [9].

Политика «трех детей», объявленная в 2021 г., тоже не имела заметного эффекта. Не исключено, что у многих китайцев сформировались установки на малодетность по разным причинам, и даже снятие ограничений не способствовало росту рождаемости.

В 2025 г. Генеральный секретарь ЦК КПК и Председатель КНР Си Цзиньпин поставил задачу стабилизировать рождаемость в стране в контексте новых демографических вызовов. В статье для журнала «Цюши» он сделал акцент на том, что «Необходимо пропагандировать активный взгляд на брак и деторождение, прилагать усилия для стабилизации масштаба новорожденного населения»⁴. В числе конкретных мер им были названы упрочение системы поддержки рождаемости, снижение нагрузки на семьи во время воспитания и образования, совершенствование структуры отпусков по уходу за ребенком.

XV пятилетний план экономического и социального развития Китайской Народной Республики предусматривает совершенствование демографической политики, направленной на стимулирование рождаемости, включая продвижение «позитивного отношения к браку и деторождению», снижение затрат на роды, воспитание детей и образование за счет субсидий и налоговых вычетов по подоходному налогу. Демографическая политика становится ключевой частью экономической стратегии государства, и руководство КНР начинает предпринимать масштабные усилия по повышению рождаемости.

В настоящее время Китай внедрил комплексную систему поддержки для преодоления демографического кризиса, которая включает финансовые, налоговые и социальные меры:

1. *Прямые финансовые выплаты.* Ежегодные пособия на каждого ребенка младше трех лет – семьи получают выплаты в размере около 3 600 юаней в год (около 500 долл. США). Эта выплата не облагается налогом и не учитывается при оценке нужд домохозяйства для других видов социальной помощи⁵.

2. *Система государственных детских пособий.*

3. *Медицинская и репродуктивная поддержка.* Расходы на медицинское обслуживание беременных, включая процедуры ЭКО, полностью компенсируются за счет государства и системы страхования. Правительство планирует взять на себя полное возмещение медицинских затрат на роды.

4. *Введение налогов на контрацепцию.* Иначе говоря, налога на добавленную стоимость (НДС) на средства контрацепции.

5. *Развитие инфраструктуры.* Программа строительства «комфортной для деторождения» городской среды, охватывающая в т. ч. расширение сети яслей и детских садов [15].

Демографическая ситуация в Китае: прошлое и настоящее

В истории КНР были две точки пересечения графиков рождаемости и смертности – 1960 и 2023 гг., когда рождаемость сравнялась со смертностью по абсолютным и относительным показателям. Но если пересечение линий рождаемости и смертности в 1960 г. оказалось разовым явлением, то с 2023 г. Китай, очевидно, вступил в полосу устойчивого превышения смертности над рождаемостью («китайский крест»). И, как показывают прогнозы ООН, эти графики будут расходиться

⁴ Си Цзиньпин поставил задачу стабилизировать рождаемость в Китае // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2026/01109/mir01.php#3> (дата обращения: 26.02.2026).

⁵ China launches new round of applications for nationwide childcare subsidies // The state council information office the people's Republic of China : [site]. URL: http://english.scio.gov.cn/pressroom/2026-01/05/content_118262553.html (accessed on 26.02.2026).

вследствие дальнейшего падения рождаемости и увеличения смертности по причине демографического старения возрастной структуры населения страны.

Расчеты по пятилетним периодам показывают, что за последние тридцать лет падение было кратным. Если в 1990–1995 гг. среднее значение общего коэффициента естественного прироста составило 12‰, то в 2006–2010 гг. сокращение естественного прироста произошло в два раза – до 5,2‰, а по итогам 2021 г. – в четыре раза – до 2,4‰. В 2023 г. естественный прирост стал нулевым, а в 2024 и 2025 гг. – отрицательным (табл. 1).

Таблица 1

**Общие коэффициенты естественного движения населения в КНР
в 1990–2025 гг. (‰)**

Table 1

General rates of natural population movement in China in 1990–2025 (‰)

Годы	Общий коэффициент рождаемости	Общий коэффициент смертности	Общий коэффициент естественного прироста
1991–1995	18,6	6,6	12,0
1996–2000	15,8	6,5	9,3
2001–2005	12,9	6,4	6,5
2006–2010	12,1	6,9	5,2
2011–2015	12,1	7,1	5,0
2016–2020	11,8	7,2	4,6
2021	11,0	7,6	2,4
2022	7,5	7,4	0,1
2023	7,5	7,5	0,0
2024	6,2	8,2	-2,0
2025	6,2	8,3	-2,1

Источник: Population and development indicators for Asia and the Pacific, 2025⁶

Основной причиной явилось трехкратное сокращение общего коэффициента рождаемости (ОКР): с 18,6‰ в 1991–1995 гг. до 6,2‰ в 2025 г. Рост общего коэффициента смертности (ОКС) также имел место, однако был не столь значительным: с 6,6‰ в 1991–1995 гг. до 8,3‰ в 2025 г. (рис. 1).

Вероятно, к 2050 г. ОКР в Китае составит около 6‰, к 2075 г. – 5‰, к 2100 г. – 5‰. ОКС в долгосрочной перспективе по причине старения населения будет расти и к 2050 г. может достигнуть 14‰, к 2075 г. – 18‰, к 2100 г. – 22‰⁷ (рис. 2, 3).

Абсолютное число смертей на протяжении всей новейшей истории наблюдений с 1950 г. в основном имело тенденцию к снижению по мере социально-экономического развития страны. С 1950 по 1996 г. смертность сократилась с 12,5 млн до 7,5 млн человек. Исключение составлял резкий рост смертности в 1959–1961 гг., известный как «Великий китайский голод» («Три года природных бедствий»), который был вызван сочетанием катастрофических ошибок в государственном управлении, политики «Большого скачка» и неблагоприятных погодных условий.

⁶ 2025 ESCAP population data sheet // UN ESCAP : [site]. URL: <https://repository.unescap.org/server/api/core/bitstreams/aadca0c1-9249-447e-8bfb-241187ee64c0/content> (accessed on 03.07.2025).

⁷ World Population Prospects 2024 // UN DESA : [site]. URL: <https://population.un.org/wpp/graphs?loc=156&type=Demographic%20Profiles&category=Line%20Charts> (accessed on 03.07.2025).

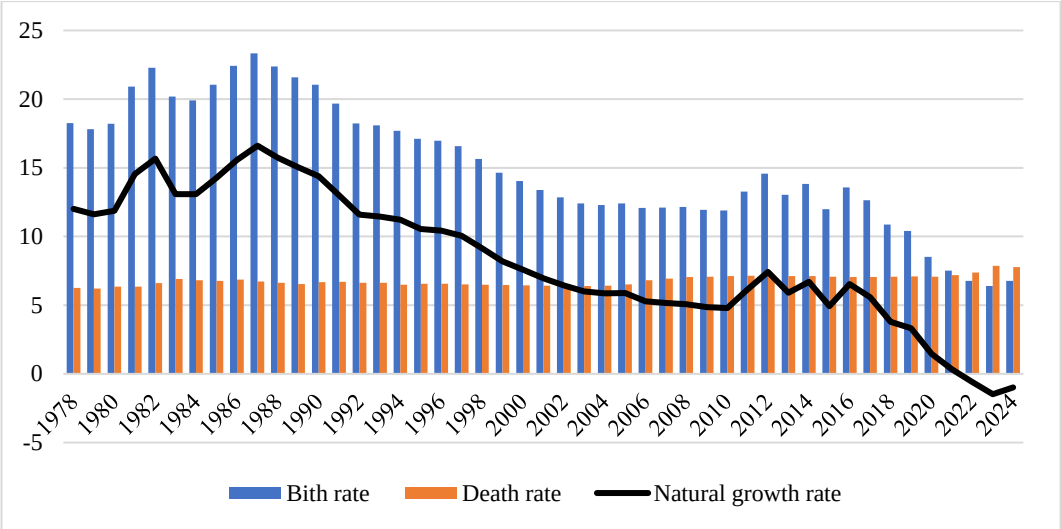

Рис. 1. Общие коэффициенты естественного движения населения в Китае в 1978–2024 гг. (‰)

Fig. 1. General rates of natural population movement in China in 1978-2024 (‰)

Источник: Population and development indicators for Asia and the Pacific, 2025⁸

По данным ООН, число случаев смерти в Китае составило в 1959 г. – 15,9 млн., в 1960 г. – 19,5 млн., в 1961 г. – 14,7 млн человек. Некоторый рост абсолютного числа смертей со второй половины 1990-х гг. обусловлен изменением возрастной структуры населения страны – к 2024 г. число умерших было равно 11,7 млн человек⁹.

Согласно последним доступным данным Института показателей и оценки состояния здоровья (ИНМЕ), в 2021 г. в КНР умерло 11 682 801 человек. Основными причинами стали сердечно-сосудистые заболевания – 5,1 млн смертей (43,5% всех случаев смерти в стране), среди которых половина приходилась на инсульты – 2,6 млн и около 2 млн (40%) – на ишемическую болезнь сердца. На втором месте по значимости были смерти от новообразований – 2,8 млн (24% всех смертей), в том числе рак трахеи, бронхов и легких, рак желудка, рак пищевода, рак толстой и прямой кишки, рак печени, рак поджелудочной железы и пр. На третьем месте оказались хронические заболевания дыхательных путей – 1,3 млн смертей (11%), включая хроническую обструктивную болезнь легких (около 97% смертей от данного класса причин). На четвертом месте – неврологические расстройства (болезнь Альцгеймера, болезнь Паркинсона, эпилепсия и др.) – 606 тыс. смертей (5%). На пятом месте – диабет и заболевания почек – 388 тыс. умерших (3,3%). На шестом месте – непреднамеренные травмы (падения, утопления, отравления и пр.) – 295 тыс. умерших (2,5%). На седьмом месте – заболевания пищеварительной системы (цирроз печени, иные заболевания пищеварительной системы) – 282 тыс. умерших (2,4% всех

⁸ China Statistical Yearbook 2025 // National Bureau of Statistics of China : [site]. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2025/indexeh.htm> (accessed on 03.07.2025).

⁹ Количество умерших | Китай // Statbase : [сайт]. URL: <https://statbase.ru/data/chn-number-of-deaths/> (дата обращения: 03.07.2025).

смертей). На восьмом месте – травмы при дорожно-транспортных происшествиях – 249 тыс. умерших (2,1%). На девятом – респираторные инфекции и туберкулез – 247 тыс. умерших (2,1%). На десятом – самоповреждения и межличностное насилие – 142 тыс. смертей (1,2%)¹⁰.

В 2023 г. возрастной профиль смертности в Китае выглядел следующим образом: 65% умерших – пожилые люди в возрасте 70 лет и старше, 33% – люди трудоспособного возраста от 25 до 69 лет, 2% – дети, подростки и молодежь до 24 лет¹¹.

Коэффициент смертности в 2025 г. составил 8,3 смертей на 1 000 человек, уменьшившись с 1950 г. в 2,78 раза. Самое низкое значение общего коэффициента смертности было зафиксировано в 2001 г. (6,1 на 1 000 человек), а максимальное (29,8) – в 1960 г.¹²

По данным ООН, показатель младенческой смертности в КНР имел тенденцию к снижению по ходу всей истории демографических наблюдений: с 127,1 в 1950 г. смертей на 1 000 живорождений до 6 смертей на 1 000 живорождений в 2025 г. Исключением был период 1960–1962 гг. (пик смертей младенцев пришелся на 1960 г. – 196,1 смертей на 1 000 живорождений)¹³.

Аналогичную динамику в Китае имела детская смертность (до пяти лет): в 2025 г. она составила 7,55 на 1 000 живорождений, уменьшившись с 1950 г. в 27,3 раза. Самый высокий уровень детской смертности был зафиксирован в 1960 г. – 336,05, а минимальный – в 2022 г. – 6,89 смертей на 1 000 живорождений¹⁴.

По информации Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), материнская смертность от любой причины, связанной с беременностью, в стране в 2023 г. равнялась 16,25 на 100 тыс. живорождений. С 1985 г. этот показатель уменьшился в 7,72 раза. Максимальное значение было зарегистрировано в 1985 г. – 125,37 на 100 тыс. живорождений¹⁵.

По данным национального статистического комитета КНР, в 2024 г. естественная убыль населения в северо-восточных провинциях страны отмечалась повсеместно за счет превышения смертности над рождаемостью (табл. 2). Северо-Восток Китая стал эпицентром депопуляции не только в масштабах страны, но и всего региона Северо-Восточной Азии. Депопуляция распространяется и на сопредельные провинции Китая (например, в городе центрального подчинения Тяньцзинь (-1,97‰), провинциях Хэбэй (-2,32‰), Шаньси (-1,39‰), вовлекая в свой оборот все новые регионы КНР.

¹⁰ Смертность, по причинам | Китай // Statbase : [сайт]. URL: <https://statbase.ru/data/chn-mortality-by-cause/> (дата обращения: 03.07.2025).

¹¹ Возрастная структура смертности | Китай. Statbase : [сайт]. URL: <https://statbase.ru/data/chn-deaths-by-age-groups/> (дата обращения: 03.07.2025).

¹² Уровень смертности | Китай // Statbase : [сайт]. URL: <https://statbase.ru/data/chn-death-rate/> (дата обращения: 03.07.2025).

¹³ Младенческая смертность | Китай // Statbase : [сайт]. URL: <https://statbase.ru/data/chn-infant-mortality-rate/> (дата обращения: 03.07.2025).

¹⁴ Детская смертность (до 5 лет) | Китай // Statbase : [сайт]. URL: <https://statbase.ru/data/chn-mortality-rate-under-5/> (дата обращения: 03.07.2025).

¹⁵ Коэффициент материнской смертности | Китай // Statbase : [сайт]. URL: <https://statbase.ru/data/chn-maternal-mortality-ratio/> (дата обращения: 03.07.2025).

Таблица 2

Общие коэффициенты естественного движения населения в Китае в 2024 г., человек на 1,000 населения в регионах Северо-Востока страны в 2024 г. (‰)

Table 2

General rates of natural population movement in China in 2024, persons per 1,000 population in regions of Northeast China in 2024 (‰)

Провинции	Общий коэффициент рождаемости	Общий коэффициент смертности	Общий коэффициент естественного прироста
Ляонин	4,32	9,62	-5,30
Цилин (Гирин)	4,17	9,02	-4,85
Хэйлунцзян	3,35	9,69	-6,34
Внутренняя Монголия	5,52	8,36	-2,84
КНР в целом	6,77	7,76	-0,99

Источник: China Statistical Yearbook 2025¹⁶

По сведениям ООН, показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении (ОПЖ) китайского населения имеет более высокие значения. В 2025 г. ОПЖ для обоих полов составила 78,4 года, для мужчин – 75,7 лет, для женщин – 81,2 года. По информации ВОЗ, ожидаемая продолжительность здоровой жизни в Китае также росла и по итогам 2021 г. достигла 68,58 лет для обоих полов (на 9,52 года меньше ОПЖ), для мужчин – 67,21 год (на 8,29 лет меньше ОПЖ), для женщин – 70,08 лет (на 10,82 года меньше ОПЖ) (табл. 3). Это означает, что в КНР существует высокая вероятность увеличения здоровой продолжительности жизни населения при вложениях в систему социальной и медицинской помощи.

Таблица 3

Показатели продолжительности жизни в Китае в 1950–2025 гг. (лет)

Table 3

Life expectancy indicators in China in 1950–2025 (years)

Год	ОПЖ по данным Национального бюро статистики КНР			ОПЖ по данным ООН			ОПЖ по данным ВОЗ		
	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины
1950	...	...	...	43,8	42,2	45,7	...	...	...
1955	...	...	...	47,2	45,5	49,2	...	...	...
1960	...	...	...	33,4	32,2	34,9	...	...	...
1965	...	...	...	53,0	51,0	55,2	...	...	...
1970	...	...	...	56,8	54,9	58,8	...	...	...
1975	...	...	...	61,0	58,9	63,1	...	...	...
1981	67,77	66,28	69,27	64,8	62,6	67,1	...	...	...
1990	68,55	66,84	70,47	68,2	65,9	70,6	...	...	...
1996	70,80	...	...	70,8	68,3	73,5	...	...	...
2000	71,40	69,63	73,33	72,3	69,8	74,9	63,13	61,98	64,42
2005	72,95	70,83	75,25	74,1	71,6	76,8	64,60	63,32	66,07
2010	74,83	72,38	77,37	75,7	73,2	78,3	66,51	65,03	68,22
2015	76,34	73,64	79,43	77,0	74,4	79,8	67,93	66,36	69,73
2020	77,93	75,37	80,88	78,0	75,2	81,0	68,51	66,95	70,27
2021	...	...	...	78,1	75,5	80,9	68,58	67,21	70,08
2022	...	...	...	78,2	75,5	81,1	...	...	...

¹⁶ China Statistical Yearbook 2025 // National Bureau of Statistics of China : [site]. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2025/indexeh.htm> (accessed on 03.07.2025).

Продолжение таблицы 3

2023	...	...	...	78,0	75,2	80,9	...	...	...
2024	...	...	...	78,0	75,2	81,0	...	...	...
2025	...	...	...	78,4	75,7	81,2	...	...	...

Источник: China Statistical Yearbook 2025¹⁷; Statbase¹⁸

Прогноз ООН свидетельствует о том, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе рост ожидаемой продолжительности жизни китайского населения продолжится и к 2050 г. достигнет 84 лет для обоих полов, 82 года для мужчин, 85 лет для женщин; к 2075 г. – 87 лет для обоих полов, 86 лет – для мужчин, 88 лет – для женщин; к 2100 г. – 90 лет для обоих полов, 92 года для женщин, 88 лет для мужчин¹⁹. При этом значение ОПЖ в Китае будет на уровне стран Восточной Азии с моделью расширенного демографического старения и несколько выше, чем в среднем по странам Азии.

С 2022 г. население Китая сокращается и быстро стареет, что осложняет государственный план по стимулированию внутреннего потребления и сокращению долга, поскольку сотни миллионов людей должны покинуть рынок труда в то время, когда пенсионные бюджеты и без того ограничены. Кроме того, согласно прогнозам ООН, число китайских женщин репродуктивного возраста (от 15 до 49 лет) к концу XXI века уменьшится более чем на две трети, до менее 100 млн. (рис. 6). Меньшее количество детей сегодня может означать сокращение числа домохозяйств и замедление роста потребления в долгосрочной перспективе.

Последние десятилетия стремительного роста привлекли в Китай большое число иностранцев из разных стран. Несмотря на замедление экономического роста в последние годы, численность иностранных граждан в стране продолжает расти, хотя и не так быстро, как раньше. Но в целом в КНР уровень иммиграции относительно общей численности населения остается невысоким – не более 0,06% населения страны. Многие иностранные граждане, иммигрирующие в Китай, имеют китайское этническое происхождение и, по сути, являются репатриантами на этническую родину. Китай также является пунктом назначения для нелегальной иммиграции, особенно вдоль китайско-северокорейской границы, в Гуанчжоу, провинции Гуанси и на китайско-мьянманской границе. Иностранцев, чаще всего с европейской внешностью, в КНР называют «лаовай».

¹⁷ China Statistical Yearbook 2025 // National Bureau of Statistics of China : [site]. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2025/indexeh.htm> (accessed on 03.07.2025).

¹⁸ Средняя продолжительность жизни | Китай // Statbase : [сайт]. URL: <https://statbase.ru/data/chn-life-expectancy/> (дата обращения: 21.02.2026); Средняя продолжительность здоровой жизни | Китай // Statbase : [сайт]. URL: <https://statbase.ru/data/chn-healthy-life-expectancy/> (дата обращения: 21.02.2026).

¹⁹ World Population Prospects 2024 // UN DESA : [site]. URL: <https://population.un.org/wpp/graphs?loc=156&type=Demographic%20Profiles&category=Line%20Charts> (accessed on 03.07.2025).

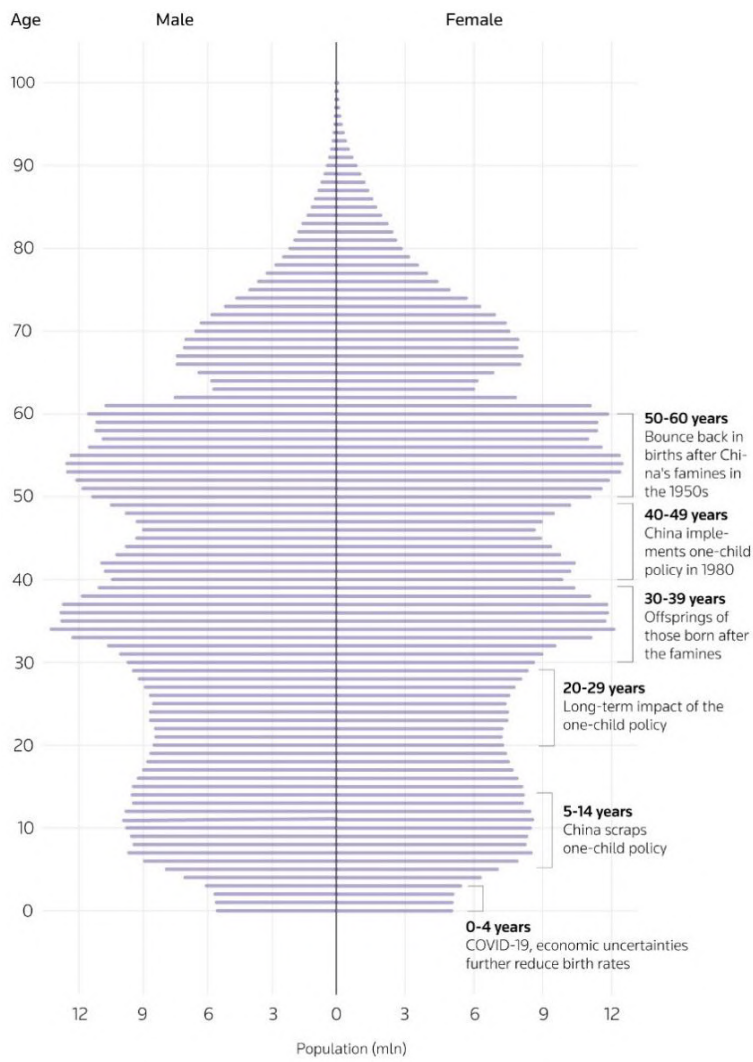

Рис. 6. Половозрастная пирамида КНР в 2024 г. с ключевыми когортами населения
Fig. 6. China's population pyramid in 2024 with key population cohorts

Источник: Reuters²⁰

Согласно данным ООН, сальдо международной миграции в Китае на протяжении новейшей истории демографических наблюдений в основном было отрицательным: страна теряла население в миграционном обмене с другими государствами. Основной фактор – переезд граждан КНР за рубеж (учеба, работа, постоянное место жительства).

В 1950–1960-е гг. миграционный прирост имел минимальные значения (не более -32 тыс. человек в год). В 1970-е гг. миграционная убыль населения увеличилась и в 1972 г. составила -216 тыс. человек. В 1980-е гг. минимум был достигнут в 1989 г -

²⁰ China revs up fiscal support to boost births // Reuters : [site]. 16.01.2026. URL: <https://www.reuters.com/business/healthcare-pharmaceuticals/china-revs-up-fiscal-support-boost-births-2026-01-16/> (accessed on 16.01.2026).

313 тыс. человек. В 1990-е гг. миграционная убыль увеличивалась и минимум наблюдался в 1994 г. – 724 тыс. человек. В 2000-е гг. миграционная убыль практически удвоилась и минимум был достигнут в 2007 г. – 1 млн человек. В 2010-е гг. минимум был достигнут в 2019 г. – 656 тыс. человек. По итогам 2025 г. миграционная убыль населения в КНР составила –268 тыс. человек²¹.

Миграционный прирост для Китая не играет значительной роли в формировании населения страны по причине достаточно жесткой миграционной политики и относительно небольшого числа постоянных международных мигрантов. Поэтому в традиционные прогнозы ООН для Китая закладывался практически нулевой миграционный прирост (рис. 7). Формирование населения, а точнее, вступление КНР в «эру депопуляции» зависит от падения естественного прироста населения и практически не зависит от миграционного прироста. Вместе с тем, очевидно, что Китай становится все более привлекательной страной для международных мигрантов из развивающихся и развитых стран. По мере изменения миграционной политики в отношении иммигрантов возможно повышение роли миграционного прироста в формировании общего прироста населения, особенно в привлекательных мегаполисах южной части страны.

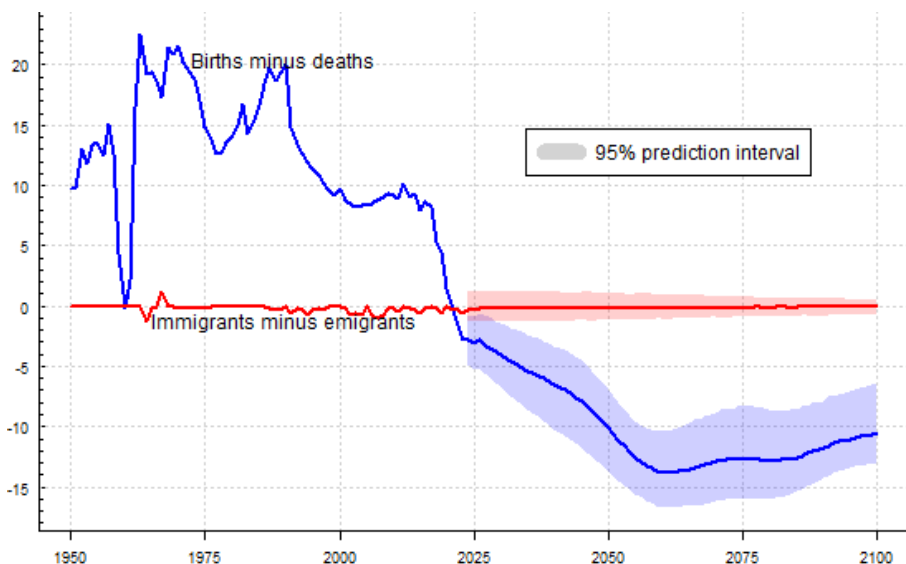

Рис. 7. Динамика естественного и миграционного прироста/убыли населения Китая с 1950 г. до 2100 г. – прогноз (млн человек)

Fig. 7. Dynamics of natural and migration increase/decrease of the population of China from 1950 to 2100 – forecast (million people)

Источник: World Population Prospects 2024²²

²¹ Чистая миграция | Китай // Statbase : [сайт]. URL: <https://statbase.ru/data/chn-net-migration/> (дата обращения: 16.01.2026).

²² World Population Prospects 2024 // UN DESA : [site]. URL: <https://population.un.org/wpp/graphs?loc=156&type=Demographic%20Profiles&category=Line%20Charts> (accessed on 03.07.2025).

Особенности статистики рождаемости в КНР

За демографическую статистику в Китае отвечают Государственное статистическое управление (ГСУ), которое публикует статистические данные, в том числе показатели рождаемости, и Государственный комитет здравоохранения – организация, отвечающая за реализацию и контроль политики планирования семьи. Поскольку Государственный комитет здравоохранения является ответственным органом за рождаемость, то его статистика считается менее надежной.

Переписи населения эпохи политики «одна семья – один ребенок», очевидно, имели недоучет детей в возрасте от 0 до 4 лет, особенно новорожденных, из-за того, что родители были вынуждены скрывать рождения «внеплановых» детей. Поэтому вполне допустимо, что статистика рождаемости в КНР публиковалась с занижением на всех уровнях – от сокрытия факта рождения преимущественно девочек до невключения в отчеты местных органов, которые направлялись наверх.

Исследования показывают, что около 19% народонаселения в возрастах от 0 до 4 лет не были включены в перепись 2000 г. [16]. Суммарный коэффициент рождаемости, по официальным данным, составлял 1,22, но ГСУ использовал для внутренних целей СКР, равный 1,4 [17].

После ориентации демографической политики на двухдетность, как предполагают исследователи, власти начали завышать показатели рождаемости²³. В этой связи газета «South China Morning Post» дала следующий комментарий: «Во-первых, число рождений часто завышается, чтобы отдельные больницы могли получить больше медицинских субсидий. Во-вторых, поскольку более 20 социальных пособий привязаны к месту рождения в рамках системы регистрации домохозяйств (хукоу), некоторые родители покупают дополнительные свидетельства о рождении. В-третьих, в некоторых медицинских учреждениях зафиксирована практика торговли бланками свидетельств о рождении. Например, в 2016 г. около 4 000 бланков свидетельств о рождении в больнице округа Мэнчэн провинции Аньхой были украдены и проданы. Официальный сайт Комиссии по проверке дисциплины города Чжэнчжоу провинции Хунань сообщил, что администраторы двух городских больниц продали сотни пустых свидетельств о рождении».

Заключение

Китай представляет собой уникальный пример государства, где была реализована политика ограничения рождаемости, основной целью которой провозглашался экономический рост. В течение многих лет в массовом сознании укоренилась идея, что неконтролируемый рост населения тормозит социально-экономическое развитие страны. В реальности же устойчивое и продолжительное снижение рождаемости имело негативные социально-экономические последствия для китайской экономики в долгосрочной перспективе: деформировалась половозрастная структура населения, уменьшалась численность рабочей силы, сокращался потребительский спрос. Все это только замедляло экономический рост. На официальном уровне

²³ Yi Fuxian. China's population numbers are almost certainly inflated to hide the harmful legacy of its family planning policy // South China Morning Post : [site]. 20.07.2019. URL: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3018829/chinas-population-numbers-are-almost-certainly-inflated-hide> (accessed on 16.01.2026).

довольно поздно пришло понимание того, что необходимо снять ограничения на рождаемость, поскольку все острее становились демографические проблемы.

Сокращение населения заставило руководство КНР изменить вектор демографической политики государства. Если раньше преобладал подход жесткого контроля над численностью населения, который помог бороться с бедностью, но при этом изменил репродуктивные установки китайцев, то теперь встал вопрос стимулирования брачности и рождаемости.

Сверхнизкая рождаемость в Китае в последние годы была отчасти результатом пандемии COVID-19, но прежде всего она отражала принципиальные изменения в репродуктивном поведении китайских семей. Эти изменения были, в свою очередь, обусловлены экономическим развитием страны, курсом на модернизацию, реформы и открытость в эпоху Дэн Сяопина. Одним из важнейших факторов стала индоктринация населения. В течение 35 лет господства политики однодетности все молодые китайские родители воспитывались с верой в то, что однодетность важна для государства. Пропагандистская кампания успешно формировала в китайском обществе представление о том, что «одного более чем достаточно»²⁴. Для многих людей в Китае наличие одного ребенка или его отсутствие стало социальной нормой.

Изменить такое представление, сложившееся у китайской молодежи, в условиях экономического спада, инфляции и чрезмерной социальной конкуренции будет крайне сложно, не говоря уже о пресловутом влиянии на образ жизни китайцев «буржуазной культуры», которое не может поколебать никакое обострение политического противостояния Китая с Западом. В современном Китае явственно обозначилась трехсоставная проблема «сань бу» (不想生, 不敢生, 不能生): нежелание иметь детей, опасение заводить детей и неспособность родить детей (бесплодие). Стране очень повезет, если она сможет сохранить свой годовой показатель рождаемости на нынешнем уровне, однако наиболее вероятным сценарием является продолжение падения рождаемости и углубление демографического кризиса.

Список литературы

1. Проблемы народонаселения КНР : [Сб. ст.] : Пер. с кит. и англ. / Под ред. Баженовой Е. С., Судоплатова А. П. Москва : Прогресс, 1989. 307 с. ISBN 5-01-001627-3.
2. Институт Дальнего Востока (Москва). Центр научной информации и документации. Экспресс-информация / составители и редакторы: П. М. Кожин, Е. Н. Румянцев]. Москва : Институт Дальнего Востока РАН, 1995-2014. № 7: Демографическая политика и социально-демографические процессы в КНР. 1995. 96 с.
3. Баженова, Е. С. 1 300 000 000. Население Китая: стратегия развития и демографической политики. Москва : ИД «Форум», 2010. 304 с. ISBN 978-5-8199-0422-0. EDN [YXXNDV](#).
4. Курбатов, В. П. Актуальные проблемы КНР: демография, агросфера, экология / Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. Москва : ИВ, 1996. 195 с. ISBN 5-89282-001-7.
5. Лю, В. Роль государственных институтов КНР в регулировании и решении глобальных проблем (демография, экология, геополитика) : [монография] / Каф. российской политики, Фак. политологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва : Издатель Воробьев А. В, 2009. 142 с. ISBN 978-5-93883-102-5.

²⁴ Zhou Xin. Beijing finally wakes up to demographic reality, in a case of better late than never // South China Morning Post: [сайт]. 09.05.2023. URL: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3219758/beijing-finally-wakes-demographic-reality-case-better-late-never> (accessed on 16.01.2026).

6. Сунь, Ц. Доклад о старении населения и профессиональном развитии пожилых людей в Китае, 2015 / Сунь Цзюаньцзюань, Ду Пэн; пер. с кит. Батыгина К. В. Москва : Шанс, 2020. 221 с. ISBN 978-5-907015-69-2.

7. Cai, Y. China's Below-Replacement Fertility: Government Policy or Socioeconomic Development? // Population and Development Review. 2010. Vol. 36, № 3. Pp. 419–440. DOI [10.1111/j.1728-4457.2010.00341.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2010.00341.x).

8. Feng, W. Population, Policy, and Politics: How Will History Judge China's One-Child Policy? / W. Feng, Y. Cai, B. Gu // Population and Development Review. 2013. Vol. 38. Pp. 115–129.

9. Дикарев, А. Д. От одного к трем: об эволюции демографической политики Китая и проблемах учета рождаемости (часть 1) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2025. Т. 17, № 2. С. 378–388. DOI [10.21638/spbu13.2025.214](https://doi.org/10.21638/spbu13.2025.214). EDN [TT0JNG](https://www.edn.ru/TT0JNG).

10. 王祥賢：《二孩政策、非婚生子女與生育觀念的轉變》，《山西時代學報》，2017 年，第 1 期，第 7–12 頁。

11. Guo, Z. The Lowest Fertility Rates in the World? Evidence from the 2015 Chinese 1% Sample Census / Z. Guo, S. Gietel-Basten, B. Gu // China Population and Development Studies. 2019. Vol. 2, № 3. Pp. 245–258. DOI [10.1007/s42379-018-0012-1](https://doi.org/10.1007/s42379-018-0012-1).

12. 陳華帥，馬曉敏：《數位經濟與生育意願》，《南方人口》，2023 年，第 38 卷，第 4 期，第 1–14 頁。

13. 馬賀、尹文強、王安琪等：《山東省二孩政策及育齡婦女生育二孩意願影響因素分析》，《世界阮科學》，2019 年，第 6 期，第 16–20 頁。

14. 張希希，崔玉倩：《人力資本高的女性更有可能生育二胎：基於人力資本的女性生育意願變化研究》，《清華大學學報：社會科學版》，2020 年，第 2 期，第 182–193 頁。

15. 顧敏、王慶：“從單身母親的出現到當代中國青年生育態度的分析”，《民生與社會》，2022 年，第 11 期，第 31–33 頁。

16. Goodkind, D. Child Underreporting, Fertility, and Sex Ratio Imbalance in China // Demography. 2011. Vol. 48, № 1. Pp. 291–316. DOI [10.1007/s13524-010-0007-y](https://doi.org/10.1007/s13524-010-0007-y).

17. Morgan, S. P. China's Below-Replacement Fertility: Recent Trends and Future Prospects / S. P. Morgan, G. Zhigang, S. R. Hayford // Population and Development Review. 2009. Vol. 35, № 3. Pp. 605–629. DOI [10.1111/j.1728-4457.2009.00298.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2009.00298.x).

Сведения об авторах

Анге, соискатель, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 842590721@qq.com.

Смирнов Алексей Викторович, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sofetel@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-6559-1679](https://orcid.org/0000-0002-6559-1679); РИНЦ SPIN-код: [4854-8146](https://elibrary.ru/4854-8146); Scopus Author ID: [57219713206](https://orcid.org/57219713206).

Лукашенко Елена Адольфовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ea-lukashenko@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-7712-8940](https://orcid.org/0000-0001-7712-8940); РИНЦ SPIN-код: [4283-7466](https://elibrary.ru/4283-7466); Web of Science Researcher ID: [ADP-4658-2022](https://orcid.org/ADP-4658-2022).

Статья поступила в редакцию 14.06.2026; принята в печать 10.08.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC SITUATION AND DEMOGRAPHIC POLICY IN THE PRC

Ange

Institute of Social Demography FCTAS RAS Moscow, Russia

E-mail: 842590721@qq.com

Alexey V. Smirnov

Institute of Social Demography FCTAS RAS Moscow, Russia

E-mail: sofetel@mail.ru

Elena A. Lukashenko

Institute of Social Demography FCTAS RAS Moscow, Russia

E-mail: ea-lukashenko@yandex.ru

For citation: Ange, Smirnov, A. V., Lukashenko, E. A. Demographic Situation and Demographic Policy in the PRC. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 3. Pp. 237–254. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.14](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.14). (In Russ.)

Abstract. The demographic policy of China, “one child per family”, introduced in 1979 out of concern for the negative impact of population growth on the economy, has distorted the country's population structure. The restriction policy likely prevented between 100 and 400 million births. The crude birth rate in China in 2025 was 6.15 births per 1,000 population, which is 6.67 times lower than in 1950. In 2013, families in which both spouses were the only children in their respective families were allowed to have a second child. Only 1.69 million Chinese couples out of 11 million eligible couples applied for permission to have a second child. In October 2015, the government issued a decree allowing all families to have two children from 2016 and also granting the possibility to register children born out of wedlock. After the introduction of the “two-child” policy in 2016, there was no sustained increase in fertility. In 2020, restrictions on reproductive choices were practically lifted, and the main barriers became not political but economic (rising costs of child-rearing) and socio-psychological (changes in value orientations, especially among young people). The “three-child” policy announced in 2021 also had no notable effect. It appears that a significant proportion of the Chinese population has developed a preference for small families for various reasons, and even the removal of restrictions does not stimulate fertility growth.

Keywords: China, PRC, depopulation, demographic policy of China, one-child policy, birth rate in China

References

1. *Problemy narodonaseleniya KNR [Population Problems of the PRC]: Collection of articles. Translation from Chinese and English / Ed. by E. S. Bazhenova, A. P. Sudoplatov. Moscow: Progress Publishing House, 1989. 307 p. ISBN 5-01-001627-3. (In Russ.).*
2. Institute of Far Eastern Studies (Moscow). Center for Scientific Information and Documentation. *Ekspress-informatsiya [Express information]*. Compilers and editors: P. M. Kozhin, E. N. Rummyantsev. Moscow: Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, 1995-2014. No. 7: Demograficheskaya politika i sotsial'no-demograficheskiye protsessy v KNR [Demographic Policy and Socio-Demographic Processes in the PRC]. 1995. 96 p. (In Russ.).
3. Bazhenova, E. S. 1 300 000 000. *Naseleniye Kitaya: strategiya razvitiya i demograficheskoy politiki [1,300,000,000. Population of China: Development Strategy and Demographic Policy]*. Moscow: Forum Publishing House, 2010. 304 p. ISBN 978-5-8199-0422-0. (In Russ.).
4. Kurbatov, V. P. *Aktual'nyye problemy KNR: demografiya, agrosfera, ekologiya [Actual Problems of the PRC: Demography, Agricultural Sphere, Ecology]*. Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies. Moscow: Institute of Oriental Studies, 1996. 195 p. ISBN 5-89282-001-7. (In Russ.).
5. Liu, W. *Rol' gosudarstvennykh institutov KNR v regulirovani i reshenii global'nykh problem (demografiya, ekologiya, geopolitika) [The Role of State Institutions of the PRC in Regulating and Solving Global Problems (Demography, Ecology, Geopolitics)]*: monograph. Department of Russian Politics, Faculty of

Political Science, Lomonosov Moscow State University. Moscow: Publisher Vorobyov A. V., 2009. 142 p. ISBN 978-5-93883-102-5. (In Russ.).

6. Sun, J., Du, P. *Doklad o starenii naseleniya i professional'nom razvitii pozhilykh lyudey v Kitaye, 2015* [Report on Population Aging and Vocational Development of the Elderly in China, 2015]. Translated from Chinese by K. V. Batygina. Moscow: Shans Publishing House, 2020. 221 p. ISBN 978-5-907015-69-2. (In Russ.).

7. Cai, Y. China's Below-Replacement Fertility: Government Policy or Socioeconomic Development? *Population and Development Review*. 2010. Vol. 36, No. 3. Pp. 419–440. DOI [10.1111/j.1728-4457.2010.00341.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2010.00341.x).

8. Feng, W., Cai, Y., Gu, B. Population, Policy, and Politics: How Will History Judge China's One-Child Policy? *Population and Development Review*. 2013. Vol. 38. Pp. 115–129.

9. Dikarev, A. D. From One to Three: On the Evolution of China's Demographic Policy and the Problems of Birth Registration (Part 1). *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2025. Vol. 17, No. 2. Pp. 378–388. DOI [10.21638/spbu.2025.214](https://doi.org/10.21638/spbu.2025.214). (In Russ.).

10. Wang Xiangxian. Èr hái zhèngcè, fèi hūn shēng zǐnǚ yǔ shēngyù guānniàn de zhuǎnbìan [The Two-Child Policy, Children Born Out of Wedlock and the Change in Fertility Concepts]. *Shānxī shídài xuébào* [Shanxi Times Journal]. 2017. No. 1. Pp. 7–12. (In Chinese).

11. Guo, Z., Gietel-Basten, S., Gu, B. The Lowest Fertility Rates in the World? Evidence from the 2015 Chinese 1% Sample Census. *China Population and Development Studies*. 2019. Vol. 2, № 3. Pp. 245–258. DOI [10.1007/s42379-018-0012-1](https://doi.org/10.1007/s42379-018-0012-1).

12. Chen Huashuai, Ma Xiaomin. Shùwèi jīngjì yǔ shēngyù yìyuàn [Digital Economy and Fertility Intentions]. *Nánfāng rénkǒu* [Southern Population]. 2023, Vol. 38, No. 4. Pp. 1–14. (In Chinese).

13. Ma He, Yin Wenqiang, Wang Anqi, et al. Shāndōng shěng èr hái zhèngcè jí yùlíng fùnnǚ shēngyù èr hái yìyuàn yǐngxiǎng yīnsù fēnxī [Analysis of Factors Influencing the Two-Child Policy and the Willingness of Women of Childbearing Age to Have a Second Child in Shandong Province]. *Shìjiè ruǎn kēxué* [World Science]. 2019. No. 6. Pp. 16–20. (In Chinese).

14. Zhang Xixi, Cui Yuqian. Rénlì zībēn gāo de nǚxìng gēng yǒu kěnéng shēngyù èr tái: Jìyú rénlì zībēn de nǚxìng shēngyù yìyuàn biànhuà yánjiū [Women with High Human Capital are More Likely to Have a Second Child: A Study on Changes in Women's Fertility Intentions Based on Human Capital]. *Qīnghuá dàxué xuébào: Shèhuì kēxué bǎn* [Journal of Tsinghua University: Social Sciences Edition]. 2020. No. 2. Pp. 182–193. (In Chinese).

15. Gu Min, Wang Qing. Cóng dānshēn mǔqīn de chūxiàn dào dāngdài zhōngguó qīngnián shēngyù tàidù de fēnxī [From the Emergence of Single Mothers to an Analysis of Contemporary Chinese Youth's Attitudes Toward Childbearing]. *Mínshēng yǔ shèhuì* [People's Livelihood and Society]. 2022. No. 11. Pp. 31–33. (In Chinese).

16. Goodkind, D. Child Underreporting, Fertility, and Sex Ratio Imbalance in China. *Demography*. 2011. Vol. 48, No. 1. Pp. 291–316. DOI [10.1007/s13524-010-0007-y](https://doi.org/10.1007/s13524-010-0007-y).

17. Morgan, S. P., Zhigang, G., Hayford, S. R. China's Below-Replacement Fertility: Recent Trends and Future Prospects. *Population and Development Review*. 2009. Vol. 35, No. 3. Pp. 605–629. DOI [10.1111/j.1728-4457.2009.00298.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2009.00298.x).

Bio notes

Ange, Postgraduate Student, Institute of Social Demography FCTAS RAS Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: 842590721@qq.com.

Aleksey V. Smirnov, Candidate of Economic Sciences, Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: sofetel@mail.ru; ORCIDID: [0000-0002-6559-1679](https://orcid.org/0000-0002-6559-1679); RSCI SPIN-code: [4854-8146](https://www.rsci.ru/4854-8146); Scopus Author ID: [57219713206](https://orcid.org/57219713206).

Eelna A. Lukashenko, Candidate of Political Science, Senior Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: ea-lukashenko@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-7712-8940](https://orcid.org/0000-0001-7712-8940); RSCI SPIN-code: [4283-7466](https://www.rsci.ru/4283-7466); Web of Science Researcher ID: [ADP-4658-2022](https://orcid.org/ADP-4658-2022).

Received on 14.06.2026; accepted for publication 10.08.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.3.15](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.15)EDN [RHJSZE](https://edn.rhjsze.ru)

Научная статья

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ (2012–2025 ГГ.)

Моисеева Е. М.*Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru*

Для цитирования: Моисеева, Е. М. Трансформация миграционной политики России в условиях интеграционных процессов и геополитической турбулентности (2012–2025 гг.) // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 3. С. 255–279. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.15](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.15). EDN [RHJSZE](https://edn.rhjsze.ru).

Аннотация. Статья посвящена трансформации государственной миграционной политики России в 2012–2025 гг. и ее соотношению с динамикой миграционных потоков. Три сменявшие друг друга концепции (2012, 2018, 2025 гг.) декларируют переход от количественных ориентиров к качественно-сбалансированной модели, однако проверка заявленного сдвига эмпирическими данными дает неоднозначные результаты. Гипотеза исследования состоит в том, что динамика миграционного прироста содержит структурные разрывы, обусловленные институциональными изменениями и внешними шоками, а связь между миграционной политикой и миграционными потоками носит двусторонний характер: политика не только формирует потоки, но и сама адаптируется к уже произошедшим сдвигам. В работе использованы нормативно-правовые акты и официальная квартальная статистика за 2006–2025 гг. Выводы относятся к периоду до 2023 г. включительно, поскольку переход на электронный сбор данных в 2024 г. создал методологический разрыв, требующий отдельной корректировки показателей для дальнейших исследований. Применены процедура Бай – Перрона для выявления структурных разрывов в двух спецификациях, а также регрессионный анализ факторов миграционного прироста. Сопоставление результатов на полной (2006–2024 гг.) и сокращенной (2011–2024 гг.) выборках показало, что устойчивыми являются два перелома: III кв. 2016 г. и II кв. 2023 г. Разрыв II кв. 2011 г. отражает смену методологии учета, разрывы 2020–2021 гг. – краткосрочные шоки. Таким образом, периодизация миграционной политики не совпадает с периодизацией миграционных процессов, что указывает на реактивный характер Концепций как рамочных документов. Регрессионный анализ показал, что значимое положительное влияние на прирост оказывают реальная заработная плата и реальный эффективный курс рубля; введение патентов увеличило учтенный прирост, сокращение квот на РВП – снизило; начало СВО оказало наиболее сильное отрицательное влияние. Результаты могут быть использованы для мониторинга реализации Концепции 2026–2030 гг. и прогнозирования миграционных процессов на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: миграционная политика, миграционные процессы, структурные разрывы, трансформация, секьюритизация, ЕАЭС, постсоветское пространство, геополитическая турбулентность, трудовая миграция, эмиграция, селективный подход, концепция миграционной политики, статистический анализ

Введение

Миграционная политика России в XXI в. оказалась в центре устойчивого внимания и научных исследований, и публичных дискуссий. С одной стороны, население страны сокращается под влиянием естественной убыли, а потребности экономического и территориального развития объективно требуют пополнения его численности, что может быть достигнуто за счет притока извне. С другой стороны, государство вынуждено выстраивать систему защиты национального рынка труда, культурного пространства и общественной безопасности. На фоне этого противоречия за период с 2012 по 2025 г. сменили друг друга три концепции государственной миграционной политики. Дополнительно ситуация разнонаправленно колебалась под влиянием интеграционных процессов в рамках Евразийского

экономического союза (ЕАЭС)¹, Содружества Независимых Государств (СНГ)² и геополитических шоков.

Первая комплексная концепция государственной миграционной политики была утверждена в 2012 г. Документ разрабатывался в другой реальности: до возвращения Крыма (2014 г.), антироссийских санкций (с 2014 г.), пандемии COVID-19 (2020–2021 гг.), Специальной военной операции (СВО) на Украине (с 2022 г.). В его рамках миграция рассматривалась как способ смягчить демографические проблемы страны³. Предполагалось, что первая Концепция будет действовать до 2025 г. Но уже в 2019 г. появился второй документ, в котором акцент сместился на безопасность и управляемость миграции⁴. А осенью 2025 г. была утверждена третья Концепция – на 2026–2030 гг., где миграция названа «лишь дополнительным инструментом для реализации мер в экономической сфере»⁵.

Столь быстрая смена стратегических ориентиров отражает скорее реакцию на внешние шоки, чем внутреннюю логику развития политики. Пандемия COVID-19 продемонстрировала хрупкость системы привлечения иностранной рабочей силы. Геополитический кризис 2022 г. вызвал массовое перемещение населения, включая приток беженцев, рост эмиграции российских граждан, переориентацию трудовой миграции и изменение структуры денежных переводов. Ликвидация ФМС, передача функций МВД, переход на электронный формат сбора данных и иные институциональные изменения создали дополнительный пласт трансформации.

Гипотеза исследования состоит в том, что динамика миграционного прироста в России содержит структурные разрывы⁶, совпадающие с ключевыми этапами институциональных изменений и (или) внешними шоками. Другими словами, миграционная политика и миграционные процессы связаны двусторонне: политика не только формирует потоки, но и сама адаптируется к уже произошедшим сдвигам. Часть структурных разрывов обусловлена факторами, лежащими за пределами миграционной сферы как таковой (санкционное давление, пандемия, геополитические шоки и т. п.).

¹ Трудовая миграция // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. URL: https://eec.eaeun-ion.org/comission/department/migration/faq/work_migration.php (дата обращения: 12.02.2026).

² Решение о Концепции поэтапного формирования общего рынка труда и регулирования миграции рабочей силы государств – участников СНГ от 29.11.2024 г. // Исполнительный комитет СНГ : [сайт]. URL: <https://eccis.org/document/7031> (дата обращения: 12.02.2026).

³ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ 13.06.2012 г.) // Совет Безопасности Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document116/> (дата обращения: 12.02.2026).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43709> (дата обращения: 12.02.2026).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52490> (дата обращения: 12.02.2026).

⁶ Структурный разрыв – точка во временном ряде, в которой происходит резкое изменение параметров процесса, генерирующего данные: среднего уровня, дисперсии, тренда или всей структуры модели. До и после разрыва ряд описывается различными режимами (сегментами) с разными статистическими характеристиками, и в точке разрыва параметры меняются дискретно, а не плавно.

Цель работы – выявить, как трансформировалась миграционная политика Российской Федерации в 2012–2025 гг., и проверить, подкреплён ли заявленный курс на переход от количественного привлечения к качественному отбору реальными изменениями в потоках. Для этого мы прослеживаем эволюцию целеполагания в трех концепциях, фиксируем влияние внешних шоков на динамику прироста через процедуру Бай – Перрона, оцениваем устойчивость выявленных разрывов на разных границах выборки и проверяем, какие экономические, регуляторные и геополитические факторы определяли динамику прироста, а затем формулируем выводы для постсоветского пространства.

Научная новизна работы обусловлена ракурсом рассмотрения миграционной политики не как изолированной сферы государственного управления, а как элемента системы, который одновременно испытывает давление социально-экономической обстановки, интеграционных процессов и геополитической турбулентности. Мы впервые соотносим эволюцию концепций с эмпирическими сдвигами в потоках, проверяем устойчивость выявленных разрывов к изменению границ выборки и количественно оцениваем, какие факторы определяли динамику миграционных потоков.

Под трансформацией миграционной политики понимается не просто смена документов или корректировка отдельных норм, а качественное изменение самой логики регулирования – представлений о том, зачем государство вмешивается в миграционные процессы и какими средствами оно готово пользоваться.

Обзор научной литературы

Научная литература, посвященная российскому миграционному регулированию, обширна и неоднородна. Историки и правоведы описали эволюцию законодательства, демографы – вклад миграции в численность и состав населения, социологи – адаптационные практики, экономисты – влияние на отрасли. Но работ, прослеживающих весь путь институциональной трансформации и соотносящих изменения в нормативной базе с реальными сдвигами в миграционных потоках, пока немного.

Концептуальные рамки настоящего исследования составляет теория миграционных систем. Ее отправной точкой служат работы Х. Злотник и Х. де Хааса. Х. Злотник предложила рассматривать международную миграцию не как простую сумму двусторонних потоков, а как целостную систему, где страны объединены историческими, экономическими и культурными связями, формирующими устойчивые миграционные коридоры [1]. Х. де Хаас развил эту идею, добавив понятие «транснациональных социальных полей» – сетей, которые связывают мигрантов и их семьи в разных странах и делают миграцию «самоукрепляющимся» процессом [2]. Это означает, что даже когда политические условия меняются радикально, миграционные потоки не обрываются мгновенно – они перестраиваются, но сохраняют системную связность.

М. Б. Денисенко и О. С. Чудиновских еще в 2017 г. указали на разрыв между декларативными целями и практическими механизмами российской миграционной политики [3]. С. М. Попова, А. А. Яник и С. Ф. Карпова выявили высокую частоту изменений правовой базы (до 5–6 поправок в год, в отдельные периоды –

до 15–17), связывая это с адаптивным характером политики [4]. М. А. Парфенова показала, что в опорных категориях миграционного регулирования сформировалось устойчивое ядро, но дискурсивный фокус претерпел существенные изменения [5]. Однако анализ в рамках названных работ остается на уровне текстов документов или правоприменительной практики, тогда как вопрос о том, сопровождались ли институциональные изменения реальными переломами в динамике миграции, остается открытым.

М. С. Иванов анализирует механизмы координации миграционных процессов между государствами – членами ЕАЭС, исходя из гипотезы о том, что повышение эффективности управления должно быть основано на формировании единого миграционного пространства и активном внедрении цифровых решений [6]. Л. Ф. Деловарова и Н. Султанмуратов рассматривают миграцию в странах Центральной Азии в контексте интеграции в ЕАЭС, показывая, что государства этого региона выступают основными донорами рабочей силы для РФ [7]. Данные работы описывают институциональные механизмы интеграции, но не оценивают, в какой мере интеграционные обязательства ограничивают или, напротив, расширяют возможности России по регулированию миграции в условиях геополитической турбулентности.

На момент проведения нашего исследования появилось уже довольно много публикаций, посвященных новой миграционной концепции. В работе С. Ю. Бытько и Ю. Е. Пугачева проводится детальное сравнение документов 2018 и 2025 гг., в ходе которого авторы отслеживают изменения и анализируют факторы, повлиявшие на них. Исследователи отмечают, что многие восприняли новую Концепцию как «удар» по мигрантам и значительное ужесточение политики, тем не менее подчеркивают и ее преемственность с предыдущей редакцией [8]. Ряд исследований фокусируется на технологических аспектах реализации новой концепции. Например, такие нововведения анализируются в статье А. К. Эгембердиева, в том числе внедрение биометрической идентификации, создание цифрового профиля иностранного гражданина и обновленные требования к работодателям. Автор подчеркивает, что концепция 2025 г. формирует «приоритет безопасности над экономическими интересами» и ориентирована на снижение нелегальной миграции и повышение прозрачности пребывания мигрантов в России [9].

В статьях, опубликованных в юридических изданиях, исследуются вопросы эволюции публично-правового регулирования порядка пребывания в Российской Федерации иностранных граждан [напр., 10]. В аналитических работах, в частности в статье Д. Е. Рахимова и К. Х. Рахимова, рассматривается конфликт между экономической целесообразностью и императивами национальной безопасности. Авторы отмечают, что новая модель предполагает «принципиальный переход от либерально-экономической к секьюритизированной модели “контролируемого пребывания”», при которой государство больше не заинтересовано в массовом переселении мигрантов [11].

Отдельный пласт литературы посвящен факторам, определяющим динамику миграционных потоков в России. К. Д. Масланов и Д. А. Тарасова анализируют движение населения из стран Центральной Азии, выделяя как экономические детерминанты (разрыв в доходах, доступность рынка труда), так и институциональные ограничения, включая изменения в патентной системе и квотировании [12].

М. А. Карцева и Ю. Ф. Флоринская на эмпирических данных показывают, что российский рынок труда и динамика реальных доходов выступают ключевыми факторами, определяющими интенсивность и направленность международной миграции [13]. Т. Н. Юдина реконструирует факторную архитектуру миграционных потоков на постсоветском пространстве за 2000–2025 гг., структурируя факторы по четырем блокам: демографический, экономический, институционально-правовой и геополитический [14].

Довольно многочисленны работы, в которых факторы миграции оцениваются количественно с помощью регрессионных моделей, панельных данных и факторного анализа. О. Л. Рыбаковский, анализируя соотношения между экономическими и демографическими характеристиками регионов России за 2017–2023 гг., приходит к выводу, что на региональном уровне связь между миграцией и прямыми экономическими факторами слабая: умеренная корреляция обнаруживается лишь с ценами на рынке жилья и ожидаемой продолжительностью жизни при рождении [15]. К. В. Сугоняев оценивает силу влияния социально-экономических факторов на межрегиональную миграцию в России, используя данные 78 субъектов РФ, и сопоставляет их с влиянием психологических характеристик населения принимающего региона. Автор отмечает, что большинство включенных социально-экономических показателей демонстрирует значимые корреляционные связи с миграционным приростом, а выявленный паттерн согласуется с результатами других исследователей на данных более ранних периодов [16]. При этом институциональные факторы в литературе рассматриваются преимущественно качественно, а влияние внешних шоков на миграционные потоки изучено фрагментарно.

Итак, обзор литературы показывает, что, несмотря на значительное число публикаций по различным аспектам миграционной политики, целостных исследований, прослеживающих институциональную трансформацию всех трех концепций и одновременно анализирующих взаимосвязь между изменениями в нормативной базе и реальными сдвигами в миграционных потоках, пока недостаточно. Настоящая статья и призвана заполнить эту лакуну.

Материалы и методы

Теоретико-методологической основой работы служит институциональный подход в сочетании с положениями теории миграционных систем. Первый позволяет анализировать формальные нормы в их соотношении с практикой реализации, второй – рассматривать постсоветское пространство как единую, хотя и внутренне неоднородную миграционную систему, объединенную историческими, экономическими и социокультурными отношениями.

Работа опирается на несколько групп источников разного рода. Одну группу составили нормативно-правовые акты: три концепции государственной миграционной политики (2012, 2018 и 2025 гг.), сопутствующие указы, постановления Правительства, ведомственные приказы МВД, а также федеральные законы, вносившие изменения в миграционное законодательство. Другую группу образуют статистические данные по миграции и денежным переводам физических лиц. Напомним, что с августа 2024 г. МВД перешло с бумажных носителей на электронный

формат передачи в Росстат первичной информации о перемещении населения⁷. Это привело к скачкообразному увеличению показателей и сделало такие данные непригодными для анализа в одном ряду с предшествующими годами.

Базово хронологические рамки исследования охватывают период с 2012 по 2025 г. Для понимания предыстории и обеспечения достаточной мощности инструментов статистического анализа привлекались данные за более ранние годы (вплоть до 2006 г., когда был принят закон № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ»⁸).

Работа сознательно ограничивается макроуровневым анализом официальной статистики. Выборочные обследования мигрантов⁹, позволяющие оценить мотивы, сроки пребывания, состав семей и качественные характеристики потоков, остаются за рамками данного исследования и могут быть использованы в дальнейшем для интерпретации выявленных структурных разрывов.

Основной статистический метод исследования – анализ временных рядов [17]. Перед построением регрессионных моделей все ряды были проверены на стационарность. Для квартального ряда миграционного прироста (I кв. 2006 г. – I кв. 2024 г., 73 наблюдения) тест ADF дал t-статистику $-5,76$ ($p < 0,01$), KPSS – $0,193$ ($p > 0,1$), что позволяет принять гипотезу о стационарности в уровнях. Для выявления структурных разрывов применялась процедура Бай – Перрона на поквартальных данных. Оптимальное число разрывов регрессии определялось по BIC и supF-тестам, максимум – пять разрывов. Процедура проводилась в двух спецификациях, различающихся границами выборки. Для оценки факторов миграционного прироста использована динамическая регрессионная модель с лагом зависимой переменной. Такой выбор обусловлен высокой инерцией миграционного процесса: включение лага зависимой переменной позволило снизить автокорреляцию остатков и отразить эффект запаздывания выбытий.

Переход на ежедневный электронный сбор информации привел к аномальному значению 484 977 человек в IV кв. 2024 г., что искажает результаты тестов, поэтому данные за II кв. 2024–2025 гг. из числа наблюдений исключены. Еще одна смена методики учета имела место в 2011 г. До нее листки статистического учета прибывших и выбывших составлялись только при регистрации по месту жительства (постоянного) на срок 12 месяцев и более. С 2011 г. миграционный учет стал охватывать лиц, зарегистрированных по месту пребывания (временного) на срок от 9 месяцев. Нововведения касались и выбытий: по истечении срока регистрации мигрант стал автоматически считаться возвратившимся на прежнее место жительства. Вследствие этого число учтенных мигрантов резко выросло, доля временных

⁷ Росстат перешел к получению информации для формирования миграционных данных в электронном виде // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/247959> (дата обращения: 12.02.2026).

⁸ Федеральный закон от 18.07.2006 г. № 109-ФЗ О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24033> (дата обращения: 12.02.2026). Данный закон заменил старую систему прописки уведомительной регистрацией по месту пребывания и закрепил контроль за соблюдением правил учета со стороны государства.

⁹ ИТМ-2019 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://www.rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/imigr18/index.html (дата обращения: 12.02.2026).

мигрантов стала доминирующей, появились переучет и недоучет [18]. Устранить несопоставимость данных Росстата до и после 2011 г. – сложная методологическая задача. В данном исследовании мы оставим их без изменений, но соответствующий скачок миграционных показателей будем трактовать как артефакт.

Еще одно серьезное искажение в данных учета мигрантов было вызвано «пандемийными» мерами, в частности Указом Президента РФ от 15.03.2020 г. № 274, который приостановил течение сроков регистрации для иностранных граждан¹⁰. Из-за этого Росстат перестал фиксировать выбытия, связанные с окончанием срока регистрации. В 2021 г. число выбывших резко сократилось, что искусственно завысило миграционный прирост. Эти «отложенные» выбытия были перенесены на первое полугодие 2022 г. По оценкам, расхождение составило примерно 200 тыс. человек. Поэтому для корректировки показателей от официальных значений миграционного прироста за III и IV кв. мы отняли по 100 тыс., а к показателям I и II кв. 2022 г. по 100 тыс. прибавили.

Результаты

Эволюция целеполагания в трех концепциях

Сравнительный анализ трех миграционных концепций показывает, как менялась логика государственной политики (табл. 1). Изначально, в Концепции 2012 г., миграция рассматривалась как ключевой ресурс демографического и экономического роста: она должна была компенсировать естественную убыль населения страны и регионов. К 2026 г. ее роль заметно сузилась: теперь миграция определяется как вспомогательный инструмент, призванный главным образом решать экономические задачи. Такая эволюция отражает смещение приоритетов: если раньше ставка делалась на масштабный приток, то теперь – на селективный подход и использование человеческого капитала.

При этом между концепциями 2019–2025 и 2026–2030 гг. прослеживается явная преемственность: сохраняются базовые установки о вспомогательной роли миграции и приоритете национальных интересов. Отличия носят скорее уточняющий характер: например, в последней концепции дополнительно выделен вектор научно-технологического развития. В то же время разрыв с подходом 2012 г. глубже: тогда цели формулировались как конкретные результаты (стабилизация численности населения, обеспечение экономики рабочей силой), а позднее акцент сместился на создание условий для решения широкого круга задач от безопасности до сохранения культурного пространства. Такой переход к рамочному целеполаганию сделал формулировки более гибкими. Для оценки эффективности тем не менее необходимы количественно измеримые целевые показатели, которые в концепции 2019–2025 гг. отсутствовали.

Менялась и система принципов. Если в 2012 г. на первый план ставились права и свободы человека, недопущение дискриминации, то начиная с 2019 г. ключевым становится приоритет интересов России и ее граждан. К 2026 г. этот принцип

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 18.04.2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45441> (дата обращения: 12.02.2026).

дополняется требованием комплексного учета безопасности и различных направлений развития: социального, экономического, культурного и др. Иными словами, политика постепенно переориентировалась с логики прав человека на логику национальных интересов.

Сдвиг заметен и в постановке задач. Установка на селекцию, обозначенная в 2019 г., к 2026 г. приобрела дополнительное ценностное измерение: теперь прием в гражданство увязан не только с экономическим и профессиональным вкладом, но и с разделяемыми традиционными духовно-нравственными ценностями.

Механизмы реализации также трансформировались. В 2012 г. преобладал программно-целевой подход: квоты, дифференцированные программы переселения и привлечения специалистов, а в 2019 г. акцент сместился на прозрачность процедур и развитие инфраструктуры управления. В концепции 2026–2030 гг. механизмы приобретают выраженный контрольно-селективный характер: профилирование данных, биометрия, электронные уведомления, целевой набор, ограничения для неработающих членов семей мигрантов. Цифровизация, заявленная в 2019 г., здесь существенно усиливается, а целевой организованный набор становится центральным инструментом.

Важной новацией третьей концепции стало появление измеримых целевых показателей: снижение доли нелегальной миграции и правонарушений среди иностранцев, рост доли студентов и работников в рамках организованного набора, увеличение числа мигрантов, разделяющих традиционные ценности, и др. Это попытка уйти от декларативности и выстроить систему объективного контроля за результатами.

Таким образом, прослеживается движение от открытой привлекающей модели к селективной и контролирующей. При этом изменения носят скорее реактивный характер: новые документы закрепляют уже сложившуюся практику, а не задают ее. Преимущество между концепциями 2019 и 2026 годов заметно выше, чем между 2012 и 2019: ключевые установки, сформулированные в 2019 году, в дальнейшем развиваются и детализируются.

Таблица 1

Основные принципы концепций миграционной политики России

Table 1

Key principles of Russia's migration policy concepts

Параметр сравнения	Концепция до 2025 г. (от 13.06.2012)	Концепция 2019–2025 гг. (Указ № 622 от 31.10.2018)	Концепция 2026–2030 гг. (Указ № 738 от 15.10.2025)
Структура документа	7 разделов, 32 пункта, 3 этапа реализации (2012–2015, 2016–2020, 2021–2025 гг.)	Аналогичная структура, 7 разделов, 35 пунктов	9 разделов, 46 пунктов. Добавлены новые главы: «Оценка результатов» и «Ожидаемые результаты»
	П. 21: Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, максимальная защищенность, комфортность и благополучие населения РФ; стабилизация и увеличение численности постоянного населения РФ; содействие	П. 14: Создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности	П. 20: Создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере обеспечения безопасности государства, социально-экономического, научно-технологического, пространственного развития страны, повышения

Продолжение таблицы 1

Параметр сравнения	Концепция до 2025 г. (от 13.06.2012)	Концепция 2019–2025 гг. (Указ № 622 от 31.10.2018)	Концепция 2026–2030 гг. (Указ № 738 от 15.10.2025)
Цель	обеспечению потребности экономики РФ в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности ее отраслей	государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода	качества жизни ее населения, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода
Роль миграции	П. 6: Миграционные процессы играют значимую роль в социально-экономическом и демографическом развитии РФ. За последние два десятилетия миграционный прирост в значительной степени компенсировал более половины естественной убыли населения. П. 7: Переселение мигрантов на постоянное место жительства в РФ становится одним из источников увеличения численности населения страны в целом и ее регионов	П. 15: Основным источником восполнения населения РФ и обеспечения национальной экономики трудовыми ресурсами должно оставаться его естественное воспроизводство. Миграционная политика является вспомогательным средством для решения демографических проблем и связанных с ними экономических проблем	П. 21: Основным источником восполнения населения Российской Федерации и обеспечения национальной экономики трудовыми ресурсами должно оставаться его естественное воспроизводство. Миграционная политика должна являться вспомогательным средством для решения экономических проблем.
Основные принципы	П. 22: Обеспечение прав и свобод человека и гражданина; недопустимость любых форм дискриминации; соблюдение норм национального и международного права; гармонизация интересов личности, общества и государства; ...	П. 20: Комплексность решения задач миграционной политики с учетом решения задач социально-экономического, культурного, демографического и иного развития РФ; приоритет интересов РФ и российских граждан, постоянно проживающих на ее территории; учет многообразия региональных и этнокультурных укладов жизни населения РФ; ...	П. 26: приоритет интересов РФ и российских граждан, постоянно проживающих на ее территории; комплексность решения задач миграционной политики с учетом необходимости обеспечения безопасности государства, социально-экономического, научно-технологического, пространственного, культурного и иного развития РФ; учет многообразия региональных и этнокультурных укладов жизни населения РФ; ...
Основные задачи	П. 23: создание условий и стимулов для переселения в РФ на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, эмигрантов и отдельных категорий иностранных граждан; разработка дифференцированных механизмов привлечения, отбора и использования иностранной рабочей силы; ...	П. 21: Добровольное переселение в РФ на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, а также иных лиц, которые способны успешно интегрироваться в российское общество; въезд в РФ и пребывание на ее территории иностранных граждан, желающих развивать экономические, деловые, профессиональные, научные, культурные и иные связи, изучать язык, историю и культуру нашей страны, способных благодаря своей трудовой деятельности, знаниям и компетенциям содействовать экономическому,	П. 27: добровольное переселение в РФ на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом; проживание в РФ и прием в гражданство РФ иностранных граждан, которые благодаря своим инвестициям, знаниям, умениям и навыкам вносят вклад в развитие российской экономики, науки, профессионального образования, искусства, а также разделяют традиционные российские духовно-нравственные ценности; въезд в РФ и пребывание на ее территории иностранных граждан, желающих развивать экономические,

Продолжение таблицы 1

Параметр сравнения	Концепция до 2025 г. (от 13.06.2012)	Концепция 2019–2025 гг. (Указ № 622 от 31.10.2018)	Концепция 2026–2030 гг. (Указ № 738 от 15.10.2025)
Основные задачи		социальному и культурному развитию России; ...	деловые, профессиональные, научные, культурные и иные связи, осуществлять предпринимательскую деятельность, изучать русский язык, историю и культуру России; осуществление трудовой деятельности иностранными гражданами исходя из потребности российской экономики в иностранной рабочей силе; ...
Механизмы реализации	П. 24: Содействие добровольному переселению в РФ соотечественников; совершенствование механизма квотирования иностранной рабочей силы; создание дифференцированных программ краткосрочной и долгосрочной трудовой миграции, программ привлечения в страну высококвалифицированных специалистов, программ организованного привлечения иностранных работников; упрощение въезда для осуществления трудовой деятельности и обучения членов семей иностранных работников; совершенствование механизма патентов; ...	П. 22: Обеспечение простоты и прозрачности процедур въезда в РФ, получения права на пребывание, гражданства РФ; совершенствование механизмов реализации Государственной программы добровольного переселения соотечественников; повышение эффективности мер регулирования численности иностранных работников с учетом потребностей экономики РФ; развитие механизмов и увеличение масштабов организованного привлечения иностранных работников; создание информационной инфраструктуры государственного управления в сфере миграции; создание условий для адаптации иностранных граждан и их несовершеннолетних детей; принятие мер, направленных на недопущение дискриминации иностранных граждан; ...	П. 28: Профилирование данных об иностранных гражданах, регистрация в единой биометрической системе, электронное уведомление о планируемом въезде в РФ; возвращение жителей Донбасса, соотечественников, проживающих за рубежом, содействие переезду в РФ иностранных граждан, разделяющих традиционные российские духовно-нравственные ценности; расширение перечня организованных форм привлечения иностранной рабочей силы, совершенствование механизмов целевого организованного набора, отбор и подготовка иностранных граждан в государствах их проживания; сбор биометрических данных на границе РФ; ограничение пребывания в РФ неработающих и не учащих членов семей иностранных граждан; ...
Ожидаемые результаты	Не сформулированы как измеримые индикаторы	Не сформулированы как измеримые индикаторы	7 конкретных целевых индикаторов к 2030 г. П. 41: снижение числа незаконных мигрантов; снижение уровня преступности и административных правонарушений среди иностранных граждан; снижение доли иностранцев, незаконно осуществляющих трудовую деятельность; снижение доли детей иностранных граждан, не проходящих обучение в РФ; увеличение доли иностранных студентов в российских вузах; увеличение доли иностранных работников в рамках целевого организованного набора; увеличение числа иностранных граждан, разделяющих традиционные российские духовно-нравственные ценности.

Источник: составлено автором по результатам анализа миграционных концепций

Помимо концепций, на динамику потоков влияют и конкретные правоприменительные режимы. К ним относятся, например, режим контролируемого пребывания (РКЛ)¹¹, практика высылки¹², региональные ограничения на привлечение иностранных работников¹³, а также новые системы миграционного учета¹⁴. Примечательно, что эти инструменты далеко не всегда получают отражение в стратегических документах, и тем не менее именно они во многом задают реальный вектор миграционной политики.

Показательны в этом отношении события 2017 г. и меры, принятые в разгар пандемии 2020–2021 гг. Так, переломный момент в 2017 г. сопровождался введением сразу нескольких жестких мер: запреты на въезд для лиц с нарушениями миграционного режима¹⁵, сокращение квот на выдачу разрешений на временное проживание¹⁶. Не менее значимым стал и сдвиг 2021 г., во многом обусловленный приостановкой течения сроков регистрации по Указу № 274¹⁷. Эта мера породила серьезные искажения в учете выбытия мигрантов: формально статистика фиксировала меньший отток, из-за чего миграционный прирост оказался искусственно завышен.

Таким образом, хотя стратегические концепции очерчивают общие цели и приоритеты, реальные колебания миграционных потоков зачастую определяются не обновлением доктринальных документов, а конкретными решениями правоприменителей и отдельными административными актами.

Структурные разрывы в динамике миграционного прироста

Для выявления переломных моментов применена процедура Бай – Перрона в двух спецификациях, различающихся границами выборки (см. Приложение). Такое решение обусловлено методологической неоднородностью ряда: до 2011 г. текущий учет охватывал преимущественно миграцию на постоянное место жительства,

¹¹ Реестр контролируемых лиц // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://мвд.рф/реестр-контролируемых-лиц/> (дата обращения: 12.02.2026).

¹² Статья 9.1. Режим высылки. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // ГАРАНТ : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/184755/5434a9dc4ceb5e696a30fe12e328d51d/> (дата обращения: 12.02.2026).

¹³ Справочная информация: «Запрет на привлечение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, к работе по отдельным видам экономической деятельности в субъектах Российской Федерации» // Консультант Плюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_478180/ (дата обращения: 12.02.2026).

¹⁴ Новый сервис для мигрантов «Амина»: что это такое, для чего нужен и как будет работать // Российская газета : [сайт]. 26.08.2025. URL: <https://rg.ru/2025/08/26/aminu-znaesh.html> (дата обращения: 12.02.2026).

¹⁵ Федеральный закон О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 01.07.2017 N 131-ФЗ // Консультант Плюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_219017/ (дата обращения: 12.02.2026).

¹⁶ На 2017 год снижена квота на выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на временное проживание в РФ // Консультант Плюс: [сайт]. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/51603.html> (дата обращения: 12.02.2026).

¹⁷ Указ Президента Российской Федерации от 18.04.2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45441> (дата обращения: 12.02.2026).

после – включал значительные совокупности лиц с временной регистрацией на срок 9 месяцев и более. Сопоставление результатов на полной и сокращенной выборках позволяет отделить устойчивые переломы от возможных артефактов. Ряд стационарен (ADF: $t = -5,76$, $p < 0,01$; KPSS: LM = 0,193). Стандартные ошибки рассчитаны с поправкой на гетероскедастичность и автокорреляцию¹⁸. При стандартном тримминге 15%¹⁹ разрывы не обнаруживаются из-за высокой волатильности квартальных данных (коэффициент вариации ~95%).

При тримминге 5% и уровне значимости 5% последовательная процедура «L+1 против L» выявила пять разрывов на полной выборке (N = 74 наблюдения; I кв. 2006 г. – II кв. 2024 г.): II кв. 2011 г., III кв. 2016 г., II кв. 2020 г., I кв. 2021 г. и II кв. 2023 г. Совокупная статистика $\sup F(5|0) = 15,3$ находится на границе 10%-го критического уровня, то есть конфигурация из пяти разрывов статистически погранична (рис. 1).

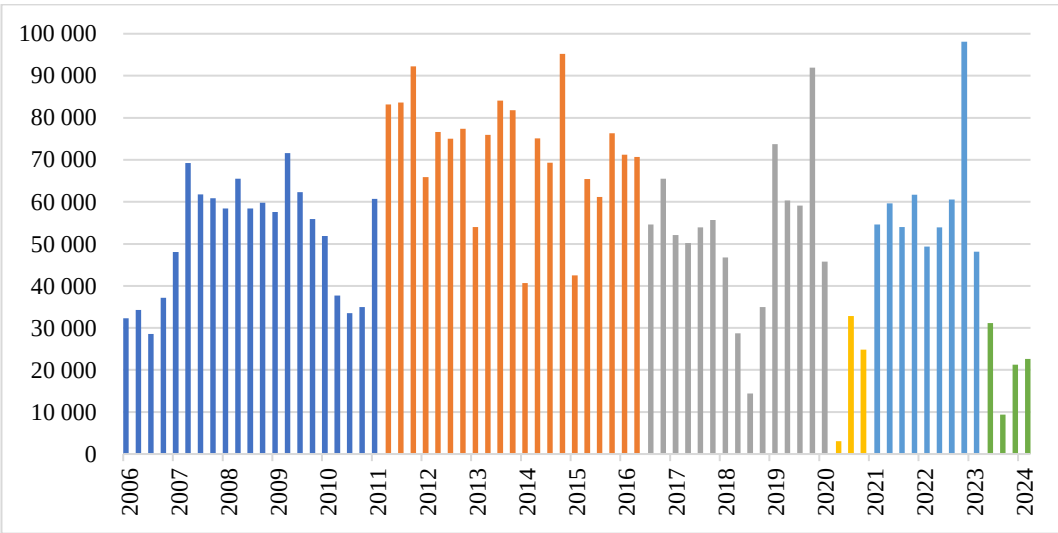

Рис. 1. Динамика миграционного прироста в России в 2006–2023 гг. и структурные разрывы по тесту Бай – Перрона

Fig. 1. Dynamics of net migration in Russia, 2006–2023, and structural breaks based on the Bai – Perron test

Источник: расчеты автора по данным Росстата²⁰

Примечание: данные за 2021–2022 гг. скорректированы; разрыв 2011 г. является методологическим артефактом, разрывы 2020–2021 гг. неустойчивы

¹⁸ НАС, ядро Бартлетта, фиксированная ширина окна Ньюи – Уэста = 4.

¹⁹ Тримминг – ограничение на минимальное расстояние между структурными разрывами и от концов ряда. Задается как доля от общей длины ряда и определяет, какие точки могут рассматриваться как кандидаты на разрыв, а какие нет.

²⁰ Доклад «Социально-экономическое положение России» // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 12.02.2026).

Для проверки устойчивости процедура повторена на укороченной выборке I кв. 2011 г. – II кв. 2024 г. ($N = 54$), исключающей период до смены методики учета. На ней сохраняются только два разрыва: III кв. 2016 г. и II кв. 2023 г., а совокупная статистика $\text{supF}(2|0) = 23,8$ значима на 1%-ном уровне. Таким образом, устойчивую основу периодизации составляют два перелома. Разрыв 2011 г. отражает смену методологии учета, а разрывы 2020–2021 гг. – краткосрочные шоки.

Сравнение двух спецификаций показывает, что модель, построенная на полной выборке, имеет лучшие значения информационных критериев (AIC, BIC, HQ) и более высокий коэффициент детерминации. Это свидетельствует в пользу рассмотрения ее результатов, несмотря на наличие артефактов.

Выявленные сдвиги можно содержательно интерпретировать. Разрыв II кв. 2011 г. связан с изменением методологии статистического учета. Вследствие него средний квартальный прирост резко увеличился с 51,3 тыс. человек до 72,3 тыс. Не менее половины этого роста было обусловлено именно сменой методики: если бы правила не изменились, миграционный прирост, вероятно, продолжал бы медленно сокращаться [19]. Заметим, что описанное изменение произошло на фоне подготовки новой Концепции миграционной политики РФ на 2012–2025 гг., которая декларировала необходимость привлечения трудовых ресурсов для компенсации сокращения трудоспособного населения. Разрыв выявлен только на полной выборке, поскольку в конфигурации со стартом с 2011 г. он выходит на границу периода наблюдения.

Разрыв 2016 г. III кв. фиксирует начало устойчивого снижения миграционного прироста, вызванное постепенным исчерпанием модели экстенсивного привлечения мигрантов. Средний квартальный показатель упал с 72,3 тыс. человек (II кв. 2011 г. – II кв. 2016 г.) до 53,7 тыс. (III кв. 2016 г. – I кв. 2020 г.), то есть на четверть. Это один из двух разрывов, устойчиво воспроизводимых в обеих спецификациях. Содержательно он совпадает с ужесточением миграционного законодательства: введением запретов на въезд для нарушителей, сокращением квот на разрешения на временное проживание. Снижение цен на энергоносители, девальвация рубля и падение реальных доходов населения также уменьшили привлекательность России для трудовых мигрантов. Сказался и «эффект запаздывания»: резкое увеличение числа прибывших в 2011–2013 гг. сменилось ростом числа выбывающих по истечении срока их регистрации.

Разрыв II кв. 2020 г. можно интерпретировать как следствие пандемийных ограничений. На фоне закрытия границ средний квартальный прирост в сегменте 2020 г. II кв. – IV кв. упал до 20,2 тыс. человек (минимум – 3,1 тыс. во II кв. 2020 г.). Однако данный сегмент состоит всего из трех наблюдений, и разрыв не воспроизводится на укороченной выборке.

Разрыв I кв. 2021 г. отражает восстановление миграционных потоков по мере преодоления последствий пандемии: средний квартальный прирост в I кв. 2021 г. – I кв. 2023 г. составил 57,0 тыс. человек, что практически совпадает с показателем допандемийного сегмента 2016–2020 гг. (53,7 тыс.). Разрывы 2020 и 2021 гг. в совокупности описывают V-образное отклонение, а не смену режима. Отметим, что в первичных данных 2021 г. выбытия, связанные с окончанием срока регистрации по Указу № 274, не фиксировались, что завышало прирост. После проведенной

нами корректировки данных эти артефакты устранены, а фиксировавшиеся ранее отрицательные значения I–II кв. 2022 г. сменились положительными (49,3 и 53,9 тыс. человек соответственно).

Стоит отметить, что средние уровни устойчивых сегментов совпадают в двух спецификациях с высокой точностью (см. Приложение): для сегмента 2011–2016 гг. различие составляет 0,7% и объясняется одним дополнительным наблюдением, а финальный сегмент 2023–2024 гг. идентичен в обеих конфигурациях (18 312 человек). Сегмент 2016–2023 гг. сокращенной выборки (51 093) совпадает со средневзвешенным значением трех сегментов полной выборки за тот же период. Это означает, что укороченная выборка не отвергает наличие пандемийных эпизодов внутри сегмента 2016–2023 гг. – она просто не считает их достаточными для выделения в самостоятельные режимы при данном числе наблюдений и уровне значимости.

Выявленные разрывы показывают, что квартальная статистика миграционного прироста чувствительна не только к реальным изменениям потоков и социально-экономическим условиям, но и к изменениям методологии учета, и административным решениям, и внешним шокам. Поэтому интерпретация структурных сдвигов требует разделять методологические артефакты, краткосрочные эффекты и устойчивые изменения самих миграционных потоков.

Оценка факторов миграционного прироста

Даты обнаруженных нами структурных сдвигов указывают на то, что миграционный ряд не является однородным по всей выборке: траектория прироста фрагментируется на режимы, связанные с изменением институциональной среды и внешними шоками. Это определило конструкцию эконометрической модели: наряду с экономическими переменными тестировались дамми-переменные²¹, соответствующие отдельным структурным сдвигам.

В модели проверялись следующие гипотезы. Предполагалось, что укрепление реального эффективного курса рубля, рост реальной заработной платы и цен на нефть положительно влияют на миграционный прирост, поскольку повышают привлекательность России как принимающей страны. Рост безработицы и увеличение числа новых санкций, напротив, должны снижать приток. Введение патентной системы рассматривалось как фактор, упрощающий оформление трудовых мигрантов из безвизовых стран и увеличивающий учтенный прирост за счет легализации ранее неформальных мигрантов. Сокращение квот на разрешения на временное проживание (РВП), ужесточение правил регистрации и цифровизация контроля – как ограничительные меры, снижающие приток. Для пандемии COVID-19 и начала СВО как внешних шоков международного уровня ожидался значимый отрицательный эффект (табл. 2).

²¹ Фиктивные переменные, где 0 обозначает отсутствие, а 1 – наличие.

Таблица 2

Описание переменных

Table 2

Variables description

Переменная	Имя	Описание	Источник данных
Y	Migr	Миграционный прирост, человек	Доклад «Социально-экономическое положение России» ²²
X ₁	Rubl	Индекс реального эффективного курса рубля к иностранным валютам, в % прироста к предыдущему периоду	Банк России ²³
X ₂	Urals	Средний уровень цены нефти сорта «Юралс», долл. США/барр.	Минэкономразвития ²⁴ , ФНС ²⁵
X ₃	Wage	Реальная начисленная заработная плата в % к предыдущему периоду	Доклад «Социально-экономическое положение России»
X ₄	Unemp	Уровень безработицы, %	Доклад «Социально-экономическое положение России»
X ₅	Sanc	Количество новых санкций против РФ, введенных за квартал	Поиск в открытых источниках
X ₆	Covid	Падения Covid-19, дамми-переменная	-
X ₇	SVO	Специальная военная операция, дамми-переменная	-
X ₈	Patent	Действие патентной системы, дамми-переменная	Закон № 357-ФЗ от 24.11.2014 г. ²⁶
X ₉	Quota	Сокращение квот на РВП, дамми-переменная	Закон № 115-ФЗ от 25.07.2002 г. ²⁷ Ст. 6, п. 2
X ₁₀	Reg	Регистрация по фактическому месту пребывания, дамми-переменная	Закон № 163-ФЗ от 27.06.2018 г. ²⁸
X ₁₁	Digit	Цифровизация контроля, дамми-переменная	Закон № 316-ФЗ от 10.07.2023 г. ²⁹

Источник: составлено автором

Обозначим, что большую половину всех иностранных граждан, находящихся в России, составляют трудовые мигранты и члены их семей. В данном исследовании мы не разделяем потоки по целям, но все же считаем оправданным включение

²² Доклад «Социально-экономическое положение России» // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 12.02.2026).

²³ Статистика внешнего сектора // Банк России : [сайт]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/er/ (дата обращения: 12.02.2026).

²⁴ Конъюнктура мировых товарных рынков // Министерство экономического развития Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d12/konyunktura_mirovyh_tovarnyh_rynkov/ (дата обращения: 12.02.2026).

²⁵ Письма ФНС России, обязательные для применения налоговыми органами // Федеральная налоговая служба : [сайт]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/about_nalog/ (дата обращения: 12.02.2026).

²⁶ Федеральный закон от 24.11.2014 г. № 357-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39076> (дата обращения: 12.02.2026).

²⁷ Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18669> (дата обращения: 12.02.2026).

²⁸ Федеральный закон от 27.06.2018 г. № 163-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43244> (дата обращения: 12.02.2026).

²⁹ Федеральный закон от 10.07.2023 г. № 316-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49511> (дата обращения: 12.02.2026).

в модель факторов, которые гипотетически влияют в первую очередь на иностранных работников.

Базовая спецификация оценивалась на выборке II кв. 2006 г. – I кв. 2024 г. ($n = 72$) методом наименьших квадратов с HAC-ошибками³⁰ для борьбы с гетероскедастичностью и автокорреляциями, характерным для квартальных данных. При подгонке модели факторные переменные последовательно исключались, если оказывались статистически незначимы ($p > 0,10$), не улучшали информационные критерии³¹ и одновременно не являлись теоретически необходимыми для контроля. В итоге базовая спецификация приобрела следующий вид:

$$Migr_t = \beta_0 + \beta_1 Rubl_t + \beta_2 Wage_t + \beta_3 \ln Urals_t + \beta_4 Covid_t + \beta_5 SVO_t + \beta_6 Ratent_t + \beta_7 Quota_t + \beta_8 Migr_{t-1} + \varepsilon_t \quad (1)$$

Для проверки состоятельности оценок использовалась альтернативная модель с инструментированием лага зависимой переменной его вторым лагом – $Migr_{t-2}$ (2МНК, $n = 71$). Обе модели включают одинаковый набор регрессоров и различаются только методом оценивания.

Базовая модель в целом значима ($F(8; 63) = 13,0$; $p < 0,001$) и объясняет около 44% дисперсии зависимой переменной после поправки на число регрессоров ($Adj R^2 = 0,443$), что для квартального ряда является приемлемым результатом. Включение лага зависимой переменной позволило снизить автокорреляцию остатков по сравнению со статическими спецификациями (параметр ρ сократился с 0,43–0,54 до 0,06). Вместе с тем h -статистика Дарбина (2,48) указывает на сохранение автокорреляции первого порядка, что учитывается при интерпретации уровня значимости коэффициентов благодаря применению HAC-ошибок (табл. 3).

Сопоставление оценок моделей МНК (методом наименьших квадратов) и 2МНК (двухшаговым методом наименьших квадратов) показывает совпадение знаков и уровней значимости всех ключевых переменных. Величины коэффициентов также близки (Wage: 436 против 419; Patent: 12 394 против 13 207; Quota: –9 055 против –10 611; SVO: –13 077 против –14 963). Единственное заметное расхождение касается коэффициента инерции, однако тест Хаусмана значимого различия не выявляет. Совокупность результатов позволяет использовать модель МНК как основную, а 2МНК – как проверку робастности выводов.

Коэффициент при лаге зависимой переменной значим в обеих моделях (0,493; $p < 0,001$ в МНК и 0,333; $p = 0,040$ в 2МНК). Миграционный прирост демонстрирует высокую инерцию: от трети до половины отклонения от равновесного уровня сохраняется в следующем квартале. Содержательно этот результат отражает два механизма. Во-первых, действие эффекта социальных сетей: ранее прибывшие мигранты формируют связи, снижающие издержки переезда для последующих потоков. Во-вторых, наличие эффекта запаздывания: мигранты, въехавшие в предыдущих кварталах, выбывают по истечении сроков регистрации, непосредственно влияя на текущее значение прироста. Значение мультипликатора $1/(1-\beta_4)$,

³⁰ Newey – West, полоса пропускания 3, ядро Бартлетта.

³¹ AIC, BIC, Adj R².

равное примерно 2,0 в МНК-спецификации, означает, что краткосрочные эффекты всех факторов в долгосрочном периоде примерно удваиваются.

Таблица 3

Результаты оценивания моделей миграционного прироста

Table 3

Results of the migration growth models estimation

Параметры	МНК		2МНК	
Факторные переменные				
X	β	p-значение	β	p-значение
const	-75 196,1	0,0814 *	-68 523,9	0,1362
Migr ₋₁	0,493	<0,0001 ***	0,333	0,0395 **
Rubl	363,8	0,0234 **	314,6	0,0513 *
Wage	435,7	0,0073 ***	419,4	0,0065 ***
ln(Urals)	13 986,3	0,1508	15 140,6	0,1510
Covid	-8 082,7	0,3155	-9 626,0	0,2544
SVO	-13 076,6	0,0878 *	-14 962,6	0,0970 *
Patent	12 393,6	0,0451 **	13 207,1	0,0445 **
Quota	-9 055,0	0,0964 *	-10 611,2	0,0922 *
Некоторые критерии				
n	72		71	
Adj R ²	0,443		0,425	
F (p)	13,0 (<0,001)		9,27 (<0,001)	

Примечание: *** $p < 0,01$ (фактор статистически значим на 1%-м уровне); ** $p < 0,05$ (на 5%-м уровне); * $p < 0,10$ (на 1%-м уровне)

Источник: расчеты автора

Наиболее устойчивым фактором выступает реальная начисленная заработная плата: коэффициент значим на 1%-м уровне в обеих спецификациях: +435,7 и +419,4 соответственно. То есть рост реальной заработной платы на 1 п. п. увеличивает квартальный миграционный прирост примерно на 420–436 человек, а с учетом долгосрочного мультипликатора – до 630–870 человек.

Реальный эффективный курс рубля значим на 5%-м уровне в МНК (+363,8) и на 10%-м уровне в 2МНК (+314,6). Содержательно это объясняется тем, что укрепление рубля повышает реальную покупательную способность доходов мигрантов, номинированных в рублях, относительно потребления в странах исхода, что усиливает приток.

Цена нефти марки «Юралс»³² не оказывает самостоятельного значимого влияния ($p = 0,151$ в обеих моделях). Данный результат свидетельствует о том, что влияние данного показателя опосредовано бюджетными доходами, курсом рубля, заработной платой, поэтому после включения переменных Wage и Migr₋₁ сырьевая конъюнктура теряет собственный вклад. Иными словами, на миграционные потоки влияет не цена нефти как таковая, а ее трансляция во внутренние доходы.

Введение патентов для трудовых мигрантов значимо на 5%-м уровне (+12 393,6 в МНК; +13 207,1 в 2МНК), то есть реформа увеличила миграционный прирост

³² В моделях значения этой переменной были логарифмированы из-за большого разброса.

примерно на 12–13 тыс. человек в квартале. Однако этот эффект не стоит трактовать как «патенты привлекли мигрантов». Скорее роль сыграл механизм административного учета: патентная система легализовала пребывание десятков тысяч трудовых мигрантов, и они впервые попали в официальную статистику.

Сокращение квот на РВП значимо на 10%-м уровне ($-9\,055,0$ и $-10\,611,2$ соответственно) и подтверждает действенность административных ограничений: жесткость квотирования снижает приток на 9–11 тыс. человек за квартал. Оба эффекта устойчивы к выбору метода оценивания.

Начало СВО значимо на 10%-м уровне и является наиболее сильным по модулю отрицательным фактором модели: $-13\,076,6$ в МНК и $-14\,962,6$ в 2МНК, то есть снижение квартального прироста на 13–15 тыс. человек. Устойчивость эффекта в обеих спецификациях подтверждает его надежность.

Пандемия COVID-19, напротив, оказалась статистически незначима ($p = 0,316$ в МНК; $p = 0,254$ в 2МНК), но это артефакт динамики, который объясняется разнонаправленностью пандемийных эффектов: закрытие границ сокращало приток, тогда как приостановка сроков регистрации (Указ № 274) искусственно завышала прирост за счет неучтенных выбытий – итоговое воздействие взаимно погашается.

Исключение из модели факторов безработицы, санкций, изменения правил регистрации – самостоятельный результат. То, что они не прошли отбор, само по себе содержательно. Это означает, что состояние российского рынка труда слабо влияет на приток (миграция определяется доходами, а не вакансиями), а количество санкций не несет информации сверх дамми СВО, то есть мигранты реагируют на сам факт конфликта и ограничений, а не на интенсивность санкционного давления.

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают исходную гипотезу о двусторонней связи между миграционной политикой и потоками, но с существенным уточнением: в России политика чаще реагирует на уже произошедшие сдвиги, чем формирует их. Это развивает наблюдение М. Б. Денисенко и О. С. Чудиновских о разрыве между декларативными целями и практическими механизмами [3], но переводит его из содержательной плоскости во временную: политика догоняет реальность, а не управляет ею. Частота поправок, которую С. М. Попова, А. А. Яник и С. Ф. Карпова считают признаком «адаптивного характера» политики [4], в этой оптике выглядит скорее как симптом реактивного режима – система не предотвращает разрывы, а пытается осмыслить их постфактум. Вместе с тем институциональное ядро остается устойчивым, что соответствует выводу М. А. Парфеновой о стабильности опорных категорий при смене дискурсивного фокуса [5]. Однако целеполагание меняется радикально – от «ресурса компенсации естественной убыли» до «лишь дополнительного инструмента в экономической сфере». Смена парадигмы происходит при сохранении институциональной преемственности. С теоретической точки зрения К. Телен описывает такую ситуацию как «дрифтовое изменение», когда формальные правила остаются прежними, но их реальные эффекты трансформируются под воздействием внешних условий [20].

Сравнительный анализ трех концепций (табл. 1) показывает, что селективный подход впервые оформлен как набор конкретных механизмов: целевой оргнабор, ценностный фильтр, ограничение пребывания неработающих членов семей, цифровой профиль и биометрическая идентификация. Д. Е. и К. Х. Рахимовы охарактеризовали новый этап как переход к «секьюритизированной модели контролируемого пребывания» [11]. Однако отметим, что у селекции есть и позитивная сторона: Концепция не только ограничивает «нежелательных», но и приглашает «своих» – иностранцев, разделяющих российские духовно-нравственные ценности или обладающих требуемыми трудовыми навыками. Следовательно, вывод А. К. Эгембердиева о приоритете безопасности над экономическими интересами [9] нуждается в дополнении: биометрия и цифровой профиль – не самоцель, а инструмент селекции, обеспечивающий дифференцированный режим пребывания.

Содержательная интерпретация выявленных структурных разрывов позволяет уточнить природу реактивности миграционной политики. Оба устойчивых перелома отражают не смену доктринальных установок, а давление внешних условий, которые Концепции фиксируют постфактум. Первый из них связан с исчерпанием модели экстенсивного привлечения мигрантов, сложившейся в 2011–2014 гг. Девальвация рубля, ужесточение законодательства и эффект запаздывания выбытий привели к снижению миграционного притока задолго до того, как это было осмыслено в Концепции 2019 г. Второй перелом имеет иную природу – он отражает шоковый период, вызванный воздействием геополитической турбулентности и санкционного давления. Примечательно, что он произошел на фоне рекордного дефицита рабочей силы: экономика остро нуждалась в мигрантах, но не могла их привлечь. Это означает, что снижение притока было следствием не целенаправленной политики ограничения, а снижения привлекательности России как принимающей страны.

Регрессионный анализ уточняет, какие же механизмы определяли динамику прироста в рассматриваемый период. Наиболее устойчивым фактором выступает реальная заработная плата, что соответствует неоклассической логике: миграция определяется соотношением доходов, а не наличием вакансий. Реальный эффективный курс рубля также значим, что указывает на важность валютного фактора. Реальные меры управления миграцией и практика правоприменения также играют значимую роль. Так, введение патентов способствовало выводу из «тени» большого количества мигрантов. Сокращение квот на РВП, напротив, стало действенным административным ограничением. А начало СВО, оказалось наиболее сильным по модулю отрицательным фактором, что подтверждает значимость внешних шоков как самостоятельных драйверов.

Растущее противоречие между интеграционными обязательствами РФ в рамках ЕАЭС и ее национальной политикой секьюритизации создает напряжение, которое будет определять миграционную повестку до 2030 г. С одной стороны, Россия участвует в формировании единого рынка труда ЕАЭС. С другой – новая Концепция вводит ценностный фильтр, целевой набор и ограничения для семей мигрантов, что фактически переопределяет характер миграции в рамках союза – от свободного перемещения к контролируемому доступу. М. С. Иванов обосновывает

необходимость единого миграционного пространства и цифровых решений [6], но селективный отбор вступает с этим в конфликт. Л. Ф. Деловарова и Н. Султанмуратов показывают, что государства Центральной Азии заинтересованы в сохранении доступа к российскому рынку труда [7], тогда как Россия склоняется к ограничению и отбору. Совместимость этих целей – открытый вопрос. Если курс на селективность сохранится, следствием может стать переориентация трудовых потоков на другие рынки (Турция, Китай, страны Персидского залива) и снижение объемов переводов в Центральную Азию.

Исследование имеет ряд ограничений. Как отмечено в разделе «Материалы и методы», работа останавливается на прослеживании смены миграционных режимов на макроуровне. Агрегированные данные не позволяют судить о мотивах мигрантов, фактических сроках их пребывания, составе семей и реальных практиках трудоустройства и адаптации. Без выборочных обследований и микроданных невозможно различить типы миграции и оценить, как заявленные в концепциях принципы селекции и качественного отбора реализуются на уровне отдельных граждан. Официальные выборочные наблюдения труда мигрантов проводились Росстатом в 2014 и 2019 гг., а в 2024 г. были исключены из федерального плана статистических работ³³. Эти наблюдения предшествуют периоду шоков и не дают возможности получить сопоставимые данные о современных характеристиках миграционных потоков.

Еще одно серьезное ограничение связано с высокой чувствительностью данных Росстата к методологическим изменениям. Переход на ежедневный электронный сбор в 2024 г. привел к аномальному значению в IV кв., из-за чего 2024–2025 гг. исключены из анализа разрывов – выводы относятся к периоду до 2023 г. включительно. Регрессионная модель даже на полном ряде из 72 наблюдений имеет ограниченную мощность, а отдельные сегменты содержат слишком мало наблюдений, что делает оценки МНК на сегментах крайне ненадежными.

Дальнейшие исследования могли бы использовать микроданные для различения трудовых мигрантов и эмигрантов, проанализировать региональную дифференциацию потоков, оценить эффективность целевого набора после 2025 г.³⁴, в том числе по количеству участников, доле замещенных вакансий, соблюдению условий труда, длительности прибытия мигрантов и др.

Заключение

Главный эмпирический результат работы состоит в том, что периодизация миграционной политики России не совпадает с периодизацией самих миграционных процессов. Это свидетельствует о том, что динамика последних определяется иными факторами, а Концепции государственной миграционной политики

³³ Численность российских трудовых мигрантов, привлекавшихся домохозяйствами для выполнения работ (человек, Россия) (2014–2019) // НЦСЭД : [сайт]. URL: https://repository.nsedc.ru/dataset/emiss_51580 (дата обращения: 12.02.2026).

³⁴ Под целевым набором здесь понимается предусмотренный Концепцией 2026–2030 гг. механизм организованного привлечения иностранных работников под конкретные вакансии и заявки работодателей, включая квотирование, цифровые платформы и контроль условий пребывания.

выступают в первую очередь как рамочные документы, устанавливающие общие, базовые принципы, а в чем-то и осмысляющие изменения реальности постфактум.

Проверка устойчивости структурных разрывов на полной и сокращенной выборках показала, что из пяти разрывов, выявленных на полной выборке, устойчивыми являются только два: в III кв. 2016 г. и II кв. 2023 г. Разрыв II кв. 2011 г. отражает смену методологии учета, разрывы 2020 и 2021 гг. – краткосрочные шоки, не образующие самостоятельных режимов.

Содержательная интерпретация устойчивых разрывов показывает, что они имеют разную природу. Перелом 2016 г. связан с исчерпанием модели экстенсивного привлечения, а 2023 г. – с ослаблением стимулов к миграции под воздействием геополитической неопределенности, санкционного давления, а также выездом зарубеж части граждан РФ. При этом оба устойчивых перелома наступили раньше, чем соответствующие изменения в миграционной политике.

Регрессионный анализ позволил уточнить, какие факторы определяли динамику миграционного прироста. Наиболее устойчивым фактором выступает реальная заработная плата, за ней следуют реальный эффективный курс рубля, введение патентов и сокращение квот на РВП. Начало СВО оказало наиболее сильное отрицательное влияние.

Предложенный подход можно использовать как диагностический инструмент при мониторинге реализации Концепции 2026–2030 гг. Если разрыв в динамике миграционного прироста не следует за изменением нормативно-правовой базы – это действие внешних факторов, а не смена политики. Если нормативная база меняется без разрыва в потоках – меры носят декларативный характер. Такой критерий позволяет разграничивать содержательные и формальные изменения.

В целом за выявленными структурными разрывами стоит фундаментальная трансформация миграционной системы России от «количественного набора» к «качественному отбору» и от реактивной адаптации к попыткам проактивного управления. Насколько успешной окажется ее трансформация, во многом зависит от того, сможет ли нормативная база перестать догонять реальность и начать ее формировать.

Список литературы

1. Zlotnik, H. The Global Dimensions of Female Migration // Migration Information Source. 2003. URL: <https://www.migrationpolicy.org/journal/feature/global-dimensions-female-migration>
2. de Haas, H. The Determinants of International Migration: Conceptualising Policy, Origin and Destination Effects // IMI Working Papers. 2011. № 32. 35 p.
3. Денисенко, М. Б. Причины нереализации положений Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации / М. Б. Денисенко, О. С. Чудиновских // Демоскоп Weekly. 2017. № 753–754. С. 31–41. EDN [ZXLTQZ](#).
4. Попова, С. М. Анализ изменчивости правовых основ миграционной политики в России (1990–2023) в контексте эффективности управления миграцией / С. М. Попова, А. А. Яник, С. Ф. Карпова // Право и политика. 2024. № 6. С. 66–89. DOI [10.7256/2454-0706.2024.6.71064](#). EDN [HRHOPC](#).
5. Парфенова, М. А. Терминосистема государственной миграционной политики Российской Федерации: диахронический анализ юридических терминов и дискурсивного фокуса (2012–2025) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2026. Т. 19, № 5. С. 2024–2033. DOI [10.30853/phil20260257](#). EDN [IDIFZJ](#).

6. Иванов, М. С. Эволюция миграционной политики стран Евразийского экономического союза // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 157–173. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.10](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.10). EDN [YTHDXP](https://www.edn.ru/10.19181/demis.2025.5.2.10).

7. Delovarova, L. F. Migration in Central Asian Countries in the Context of EEU Integration and New International Realities / L. F. Delovarova, N. Sultanmuratov // DEMIS. Demographic Research. 2023. Vol. 3, No. 3. P. 71–86. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.5](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.5). EDN [OEFKFC](https://www.edn.ru/10.19181/demis.2023.3.3.5).

8. Бытко, С. Ю. Концепция миграционной политики 2026–2030: характеристика и сравнительный анализ с концепцией 2019–2025 / С. Ю. Бытко, Ю. Е. Пугачев // Научный журнал. 2025. № 4(75). С. 10–14. EDN [ZPUSTG](https://www.edn.ru/10.19181/demis.2025.4.75.10).

9. Эгембердиев, А. К. Новая Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы – существенные изменения миграционной политики // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. Т. 14, № 10(75). С. 2191–2199. DOI [10.35775/PSI.2025.75.10.003](https://doi.org/10.35775/PSI.2025.75.10.003). EDN [FCKRHX](https://www.edn.ru/10.35775/PSI.2025.75.10.003).

10. Бурда, М. А. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: миграция и национальная безопасность // Власть. 2026. Т. 34, № 3. С. 181–191. DOI [10.24412/2071-5358-2026-3-181-191](https://doi.org/10.24412/2071-5358-2026-3-181-191). EDN [PKBXUU](https://www.edn.ru/10.24412/2071-5358-2026-3-181-191).

11. Рахимов, Д. Е. Трансформация концептуальных основ миграционной политики Российской Федерации в условиях современных геополитических вызовов / Д. Е. Рахимов, К. Х. Рахимов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2026. Т. 16, № 4. С. 118–125. DOI [10.26794/2226-7867-2026-16-4-118-125](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2026-16-4-118-125). EDN [FRGHNM](https://www.edn.ru/10.26794/2226-7867-2026-16-4-118-125).

12. Масланов, К. Д. Миграционные потоки из стран Центральной Азии: новые вызовы и возможности / К. Д. Масланов, Д. А. Тарасова // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 1(58). С. 152–160. DOI [10.20542/2073-4786-2023-1-152-160](https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-1-152-160). EDN [IBCQDK](https://www.edn.ru/10.20542/2073-4786-2023-1-152-160).

13. Карцева, М. А. Новые эмигранты и российский рынок труда: эмпирический анализ / М. А. Карцева, Ю. Ф. Флоринская // Проблемы прогнозирования. 2025. № 4(211). С. 121–132. DOI [10.47711/0868-6351-211-121-132](https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-121-132). EDN [BVKIAQ](https://www.edn.ru/10.47711/0868-6351-211-121-132).

14. Юдина, Т. Н. Факторная архитектура миграционных потоков в странах постсоветского пространства: от интеграции к турбулентности (2000–2025) // PolitBook. 2026. № 2. С. 22–44. DOI [10.24412/2227-1538-2026-2-22-44](https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-22-44). EDN [XHEHMS](https://www.edn.ru/10.24412/2227-1538-2026-2-22-44).

15. Рыбаковский, О. Л. Экономические факторы в демографии регионов России (2017–2023 гг.) // Народонаселение. 2025. Т. 28, № 1. С. 4–16. DOI [10.24412/1561-7785-2025-1-4-16](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-1-4-16). EDN [RASPFZ](https://www.edn.ru/10.24412/1561-7785-2025-1-4-16).

16. Сугоняев, К. В. Какие факторы оказывают более существенное влияние на межрегиональные миграционные потоки в России? // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2, № 2. С. 57–75. DOI [10.19181/demis.2022.2.2.5](https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.5). EDN [GMBQSS](https://www.edn.ru/10.19181/demis.2022.2.2.5).

17. Zeileis, A. Testing and Dating of Structural Changes in Practice / A. Zeileis, C. Kleiber, W. Krämer, K. Hornik // Computational Statistics & Data Analysis. 2002. Vol. 44. № 1–2. Pp. 109–123. DOI [10.1016/S0167-9473\(03\)00030-6](https://doi.org/10.1016/S0167-9473(03)00030-6).

18. Мкртчян, Н. В. Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 1. С. 83–99. EDN [ZLDEXI](https://www.edn.ru/10.19181/demis.2020.7.1.83-99).

19. Щербакова, Е. Миграционный прирост населения России за 2011 год по новым правилам учета составил 320 тысяч человек, а по прежним – 107 // Демоскоп Weekly. 2012. № 501–502. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2012/0501/barom01.php#1>

20. Thelen, K. How Institutions Evolve: The Political Economy of Skills in Germany, Britain, the United States, and Japan. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 335 p. ISBN 978-0-521-54674-4. DOI [10.1017/CBO9780511790997](https://doi.org/10.1017/CBO9780511790997).

Сведения об авторе

Моисеева Евгения Михайловна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-7571-2369](https://orcid.org/0000-0001-7571-2369); РИНЦ SPIN-код: [6995-4829](https://www.rincc.ru/0995-4829); Web of Science Researcher ID: [X-6836-2019](https://orcid.org/X-6836-2019); Scopus Author ID: [57214717819](https://orcid.org/57214717819).

Статья поступила в редакцию 13.03.2026; принята в печать 18.05.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

TRANSFORMATION OF RUSSIA'S MIGRATION POLICY IN THE CONTEXT OF INTEGRATION PROCESSES AND GEOPOLITICAL TURBULENCE (2012–2025)

Evgeniya M. Moiseeva

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

For citation: Moiseeva, E. M. Transformation of Russia's Migration Policy in the Context of Integration Processes and Geopolitical Turbulence (2012–2025). *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 3. Pp. 255–279. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.15](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.15). (In Russ.)

Abstract. The article examines the transformation of Russia's state migration policy in 2012–2025 and its relationship with the dynamics of migration flows. Three successive concepts (2012, 2018, 2025) declare a transition from quantitative targets to a qualitatively balanced model; however, verification of the declared shift against empirical data yields ambiguous results. The study hypothesises that the dynamics of net migration contain structural breaks driven by institutional changes and external shocks, while the relationship between migration policy and migration flows is bidirectional: policy not only shapes flows but also adapts to shifts that have already occurred. The study draws on legal and regulatory documents and official quarterly statistics for 2006–2025. The conclusions pertain to the period through 2023 inclusive, since the transition to electronic data collection in 2024 created a methodological break that requires separate adjustment of indicators for further research. The Bai–Perron procedure was applied to identify structural breaks in two specifications, along with a regression analysis of the factors of migration growth. A comparison of results on the full sample (2006–2024) and the reduced sample (2011–2024) showed that two breaks are stable: 2016Q3 and 2023Q2. The 2011Q2 break reflects a change in accounting methodology, and the 2020–2021 breaks are short-term shocks. Thus, the periodisation of migration policy does not coincide with the periodisation of migration processes, which points to the reactive character of the Concepts as framework documents. The regression analysis showed that real wages and the real effective exchange rate of the ruble have a significant positive effect on net migration; the introduction of patents increased recorded migration growth, while the reduction of quotas for temporary residence permits decreased it; the start of the Special Military Operation had the strongest negative effect. The results can be used to monitor the implementation of the 2026–2030 Concept and to forecast migration processes in the post-Soviet space.

Keywords: migration policy, migration processes, structural breaks, transformation, securitisation, EAEU, post-Soviet space, geopolitical turbulence, labour migration, emigration, selective approach, migration policy concept, statistical analysis

References

1. Zlotnik, H. The Global Dimensions of Female Migration. *Migration Information Source*. 2003. URL: <https://www.migrationpolicy.org/journal/feature/global-dimensions-female-migration>
2. de Haas, H. The Determinants of International Migration: Conceptualising Policy, Origin and Destination Effects. *IMI Working Papers*. 2011. No. 32. 35 p.
3. Denisenko, M. B., Chudinovskikh, O. S. Prichiny nerealizatsii polozheniy Kontseptsii gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii [Reasons for the Non-Implementation of the Provisions of the Concept of State Migration Policy of the Russian Federation]. *Demoscope Weekly*. 2017. No. 753–754. Pp. 31–41. (In Russ.).
4. Popova, S. M., Yanik, A. A., Karpova, S. F. Analysis of the Mutability of the Legal Framework for Migration Policy in Russia (1990–2023) in the Context of the Effectiveness of Migration Governance. *Law and Politics*. 2024. No. 6. Pp. 66–89. DOI [10.7256/2454-0706.2024.6.71064](https://doi.org/10.7256/2454-0706.2024.6.71064). (In Russ.).
5. Parfenova, M. A. The Terminology System of the State Migration Policy of the Russian Federation: A Diachronic Analysis of Legal Terms and Discursive Focus (2012–2025). *Philology. Theory & Practice*. 2026. Vol. 19, No. 5. Pp. 2024–2033. DOI [10.30853/phil20260257](https://doi.org/10.30853/phil20260257). (In Russ.).
6. Ivanov, M. S. Evolution of Migration Policy in the Countries of the Eurasian Economic Union. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 2. Pp. 157–173. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.10](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.10). (In Russ.).

7. Delovarova, L. F., Sultanmuratov, N. Migration in Central Asian Countries in the Context of EEU Integration and New International Realities. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 71–86. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.5](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.5).

8. Bytko, S. Yu., Pugachev, Yu. E. Kontseptsiya migratsionnoy politiki 2026–2030: kharakteristika I sravnitel'nyy analiz s kontseptsiyey 2019–2025 [The Concept of Migration Policy 2026–2030: Characteristics and Comparative Analysis with the Concept 2019–2025]. *Scientific Magazine*. 2025. No. 4 (75). Pp. 10–14. (In Russ.).

9. Egembardiev, A. K. New Concept of State Migration Policy of the Russian Federation For 2026–2030 – Significant Changes in Migration Policy. *Eurasian Union: Issues of International Relations*. 2025. Vol. 14, No. 10 (75). Pp. 2191–2199. DOI [10.35775/PSI.2025.75.10.003](https://doi.org/10.35775/PSI.2025.75.10.003). (In Russ.).

10. Burda, M. A. The Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation For 2026–2030: Migration and National Security. *Vlast'*. 2026. Vol. 34, No. 3. Pp. 181–191. DOI [10.24412/2071-5358-2026-3-181-191](https://doi.org/10.24412/2071-5358-2026-3-181-191). (In Russ.).

11. Rakhimov, D. E., Rakhimov, K. Kh. Transforming the Conceptual Framework of Russian Migration Policy amid Contemporary Geopolitical Challenges. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026. Vol. 16, No. 4. Pp. 118–125. DOI [10.26794/2226-7867-2026-16-4-118-125](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2026-16-4-118-125). (In Russ.).

12. Maslanov, K. D., Tarasova, D. A. Migratsionnyye potoki iz stran Tsentral'noy Azii: novyye vyzovy i vozmozhnosti [Migration Flows from Central Asian Countries: New Challenges and Opportunities]. *Russia and New States of Eurasia*. 2023. No. 1 (58). Pp. 152–160. DOI [10.20542/2073-4786-2023-1-152-160](https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-1-152-160). (In Russ.).

13. Kartseva, M. A., Florinskaya, Yu. F. New Emigrants and the Russian Labor Market: An Empirical Analysis. *Studies on Russian Economic Development*. 2025. No. 4 (211). Pp. 121–132. DOI [10.47711/0868-6351-211-121-132](https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-121-132). (In Russ.).

14. Yudina, T. N. The Factor Architecture of Migration Flows in the Post-Soviet Countries: from Integration to Turbulence (2000–2025). *PolitBook*. 2026. No. 2. Pp. 22–44. DOI [10.24412/2227-1538-2026-2-22-44](https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-22-44). (In Russ.).

15. Rybakovsky, O. L. Economic Factors in the Demography of Russian Regions (2017–2023). *Population*. 2025. Vol. 28, No. 1. Pp. 4–16. DOI [10.24412/1561-7785-2025-1-4-16](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-1-4-16). (In Russ.).

16. Sugonyaev, K. V. Which Matters More for Migration: Evidence from Russian Regions' Data. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2, No. 2. Pp. 57–75. DOI [10.19181/demis.2022.2.2.5](https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.5). (In Russ.).

17. Zeileis, A., Kleiber, C., Krämer, W., Hornik, K. Testing and Dating of Structural Changes in Practice. *Computational Statistics & Data Analysis*. 2002. Vol. 44, No. 1–2. Pp. 109–123. DOI [10.1016/S0167-9473\(03\)00030-6](https://doi.org/10.1016/S0167-9473(03)00030-6).

18. Mkrtchyan, N. V. Problems in the Statistics of Internal Russian Migration Caused by Changes in Accounting Methods in 2011. *Demographic Review*. 2020. Vol. 7, No. 1. Pp. 83–99. (In Russ.).

19. Shcherbakova, E. Migratsionnyy prirost naseleniya Rossii za 2011 god po novym pravilam ucheta sostavil 320 tysyach chelovek, a po prezhnim – 107 [Migration Growth of the Russian Population in 2011 Under the New Accounting Rules Amounted to 320 Thousand People, and Under the Previous Ones – 107]. *Demoscope Weekly*. 2012. No. 501–502. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2012/0501/barom01.php#1> (In Russ.).

20. Thelen, K. *How Institutions Evolve: The Political Economy of Skills in Germany, Britain, the United States, and Japan*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 335 p. ISBN 978-0-521-54674-4. DOI [10.1017/CBO9780511790997](https://doi.org/10.1017/CBO9780511790997).

Bio note

Evgeniya M. Moiseeva, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-7571-2369](https://orcid.org/0000-0001-7571-2369); RSCI SPIN-code: [6995-4829](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=6995-4829); Web of Science Researcher ID: [X-6836-2019](https://orcid.org/X-6836-2019); Scopus Author ID: [57214717819](https://orcid.org/57214717819).

Received on 13.03.2026; accepted for publication 18.05.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Параметры и результаты двух спецификаций процедуры Бай – Перрона

Table 1

Parameters and results of the two Bai – Perron specifications

Параметр	Полная выборка	Сокращенная выборка
Выборка	2006 г. I кв. – 2024 г. II кв.	2011 г. I кв. – 2024 г. II кв.
Число наблюдений	74	54
Метод отбора разрывов	Highest significant	Highest significant
Тримминг	0,05	0,05
Максимум разрывов	5	5
Уровень значимости	0,10	0,10
НАС-ошибки	Ньюи – Уэста, bw = 4	Ньюи – Уэста, bw = 4
Число разрывов	5	2
Даты разрывов	2011 II, 2016 III, 2020 II, 2021 I, 2023 II	2016 III, 2023 II
Число сегментов	6	3
R ²	0,548	0,493
Скорректированный R ²	0,514	0,473
SSR	1,40·10 ¹⁰	1,36·10 ¹⁰
S.E. модели	14 367	16 321
Статистика DW	1,529	1,635
F-статистика	16,46 (p < 0,0001)	24,80 (p < 0,0001)
AIC	22,061	22,292
SC (BIC)	22,248	22,403

Примечание. Значения AIC и SC несопоставимы напрямую между спецификациями, поскольку модели оценены на разных выборках; сравнение информационных критериев корректно только внутри одной выборки. В обеих спецификациях BIC модели со сдвигами ниже, чем у модели без сдвигов (22,25 против 22,76 при N = 74; 22,40 против 22,95 при N = 54), что подтверждает наличие структурных изменений.

Таблица 2

Сопоставление средних уровней по сегментам двух спецификаций

Table 2

Comparison of segment means across the two specifications

Сегмент	Полная выборка (N = 74)	Сокращенная выборка (N = 54)
2006 г. I кв. – 2011 г. I кв.	51 263 (n = 21)	–
2011 г. II кв. – 2016 г. II кв.	72 300 (n = 21)	71 772 (n = 22)
2016 г. III кв. – 2020 г. I кв.	53 721 (n = 15)	–
2016 г. III кв. – 2023 г. I кв.	–	51 093 (n = 27)
2020 г. II кв. – 2020 г. IV кв.	20 244 (n = 3)	–
2021 г. I кв. – 2023 г. I кв.	56 996 (n = 9)	–
2023 г. II кв. – 2024 г. II кв.	18 312 (n = 5)	18 312 (n = 5)

Примечание. В сокращенной выборке сегмент включает 2011 г. I кв., тогда как в полной начинается с 2011 г. II кв.; различие средних (71 772 против 72 300) объясняется включением одного дополнительного наблюдения (60 697), лежащего ниже среднего по сегменту.

ДЕМИС. Демографические исследования. DEMIS. Demographic Research.

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ЭЛ № ФС 77 - 83138 от 26.04.2022 г.

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Главный редактор: Сергей Васильевич Рязанцев

Заместитель главного редактора: Евгения Михайловна Моисеева

Редактор-корректор: Елена Адольфовна Лукашенко

Журнал «ДЕМИС. Демографические исследования» включен в базу РИНЦ,
Перечень ВАК, категория К2,
Белый список (ЕГПНИ), уровень 2

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции.

Авторы несут ответственность за достоверность предоставленного материала.

При перепечатке материалов ссылка на журнал
«ДЕМИС. Демографические исследования» обязательна.

2026. Том 6, № 3. Дата выхода в свет: 30.09.2026.

Адрес редакции: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

Тел.: +7 495 822 28 82. E-mail: demis-journal@mail.ru

Размещение журнала: <https://www.demis-journal.ru>

ДЕМИС. Демографические исследования
2026. ТОМ 6. № 3

Сайт журнала:
www.demis-journal.ru